

Вольфрам ФИШЕР

ЕВРОПА:

**ЭКОНОМИКА,
ОБЩЕСТВО
И ГОСУДАРСТВО
1914-1980**

МОСКВА

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
КНИЖНОГО ДЕЛА
РСФСР
ВЛАДОС

1999

ББК 63.3(0)

Ф68

Перевод книги осуществлен при финансовой поддержке ЕС в рамках программы TEMPUS (TACIS) JEP-T-83594 — «ИСТОРИЯ» (Universität Bielefeld, University of Exeter, Frederiksberg Seminarium, Ярославский государственный педагогический университет)

Фишер В.

Ф68 Европа: экономика, общество и государство. 1914—1980 / Пер. с нем. Л.А.Овчинцевой; Под науч. ред. Ю.А.Петрова. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. — 368 с.

ISBN 5-691-00281-1.

В книге одного из крупнейших историков-экономистов современной Германии глубокому анализу подвергнуты ключевые вопросы экономической и социальной истории Европы XX века: демографические процессы, социальная динамика, развитие экономики, роль государства в ее регулировании. Рассматривая Европу как обладающий единством социально-экономический организм, В.Фишер обобщает результаты страноведческих исследований и создает впечатляющую картину европейского континента в целом. Книга может служить надежным справочником по самым разным аспектам социальной и экономической истории Европы уходящего столетия.

Для историков, экономистов, социологов, политологов, ученых, преподавателей, студентов, всех интересующихся прошлым и настоящим Европы.

ББК 63.3(0)

ISBN5-691-00281-1

© «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 1999

О Вольфраме Фишере и его книге

На исходе XX столетия ученые-обществоведы все чаще обращаются к подведению итогов этого переломного для всего человечества века. В последние годы российскому читателю становятся доступны классические труды западной историко-экономической мысли, которые еще не так давно третировались как немарксистские. С западными изданиями читатель советской эпохи мог ознакомиться только в ведущих научных библиотеках, отчего те оставались достоянием горсти специалистов. В 90-х же гг. в русском переводе появились такие эпохальные работы, как «Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв.» Ф.Броделя, «Экономикс» П.Самуэльсона, «История мировой экономики. 1945—1990» Г. Ван дер Вее и др.*

В этом ряду, несомненно, находится и предлагаемая вниманию российского читателя книга известного германского экономиста и историка экономики Вольфрама Фишера. Вышедшая в начале 80-х гг., монография Фишера относится к тем научным сочинениям, которые благодаря глубине и тщательности анализа сохраняют актуальность и для последующих поколений. «Долголетию» ее в немалой степени способствовал заложенный в ткани текста интеграционный подход, стремление рассматривать Европу XX в. как обладающий единством социально-экономический организм, состоящий из двух различных социальных систем.

Стоит напомнить, что тогда, на рубеже 70—80-х гг., лейтмотивом советской экономической литературы была тема сопер-

* См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. — В 3 т. — М., 1988—1992; Самуэльсон П. Экономикс. — М., 1992; Ван дер Вее Г. История мировой экономики. 1945—1990. — М., 1994, и др.

ничества этих систем («два мира — два образа жизни»), а идея интеграционного анализа едва пробивалась из-под автаркических напластований. В. Фишер, с другой стороны, являлся одним из пионеров западной экономической мысли, основным вектором развития которой в 60—70-е гг. стал переход от страноведческих к макроэкономическим исследованиям, охватывающим мировую экономику в целом или важнейшие ее регионы, такие, как Европа. Уже одним этим новаторским подходом книга В. Фишера, ставшая апогеем научного творчества ученого, заслуживает внимательного прочтения.

Автор, в 1998 г. отмечающий свое 70-летие, хорошо известен западной научной общественности, перу В. Фишера принадлежат фундаментальные труды по экономической истории Германии и Европы в целом. Родившийся 9 мая 1928 г. в г. Вайгельсдорф-Танненберге, он изучал историю, философию, германистику, экономику и социологию в университетах Гейдельберга, Тюбингена, Геттингена, Лондона и Берлина. Период ученичества пришелся на трудные послевоенные годы, а с 1954 г. В. Фишер вел самостоятельную научную деятельность в Свободном университете Берлина, основанном после второй мировой войны. Со временем он стал почетным профессором в области экономической и социальной истории, действительным членом Академии наук земли Берлин-Бранденбург, председателем Исторической комиссии Берлина, возглавлял Институт экономической и социальной истории при Свободном университете.

В 50—60-х гг. В. Фишер занимался по преимуществу экономической историей Германии XVIII—XX вв., опубликовав множество ценных трудов по этой дисциплине: «Ремесленное право и хозяйство ремесленника в Германии на рубеже XVIII—XIX вв.» (1955), «Княжество Гогенлоэ в эпоху Просвещения» (1958), «Хозяйственно-политическая ситуация в Веймарской республике» (1960), «Экономическая политика национал-социализма» (1961), «Значение прусской реформы 1851 г. в области горного дела для промышленного развития Рурского района» (1961), «Государство и начало индустриализации в Бадене. Ч. I. Государственная политика в области промышленности» (1962), «Предпринимательство, самоуправление и государство» (1964) и др.

70—80-е гг. в биографии ученого стали периодом подготовки ряда монографических и коллективных изданий по экономической истории Европейского континента, принесших В. Фишеру признание международной научной общественности. Им были опубликованы работы, ставшие основой данной книги, а именно: «Мировое хозяйство в XX в.» (1979), «Мировые экономические условия хозяйственного и политического развития Европы, 1919—1939» (1980), «Бедность в истории» (1982), «Германия в мировой экономике XIX в.» (1984), «Берли и мировая экономическая система XIX—XX вв.» (1989), «Жизненный уровень и экономическая система» (1995) и др. Под редакцией проф. В. Фишера увидели свет 6 томов энциклопедического по охвату материала «Справочника европейской экономической и социальной истории»*.

Обращаясь к трагической истории Европы XX в., пережившей две мировые войны и раскол на противоборствующие социальные системы, В. Фишер исходит из того, что эти пертурбации не истребили полностью единства хозяйства и общества на континенте. Единство это покоилось на общей тенденции развития в направлении постиндустриального общества, хотя и со значительным стадийным отставанием стран восточного блока от развитых держав Западной Европы. Повсеместное распространение получила и тенденция усиления роли государства в экономической и общественной жизни как следствие мировых войн и социальных потрясений. Правда, на Востоке континента идея «огосударствления» совершенно подавила частную инициативу, что в конечном итоге предопределило неэффективность советской экономической системы.

Книге В. Фишера присущ «сквозной» взгляд на глубинные социально-экономические процессы, автор стремился абстраги-

* См. некоторые из работ В. Фишера: *Die soziale Frage: neuere Studien zur Lage der Fabrikarbeiter in den Frühphasen der Industrialisierung* (Hrsg. von W. Fischer. Stuttgart, 1967; Fischer W. *Die Weltwirtschaft im 20. Jahrhundert*. Göttingen, 1979; Fischer W. *Armut in der Geschichte: Erscheinungsformen und Lösungsversuche der «Sozialen Frage» in Europa seit dem Mittelalter*. Göttingen, 1982; *Europäische Wirtschafts — und Sozialgeschichte von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ersten Weltkrieg* / Hrsg. von W. Fischer // *Handbuch der europäischen Wirtschafts — und Sozialgeschichte*. Bd. 5. Stuttgart, 1985; *Lebensstandard und Wirtschaftssysteme: Studien* / Hrsg. von W. Fischer. Frankfurt am Main, 1995.

роваться от событийной канвы, излагая материал сразу за целый век. Осуществить замысел позволяет приводимый автором огромный статистический материал, сконцентрированный вокруг четырех базисных проблем: демографические изменения, социальные процессы, экономическое развитие и воздействие государства на экономическую сферу. Сочетание социологического и экономического методов анализа позволяет автору представить детальный портрет «старушки Европы», на территории которой происходили важнейшие события и структурные сдвиги, определившие мировую историю XX в.

Желающему ознакомиться с книгой нужно подготовиться к нелегкому чтению: обилие статистического материала, с чисто немецкой пунктуальностью и тщательностью сгруппированного в десятки таблиц, предполагает определенные интеллектуальные усилия со стороны читателя. Не всегда эти данные абсолютно точны и сопоставимы, особенно это касается СССР с его известной «лукавой цифирью», но надо отдать должное германскому ученому, положившему немало труда, чтобы свести воедино статистику по всем европейским странам и тем самым сделать ее максимально репрезентативной. В ряде случаев переводчик и редактор книги дополнили текст новейшими статистическими сведениями о СССР и Российской Федерации в сопоставлении с другими европейскими странами.

Любителю экономической литературы исследование В. Фишера доставит истинное удовольствие разработанностью и уровнем обобщения статистических материалов. Книгу можно использовать как надежный справочник по европейской демографии, социальной структуре и мобильности населения, уровню социальной напряженности, образования и т.п. в различных странах, о динамике и структурных изменениях европейской экономики в целом и по отдельным отраслям. Особенно интересны наблюдения автора относительно изменения роли государства в экономике. Рубежными событиями здесь стали обе мировые войны и мировой экономический кризис начала 30-х гг.

Первая мировая война, приведшая к русской 1917 г. и германской 1918 г. революциям, можно сказать, породила этатистский тип экономики, самое яркое воплощение обретший в Со-

ветской России. Однако и в развитых западноевропейских странах возврат к «нормальным», довоенным условиям хозяйствования оказался весьма условным, поскольку государство оставило за собой решающие рычаги воздействия на экономику и социальную сферу. Мировой же экономический кризис начала 30-х гг. дал новый толчок этатистской идеологии, которая в либеральных странах Запада приобрела черты кейнсианской модели государственного регулирования, а в нацистской Германии явилась одним из источников милитаризации системы хозяйства.

Вторая мировая война во всех участвовавших в ней странах довела до крайнего предела тенденцию подавления рынка в угоду государственным и общенациональным интересам. После окончания войны на западе континента под влиянием плана Маршалла возобладали принципы баланса государственного, общественного и частного секторов (смешанная экономика) и хозяйственной интеграции, приведшей к образованию Европейского экономического союза. В наименьшей степени, как известно, эта тенденция затронула СССР и его восточноевропейских сателлитов, которые сохранили централизованно управляемый характер экономики и взяли курс на создание собственного автаркического блока.

Избранный вектор развития predetermined и результаты, свидетелями которых мы являемся сегодня: с одной стороны, сбалансированная и динамичная экономика Западной Европы, несмотря на ряд кризисов 70—80-х гг. вступившей в стадию «государства благоденствия», с другой — пытавшийся следовать западным стандартам жизни, но подломившийся под собственной тяжестью милитаристский колосс советской экономики, который и ныне слабо поддается попыткам структурной перестройки.

В. Фишер, как и большинство современников, не мог, разумеется, предвидеть столь быстрого крушения советской хозяйственно-политической системы, но весь помещенный в книге материал красноречиво свидетельствует о преимуществах западной экономической модели, к которой пытается, без особого, впрочем, успеха, приблизиться нынешняя Россия. Мы стали свидетелями и невольными участниками но-

вого экономического феномена — перехода от централизованно-планируемой к рыночной структуре, феномена, который еще ждет своего исследователя, в том числе, надеемся, и отечественного.

В заключение уместно вспомнить латинское крылатое выражение «Nabent sua fata libelli» («У книг — свои судьбы») и пожелать не потерявшему актуальности фундаментальному труду германского ученого счастливой читательской судьбы в России.

Ю.А.Петров

ВВЕДЕНИЕ

Начало первой мировой войны завершило столетие относительно спокойного экономического и социального развития. Три последующих десятилетия состояние экономики и общества, структуру населения в невиданных доселе масштабах определяли войны, подготовка к ним и их последствия. Во многих странах Европы государство осуществляло прямое, массивное вмешательство в повседневную экономическую жизнь; непосредственное воздействие мировых войн ощутили даже те немногие нейтральные регионы, которые они пощадили. Во второй половине 40-х гг. положение вновь «нормализовалось». Прежним, как до 1914 г., не осталось, однако, почти ничего. Из мировых войн Европа вышла политически расколотой. После первой мировой войны только Советский Союз радикальным образом сломал традиционную и создал новую экономическую и общественную систему. По итогам второй мировой войны Европа оказалась разделенной на две части. Государственные границы, перекроенные, особенно в Восточной и Юго-Восточной Европе, уже после первой мировой войны, были вновь существенно изменены; советская система распространилась на Центральную Европу. Только северо-запад и юго-запад континента остались в прежних границах своих государств. В 50-х гг. на Западе возник, однако, наднациональный союз — Европейское сообщество. Его ядро составили первоначально шесть стран (Франция, Федеративная Республика Германии, Италия и государства Бенилюкса), но позже в него вошли также страны северо-западной (Дания, Соединенное Королевство и Ирландия), юго-западной (Испания и Португалия) и, наконец, юго-восточной (Греция) Европы. В это же самое время находившиеся под советским влиянием восточноевропейские страны пытались координировать

свою экономическую политику в рамках Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ). По мере того, как «холодная война» шла на убыль, экономическое сотрудничество между обеими частями Европы вновь начало усиливаться, и некоторые важные социальные процессы, например тенденция к формированию постиндустриального общества или к замедлению и, соответственно, стагнация темпов роста населения, преодолели государственные границы держав обоих блоков. Таким образом, экономическое и социальное единство Европы полностью утрачено не было.

Между тем на протяжении четырех послевоенных десятилетий экономическое и социальное развитие Европы не нарушают войны. Эпоха мировых войн отошла в прошлое; они не определяют более экономическую и социальную историю уходящего XX в. Вновь обозначились исключительно важные в долгосрочной перспективе тенденции к экономическому росту, которые уже в XIX в. обуславливали изменения структуры экономики и общества в целом; вновь отчетливо обнаружилось циклы конъюнктуры. Экономическая и социальная история XX в., как и XIX, — история в одно и то же время и далекая, и близкая. Некоторые тенденции, зародившиеся, как кажется на первый взгляд, в 1914 г., не ослабли вообще либо ослабли в очень малой степени (прежде всего это тенденция к усилению государственного вмешательства в экономику и жизнь общества). При более точном анализе эпоха 1914—1918 гг. утрачивает свою определенность: мировая война дала мощный толчок развитию явления государственного дирижизма, но его истоки уходят в предшествующий период. Равным образом государство всеобщего благоденствия, которое кажется явлением, характерным для второй половины XX в., может быть объяснено структурными переменами и политическими событиями XIX в.

Структура учебника ориентирована поэтому не на важнейшие политические и военные события, а следует определенному социологическим подходом основному принципу: сначала дается характеристика динамики народонаселения, за которой идет раздел об обществе, где в первую очередь анализируются долгосрочные структурные изменения. Раздел об экономике не привязан жестко к рубежным датам политической истории:

1914, 1917—1919, 1938—1945 гг. Политические цезуры в большей степени учитываются только в главе об экономической и социальной деятельности государства. Однако и здесь акцент, скорее, делается на долгосрочных тенденциях государственной политики, нежели чем на ее краткосрочном воздействии (например, на развитие оборонной промышленности во время войны).

В сравнении с предыдущими эпохами европейской истории XX в. — это время стремительных экономических и социальных изменений. Конечно, тот, кто смог бы из 1900 г. взглянуть на 1830-й, сказал бы нечто подобное. Но с тех пор развитие многих областей жизни существенно ускорилось.

Структурные изменения в наиболее сжатой форме могут отразить таблицы. Официальная статистика о развитии экономики и общества во всех странах Европы в XX в. становилась все более исчерпывающей. Таблицы поэтому в основном составлены на базе официальных данных. Для того чтобы увидеть долгосрочные тенденции, была предпринята попытка (там, где это возможно) сопоставить их с данными во второй половине XIX в. Большинство комментариев к таблицам очень сжаты, чтобы оставить достаточно места для характеристики базисных процессов экономической и социальной истории XX в.

1. НАСЕЛЕНИЕ

Численность и плотность населения

Демографические изменения, которые происходили в Европе со времен первой мировой войны, представить в виде одной общей схемы трудно. В абсолютном выражении население увеличилось больше, чем когда-либо прежде (с 347 млн в 1914 г. до 495 млн в 1984 г., т.е. на 148 млн, или 43%, если считать без России; с учетом Советского Союза, включая его территорию в Азии, примерно с 487 млн до 769 млн). Округленно это на 282 млн, или на 58%, больше, чем было семьдесятю годами раньше. Уже из этого следует, что рост населения в Восточной Европе и азиатской части СССР превысил уровень Европы в целом.

Во второй половине XIX в. европейское население увеличилось почти наполовину, в первой половине XX в., несмотря на ускоренный прирост до первой мировой войны, только на треть, если считать с европейской Россией, и примерно на 30% — без нее. Тем самым наметилась долгосрочная тенденция к падению темпов роста населения. В пятидесятилетний период между 1930 и 1980 гг. рост населения оставался почти таким же: 30% без европейской части Советского Союза и чуть выше — 34,5% — вместе с ней (табл. 1 и 2).

Поскольку население внеевропейского мира росло быстрее, чем в XIX в., доля Европы в населении земного шара сократилась. В 1900 г. с учетом европейской части России она составляла почти 25% (в 1913 г. почти 27%), в 1950 г. — только 21%, в 1980 г. — 15%. Если не учитывать Россию, доля европейского населения сократилась с 19,5% в 1913 г. до 15,4% в 1950 г. и до 10,9% в 1980 г. В 1984 г. она составила только 10,4%. В то время как среднегодовые темпы роста мирового населения равны

Население мира и Европы в 1920—1984 гг. (в млн чел. и в %)

Год	Мир в целом (1)		Европа				Европейская часть СССР				СССР			
	млн чел.	% к (1)	с европейской частью СССР		без европейской части СССР		в соответствующих границах		в современных границах		в соответствующих границах		в современных границах	
			млн чел.	% к (1)	млн чел.	% к (1)	млн чел.	% к (1)	млн чел.	% к (1)	млн чел.	% к (1)	млн чел.	% к (1)
1920	1811		459	25,3	342	18,9	117	6,5	134	7,4	139	7,7	156	8,6
1930	2015		504	25,0	372	18,5	132	6,6	150	7,4	157	7,8	176	8,7
1940	2247		537	23,9	400	17,8	137	6,1	160	7,1	170	7,6	194	8,6
1950	2513		531	21,1	388	15,4	143	5,7			180	7,2		
1960	3037		583	19,2	420	13,8	163	5,4			214	7,0		
1970	3696		640	17,3	458	12,4	182	4,9			243	6,6		
1980	4432		678	15,3	484	10,9	194	4,4			265	6,0		
1984	4763		693	14,5	495	10,4	198	4,2			274	5,8		

Источники: Mitchell B.R. Statistischer Anhang / Europäische Wirtschaftsgeschichte // Hrgs von C.M. Cipolla, K. Borchardt. Bd. 5. Stuttgart, 1980. S. 424; United Nations. Statistical Yearbook. 1979/80. S. 73. 1982. S. 2; Statistisches Jahrbuch der UdSSR; Biraben J.-N. Vues générale sur la population soviétique et sur les concepts soviétiques, en matière de population / Population. 1958. 13. Sonderheft 2.2. P. 43; Woodruff W. Impact of Western Man. A Study of Europe's Role in the World Economy 1750—1960. Updated to 1980. Washington, 1982. p. 103; Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. 1985. S. 31*.

Население европейских государств в 1914—1984 гг. (в млн чел.)*

Регион/Страна	1914	1919	1929	1939	1949	1959	1969	1979	1984
Северная Европа	14,2	14,6	15,8	16,8	18,4	20,1	21,5	22,3	22,4
Дания	2,9	3,0	3,5	3,8	4,2	4,6	4,9	5,1	5,1
Норвегия	2,5	2,7	2,8	3,0	3,2	3,6	3,9	4,1	4,1
Финляндия	3,2	3,1	3,4	3,7	4,0	4,4	4,7	4,8	4,9
Швеция	5,6	5,8	6,1	6,3	7,0	7,5	8,0	8,3	8,3
Западная Европа	101,86	100,06	105,59	109,6	113,6	120,61	131,6	137,06	138,97
Бельгия	7,7	7,6	8,1	8,4	8,6	9,1	9,7	9,9	9,8
Великобритания	43,0	43,5	45,7	47,8	50,3	52,0	55,5	55,9	56,2
Ирландия	2,9	2,9	2,9	2,9	3,0	2,8	2,9	3,4	3,5
Люксембург	0,26	0,26	0,29	0,3	0,3	0,31	0,34	0,36	0,37
Нидерланды	6,3	6,8	7,8	8,9	10,0	11,2	12,9	14,0	14,4
Франция	41,7	39,0	40,8	41,3	41,4	45,2	50,3	53,5	54,7
Центральная Европа	82,6	83,7	90,0	95,5	91,9	98,1	105,9	107,1	107,5
Австрия	6,6	6,4	6,7	6,7	6,9	7,0	7,4	7,5	7,6
Германия	58,5	59,9	64,7	69,3	49,2	54,9	60,8	61,3	61,2
ФРГ					18,9	17,3	17,1	16,7	16,7
ГДР					12,3	13,6	14,4	15,3	15,5
Чехословакия	13,6	13,5	14,6	15,3	4,6	5,3	6,2	6,3	6,5
Швейцария	3,9	3,9	4,0	4,2					
Южная Европа	62,5	63,3	70,6	77,4	82,4	88,3	95,8	104,0	105,4
Испания	20,3	21,0	23,2	25,5	27,7	30,1	33,0	37,2	38,4
Италия	36,2	35,9	40,7	44,3	46,4	49,4	53,2	56,9	57,0
Португалия	6,0	6,4	6,7	7,6	8,3	8,8	9,6	9,9	10,0

Восточная и Юго-Восточная Европа**	207,0	197,7	221,7	237,2	225,0	256,6	284,4	304,8	313,1
Албания	0,8	0,8	1,0	1,1	1,2	1,6	2,1	2,7	2,8
Прибалтийские государства	6,5	4,8	5,3	5,9	7,2	7,8	8,4	8,8	9,0
Болгария	4,9	5,2	5,7	6,3	9,2	9,9	10,3	10,7	10,7
Венгрия	7,9	7,9	8,6	9,2	7,5	8,3	8,8	9,4	9,9
Греция	6,0	5,0	6,3	7,2	24,4	29,2	32,6	35,2	36,8
Польша	30,7	29,4	31,1	34,9	16,1	18,2	20,0	22,1	22,7
Румыния	16,2	15,9	18,2	20,0	143,3	163,4	181,8	193,7	198,2
Европейская часть СССР	121,7	117,0	132,0	137,0	180,0	214,0	243,0	264,5	273,8
СССР в целом	140,4	139,0	157,0	170,0	16,1	18,2	20,4	22,2	23,0
Югославия	12,3	11,7	13,5	15,6					

* За 1914 г. данные по Дании, Франции, Австрии, Германии и по всем странам Восточной и Юго-Восточной Европы даны для территорий, возникших в результате заключенных впоследствии мирных договоров.

** С европейской частью СССР

Источники: Рассчитано по: Mitchell B.R. Statistische Anhang, S. 424; Statistische Jahrbücher der UdSSR; Biraben J.-N. Vues générales sur la population soviétique. P. 43; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1980. S. 608, 1985. S. 646; Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. 1981. S. 32*.

1,7% (в Африке, Юго-Восточной Азии и Латинской Америке они измеряются между 2 и 3%), динамика населения Европы приближается к стагнирующей. В Западной, Северной и Центральной Европе в 1975—1980 гг. темпы роста составляли в среднем лишь 0,1%, в Центральной Европе, прежде всего в обоих немецких государствах, а в некоторые годы также в Швейцарии, Чехословакии и Венгрии, они измерялись отрицательными величинами, т.е. численность населения сокращалась. Это объясняется как миграцией иностранных рабочих, так и низким коэффициентом рождаемости. Федеративная Республика Германии, где в течение более 10 лет коэффициент рождаемости равен 10 на 1 тысячу, удерживает мировой рекорд. С 1972 г. коэффициент смертности на 1 тысячу человек здесь выше коэффициента рождаемости. Таким образом, возникла ситуация, характерная только для времени катастроф. Следствием различий в динамике роста населения является увеличение в совокупном населении Европы доли стран с высоким уровнем рождаемости, например Польши (табл. 3). Даже если не принимать во внимание Германию с ее особым положением, в Европе намечаются существенные региональные различия в темпах роста населения. В 70-е гг. в Южной и Восточной Европе они составляли 0,8% и 0,7% соответственно, что было значительно выше, чем 0,4%, имевших место в Северной и Западной Европе. В 80-е гг. Центральная и Северная Европа отличаются от остальных регионов как зоны стагнации населения (табл. 4).

Подобные этим различия были характерны для 20-х и 30-х гг. Они не были свойственны периоду 40—60-х гг. В 40-е гг. вызванные войной потери понесло в первую очередь население Восточной и Юго-Восточной Европы, тогда как в Центральной, Западной и Северной Европе «babyboom» прервал долгосрочную тенденцию к сокращению темпов демографического роста. В некоторых странах, например во Франции, он получил новый импульс по окончании второй мировой войны, в других же, например, в Германии и Австрии, остановился в последние военные и первые послевоенные годы и возобновился только в конце 50-х гг., чтобы почти через 10 лет вновь прерваться: коэффициент рождаемости снизился до минимальных значений, меньше зафиксированных во время мирового экономического кризиса начала 30-х гг.

Удельный вес европейских стран в совокупном населении Европы (в %)

Страна	1914	1919	1929	1939	1949	1959	1969	1979	1984
Австрия	1,4	1,4	1,3	1,2	1,3	1,2	1,2	1,1	1,1
Албания	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3	0,3	0,4	0,4
Балтийские государства	1,4	1,0	1,1	1,1					
Бельгия	1,6	1,7	1,6	1,6	1,6	1,6	1,5	1,5	1,4
Болгария	1,0	1,1	1,1	1,2	1,4	1,3	1,3	1,3	1,3
Великобритания	9,2	9,5	9,1	8,9	9,5	8,9	8,7	8,2	8,1
Венгрия	1,7	1,7	1,7	1,7	1,7	1,7	1,6	1,6	1,5
Дания	0,6	0,7	0,7	0,7	0,8	0,8	0,8	0,8	0,7
Германия	12,5	13,1	12,8	12,9					
ФРГ					9,3	9,4	9,5	9,0	8,8
ГДР					3,6	3,0	2,7	2,5	2,4
Греция	1,3	1,1	1,3	1,3	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4
Ирландия	0,6	0,6	0,6	0,5	0,6	0,5	0,5	0,5	0,5
Испания	4,3	4,6	4,6	4,7	5,2	5,2	5,2	5,5	5,5
Италия	7,7	7,8	8,1	8,2	8,7	8,5	8,3	8,4	8,2
Люксембург	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Нидерланды	1,3	1,5	1,5	1,7	1,9	1,9	2,0	2,1	2,1
Норвегия	0,5	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6
Польша	6,6	6,4	6,2	6,5	4,6	5,0	5,1	5,2	5,3
Португалия	1,3	1,4	1,3	1,4	1,6	1,5	1,5	1,5	1,4
Румыния	3,5	3,5	3,6	3,7	3,0	3,1	3,1	3,3	3,3
Европейская часть СССР	26,0	25,5	26,2	25,5	27,0	28,0	28,4	28,6	28,6
Чехословакия	2,9	2,9	2,9	2,8	2,3	2,3	2,3	2,3	2,2
Финляндия	0,7	0,7	0,7	0,7	0,8	0,8	0,7	0,7	0,7
Франция	8,9	8,5	8,1	7,7	7,8	7,8	7,9	7,9	7,9
Швейцария	0,8	0,8	0,8	0,8	0,9	0,9	1,0	0,9	0,9
Швеция	1,2	1,3	1,2	1,2	1,3	1,3	1,3	1,2	1,2
Югославия	2,6	2,5	2,7	2,9	3,0	3,1	3,2	3,3	3,3

Источник: см. прим. к табл. 1 и 2.

С конца 50-х гг. население Западной и Центральной Европы росло в основном за счет притока рабочих из средиземноморских стран. Поскольку они приезжали вместе с семьями, более высокий коэффициент рождаемости, типичный для их родины, сохранялся в стране их жительства и поддерживал естественный прирост населения в ней. В ФРГ коэффициент рождаемости в семьях иностранных рабочих выше и сегодня; тем самым демографическая статистика дает заниженные данные о коэффициенте смертности у немцев.

Различия типов движения народонаселения в XX в. следует, таким образом, объяснять взаимодействием трех факторов:

**Среднегодовые темпы роста европейского населения по регионам.
1914—1984 гг. (в %)**

Период	Европа в целом	Северная Европа	Западная Европа	Централь- ная Европа	Южная Европа	Восточная и Юго- Восточная Европа
1914—1919	—0,39	0,56	—0,36	0,26	0,25	—0,92
1919—1929	0,94	0,79	0,54	0,73	1,10	1,15
1929—1939	0,64	0,62	0,37	0,59	0,92	0,68
1939—1949	—0,11	0,91	0,36	—0,38	0,63	—0,53
1949—1959	0,94	0,89	0,60	0,70	0,69	1,32
1959—1969	0,94	0,68	0,88	0,79	0,82	1,03
1969—1979	0,58	0,37	0,40	0,11	0,82	0,70
1979—1984	0,30	0,09	0,28	0,07	0,27	0,36

Источник: рассчитано по данным таблиц 1 и 2.

потерями и перемещениями населения вследствие мировых войн; естественной динамикой рождаемости и смертности; эмиграцией и иммиграцией. Рассмотрим все три фактора подробнее.

Потери населения в результате обеих мировых войн устанавливаются лишь приблизительно. Число солдат, павших на поле брани, известно довольно точно (за исключением Советского Союза, в отношении которого имеются очень различные данные)*. Количество жертв среди гражданского населения, прежде всего умерших от связанных с войной причин (болезней, голода), значительно превышающее уровень смертности в нормальных условиях, а также число несостоявшихся рождений определяются расчетными оценками. В обеих войнах наибольшие потери понесли народы Восточной и Юго-Восточной Европы, за ними следуют центрально- и западноевропейские страны. Война практически обошла север (за исключением Финляндии) и юго-запад континента. Самые большие потери в первой и второй мировых войнах имела Россия (в абсолютных цифрах); относитель-

* По последним данным, людские потери СССР во второй мировой войне составили 26—27 млн чел., в том числе около 11 млн чел. погибших на советско-германском фронте — прим. пер. (См. *Араловец Н.А.* Людские потери во второй мировой войне: Международная научная конференция // Отечественная история. — 1996. — № 3. — С. 193—197.

но к численности населения число жертв было больше всего в Югославии и для второй мировой войны в Польше.

Согласно большинству оценок количество погибших в Европе в годы первой мировой войны измеряется 10—12 млн человек, во второй мировой войне — около 30 млн человек. При этом следует помнить, что в обоих случаях данные по России весьма приблизительны. Для первой мировой войны — от 1,5 до 5 млн человек, для второй — от 7,2 до 25 млн человек.

В годы первой мировой войны в Европе было призвано под ружье около 60 млн мужчин. Из них более 8 млн, или почти 14%, погибли. Это составило почти 2% европейского населения и около 8% всей мужской рабочей силы. Еще 7 млн человек навсегда утратили трудоспособность, а здоровье почти 15 млн ухудшилось вследствие перенесенных ранений. Число жертв войны среди гражданского населения (результат недоедания, эпидемий гриппа и т.п.) Ф.Ноутетейн оценивает в 5 млн человек (без России), обусловленный войной дефицит рождений — в 12—13 млн человек. Учитывая младенческую смертность, последнюю цифру следует несколько снизить. В целом потери населения Ф.Ноутетейн оценивает в 22—23 млн человек, или почти 7% европейского населения (без России), которое он определяет 319 млн человек. Это меньше, чем в наших подсчетах, вероятно, потому, что Польша и Финляндия отнесены им к России. Общие людские потери России, включая гражданское население, он оценивает в 26 млн человек, или 18,5% довоенного населения, из которых 1,5—2 млн составляют солдаты, погибшие в первой мировой войне (*табл. 5*).

Эти оценки показывают, что людские потери Европы примерно соответствовали ожидавшемуся естественному приросту населения в 1914—1919 гг.; население Европы, таким образом, в 1920 г. осталось примерно таким же, что и в 1914 г. Данный баланс не может быть с полной уверенностью применен ко всей Европе, поскольку в России, где в 1920 г. все еще продолжалась гражданская война, число жертв которой, вероятно, превысило потери в первой мировой войне, произошли важные территориальные изменения.

Обзор стран, имеющих надежную демографическую статистику, подтверждает это наблюдение. В пострадавших от вой-

**Оценка потерь населения в первой мировой войне (в тыс. чел.),
по данным Ф.В.Ноутетейна**

Страны* (в границах до первой мировой войны)	Население в 1914 г.	Погибшие во время войны		Дефицит рождений	За вычетом младенческой смертности	Потери населения**	
		военные	гражданские			в тыс. чел.	в %
Австро-Венгрия	53018	1100	963	3600	600	5063	9,5
Бельгия	7662	40	102	311	37	416	5,4
Болгария	4852	70	98	317	41	444	9,2
Великобритания	46085	744	402	709	67	1788	3,9
Англия и Уэльс	36967	641	329	599	56	1513	4,1
Ирландия	4371	20	39	40	4	95	2,2
Шотландия	4747	83	34	70	7	180	3,8
Германия	67790	2000	737	3158	459	5436	8,0
Греция	4732	25	100	200	30	295	6,2
Дания	2866		18	1		19	0,7
Испания	20578		321	133	20	434	2,1
Италия	35859	700	800	1426	191	2735	7,6
Нидерланды	6240		86	8	1	93	1,5
Норвегия	2486		26			26	1,0
Португалия	6155	4	157	121	18	264	4,3
Румыния	7771	250	430	505	97	1088	14,0
Сербия и Монтенегро	3400	325	450	336	47	1064	31,3
Швейцария	3897		23	59	5	77	2,0
Швеция	5680		57	26	2	81	1,4
Франция	39800	1320	240	1686	172	3074	7,7
Европа (без России)	318871	6578	5010	12596	1787	22397	7,0
Россия	140405	1500— 2000				26000	18,5

* Без государств Прибалтики, Финляндии и Польши, так как расчеты исходят из довоенных границ государств; потери этих народов учтены в данных по России, Германии и Австро-Венгрии соответственно.

** Рассчитано как сумма погибших из числа военных, гражданского населения и дефицита рождений за вычетом младенческой смертности.

Источник: Notestein F.W. The Future Population of Europe and the Soviet Union. Population Projections 1940—1970. Genf 1944. P.75.

ны регионах, прежде всего в Восточной и Юго-Восточной Европе, в Бельгии и Франции, в меньшей степени в Италии, Австрии и Чехословакии в их послевоенных границах, население сократилось, в Великобритании и Дании оно выросло совсем не-

много. Напротив, в других странах Юго-Западной и Северной Европы, которых не коснулась война (Испании, Португалии, Нидерландах, Норвегии, Швеции), оно увеличилось почти как в нормальных условиях. Население Германии (также в послевоенных границах) в 1919—1920 гг. несколько возросло по сравнению с 1914 г. вследствие миграций (см. табл. 2).

Как и после войн предшествующего времени, непосредственно по окончании первой мировой войны рост рождаемости начал восполнять понесенные потери. В некоторых странах на западе Европы, прежде всего в Бельгии и Франции, рождаемость значительно выросла, однако это явление было временным. В целом в межвоенный период коэффициент рождаемости в Европе рос медленнее, чем до войны. В 20-е гг. темпы роста населения, включая европейскую Россию, составляли примерно 1% в год, в 30-е гг. — уже только 0,6—0,7%. Если не учитывать СССР, разница не столь заметна, однако в других регионах также наблюдалось небольшое сокращение темпов демографического роста (см. табл. 4). Различия по регионам оставались значительными, хотя они несколько выравнивались. В Восточной и Юго-Восточной Европе, а также в Португалии и Нидерландах среднегодовые темпы роста превышали 1%, в некоторых северо-западных странах держались на уровне ниже 0,5%, в Ирландии же население продолжало уменьшаться. Следует, однако, отметить, что на Британских островах в целом темпы демографического роста в 30-е гг. вновь выросли, тогда как во Франции и Германии во время мирового экономического кризиса и непосредственно после него упали до минимума. Центральная и Западная Европа, таким образом, приблизилась к уровню стагнации населения.

Рассматривая межвоенный период с 1919 по 1939 г. в целом, можно заметить, что тогда начали складываться как региональные модели, так и существенные различия между отдельными странами. Если население Греции за 20 лет выросло на 44%, частично за счет греков-переселенцев из Турции, то население Ирландской Республики находилось в состоянии стагнации, а по данным Кирка, оно даже сократилось на 5%. Но и внутри отдельных стран различия достигали значительных масштабов. Так, по подсчетам Кирка, население Шотландии и Северной Ир-

ландии за два десятилетия выросло лишь на 2,8 и 3,3% соответственно, тогда как Англии и Уэльса — на 10%, что указывает на стойкую тенденцию к миграции в Британии в южном направлении. Из четырех великих европейских держав самый значительный демографический рост был в СССР (17%). Население Германии возросло почти так же существенно (на 16%), Соединенного Королевства только на 10% и Франции на 6%. В абсолютных цифрах это означает, что население европейской части СССР в 1939 г. было почти на 20 млн человек больше, чем в 1919-м, Германии — примерно на 9,4 млн, а Соединенного Королевства и Франции — только на 4,3 млн и на 2,3 млн человек соответственно. В некоторых государствах Европы прирост населения в абсолютных цифрах был больше, чем в четырех великих державах: Италия (8,4 млн), Польша (5,5 млн), Испания (4,5 млн) обогнали и Францию, и Соединенное Королевство; Румыния (4,1 млн) и Югославия (3,9 млн) — Францию. Нидерланды (2,1 млн) почти догнали Францию (см. табл. 2).

В среднесрочной и долгосрочной перспективе, как представляется, центр тяжести Европы начал перемещаться с запада к центру, востоку и даже к югу. В 30-х гг. Франции предвещали мрачное будущее не случайно, причем делали это не только сами французы, но и крупнейшие зарубежные ученые-демографы. Американский демограф Джозеф Шпенглер в 1938 г. полагал, что в 1985 г. население Франции составит лишь 30 млн человек, а превышение смертности над рождаемостью во второй половине 70-х гг. достигнет 0,2—0,39 млн годовых. Он считал, что население страны сможет стабилизироваться только в том случае, если коэффициент рождаемости во Франции возрастет на 14%.

Вторая мировая война и вызванные ею глубокие изменения в структуре народонаселения опрокинули подобные прогнозы. 40-е гг. сразу же переместили Западную Европу, которая еще десять лет тому назад имела самые низкие темпы прироста населения, в середину демографического списка. Население, пострадавшее от мировой войны сравнительно менее, чем в Восточной и Центральной Европе, росло почти так же быстро, как перед войной (3,6% в среднем за десятилетие против 3,8%), в то время как понесенные Восточной Европой потери населения

составили примерно 7%, а в Южной Европе рост населения сократился на треть. Между тем в Северной Европе и на Британских островах продолжался медленный демографический рост (9,5% и 5,2% за десятилетие соответственно). В 1949 г. население Европы без Советского Союза было на 3% меньше, а с учетом его европейской части (из-за увеличения территории после войны) только на 1% меньше, чем в 1939 г. (см. табл. 1 и 2).

Мы имеем дело, конечно, в первую очередь с последствиями второй мировой войны, за годы которой, согласно большинству оценок, погибло от 30 до 40 млн человек, из которых только в Советском Союзе 7—25 млн (табл. 6). Грегори Фрумкин, ответственный редактор статистического ежегодника Лиги Наций, в одной из работ оценивал прямые потери военного и гражданского населения в Европе (за исключением территорий Советского Союза в их послевоенных границах) в 15 млн, причем он применял балансовый метод (*balance sheets*), сравнивая население до и после войны на возможно равных территориях. Расчеты показали, что совершенно не понесли потерь в войне только Ирландская Республика, Швеция, Швейцария, Испания и Португалия. Скандинавские страны (за исключением Швеции) потеряли 95 тыс. человек, из них одна Финляндия — 84 тыс. Прямые потери втянутых в войну западноевропейских стран и Италии составили 1,7 млн, Германии и Австрии — 4,5 млн, стран Восточной и Юго-Восточной Европы (за исключением СССР) — 8,8 млн человек. Нужно иметь в виду, что балансовый метод учитывает жителей, депортированных к концу войны из завоеванных «великим рейхом» областей в Германию и Австрию (прямые потери см. в табл. 6). В отличие от первой мировой войны доля потерь гражданского населения из-за нацистской политики геноцида и воздушных бомбардировок в большинстве стран была выше, чем военнослужащих (например, в Польше и Югославии, а также в Нидерландах, Бельгии, Чехословакии, Франции, Греции, Венгрии, Румынии и, конечно, в Советском Союзе).

Если к приводимым в таблице 6 данным прибавить число погибших в СССР, принимая его вслед за Ш. Мерлем примерно в 18 млн, то общие прямые потери европейского населения составят 33 млн человек, или 6% от уровня 1939 г., а без СССР —

Число погибших во второй мировой войне (в тыс. чел.)

Страна	Военные	Гражданские
Австрия	230	104
Бельгия	7	100
Болгария	10	10
Великобритания	298	100
Венгрия	140	280
Германия*	3760	3090
Греция	50	500
Италия	175	80
Нидерланды	6	200
Норвегия	1	
Польша	320	4200
Румыния	200	260
СССР**	10000	15000
Финляндия	50	
Франция	167	400
Чехословакия	150	220
Югославия	410	1280
Всего	15964	25814

* В число погибшего немецкого гражданского населения включено 1,4 млн немцев, которые проживали за пределами границ 1939 г. (главным образом в Польше и Чехословакии).

** Другие авторы оценивают потери СССР гораздо ниже.

Источник: Maddison A. Economic Policy and Performance in Europe, 1913—1970 / The Twentieth Century. The Fontana Economic History of Europe. V.2 // Ed. by C.M. Cipolla. Glasgow, 1976. P. 470.

около 4%. Несостоявшиеся рождения и другие косвенные потери при этом не учитываются. Их оценивают (без СССР) примерно в 5—7 млн человек. Наибольшие потери понесла Польша (18—20% от довоенного уровня населения), вслед за ней Югославия (почти 10%). Во всей Восточной Европе (кроме СССР) за годы войны погибло почти 9% населения, в Германии — от 6,5 до 7%, в континентальной Западной Европе — около 1,5%. Потери Советского Союза по разным оценкам составили от 5 до 18% довоенного населения. По расчетам Ш. Мерля, они равняются 13%.

Вследствие военных потерь население Европы в 1949 г. по сравнению с 1939 г. уменьшилось на 12 млн, хотя в конце 30-х и в 40-е гг. в некоторых регионах Западной и Центральной Ев-

ропы отмечалось быстрое увеличение рождаемости, которое после войны привело к значительному превышению рождаемости над смертностью. Оно продолжалось, хотя и в различном ритме в отдельных странах, до 60-х гг., так что в 50—60-х гг. население Европы (без СССР) снова росло более чем на 8—9% за десятилетие, т.е. примерно в том же темпе, что и в 20-е гг. Если учесть в подсчетах СССР, где увеличение рождаемости после войны было особенно выражено, то население Европы росло за десятилетие почти на 10% в 50-е и 60-е гг. Только в 70-е гг. рост европейского населения замедлился до 5,7% за десятилетие без учета Советского Союза и до 5,9%, учитывая его (см. табл. 1). Темпы роста европейского населения упали с почти 1% среднегодовых в первые послевоенные десятилетия до около 0,5% и в 1979—1984 гг. до 0,3% (см. табл. 4).

Территориальные изменения, произошедшие в большинстве государств Восточной и Центральной Европы после мировых войн, затрудняют сравнение их удельного веса в общем народонаселении Европы. Доля Советского Союза длительное время возрастала уже вследствие его территориального роста. Если включать все население этой страны в европейское, то его удельный вес возрос с 29% в 1920 г. до 36% в 1984 г.*. Если же учитывать только европейскую часть СССР, то доля его населения увеличивалась как в межвоенный период, так и после вызванного войной сокращения в послевоенное время, в 1984 г., однако, едва ли превышая уровень 1914 г. Доля немцев в общеевропейском населении в 1920 г. составляла 13%, в 1984 г. она, учитывая оба немецких государства, была значительно ниже — 11,2%. Сократилась также доля населения Великобритании и Франции; более мелкие страны, такие, как Нидерланды, Югославия, Испания, сумели заметно повысить свой удельный вес в европейском населении (см. табл. 3).

Изменения в темпах роста на плотности населения сказались в меньшей степени. Как и прежде, индустриальный северо-запад остался одним из наиболее плотно населенных регионов кон-

* По данным на 1991 г., доля населения Российской Федерации (148,3 млн чел.) составляет 31% от общеевропейского (без стран СНГ). См.: Миф в цифрах: Статистический сборник: 1992. — М., 1992. — С. 50—51.

тинента. Скандинавия и Шотландия, с другой стороны, являлись наименее населенными. Бельгия, имевшая в 1910 г. 259 чел. на кв. км и находившаяся на первом месте по плотности населения в Европе, уступила его в начале 80-х гг. Нидерландам, где в 1984 г. плотность населения равнялась 353 чел. на кв. км. С показателем 323 чел. на кв. км Бельгия находилась примерно на том же уровне, что Англия и Уэльс (325), но значительно выше, чем Великобритания в целом (230). За ней следовали ФРГ (246 чел. на кв. км), Италия (189) и Швейцария (158). Завершали список, если не считать Советского Союза, плотность населения которого с учетом всех территорий, в том числе и азиатских, составила только 12 чел. на кв. км, Норвегия (13), Финляндия (14) и Швеция (19). Кроме них к сравнительно малонаселенным странам относятся Ирландия, имеющая 50 чел. на кв. км, Шотландия (65) и Испания (76). В большинстве других государств Европы к началу 80-х гг. плотность населения находилась на уровне между 100 и 150 чел. на кв. км.

Демографический рост складывается из двух компонентов — естественного роста, который определяется превышением рождаемости над смертностью, и баланса миграции. Замедление темпов роста населения в качестве долгосрочной тенденции характерно для всей Европы; в Центральной Европе он приблизился к нулевым. Вместе с тем эта тенденция в Западной и Центральной Европе проявлялась не линейно, а подчиняясь упомянутым выше волнам. Упрощая, следует сказать, что коэффициент естественного прироста с 20-х до середины 30-х гг. сокращался, затем до середины 60-х гг. он рос, потом вновь снизился. Для Восточной, Южной и Юго-Восточной Европы, если пренебречь обусловленными войной резкими колебаниями, тенденция может быть представлена прямой линией. Только в Греции и Испании после первой мировой войны коэффициент естественного прироста возрастал, тогда как в регионе в целом, так же как в Западной и Центральной Европе, он уже начал снижаться. В большинстве стран Восточной, Южной и Юго-Восточной Европы в первой половине 20-х гг. коэффициент рождаемости все еще превышал 30 на 1 тысячу человек и в некоторых из них, например в Болгарии, Греции, Румынии и Югославии, он оста-

вался на этом уровне и в 30-е гг., тогда как в Западной и Центральной Европе, за исключением Голландии, в первой половине 20-х гг. он снизился с 25 до 20 на 1 тысячу, а в первой половине 30-х гг. с 20 до 15 на 1 тысячу. После второй мировой войны только в Польше в 1950—1954 гг. и в Албании до середины 70-х гг. коэффициент рождаемости был выше 30 на 1 тысячу. Во всех других регионах он был значительно ниже и опустился в Восточной и Южной Европе местами до уровня ниже 20 на 1 тысячу. В Западной Европе только в Ирландии он превышает 20 на 1 тысячу (табл. 7).

Коэффициент смертности в Европе снижался повсюду, с колебаниями, обусловленными войной, и, конечно, как и следовало ожидать, быстрее там, где в начале периода он был высок, прежде всего на южных и восточных окраинах. Не только во время первой мировой войны, но и в первой половине 20-х гг. в некоторых странах, например в Болгарии, Югославии, Румынии, Венгрии, Испании и Португалии, а также в СССР, коэффициент смертности превышал 20 на 1 тысячу. В Скандинавии, за исключением Финляндии, в Нидерландах, Швейцарии, Англии и Уэльсе этот показатель был ниже 13 на 1 тысячу. В этих странах коэффициент смертности, и без того низкий, снижался медленными темпами и лишь до тех пор, пока в определенный момент процесс старения общества вновь не заставил его подняться. Поэтому и сегодня в Англии и Уэльсе коэффициент смертности примерно тот же, что и в 20-е гг., тогда как в Болгарии, Югославии или Испании он значительно снизился, иногда более чем наполовину. В 30-х гг. Нидерланды первыми среди европейских стран достигли коэффициента смертности ниже 10 на 1 тысячу в среднем за десятилетие.

После войны в целом ряде стран он опустился ниже данного уровня. Сказанное относится и к Восточной Европе, где достигнуты значительные успехи в снижении младенческой смертности. Население, однако, здесь еще относительно «молодо», поэтому говорить о действительно низком коэффициенте смертности, свойственном западноевропейскому «слишком старому» обществу, пока нет оснований. Страны Центральной Европы (ГДР и Австрия, а также ФРГ, Чехословакия и Венгрия) имеют

Коэффициент рождаемости в важнейших европейских странах
в среднем за 1915—1983 гг. (чел. на 1 тысячу)

Страна	1915— 1919	1920— 1924	1925— 1929	1930— 1934	1935— 1939	1940— 1944	1945— 1949	1950— 1954	1955— 1959	1960— 1964	1965— 1969	1970— 1974	1975— 1979	1980— 1983
Австрия	16,3	22,6	18,4	15,2	14,7		17,1	15,0	16,8	18,5	17,3	13,9	11,7	12,3
Албания				25,1	31,1	29,7		38,8	41,8	40,2	35,1	32,9	29,7	26,9
Бельгия	13,7	20,9	18,6	17,3	15,2	13,5	16,8	16,6	17,0	17,0	15,4	13,9	12,4	12,4
Болгария	26,5	39,6	34,2	30,3	24,2	22,1	24,6	21,7	18,7	16,9	15,8	16,2	16,0	14,0
Великобритания														
Англия и Уэльс	19,4	21,4	17,1	15,3	14,9	15,5	18,0	15,5	15,9	17,9	17,3	14,7	12,2	12,9
Сев. Ирландия		23,3	21,4	20,2	19,8	21,7	21,9	20,9	21,4	22,9	22,3	19,5	17,2	17,7
Шотландия	21,7	24,3	20,3	18,6	17,7	17,8	19,6	17,9	18,9	19,8	18,4	15,2	12,6	13,1
Венгрия	20,1	30,0	26,6	23,2	20,1	19,3	19,9	21,1	17,8	13,6	14,3	15,3	16,7	12,9
Германия	16,8	23,2	19,1	16,3	19,4	17,3								
ФРГ							16,5	15,8	16,5	18,0	16,6	11,6	9,6	10,0
ГДР							12,7	16,6	16,1	17,4	15,1	12,1	12,7	14,3
Греция		20,3	28,9	30,1	26,6	19,5	25,3	19,4	19,4	18,1	18,0	16,0	15,7	14,5
Дания	23,8	23,1	19,9	18,0	17,9	20,3	21,6	17,9	16,8	17,0	16,6	14,6	12,6	10,5
Ирландия	20,5	20,9	20,3	19,5	19,4	20,9	22,5	21,4	21,0	21,8	21,4	22,4	21,1	20,6
Испания	29,2	30,1	28,8	27,6	21,9	21,9	22,1	20,2	21,1	21,4	20,4	19,4	17,8	14,2
Италия	22,8	30,5	27,2	24,5	23,2	20,6	21,2	18,3	17,8	18,6	17,9	16,3	13,2	11,0
Нидерланды	25,6	26,7	23,4	21,7	20,3	21,8	25,9	22,1	21,3	20,9	19,2	16,0	12,7	12,3

Норвегия	24,0	23,5	18,5	15,7	15,0	17,7	20,8	18,7	18,1	17,4	17,7	16,0	13,1	12,4
Польша		34,8	32,8	28,9	25,4		26,9	30,1	27,2	20,1	16,6	17,5	19,2	19,4
Португалия	30,7	33,0	31,8	29,3	27,2	24,5	25,6	24,1	24,2	24,1	21,8	20,4	18,0	15,4
Румыния	31,8	36,4	34,6	33,7	30,2	23,2	23,9	24,9	22,9	16,7	21,3	19,6	19,3	16,2
СССР**	32,3	37,8	41,5	31,3	33,5	26,2	25,7	26,4	25,4	22,4	17,6	17,7	18,2	19,0
Финляндия	24,9	25,4	22,8	20,0	20,2	20,1	27,0	22,8	19,9	18,2	16,3	13,1	13,7	13,5
Франция	11,4	19,8	18,4	17,0	14,8	14,6	20,1	19,3	18,3	18,0	17,2	16,5	13,9	14,6
Чехословакия	22,4	27,4	23,7	20,6	17,6	20,8	22,4	22,0	18,5	16,3	15,5	17,7	18,8	15,5
Швейцария	18,8	19,9	17,8	16,7	15,4	17,9	19,4	17,3	17,5	18,7	17,9	14,5	11,6	11,6
Швеция	20,8	20,3	16,4	14,4	14,5	17,7	19,0	15,5	14,5	14,5	15,0	13,7	11,8	11,3
Югославия		35,3	34,0	33,0	27,9		28,2	28,8	24,8	22,1	19,8	18,1	17,7	16,8

* В некоторых случаях средние показатели взяты за неполное четырех- или пятилетие.

** В сегодняшних границах.

Источники: Mitchell В. R. European Historical Statistics. 1750—1975. London. 1981. P. 124—134; United Nations. Demographic Yearbook. 1979. P. 298, 1983. P. 292; Biraben J.-N. Vues générales sur la population soviétique. P. 43f.; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1984. S. 655; 1985. S. 653; Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. 1985. S. 3* u. S. 37*; 1980. S. 3*.

Кoeffициент смертности в важнейших европейских странах в среднем за 1915—1983 гг.* (чел. на 1 тысячу в ‰)

Страна	1915— 1919	1920— 1924	1925— 1929	1930— 1934	1935— 1939	1940— 1944	1945— 1949	1950— 1954	1955— 1959	1960— 1964	1965— 1969	1970— 1974	1975— 1979	1980— 1983
Австрия	23,4	16,7	14,7	13,5	13,9	12,8	12,8	12,3	12,5	12,5	13,0	12,8	12,5	12,2
Албания				17,1	17,2	15,7	15,8	14,3	11,5	9,8	8,3	8,7	6,4	6,1
Бельгия	15,6	13,4	13,2	12,5	12,5	14,4	13,0	12,0	11,9	12,1	12,3	12,1	11,8	11,5
Болгария	22,8	21,7	18,5	15,8	13,9	15,3	12,7	10,5	8,9	8,2	8,7	9,6	10,5	11,1
Великобритания														
Англия и Уэльс	12,2	12,2	12,0	12,0	13,2	11,9	11,6	11,6	11,8	11,7	11,9	12,0	11,7	
Сев. Ирландия		15,3	15,1	14,1	14,3	13,9	12,0	11,4	10,9	10,8	10,6	11,0	10,8	10,5
Шотландия	15,6	14,0	13,7	13,2	13,2	14,1	12,8	12,2	12,1	12,1	12,0	12,3	12,4	12,4
Венгрия	22,7	20,8	17,3	15,8	14,3	13,9	14,9	11,4	10,3	10,1	10,8	11,7	12,6	12,8
Германия	20,3	13,9	12,0	11,0	11,9	12,2								
ФРГ							11,5	10,8	11,2	11,4	11,8	11,9	11,8	11,7
ГДР							17,6	11,9	12,6	13,3	13,7	13,8	13,9	13,8
Греция		15,6	16,1	16,8	14,4	17,3	10,2	7,2	7,3	7,8	8,1	8,5	8,8	9,0
Дания	13,1	11,7	11,1	10,8	10,7	10,0	9,6	9,0	9,1	9,7	10,0	10,0	10,3	11,0
Ирландия	17,2	14,5	14,5	14,1	14,3	14,6	13,6	12,6	12,0	11,8	11,5	11,2	10,2	9,4
Испания	24,5	21,1	18,5	16,6	17,8	15,2	11,9	10,1	9,2	8,7	8,5	8,3	8,1	7,6
Италия	25,1	17,8	16,6	14,1	13,9	14,5	11,7	9,8	9,5	9,7	9,7	9,7	9,7	9,7
Нидерланды	13,9	11,1	10,0	9,0	8,7	10,2	9,5	7,5	7,6	7,8	8,1	8,3	8,1	8,2

Норвегия	14,4	11,9	11,1	10,4	10,2	10,7	9,3	8,6	8,8	9,5	9,7	10,0	10,0	10,0	10,2
Польша		19,1	17,0	14,9	14,0		11,9	11,1	9,0	7,6	7,6	8,3	9,0	9,0	9,5
Португалия	26,2	21,5	18,7	17,0	16,0	15,8	13,9	11,8	11,5	10,8	10,4	10,9	10,0	10,0	9,6
Румыния	29,5	23,2	21,1	20,3	19,6	19,1	18,0	12,0	9,7	8,6	9,2	9,4	9,6	10,2	10,2
СССР**	44,8	29,8	20,4	27,3	18,6	40,8	21,4	9,4	7,7	7,2	7,6	8,5	9,6	9,6	10,2
Финляндия	20,8	15,6	14,8	13,6	13,2	17,3	11,8	9,7	9,1	9,3	9,7	9,6	9,3	9,3	9,2
Франция	19,0	17,2	17,1	15,7	15,3	16,9	13,8	12,6	11,7	11,2	11,0	10,6	10,3	10,3	9,9
Чехословакия	18,3	16,9	15,5	13,9	13,2	14,3	13,5	10,9	9,7	9,5	10,4	11,5	11,5	11,5	11,9
Швейцария	14,7	12,9	12,2	11,7	11,6	11,4	11,2	10,1	9,9	9,7	9,4	9,0	8,9	8,9	9,3
Швеция	14,8	12,4	12,1	11,6	11,7	10,8	10,4	9,8	9,6	10,0	10,2	10,3	10,9	10,9	11,0
Югославия		20,6	20,0	18,4	15,9		13,3	12,4	10,5	9,4	8,7	8,8	8,6	8,6	9,1

* В некоторых случаях средние показатели взяты за неполное четырех- или пятилетие.

** В сегодняшних границах.

Источники: см. прим. к табл. 7.

сегодня из-за низкой рождаемости и высокой доли пожилых наивысший коэффициент смертности в Европе. В эту же группу входят Великобритания (особенно Шотландия) и Бельгия, где коэффициент смертности равен примерно 12 на 1 тысячу. Наиболее заметной чертой является сглаживание различий между странами: еще в 20-х гг. они были значительными (Румыния — 23,2, СССР — 29,8, Нидерланды 11,1 на 1 тысячу); к началу 80-х гг. максимальная разница составляла лишь несколько пунктов (ГДР — 13,8, Испания — 7,6, Албания — 6,1 на 1 тысячу). Коэффициенты смертности в большинстве стран находятся теперь близко друг к другу в одном диапазоне между 8,5 и 11 на 1 тысячу (табл. 8).

Поскольку коэффициент смертности снижается медленно, естественный прирост населения все более зависит от коэффициента рождаемости. В Восточной и Южной Европе в первой половине 20-х гг. последний был на уровне 19 (Испания и Венгрия) — 18 (Болгария) на 1 тысячу, в Западной и Центральной Европе он меньше 9 на 1 тысячу (конечно, за исключением Нидерландов, Англии и Уэльса, Германии, Чехословакии и Шотландии). В то же время даже в «слаборазвитых» регионах Европы он снизился до 5—7, на западе и севере опустился ниже уровня 5 на 1 тысячу, в Центральной Европе приблизился к нулю, в ФРГ, Дании, Венгрии к началу 80-х гг. достиг отрицательных значений (—1,8 в ФРГ в 1984 г., —2 в Венгрии в 1984 г. и —1,3 в Дании на 1 тысячу в 1983 г.). Только в Ирландии, «демографической аномалии» (*demographic freak*) Европы, и в Польше коэффициент рождаемости еще находится на уровне 10 на 1 тысячу, а в Исландии и на Кипре еще выше. В СССР, особенно в его неевропейской части, наблюдается высокий коэффициент естественного прироста населения, тогда как динамика населения европейской части СССР соответствует общеевропейской тенденции. Из всех западноевропейских стран только Франция, еще один демографический аутсайдер в Европе, имела к началу 80-х гг. коэффициент естественного прироста почти 5 на 1 тысячу, и это при том, что в начале XIX в. и во второй половине 30-х гг. показатели естественной смертности превысили коэффициент рождаемости: —0,5 на 1 тысячу в среднем за 1935—1939 гг. за вычетом военных потерь (график 1).

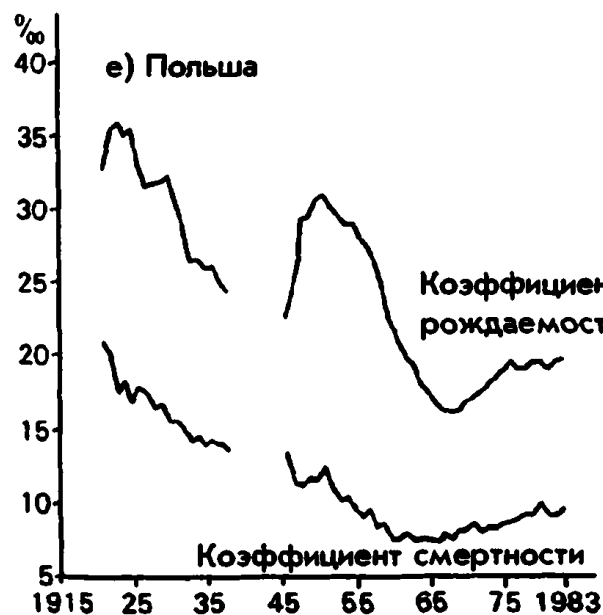
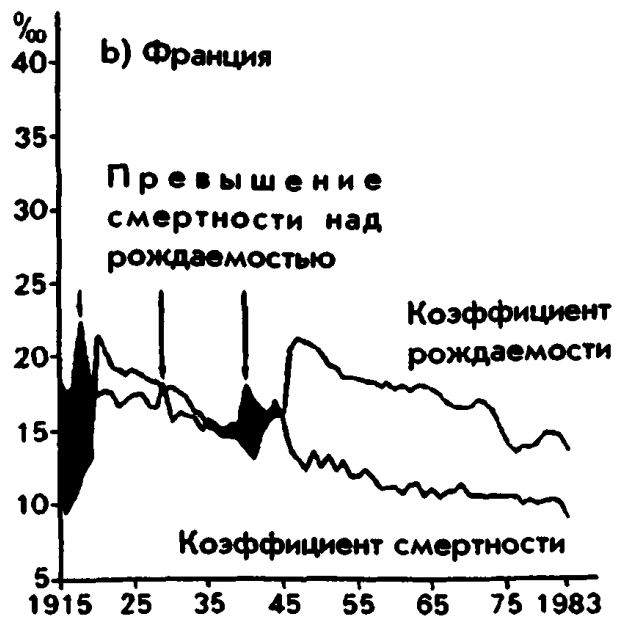
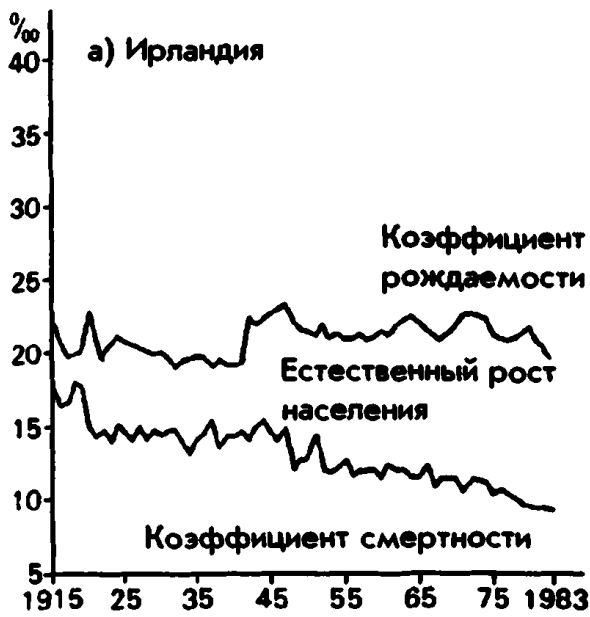

График 1. Естественный прирост населения в шести странах Европы. 1915—1983
 Источник: см. прим. к табл. 7, 8.

Для Европы в целом особые ситуации, подобные описанным для Франции в предвоенное время, или для Германии с начала 70-х гг., или для Албании, Польши и Ирландии с их все еще высокими коэффициентами рождаемости, большого значения не имеют. В XX в. коэффициент естественного прироста населения значительно снизился, и уже многие годы европейцы по этому показателю далеко отстают от остальных регионов мира.

Демографическая структура

С сокращением рождаемости и увеличением ожидаемой продолжительности жизни изменяется возрастная структура населения. Молодыми называются такие нации, в которых высок коэффициент рождаемости, а показатель ожидаемой продолжительности жизни невелик (иногда значителен уровень иммиграции). Стареющие нации имеют низкий коэффициент рождаемости, высокий показатель ожидаемой продолжительности жизни (иногда высокий уровень эмиграции). В XX в. европейские общества за отдельными исключениями (Албания, Югославия, Польша, Румыния и Ирландия) «постарели», т.е. доля поколений старших возрастов увеличилась и соответственно вырос средний возраст населения.

Так как данные структурные изменения происходят постепенно, то сначала вырастает доля населения средних возрастов и лишь несколькими десятилетиями спустя старение общества становится явным. В 1920 г. доля людей старше 65 лет везде в Европе была ниже 10%, в 1980 г. только в Югославии, Польше, Португалии, Румынии и, возможно, в Албании она составляла около 10%. В ряде стран, в частности в обоих германских государствах, Австрии, Дании, Норвегии и в Великобритании, она достигла 15—16%, в Швеции даже 17% (табл. 9). В Турции, напротив, доля стариков составляет только 4%, а в некоторых африканских странах 2%.

Доля населения моложе 15 лет в начале 80-х гг. больше всего была в Ирландии (31%) (предположительно, также в Албании). В Португалии, Румынии и Испании молодежь составляет более четверти населения, в Югославии, Польше и ЧССР почти чет-

**Возрастная структура населения некоторых европейских государств,
1920—1980 (в %)**

Страна	1920	1950	1980
а) процент населения в возрасте до 14 лет			
Австрия	25	23	21
Албания		39	40
Бельгия	25	21	20
Болгария	36	27	22
Великобритания	28	22	21
Венгрия	33	26	22
Германия	26		
ФРГ		23	18
ГДР		25	20
Греция	34	28	23
Дания	31	27	21
Ирландия	29	29	31
Испания	34	26	26
Италия	31	27	22
Люксембург	27	19	19
Нидерланды	33	30	23
Норвегия	32	24	22
Польша	35	28	24
Португалия	33	29	27
Румыния		28	27
СССР	37	30	26
Финляндия	32	30	20
Франция	23	23	22
Чехословакия	29	24	24
Швейцария	28	24	20
Швеция	29	24	19
Югославия		31	24
б) процент населения в возрасте от 15 до 64 лет			
Австрия	68	67	64
Албания		55	55
Бельгия	68	68	66
Болгария	58	66	65
Великобритания	66	67	64
Венгрия	60	66	65
Германия	68		
ФРГ		67	66
ГДР		65	64
Греция	60	65	64
Дания	62	64	64
Ирландия	62	60	58
Испания	57	67	63
Италия	62	65	65
Люксембург		71	68
Нидерланды	62	62	66

Страна	1920	1950	1980
Норвегия	60	66	63
Польша	58'	67	66
Португалия	61	64	63
Румыния		67	63
СССР		65	65 [^]
Финляндия	59'	63	67
Франция	68	65	64
Чехословакия	62'	68	64
Швейцария	66	67	66
Швеция	62	66	64
Югославия		63	67
с) процент населения в возрасте старше 65 лет			
Австрия	6	11	15
Албания		6	5 [^]
Бельгия	7	11	14
Болгария	6	7	12
Великобритания	6	11	15
Венгрия	7	8	13
Германия	6		
ФРГ		10	16
ГДР		10	16
Греция	6	7	13
Дания	7	9	15
Ирландия	9	11	11
Испания	9	7	11
Италия	7	8	13
Люксембург		10	13
Нидерланды	6	8	11
Норвегия	8	10	15
Польша	7	5	10
Португалия	6	7	10
Румыния		5	10
СССР		5	9 [^]
Финляндия	9	7	12
Франция	9	12	14
Чехословакия	9	8	12
Швейцария	6	9	14
Швеция	8	10	17
Югославия		6	9

' 15—60 лет,

[^] Свыше 60 лет,

" По оценке для 1975 г.

Источники: United Nations. The Aging of Populations and its Economic and Social Implications. New York, 1956. P.120. Annex; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland 1954. S. 20*, 1982. S. 639f.; Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1926. S. 6*; 1932, S. 12*; Biraben J.-N. Vues générales sur la population soviétique. S. 49; Shoup P.S. The East European and Soviet Data Handbook: Political, Social, and Development Indicators, 1945—1975. New York, 1981. P.55ff.

верть. В ФРГ ее доля достигает лишь 18%, а в Люксембурге и в Швеции — 19%.

Почти во всех европейских странах доля молодых лишь немного превышает 20%. В 1920 г. картина выглядела совершенно иначе. Тогда средний показатель по Европе составлял примерно 30%, в Болгарии же и СССР он достигал 36 и 37% соответственно, наименьшей доля молодых была во Франции (23%), т.е. выше сегодняшней средней.

Менее всего изменился показатель доли трудоспособного населения в возрасте от 15 до 64 лет. На первый взгляд это удивительно. Но данная группа объединяет значительно больше возрастов, чем две другие (от 0 до 14 и свыше 65 лет), и таким образом, изменения, произошедшие внутри более дробных возрастных групп, скорее нивелируются. Разделив ее на две подгруппы с населением в возрасте, например, от 15 до 30 лет, от 30 до 45 и от 45 до 65 лет, мы увидим эти перемены отчетливее. Достаточно указать на некоторые важнейшие различия между европейскими государствами. В начале 20-х гг. в западно- и центральноевропейских странах, таких, как Бельгия, Франция, Великобритания, Германия, Швейцария и Австрия, зафиксирован самый высокий показатель доли этих возрастных групп (66—68%). Коэффициент рождаемости здесь начал снижаться самое позднее в начале столетия, поэтому более молодые возрастные группы не были более представлены так значительно. В этих странах, исключая Бельгию и Швейцарию, в 80-х гг. доля населения трудоспособного возраста уменьшилась на 4% (Великобритания, ГДР и Австрия). Соответственно в демографической структуре прежде всего увеличилась доля людей пожилого возраста. В странах, которые в 1920 г. отличались высоким удельным весом молодежи, а также до некоторой степени низким показателем ожидаемой продолжительности жизни, доля населения в возрасте от 15 до 64 лет составляла примерно 60%; за последние 60 лет она немного поднялась до 63—66%. Наиболее яркий пример Болгарии. Удельный вес данных возрастных групп вырос здесь на 7%, с 58 до 65%. Некоторые из таких стран, в частности Норвегия, через эти изменения уже прошли. Здесь доля 15—64-летних в 1920—1950 гг. возросла с 60 до 66%, а затем упала до 63%. Во всех странах, где наблюда-

ется долгосрочное снижение коэффициента рождаемости, происходит описанная медленная трансформация возрастной структуры, которую прерывают лишь миграции или катастрофы. Тенденцию изменяют только новые волны роста рождаемости, как это видно на примере Франции, где процесс сокращения доли средних возрастных групп приостановлен в связи с увеличением числа лиц детородного возраста.

Почти во всех европейских странах со снижением рождаемости и удлинением ожидаемой продолжительности жизни средний возраст населения растет. В 1980 г. самый высокий средний возраст в мире был в Федеративной Республике Германии (36,6 лет) и Швеции (36,3 лет), т.е. ровно половина населения была моложе, а другая половина старше этого возраста (при этом в Либерии и Нигерии средний возраст населения составляет 16 лет).

Возрастную структуру населения можно наглядно представить графически. В Европе форма графика схожа с пирамидой, покоящейся на широком основании и сужающейся кверху, к колоколу, отражающему устойчивость демографической структуры, и, наконец, к луковице, наиболее широкая часть которой приходится на население средних возрастов, с возвышающейся над нею тонкой верхушкой. При этом, в особенности в странах Центральной и Восточной Европы, обнаруживаются сужения, обусловленные войной (военные потери, несостоявшиеся рождения), различных возрастных групп, с течением времени перемещающиеся вверх и выраженные в мужской части населения более, нежели в женской (см. график 2).

Важная причина старения населения заключается в увеличении продолжительности жизни людей вследствие высокого жизненного уровня, здорового образа жизни и улучшения системы здравоохранения. Ожидаемая продолжительность жизни в XX в. в Европе в целом выросла у женщин в большей степени, чем у мужчин. В 1920 г. ожидаемая продолжительность жизни женщин в среднем по Европе составляла 40 лет; в Скандинавских странах, Германии и Швейцарии — 55—59, в Англии и Уэльсе — почти 60 лет. В 1980 г. она увеличилась в Швеции до 82, в Норвегии, Нидерландах и Швейцарии — до 79 лет и даже в Албании и Румынии — до 71—73 лет. Продолжительность

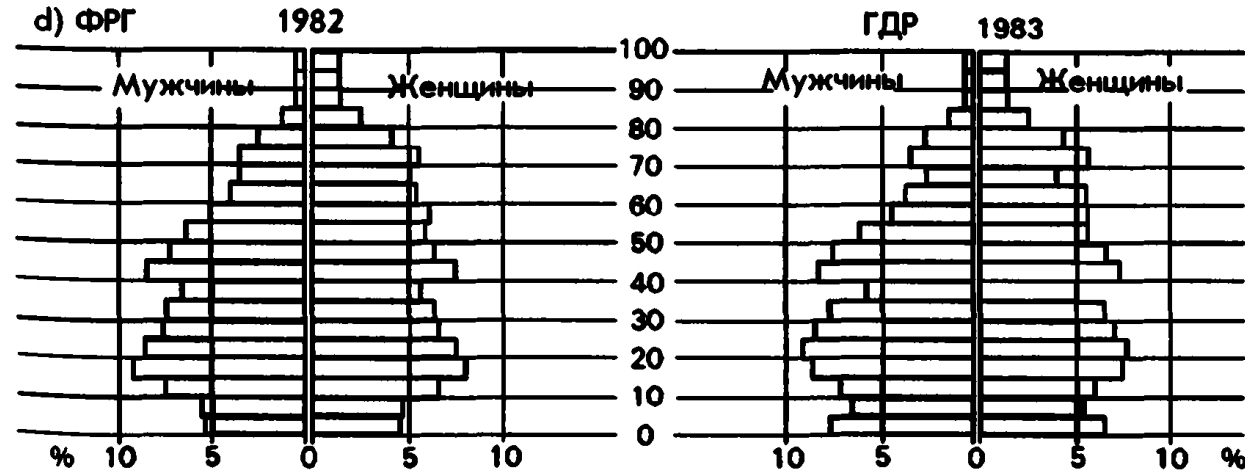
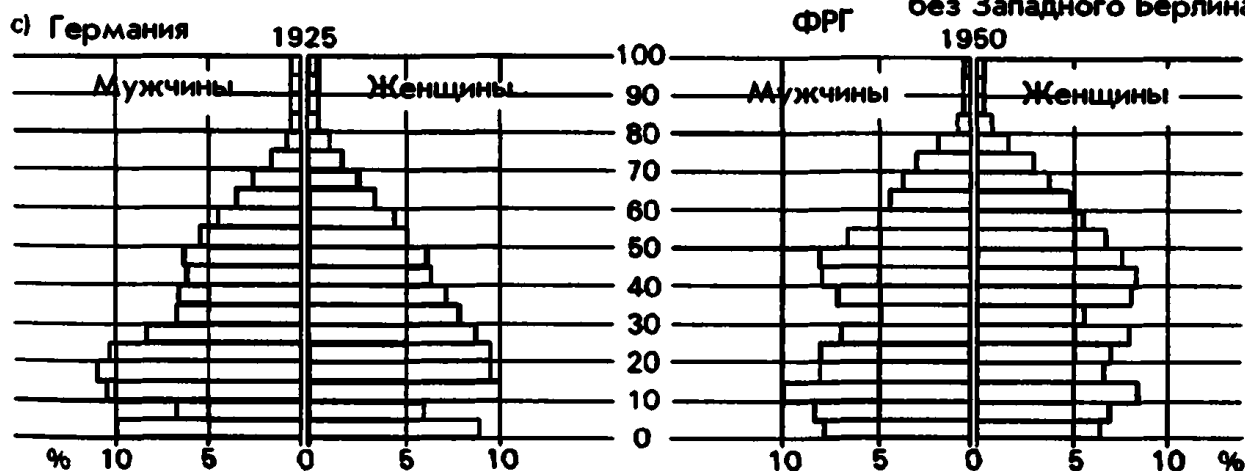
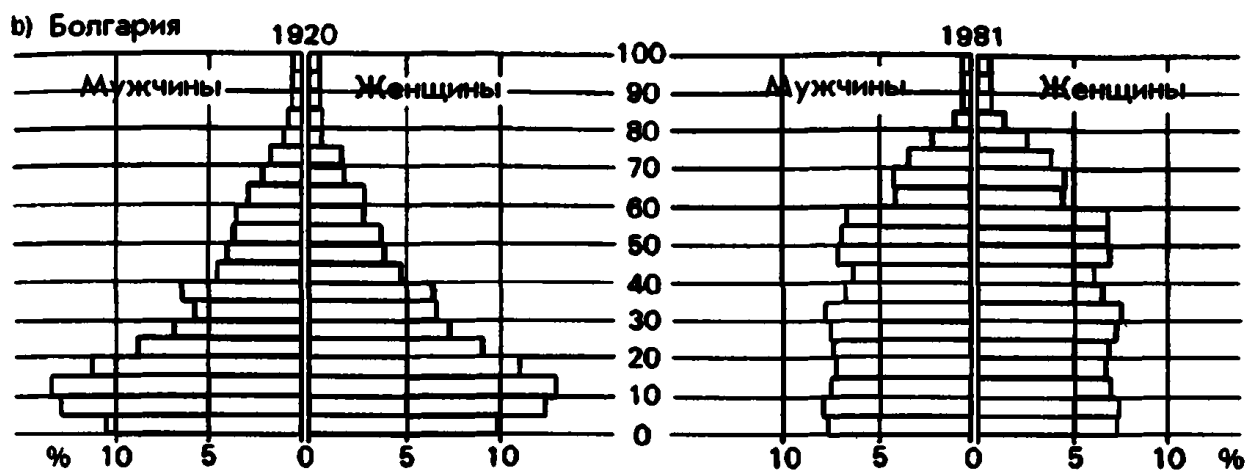
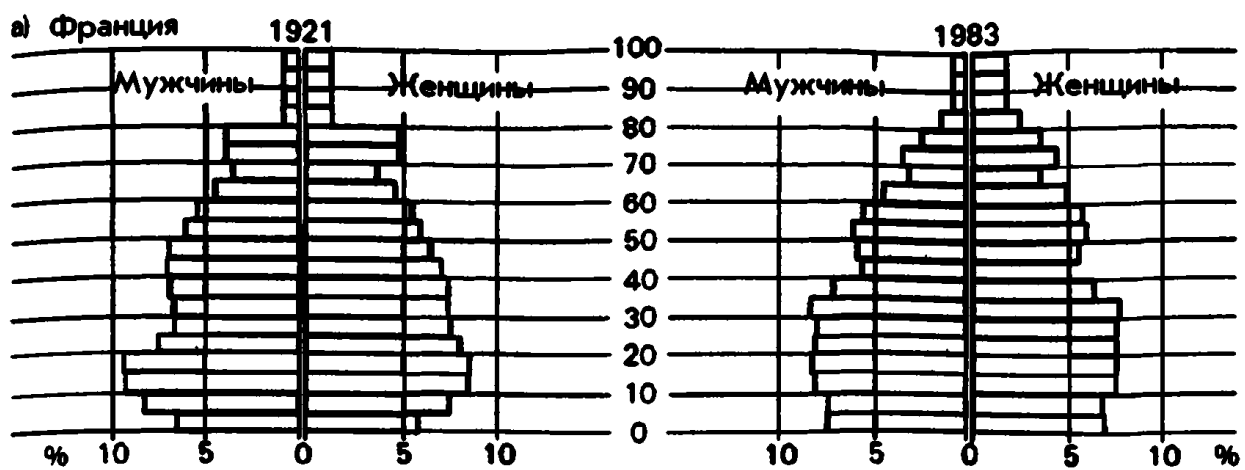

График 2. Возрастная структура населения Франции, Болгарии и Германии в 1920—1921 и 1982—1983 гг.

Источник: UN. Aging of Populations; UN. Demographic Yearbook. 1983. P.208ff.

жизни мужчин изменилась не столь заметно. В Швеции она достигла 76 лет, в большинстве стран Европы — 68—72 лет, в Польше и Венгрии — лишь 66 лет. Повсюду в Европе наблюдается тенденция к увеличению разрыва показателей ожидаемой продолжительности жизни между полами; в 1980 г. наивысший разрыв наблюдался в Финляндии и Польше (8,4 года) и в СССР в 1970 г. (10 лет). В то же время данные показатели для отдельных стран постепенно выравниваются. В Южной и Восточной Европе они в целом несколько ниже, чем в Северной и Западной, но в Юго-Восточной Европе выделяются два государства с относительно высокой ожидаемой продолжительностью жизни — Болгария и Греция (*табл. 10*).

Тот факт, что показатели ожидаемой продолжительности жизни в Европе столь существенно выровнялись, объясняется главным образом снижением коэффициента смертности в целом и младенческой в частности, улучшением медицинского обслуживания и гигиены в наименее богатых регионах Европы. В первой половине 20-х гг. имелись большие различия между Северо-Западной и Юго-Восточной Европой. В Скандинавских странах, Ирландии, Великобритании, Нидерландах и Швейцарии, а также, очевидно, в Греции на первом году жизни умирало менее 10%, в большей части стран Центральной и Восточной Европы — от 10 до 15%, в Румынии даже свыше 20% младенцев. Однако уже в 60-х гг. младенческая смертность снизилась в целом до 2—4%, не учитывая немногие исключения, вроде Югославии (6%), в Скандинавских же странах и Швейцарии, а также в Англии и Уэльсе — до менее 2%. Наилучший показатель имеет Швеция с 1,3% смертей новорожденных на первом году жизни. К началу 80-х гг. в большинстве стран младенческая смертность снизилась до 1—2%, только в Югославии, СССР и Румынии она держалась на уровне 3%, в Албании — 5%. При этом в Нидерландах, Швейцарии и Скандинавских странах ее удалось довести до показателя ниже 1% (*табл. 11*).

В некоторых странах, например в Италии и Франции, вместе с тем сохраняются значительные региональные различия; почти повсюду остаются существенными различия между городом и селом. Чем более выравниваются данные показатели,

Средняя ожидаемая продолжительность жизни в странах Европы. 1920—1980

а) при рождении

Страна	Мужчины				Женщины			
	1920	1930	1950	1980	1920	1930	1950	1980
Австрия		54,5	61,9	69,2		58,5	67,0	76,6
Албания			57,2	68,0			58,6	71,5
Бельгия		56,0	62,0	69,9		59,8	67,3	76,6
Болгария		45,9		68,6		46,6		74,0
Великобритания								
Англия и Уэльс	55,6	58,7	66,5	70,2	59,6	62,9	70,6	76,2
Сев. Ирландия		55,4	65,4	68,4		56,1	68,8	74,7
Шотландия	53,1	56,0	64,5	68,2	56,4	59,5	68,3	74,4
Венгрия	40,4	48,3	58,8	66,0	42,6	51,3	63,3	73,2
Германия	56,0	59,9			58,8	62,8		
ФРГ			64,6	69,9			68,5	76,6
ГДР			65,1	68,7			69,1	74,6
Греция	42,9	49,1		72,9	46,5	50,9		77,6
Дания	55,8	60,9	67,8	71,1	58,1	62,6	70,1	77,2
Ирландия	57,4	58,2	64,5	69,5	57,9	59,6	67,1	75,0
Испания	40,3	48,4	58,8	71,8	42,1	51,6	63,5	78,0
Италия	49,3	53,8	63,8	70,6	50,8	56,0	67,3	77,2
Люксембург	52,0	55,2	61,7	70,0	55,2	58,9	65,6	76,7
Нидерланды	55,1	61,9	70,6	72,4	57,1	63,5	72,9	79,2
Норвегия	55,6	61,0	69,3	72,3	58,7	63,8	72,7	79,0
Польша		48,2	55,6	66,0		51,4	62,5	74,4
Португалия			55,5	67,4			60,5	74,7
Румыния				67,3				72,4
СССР		41,9	61,0	64,0*		46,8	67,0	74,0*
Финляндия	43,4	50,7	58,6	69,2	49,1	55,1	65,9	77,6
Франция	52,2	54,3	63,6	70,4	56,1	59,0	69,3	78,5
Чехословакия		51,9		66,8		55,2		74,0
Швейцария	54,5	59,2	66,4	72,7	57,5	63,1	70,9	79,6
Швеция	55,6	61,0	69,0	76,1	58,4	63,2	71,6	82,1
Югославия		50,1	59,2	67,6		54,2	63,5	73,3

б) в возрасте 20 лет

Страна	Мужчины				Женщины			
	1920	1930	1950	1980	1920	1930	1950	1980
Австрия		45,2	48,7	51,1		48,0	52,6	57,8
Албания			50,7	68,0			53,9	
Бельгия		46,0	48,0	50,7		48,4	52,3	56,6
Болгария		45,8		51,5		45,5		56,2
Великобритания								
Англия и Уэльс	45,8	46,8	49,8	52,5	48,7	49,9	54,0	58,2
Сев. Ирландия		45,6	49,5	50,5		45,2	52,3	56,3
Шотландия	44,8	46,0	48,6	51,4	46,8	48,3	51,7	56,5
Венгрия		43,8	48,0	48,3	42,6	45,8	51,3	55,2
Германия	46,1	48,2			48,1	49,8		
ФРГ			50,3	51,6			53,2	57,9
ГДР			50,7	50,4			53,6	55,9
Греция	39,6	44,3		50,5**	44,4	46,4		54,6**
Дания	46,1	49,6	52,2	52,4	47,2	49,6	53,6	58,2
Ирландия	46,4	46,8	49,3	46,7**	46,4	47,3	51,2	51,2**
Испания	40,7	43,1	47,5	52,6	42,6	45,9	52,0	58,0
Италия	45,2	46,8	50,4	52,6	46,0	48,5	53,3	58,7
Люксембург			48,0	50,9			51,5	57,4
Нидерланды	46,7	49,7	53,7	53,7	47,5	49,8	55,4	60,2
Норвегия	44,9	47,7	53,3	53,6	47,2	50,0	55,6	59,9
Польша		43,7	46,8	49,5		45,7	51,6	57,0
Португалия			47,0	50,6			51,8	57,2
Румыния				46,1**				50,5**
СССР		43,2				47,4		
Финляндия	37,9	41,9	44,4	50,3	43,8	46,0	51,0	58,4
Франция	42,9	43,3	48,4	51,9	46,2	47,4	53,4	59,6
Чехословакия		45,3		49,0		47,4		55,7
Швейцария	43,9	45,4	50,2	53,9	45,9	48,5	53,9	60,5
Швеция	45,3	48,5	52,1	56,3	47,4	49,7	54,0	62,2
Югославия		44,2	48,9	50,9		46,6	52,5	56,1

* В 1970 г.

** 25 лет.

Источники: Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1983. S. 644; 1985. S. 654; United Nations. Demographic Yearbook. 1957. P. 566—573; 1958. P. 528—631; 1966. P. 576f.; 1983. P. 490.

Младенческая смертность в Европе в 1920—1983 гг. (в ‰)

Страна	Годы		
	1920—1924	1950—1954	1979—1983
Австрия	142	55	13
Албания		106	50
Бельгия	108	46	11
Болгария	160	94	19
Великобритания			
Англия и Уэльс	77	28	12
Сев. Ирландия	80	38	13
Шотландия	92	35	12
Венгрия	193	74	21
Германия	127		
ФРГ		49	12
ГДР		60	12
Греция	85	44	16
Дания	84	29	8
Ирландия	73	42	12
Испания	138	57	11
Италия	128	61	14
Люксембург	106	43	12
Нидерланды	74	24	8
Норвегия	53	24	8
Польша	177	98	20
Португалия	153	92	22
Румыния	207	105	28
СССР	179'	75	29
Финляндия	98	35	7
Франция	105	46	10
Чехословакия	162	58	17
Швейцария	70	29	8
Швеция	61	20	7
Югославия	149'	116	31

' 1925—1929.

Источники: Mitchell B.R. European Historical Statistics. P. 140ff; United Nations. Demographic Yearbook. 1983. P.364f.; 1958. P.243; 1952. P.324; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1981. S. 637; 1982. S. 642; 1983. S. 643; 1985. S. 653.

чем сложнее становится их дальнейшее улучшение, тем более близкими оказываются коэффициенты ожидаемой продолжительности жизни, а темпы прироста населения попадают в зависимость от колебаний коэффициента рождаемости, который, как представляется, возрастает и под воздействием миграционных потоков.

Демографическую структуру характеризует также половая структура населения. Вследствие более высокой ожидаемой продолжительности жизни женщин и больших потерь мужчин в обеих войнах XX в. доля женщин, которая уже в XIX в. была несколько большей, продолжала увеличиваться. В некоторых затронутых войной поколениях, особенно в Восточной и Центральной Европе, обнаружались крупные диспропорции в соотношении между мужчинами и женщинами. В 80-е гг. только в Ирландии — стране с очень высоким коэффициентом рождаемости в послевоенные годы наблюдался небольшой перевес мужчин (50,2%), тогда как в ГДР на долю мужчин приходилось только 47% населения, а в Федеративной Республике — 47,8%. Перевес женщин в ФРГ отмечается, однако, только в возрастных группах старше 50 лет, тогда как вследствие большого числа родившихся после войны мальчиков мужчины преобладают в более молодых поколениях. Так, на 1000 мужчин старше 65 лет приходится 1823 женщины; моложе 60 — только 975. В 1950 г. перевес женщин наблюдался во всех поколениях старше 21 года. Еще значительнее он был в СССР, где в 1979 г. мужчины составляли только 46,6% всего населения. Во всех остальных тяжело пострадавших от войны районах Восточной и Юго-Восточной Европы, напротив, благодаря высоким темпам рождаемости мальчиков после второй мировой войны половая структура постепенно приближается к «нормальной»: 49% мужчин на 51% женщин.

Диспропорция половой структуры влияет на коэффициент брачности (число заключенных браков на 1000 жителей). В XIX в. в странах с высоким уровнем эмиграции, таких, как Ирландия, он был на целых два промилле ниже, чем в среднем по Европе. Обе мировые войны привнесли в Европу новые значительные различия. Если в мало затронутых войной регионах Западной Европы коэффициенты брачности оставались на «нормальном» уровне — между 7 и 8 на 1 тысячу, то во многих стра-

нах, участвовавших в первой мировой войне, они, как это обычно бывает после войны, сначала выросли: много браков заключалось из стремления наверстать упущенное. Так, в Италии в 1920 г. коэффициент брачности составлял 14‰, в Австрии в 1920 г. и в СССР в 1923 г. — 13‰, в Германии в 1920 г. — даже 14,5‰. В 1920-х гг. он постепенно снизился и в годы мирового экономического кризиса во многих случаях достиг минимального значения. В Италии, например, в 1932 г. коэффициент брачности был только 6,4‰, в Германии в разгар депрессии он опустился до 7,9‰, т.е. остался в пределах долгосрочного среднего значения, как и в некоторых других странах. Новый подъем начался здесь очень быстро не только вследствие улучшения экономической ситуации, но и благодаря особым мерам демографической политики (ссуды для лиц, состоящих в браке). Уже в 1933 г. коэффициент вступающих в брак (9,7‰) был значительно выше долгосрочного среднего, а в 1934 г. и снова в 1939 г. он поднимался до небывалого уровня 11,2‰. Во время второй мировой войны коэффициенты брачности в большинстве стран, принимавших участие в войне, снизились, а затем вновь выросли. Так, в Западной Германии с 1947 по 1951 г. они держались на уровне выше 10‰.

Во многих странах Европы высокая брачность сохранялась длительное время. Казалось, что образуется новый демографический тип, так как доля не вступающих в брак, особенно среди женщин, сокращалась в течение целых двух десятилетий. Наиболее ярко выражено это было в протестантской Северной Европе, где доля не состоявших в браке традиционно была высокой. В Швеции доля никогда не бывших в браке женщин в возрасте от 45 до 49 лет сократилась с 18,5 до 7%, в Англии — с 16,6 до 7%, а в Норвегии даже с 20,5 до 5,9%. В католических странах (Франции, Италии, Испании, Португалии), а также в Федеративной Республике Германии этот показатель также сократился с 11—13 до 7—8%. Только в Ирландии ровно пятая часть мужчин по-прежнему оставались холостыми и четверть женщин — незамужними. В Юго-Восточной Европе, напротив, коэффициент безбрачия постоянно находился на очень низком уровне, а именно от 2 до 4%. Здесь раньше вступают в брак: женщины в целом в возрасте около 20 лет, треть даже ранее,

мужчины в среднем до 25 лет. В Южной Европе средний брачных возраст такой же. В Западной Европе средний возраст вступления в первый брак также понизился у мужчин: с 27—28 лет на 2—4 года и у женщин с 25—26 лет на 3—4 года.

Представляется, однако, что с середины 60-х гг. данная тенденция во многих странах нарушилась: на Севере и Западе раньше и в большем масштабе, чем на Юге и Востоке. Коэффициент брачности вновь сократился, хотя вследствие увеличения количества разводов и повторных браков статистически наметилась встречная тенденция. Если в начале 60-х гг. коэффициент брачности держался в целом на уровне 7—9‰, в некоторых странах, в том числе в обоих немецких государствах, выше 9‰, то с тех пор в большинстве европейских государств он упал ниже 7‰. Швеция, где коэффициент брачности упал с 7,8‰ в 1965—1966 гг. до 4,6‰, в этом смысле лидирует. К началу 1980 г. 76% всех шведских женщин в возрасте 20—24 лет и 35% в возрасте 25—29 лет еще не были замужем. Таким образом, не спешащие с вступлением в брак шведы перещеголяли даже ирландцев, которые с 60-х гг., опять-таки вопреки общеевропейской тенденции, начали заключать браки раньше. В Дании, Норвегии, Федеративной Республике Германии и Швейцарии, а также во Франции, Италии и Испании коэффициент брачности в 1960 г. упал ниже 6‰, в большинстве стран восточного блока, включая ГДР, он был все-таки выше 7‰, в Румынии — выше 8‰, в Польше — 9‰ и в СССР — 10,3‰.

Поскольку тенденция к повышению возраста вступления в первый брак, подобная той, что имеет место в Швеции, хотя и не столь яркая, вновь обнаруживается, то, очевидно, намечается формирование нового демографического типа, характеризующегося меньшим количеством и более поздним заключением браков, большим числом разводов и меньшим числом детей, а также более старшим возрастом первородящих женщин. Толерантность общества в отношении внебрачного сожительства пар, которая еще поколение назад вряд ли была мыслима, облегчает существование этого нового типа. В Швеции в конце 70-х гг. пары жили вместе в среднем два года, прежде чем заключали брак. В середине 70-х гг. в Швеции средний возраст вступления в брак мужчин вновь составил 28 лет, женщин — почти 26 лет, соот-

ветственно на 1,5 и 3,2 года старше, чем в 1960 г. В возрасте от 20 до 24 лет большее количество шведок живет с мужчинами вне брака, чем в браке (28,6% против 21,5% соответственно). 37% женщин этого возраста, имеющие, как минимум, одного ребенка, родили его вне брака. Для Дании, Франции, Федеративной Республики Германии и Швейцарии можно констатировать аналогичные соотношения. Например, в 1974 г. в Женеве 61% всех вышедших замуж швейцарок жили до брака со своими партнерами. Во Франции в 70-е гг. 12% женщин в возрасте 20—24 лет находились во внебрачной связи, 49% были замужем. В ФРГ согласно исследованиям в период с 1972 по 1982 г. число пар, проживающих в незарегистрированном браке, выросло в 4 раза — до почти 1 млн; в Париже в 1981 г. почти пятая часть всех совместно живущих пар в возрасте до 30 лет не состояла в официальном браке.

Изменение типа поведения проявляется, наконец, в увеличении доли детей, родившихся вне брака. В Швеции их удельный вес среди живорожденных вырос с 1955 по 1980 г. с почти 15 до 38%, в Дании за тот же период с менее чем 10 до 34%, во Франции с 1970 по 1982 г. с 7 до 14%, в ФРГ с 5 до 8% и в ГДР с 13 до 29%.

Одновременно в большинстве протестантских и некоторых католических странах с конца 60-х гг. быстро росло, частично вследствие законодательных реформ, количество разводов. За десять с лишним лет доля разводов удвоилась почти повсюду. Trendsetter (*англ.* определяющий тенденцию. — *Прим. пер.*) здесь вновь скандинавы. В 1980 г. в Швеции и Дании было зарегистрировано число разводов, равное почти половине заключенных браков, тогда как в 1950 г. оно составляло только 15 и 18% соответственно от числа заключенных браков. В восточном блоке этот показатель особенно вырос в Венгрии и ГДР. Здесь в начале 80-х гг. разводы составили примерно треть от числа заключенных браков. В большинстве западно- и центральноевропейских стран в настоящее время это соотношение колеблется на уровне 25%. Оно все еще значительно ниже в Бельгии и Ирландии, в Испании и Португалии, а также в Польше, Болгарии и Румынии; законы или местные обычаи делают развод исключительным или совсем невозможным событием.

Изменение житейских привычек также привело к увеличению числа одиночек. Количество домохозяйств, состоящих из одного человека, в северо-западной Европе (Дании, Германии, Великобритании и Швейцарии) в период между войнами колебалось от 7 до 11%, с 60-х гг. быстро росло. В 1980 г. таковыми была четверть всех британских, французских, датских и швейцарских домохозяйств. В ФРГ и Австрии их доля составляла треть, а в крупных городах — Берлине, Копенгагене, Париже и Вене — более половины домохозяйств. Почти каждый четвертый житель этих городов жил один.

Как и прежде, значительную часть ведущих в одиночку домохозяйств составляют пожилые женщины, традиционно самая крупная группа среди одиноких людей. Учитывая высокую ожидаемую продолжительность жизни, их число будет расти. К ним во все большем количестве присоединяются молодежь и взрослые люди молодого возраста, которые предпочитают и себе могут позволить жить одни. В странах, где существует дефицит жилья (как в восточном блоке), а также в странах с низкими доходами и сохранившими эффективность традициями семейной жизни (в Южной Европе) значительно ниже доля одиноко живущих по этим причинам. Так, хозяйства одиноких в начале 80-х гг. в Польше и Италии составляли лишь 15% всех домохозяйств.

В Западной Европе сократился и средний размер семьи (с 4,5—5 человек в начале века до 2,5 человек в 1980 г.). Это отражает, наряду с тенденцией к жизни вне семьи, также уменьшение количества детей в семье и сокращение числа домработниц.

Миграционные потоки

Перед первой мировой войной по экономическим или личным причинам мигрировали миллионы европейцев: за океан в Америку, внутри своей страны в города и промышленные агломерации, а также в соседние европейские страны. Первая мировая война и иммиграционные законы, принятые в США 1920-х гг., «великая депрессия» и вторая мировая война существенно ограничили эти миграции, но теперь к ним добавились

переселения по политическим мотивам и депортации больших групп населения, т.е. миграции, вынужденные политикой государства. В целом, без учета временных переселений военного времени, за 60 лет, с 1920 по 1980 г., количество людей, покинувших свою родину, было меньшим, чем за 60 лет, предшествующих первой мировой войне, когда около 40 млн европейцев выехали за океан и, по имеющимся оценкам, еще от 5 до 10 млн (без миграции ирландцев в Великобританию) обосновались за пределами страны рождения, но в Европе. Добавив к этому перемещения населения, вызванные войной, получим значительный прирост количества людей, которые по меньшей мере временно покидали свою родину.

До 1915 г. характер эмиграции за океан, особенно итальянцев, практически не изменился, так как ни Италия, ни США поначалу не приняли участия в войне. С 1916 г. ее темпы замедлились, и за 5 лет, с 1916 по 1920 гг., только за океан ежегодно уезжали около 400 тыс. европейцев (против 1,3 млн в среднем за период 1901—1915 гг.). В 20-е гг. среднее число эмигрировавших за океан выросло почти до 600 тыс. (около половины довоенного уровня). В целом в 20-е гг. за океан уехало от 6 до 7 млн европейцев. Мировой экономический кризис и политическая напряженность в 30-е гг. привели к резкому, примерно до 130—140 тыс. в год, сокращению числа переселенцев в Америку. Во время второй мировой войны эмиграция за океан практически прекратилась, после войны (1946—1963 гг.) она вновь приблизилась к уровню 20-х гг., составив в среднем 585 тыс. человек в год, но не достигла уровня десятилетия перед 1914 г. Большую часть переселившихся после войны за океан европейцев составили *displaced persons* (перемещенные лица. — Прим. пер.), особенно из Центральной и Восточной Европы. В 1944—1951 гг. с помощью таких организаций, как ЮНРРА (UNRRA — Администрация Объединенных Наций по вопросам помощи и восстановления. — Прим. пер.), было репатрировано или переселено в зарубежные страны, большей частью за океан, около 8 млн беженцев. В последующий период вновь начала расти эмиграция за океан по личным, экономическим или семейным причинам.

До конца XIX в. регионом наибольшей эмиграции являлась Северо-Западная Европа. В последние три десятилетия перед

первой мировой войной усилилась эмиграция из восточных и юго-восточных регионов Европы. В 1910—1915 гг. она уже в три раза превышала эмиграцию из традиционных стран. Это преобладание исчезло после первой мировой войны главным образом потому, что почти полностью прекратилась эмиграция из России. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что американские законы об иммиграции 1921 и 1924 гг. установили квоты для отдельных стран и тем самым сильнее ограничили новое переселение. Если в 1916—1920 гг. регионы нового переселения дали почти вдвое больше иммигрантов, чем регионы старого, то в 20-е гг. их доля составила только 54%, а в 30-е гг. — 60%. После 1946 г. количество выходцев из Северо-Западной Европы вновь стало преобладающим и составило 60%, так как с этого времени выезд граждан почти всех стран Восточной и Юго-Восточной Европы (включая Грецию) был затруднен. Только венгры после восстания 1956 г. в большом числе покинули страну, и часть из них попала за океан. Британские острова поэтому вновь стали крупнейшим источником европейской эмиграции в Америку. За ними следовали Италия, Иберийский полуостров и Германия. Выходцы из этих четырех регионов составили в 20-е гг. 82%, в 30-е гг. — 70% и в 1951—1979 гг. — 83% всех эмигрировавших за океан европейцев. Если рассматривать только межвоенный период, то наблюдается противоположная тенденция к увеличению доли эмигрантов из Восточной и Юго-Восточной Европы (за исключением русских). В первой половине 20-х гг. они составляли 13%, а во второй половине 20% всех эмигрировавших за океан европейцев (*табл. 12*).

Среди стран иммиграции на первом месте оставались США, но их относительное значение уменьшалось. В 1920—1960 гг. они приняли треть иммигрантов с других континентов, чуть больше четверти переселилось в Латинскую Америку и почти пятая часть — в Австралию и Новую Зеландию и, соответственно, в Канаду. Южная Африка также осталась существенным направлением миграции, особенно для британцев. Небольшая часть уехала в азиатские регионы, прежде всего в Гонконг и Сингапур.

Ограничения на въезд, введенные в Америке в 1921 и 1924 гг., явились основной причиной изменения направления миграции.

Эмиграция из Европы в 1911—1979 гг. (за десятилетие в 1000 чел.)

Страна	1911— 1920	1921— 1930	1931— 1940	1941— 1950	1951— 1960	1961— 1970	1971— 1979"
Австрия	418	61	11		53	88	24
Бельгия	21	33	20	29	109	119	108
Великобритания	2587	2151	262	755	1454	2007	1611
Германия ¹	91	564	121	618	872	654	625
Дания	52	64	100	38	68	94	115
Испания	1306	560	132	166	543	200	48
Италия	2194	1370	235	467	858	524	205
Нидерланды	22	32	4	75	341	252	228
Норвегия	62	87	6	10	25	39	42
Польша		634	164				
Португалия	402	995	108	69 [^]	346	248	139
Россия	420	80					
Финляндия	67	73	3	7	32	10	6
Франция	32	4	5		155		
Швейцария	31	50	47	18*	23		
Швеция	86	107	8	23	43	36	47
Всего	7791	6865	1226	2275	4922	4271	3198

¹ После второй мировой войны — только ФРГ.

[^] 1941—1949, включая внутриевропейскую миграцию.

* 1941—1944, включая внутриевропейскую миграцию.

" По Италии, Австрии, Португалии нет полных данных.

Источник: Woodruff W. Impact of Western Man. P. 106, 401.

Если перед первой мировой войной США приняли 60% всех эмигрантов, въехавших в одну из 4 главных стран иммиграции (США, Аргентина, Бразилия, Канада), то в 1921—1924 гг. их доля в совокупном въезде в эти четыре страны упала до 51%, во второй половине 20-х гг. — до 32%. С 1931 по 1935 г. и Аргентина, и Бразилия приняли больше иммигрантов, чем США. Лишь непосредственно после войны они вновь стали основной страной иммиграции, с 60-х гг. для латиноамериканцев и выходцев из Юго-Восточной Азии в большей степени, чем для европейцев. В 1977 г. выходцы из Европы составляли только 16% всех иммигрировавших в США.

Для 11 европейских стран удается определить, хотя и с различной степенью точности, структуру межконтинентальных или совокупных потоков эмиграции по профессиям или по отраслям хозяйства. При этом прежде всего бросается в глаза высокая доля лиц, не имеющих самостоятельных источников до-

ходов, большей частью женщин и детей. Непосредственно после первой мировой войны, по всей видимости, эмигрировали в большинстве случаев мужчины: в 1918—1920 гг. 76% эмигрантов зарегистрировались как лица, имеющие самостоятельный заработок. Затем их доля постоянно сокращается и достигает самого низкого значения (47,5%) сразу же после второй мировой войны, когда доминировали «невесты военного времени» и члены воссоединявшихся семей. Позже их доля возрастает почти до 55%. Вследствие высоких абсолютных показателей в начале периода доля эмигрантов из Европы, имеющих самостоятельные источники доходов, за весь период 1918—1954 гг. составляет 62%.

Между отдельными странами заметны значительные различия. Для Великобритании доля лиц, не имеющих самостоятельных доходов, как правило, членов семьи, была существенно выше, чем в среднем по Европе (для всего периода — половина, в годы после второй мировой войны свыше 60%). Для Швейцарии имело место обратное соотношение. Здесь лица, не имеющие самостоятельных доходов, в течение всего периода составляли 30%, а непосредственно после войны около 40%; в нейтральной Швейцарии не было феномена «невест военного времени». Ниже среднего уровня была доля эмигрантов без самостоятельных доходов в Ирландии, но по другим причинам: многих женщин-эмигранток учитывали как имеющих профессию домашних работниц. За весь период они составили почти треть выехавших в Америку ирландцев и лишь в 1950 г. — четверть. Большая часть уезжавших из Ирландии была занята в сельском хозяйстве (в целом почти 34%, в 1924 г. — больше 42%). Для Италии аналогичное соотношение наблюдалось только в первой половине 20-х гг., когда 36% всех переселенцев в другие страны Европы были связаны с сельским хозяйством (соответственно 22,5% — с промышленностью и 29% не имели самостоятельных доходов). Но уже во второй половине 20-х гг., занятые в промышленности доминировали над работавшими в сельском хозяйстве, однако с этого времени преобладали лица, не имеющие самостоятельных доходов. В 1946—1950 гг. их удельный вес среди эмигрантов достиг 43,6%, в 1951—1954 гг. — даже 51%. Аналогичная тенденция наблюдалась в среде норвежских

эмигрантов в Америку. В 20-е гг. на занятых в сельском хозяйстве здесь приходилось более четверти всех выезжавших, и они образовывали самую крупную профессиональную группу, однако после второй мировой войны их доля упала до менее 10%. Категория лиц, не имеющих самостоятельных доходов, и среди норвежских эмигрантов была самой многочисленной, особенно после второй мировой войны. Для эмигрантов за океан из Германии за весь период они составляли почти треть и, за исключением второй половины 20-х гг., являлись наиболее крупной группой. В 1936—1939 гг. их было 44%, что, очевидно, объясняется сравнительно высоким числом политических беженцев, выезжавших целыми семьями. На это указывает и высокая доля лиц, не имеющих самостоятельного заработка среди иммигрировавших в Палестину. В 1922—1954 гг. из въехавших туда (с 1948 г. — в Израиль) 1,1 млн человек почти две трети были лицами без самостоятельных доходов, в 1936—1940 гг. их насчитывалось 68%, сразу после второй мировой войны (1946—1949 гг.) — почти 80%.

Из этих цифр следует, что количество женщин и детей-эмигрантов из Европы было в XX в. больше, чем в прошлом столетии, когда, за исключением Ирландии, счастье в чужих краях искали чаще одинокие мужчины.

В XIX в. существовала и реэмиграция из-за океана. Однако статистически ее трудно проследить. В годы мирового экономического кризиса она возросла, так как США и Канада, как, впрочем, и Австралия, были в числе стран, наиболее пострадавших от кризиса. Многие страны Западной Европы (Великобритания, Бельгия и Нидерланды, а также Испания и Швеция) пострадали относительно мало. Поэтому в 1930 г. возник большой встречный поток, который в течение двух последующих лет усиливался, а затем вновь ослаб. В начале 30-х гг. Европа — впервые за несколько столетий — в целом имела положительное сальдо баланса миграции. Более всего въезжало в Великобританию и Испанию. Значительно меньше людей вернулось в Италию или Польшу, где в межвоенное время эмиграция была особенно сильна.

То, что баланс миграции для некоторых стран приобрел положительные значения, было, по всей видимости, связано не

столько с усилением встречного потока реэмиграции, сколько с сокращением выезда. Для Европы в целом в среднем за период 1931—1935 гг. реэмиграция составила только 131 тыс. чел. и выросла лишь ненамного — до 147 тыс. чел. во второй половине 30-х гг. Другие страны, такие, как Бельгия, Нидерланды, Австрия, Венгрия, Югославия и Румыния, в этот период также имели положительное сальдо баланса миграции, что, впрочем, объясняется в первую очередь не реэмиграцией из-за океана, а возвращением рабочих из соседних европейских стран, Германии и Франции прежде всего.

В Германии ситуация была еще более сложной. Вопреки большим экономическим трудностям баланс миграции на протяжении почти всего межвоенного периода, с примечательным исключением в 1923 г., оставался положительным; его значения достигли наивысшей точки в 1930 г. и сохранялись до 1934 г. Начавшаяся политическая эмиграция сделала в последние годы перед второй мировой войной сальдо баланса миграции отрицательным. В Швеции баланс миграции изменился в 1930 г. на длительный срок, положительным сальдо оставалось до начала второй мировой войны. Швейцария, которая уже до первой мировой войны стала страной постоянной иммиграции из соседних стран, до 1935 г. сохраняла положительное сальдо баланса миграции, которое в 1930—1931 гг. достигло наивысшего показателя; позже оно постепенно ухудшалось, пока в 1936 г. не стало отрицательным, оставаясь таким, за исключением 1937—1938 гг., до 1941 г.

Статистика некоторых стран, за редким исключением тех, где заокеанская и внутриевропейская миграция учитываются отдельно, содержит данные также и о внутриевропейской, часто краткосрочной, миграции. Наибольший размах последняя приобрела накануне первой мировой войны, когда, по оценкам, 5 млн европейцев жили за пределами своих стран, из них более чем по миллиону в Германии и во Франции. 15% всех жителей Швейцарии, 3% Франции, 1,9% Германской империи были иностранцами.

Первая мировая война оборвала внутриевропейскую миграцию, а сразу после войны Европа была охвачена межнациональными конфликтами, перекройкой государственных границ, во-

енными столкновениями, например между Польшей и СССР, Турцией и Грецией. Впервые были отмечены крупномасштабные перемещения населения, вызванные политическими причинами. Согласно Лозаннскому договору (1923), положившему конец греко-турецкой вражде, свыше 1 млн греков вернулись из Турции в Грецию и свыше 400 тыс. турок должны были покинуть Грецию. Репатриация греков из России, Болгарии, Албании и Югославии отразилась в балансе народонаселения Греции приростом более чем в полмиллиона человек. Свыше шестой части греческого населения в конце 20-х гг. родились за границей и прибыли в Грецию в качестве беженцев или переселенцев.

Болгария, потерпевшая поражение как в Балканских, так и в первой мировой войнах, была вынуждена отдать часть своей территории и принять население отошедших или имевших смешанное население областей. Около 200 тыс. болгар прибыли на родину из Греции, по 50 тыс. из Румынии и Югославии. Но так как из Болгарии одновременно выехало большое число турок, то прирост населения остался незначительным. Югославия и Румыния понесли демографические потери, во-первых, вследствие депортации мусульманских групп населения, во-вторых, из-за послевоенного переселения венгров в Венгрию и немцев в Германию. В Венгрии, как и во всех проигравших войну странах, напротив, наблюдался прирост населения; территория страны сократилась при этом на треть по сравнению с довоенным периодом. Более 200 тыс. венгров репатриировались из отошедших к Чехословакии территорий, около 200 тыс. — из областей, уступленных Румынии, и 100 тыс. — из Югославии, особенно с юга Хорватии. Однако в процентном отношении доля переселенцев в населении Венгрии составила лишь половину от уровня Греции.

Австрия также приняла многочисленных переселенцев из регионов бывшей габсбургской империи, и не только немецкоязычных. Поскольку многие люди не немецкой национальности переехали в Австрию, в особенности в Вену, еще до 1918 г., то почти десятая часть населения страны в межвоенный период происходила из районов, расположенных вне ее границ; большая часть — из областей, находившихся за пределами бывшей Австро-Венгрии.

Наибольший абсолютный прирост населения вследствие миграции был зафиксирован в Германии, потерпевшей поражение в первой мировой войне. По данным переписи населения 1925 г., на ее территории жили почти полмиллиона немцев с территорий, отошедших от Германии к Польше; 132 тыс. прибыли из Эльзаса и Лотарингии, возвращенных Франции. Вместе с прибывшими из Юго-Восточной Европы и России иммиграция составила более миллиона человек. Но, с другой стороны, сотни тысяч людей, прежде всего поляков, покинули Германию. Некоторые из поляков сразу же после войны переехали из Рурской области в горнорудные районы Бельгии и Северной Франции, другие вернулись на родину.

Здесь смешивались непосредственно вызванные войной и новые внутриевропейские миграционные потоки, главными объектами которых были Франция, вслед за ней Бельгия и Швейцария. Франция с ее низким коэффициентом рождаемости, потребностью в рабочей силе для послевоенного восстановления и сравнительно благоприятной экономической конъюнктурой привлекала не только поляков, но и соседей: бельгийцев, итальянцев и испанцев, в меньшей степени немцев. В ее северо-восточных, юго-восточных и юго-западных пограничных районах в 1931 г. более 10% общего числа жителей составляли иностранцы или натурализованные французы; в горнодобывающей и металлургической промышленности их было до трети занятых. Во Франции в целом в 1931 г. проживало 2,8 млн людей, родившихся за границей (в Европе), из них 900 тыс. итальянцев, 520 тыс. поляков, 380 тыс. испанцев, 320 тыс. бельгийцев, по 100 тыс. швейцарцев и немцев. Масштабы миграции из Италии во Францию в 20-е гг. не отличались от итальянской эмиграции в Америку.

В Германии в 1930 г. жили 1,4 млн человек, родившихся за границей, большинство из них, однако, были немцами; аналогичным образом обстояли дела в Греции (1,1 млн чел.) и в Венгрии (600 тыс. чел.). Из 700 тыс. родившихся за границей жителей Великобритании более 400 тыс. были выходцами из Ирландии, 45 тыс. из Польши и 39 тыс. из СССР. Из 764 тыс. живших в Австрии, но родившихся за ее пределами, одних только уроженцев Богемии и Моравии было 440 тыс. 400 тыс. живших в

Бельгии и 360 тыс. в Швейцарии иностранцев, напротив, как и перед войной, были главным образом «гастарбайтерами», в Бельгии — в основном французы и поляки, в Швейцарии — более одной трети немцев, остальные итальянцы, французы и австрийцы. Кроме того, в Швейцарии и Бельгии были внушительные русские колонии численностью почти в 9 тыс. человек. Пропорция в отношении с местным швейцарским населением была примерно той же, что и во Франции, где жили 83 тыс. русских беженцев, в Бельгии она составляла половину от уровня Франции и Швейцарии. Суммарно из почти 11 млн европейцев, которые в 1931 г. жили не на родине, в другой европейской стране, 1,5 млн были родом из Польши, 1,2 млн — из Италии, 1,1 млн — из Турции, а также почти 1 млн — из Чехословакии (табл. 13).

Воздействие миграционного притока на совокупную демографическую структуру населения страны можно особенно хорошо проследить на примере возрастной пирамиды Франции на 1931 г. Если состав местного населения ясно отражает последствия первой мировой войны (дефицит мужчин в возрасте от 35 до 55 лет, уменьшение коэффициента прироста в возрастных группах от 10 до 14 лет обоих полов), то возрастная пирамида иммигрантов демонстрирует очевидный перевес мужчин в раннем трудоспособном возрасте от 20 до 40 лет, но вместе с тем и снижение рождаемости в годы войны, характерное не только для французов, но и для бельгийцев, итальянцев и поляков (график 3).

В 30-х гг. внутриевропейская миграция, вызванная экономическими причинами, ослабла, но не в такой степени, как миграция за океан. Не позже 1938 г. началась крупномасштабная политическая миграция, которая достигла наибольших значений в годы второй мировой войны и сразу же после нее. Вытеснение в балансах миграции отрицательного сальдо, характерного для 20-х гг., положительным в 30-х гг. наблюдалось в целом ряде европейских стран. В некоторых из них сыграли роль политические факторы, но повсюду — экономические. К первой группе можно, по-видимому, отнести Португалию и Венгрию, ко второй — Великобританию, где характерное для 20-х гг. среднегодовое отрицательное сальдо миграции (65 тыс.)

Важнейшие потоки внутриевропейской эмиграции и иммиграции в 1930 г.
(баланс миграции, в ‰)

Страна и год	Бельгия 1930	Болгария 1934	Германия 1933	Франция 1931	Греция 1928	Югославия 1931	Австрия 1934	Швейцария 1930	Турция 1935	Венгрия 1930	Великобритания .1926/ 1931	Прочие	Всего
Австрия	1,8	1,3	80,7	11,1	0,8	29,5		28,9	1,3	37,7	4,3	66,5	264,0
Бельгия			5,2	320,6				1,8	0,2		10,4	27,9	366,0
Болгария			0,9	4,9	52,8			0,3	227,5			2,6	289,1
Венгрия	4,5	1,2	10,4	19,7	0,3	66,1	55,2	2,4	1,1		1,2	38,1	200,3
Германия	30,5			104,9	1,7		65,8	164,6	1,8	7,5	29,2	215,6	621,7
Греция	1,0	99,4	1,5	20,9		9,9		0,4	367,8		2,3	2,8	506,1
Ирландия			0,1								423,1	0,3	423,4
Испания	2,7		1,3	378,8				1,3	0,2		4,8	14,8	403,9
Италия	26,5	0,6	22,5	908,7	4,2	54,2	41,8	78,0	7,1	4,0	25,5	12,2	1185,3
Польша	42,3	0,6	706,7	521,3			60,9	0,1	0,3	10,4	44,9	102,3	1489,9
Румыния	3,0	40,4	4,6	19,7	3,9	26,7	18,8	0,8	61,6	195,6	4,7	10,2	390,0
СССР	8,8	13,2	12,8	82,9	46,3	32,8		8,5	69,8	4,5	39,1	118,6	437,4
Турция	1,6	61,9		41,2	986,9			0,7			2,2	0,7	1095,2
Франция	155,2	0,5	137,9		2,2			45,7	2,2		30,1	40,2	414,1
Чехословакия	9,5	1,4	186,2	48,9	0,2	32,4	441,5	0,1	0,6	237,9	2,0	7,8	968,6
Швейцария	5,3		39,7	118,2	0,4		6,8		0,2		12,8	18,6	201,9
Югославия	6,9	47,4	17,3	32,4	15,0		73,7	0,3	158,1	101,8	0,6	174,4	478,8
Прочие	104,0	0,4	188,5	162,5	17,8	7,6		12,2	17,7		43,8	189,1	883,8
Всего	403,5	268,3	1416,2	2796,9	1132,6	259,2	764,4	346,4	917,7	599,3	681,1	1033,9	10619,5

Источник: Kirk D. Europe's Population in the Interwar Years. Genf 1946. P.282.

Рожденных французов

Натурализованные и иностранцы

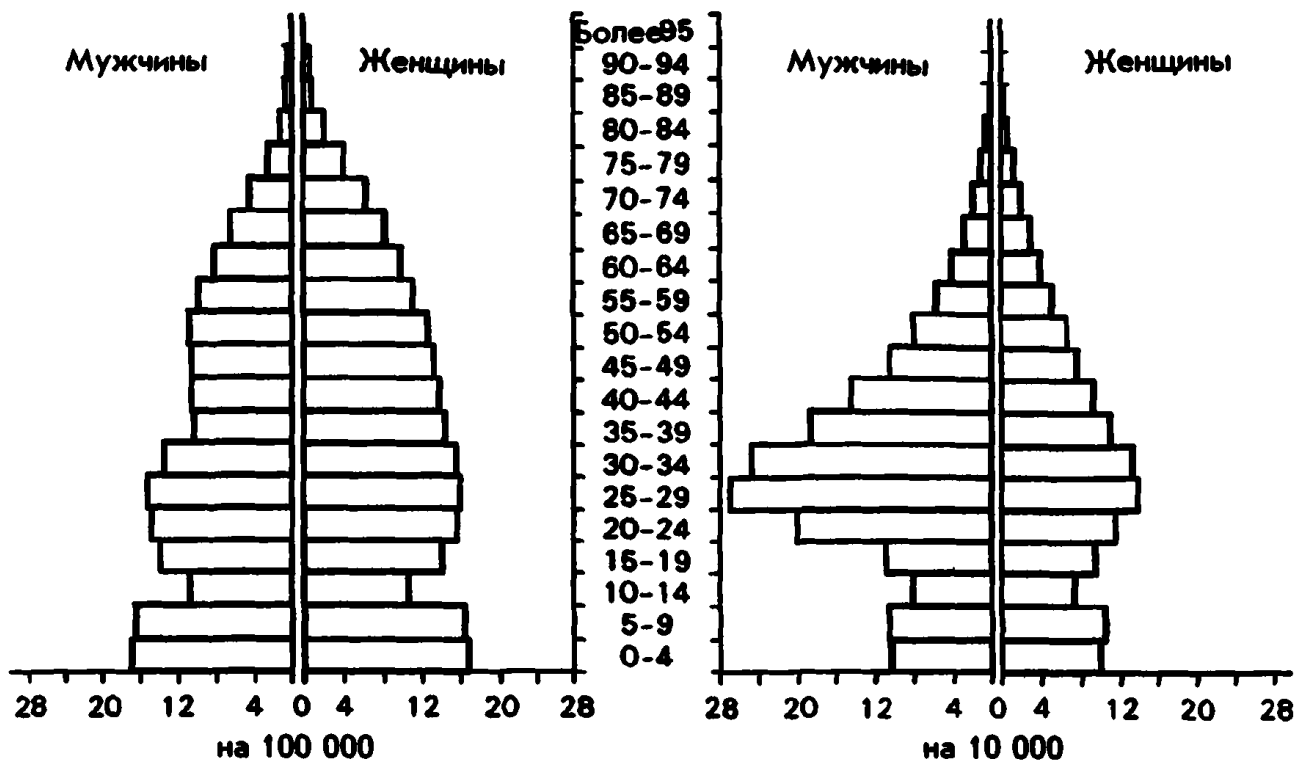

График 3. Возрастные пирамиды населения Франции (местного и родившегося за границей) на 1931 г.

Источник: Kirk D. Europe's Population. P.118.

превратилось в 30-е гг. в среднегодовое положительное сальдо (24 тыс.), и Скандинавские страны, сумевшие, за исключением Норвегии, изменить балансы миграции. «Великая депрессия» затронула их в гораздо меньшей степени, чем страны, традиционно принимавшие основной поток эмигрантов, прежде всего Северную Америку. В Норвегии и Швейцарии величина отрицательного сальдо уменьшилась столь значительно, что баланс почти выровнялся.

С другой стороны, положительное сальдо баланса миграции во Франции, которая с 1921 по 1931 г. привлекла почти 2 млн человек (195 тыс. в среднем за год), в 1931—1936 гг. стало отрицательным (106 тыс., или 21 тыс. в среднем за год). Прежде всего реэмигрировали поляки; рабочие из соседних стран также не находили работы и возвращались домой. В Нидерландах небольшое положительное сальдо миграции 20-х гг. также сменилось отрицательным (около 1 тыс. человек в среднем за год), а в Бельгии положительное сальдо в 14 тыс. в год уменьшилось до 4 тыс.

Европейская эмиграция сократилась и вследствие ограничений на выезд, введенных в фашистской Италии и франкистской Испании. Из Испании во время гражданской войны непосредственно после победы Франко эмигрировали сотни тысяч человек. С другой стороны, незадолго до начала гражданской войны аграрный кризис в странах Латинской Америки, куда в основном уезжали испанцы, вызвал значительную реэмиграцию; в результате столкнулись две противоположные тенденции. Последствия этого столкновения не совсем ясны. По данным миграционных служб создается впечатление, что эмиграция и иммиграция несколько возросли. Увеличение положительного сальдо миграции должно было бы отразиться в данных переписи населения. Но так как во время гражданской войны учет въезда и выезда, а также рождений и смерти велся недостаточно строго, то в целом на эти цифры нельзя положиться.

Фашистское правительство Италии стремилось ограничить эмиграцию в Америку, а в 30-х гг. направить переселенческий поток во вновь приобретенные африканские колонии. Успеха эта мера не принесла. Из почти 400 тыс. итальянцев, обосновавшихся в Ливии и Эритрее, к началу войны возвратилась почти половина. В 1939 г. только 85 тыс. итальянцев жили в Ливии и около 60 тыс. в Восточной Африке. В целом выезд из Италии был затруднен. Вместо 100 тыс. чел. в среднем в 20-е гг. Италия теряла ежегодно за счет переселения в 1931—1936 гг. только около 60 тыс. чел. Аналогичная тенденция обнаруживается при этом в Ирландии, второй стране в Европе, дававшей значительный поток эмиграции. Ежегодный дефицит сальдо миграции сократился здесь с 34 тыс. до 11 тыс. Сходная картина наблюдалась в Югославии, Румынии и даже в Чехословакии, несмотря на переселение судетских немцев по политическим причинам. Таким образом, можно заключить, что основной причиной изменения балансов миграции в Европе в 30-е гг. являлось уменьшение емкости стран традиционной иммиграции в связи с мировым экономическим кризисом.

В сравнении с общей численностью населения наибольшие ежегодные потери населения в 30-е гг., как и прежде, переживала Ирландия (3,4‰ в год). В Италии они также были очень высоки (1,4‰ в год). Однако эмиграция из Ирландии составля-

да только около трети уровня 20-х гг., когда ежегодные потери населения от эмиграции составляли 11,3‰ населения в год, в Италии он также уменьшился наполовину. Более других от внутриевропейской миграции, если не принимать в расчет Испанию, в отношении которой нет достаточно точных данных, выиграли Дания, где положительное сальдо баланса миграции в первой половине 30-х гг. составляло 1,7‰ в год (1931—1940 гг. только 0,7‰), Германия в границах 1937 г. (1,3‰), Бельгия, Португалия, Швеция и Венгрия (около 1‰) и Великобритания (0,5‰). Но наиболее значительные перемены произошли во Франции, где иммиграция, которая в 1921—1931 гг. постоянно держалась на уровне 4,8‰ от собственного населения в год, в 1931—1936 гг. уступила место эмиграции на уровне 0,5‰ в год.

Вторая мировая война привела население Европы в движение в неизвестных до толе масштабах, прежде всего в постоянно расширявшейся зоне влияния германского рейха. Количество людей, временно лишившихся родины или бежавших от войны, оценивалось Е.Кулишером до 1943 г. минимум в 30 млн чел., или 5% населения Европы. Затем началось бегство и насильственное переселение с Востока на Запад. Фрумкин в исследовании движения европейского населения не пытался дать обобщенную оценку количества вынужденных переселенцев, поскольку он не располагал материалами и документами по странам, которых это касалось более всего, Советскому Союзу и Польше, а также потому, что относительно других стран, за исключением нейтральных, вряд ли имелись действительно надежные данные. Если попытаться от его отдельных оценок перейти к общей, то получится следующее. Между 1939 и 1945 гг. въезд и выезд в нейтральные страны составил почти 2 млн чел. В странах, затронутых войной, за исключением СССР и Польши, пришли в движение около 12—13 млн чел. (при этом, конечно, не исключен двойной счет). Кроме того, нужно учесть около 9 млн военнопленных, о которых пишет Фрумкин (по другим оценкам, 12 млн). В целом это составляет 23—24 млн чел. Прибавляя сюда поляков и русских, из которых Фрумкин учитывал только военнопленных и угнанных на работы в Германию, получим цифру в 50—60 млн чел., или 10% европейского населения (включая СССР).

Если во время войны Германия была центром, куда направлялись принудительно перемещенные лица (в 1944 г. в рейхе находилось свыше 7,5 млн иностранных рабочих), то в последние месяцы войны и в первые послевоенные годы здесь нашли пристанище беженцы и в особенности высланные, притом не только из бывших немецких восточных областей. Уже во время войны около 800 тыс. этнических немцев из Южного Тироля, Румынии, Югославии, Венгрии и балтийских государств переселились в пределы Германии. В 1945—1946 гг. в четырех оккупационных зонах Германии оказалось, по-видимому, около 7—8 млн чел. из областей, отошедших к Польше, а также из Чехословакии, Югославии, Румынии и Венгрии. В то же время 1,5 млн поляков переселились из отошедших от Польши к СССР районов в новые западные земли Польши. В 1950 г. ФРГ насчитывала 7,8 млн, ГДР — 3,5 млн переселенцев и эмигрантов; за период между 1950 г. и возведением берлинской стены в 1961 г. еще 3 млн немцев переехали в ФРГ, в то время как 400 тыс. мигрировали в противоположном направлении. В целом ФРГ до 1961 г. приняла почти 12 млн немцев, которые раньше жили за пределами ее территории. В начале 60-х гг. они составляли более одной пятой населения ФРГ.

Взаимообмен населением, хоть и в меньшем масштабе, имел место также между СССР и Румынией, Венгрией и Чехословакией, Венгрией и Югославией, Югославией и Италией. Сложившиеся на протяжении столетий в Восточной и Юго-Восточной Европе территории совместного проживания различных наций, языковых и религиозных групп в одном государстве, по-видимому, сократившиеся уже после первой мировой войны, стали еще меньше, но не исчезли полностью.

В послевоенное время оформился временный поток европейских реэмигрантов из колоний. В ходе деколонизации Нидерланды приняли около 300 тыс. чел. из Индонезии, а Великобритания около 750 тыс. из своих бывших колоний. Франция пережила в 50-х гг. возвращение примерно 200 тыс. чел., живших в Юго-Восточной Азии, а после 1962 г. она была вынуждена принять почти миллион реэмигрантов из Алжира. В Португалию в конце 70-х гг. приехали 750 тыс. чел. из Мозамбика и Анголы.

Прекращение вызванных войной перемещений сменилось в конце 1940-х—начале 1950-х гг. новыми миграционными потоками, направленными преимущественно с юга к центру и северо-западу континента и связанными с быстрым экономическим подъемом в Западной, Северной и Центральной Европе. Средиземноморье вновь стало регионом эмиграции. За время с 1950 г. до начала первого нефтяного кризиса в 1973 г. суммарное отрицательное сальдо баланса миграции в Италии составило 2,3 млн чел., хотя с середины 60-х гг. мощный экономический рост в стране побудил вернуться часть уехавших на север рабочих. В этот период Португалия также потеряла почти 2 млн чел., уехавших большей частью во Францию. Здесь пик миграции пришелся на годы после 1965 г., тогда как Испания, откуда в 1950—1973 гг. выехало 1,5 млн чел. пережила его в 1955—1964 гг., поскольку позднее инвестиции, в том числе из-за границы, и развитие туризма создали больше рабочих мест внутри страны. Суммарный выезд из Греции составил за весь период более чем 600 тыс. чел. с пиком миграции (44 тыс. чел. ежегодно) в первой половине 60-х гг. (табл. 14).

В отношении двух других стран Средиземноморья с высоким уровнем эмиграции, Югославии и Турции, полных данных за весь период не имеется. Известно, что в 1973 г. 860 тыс. выходцев из этих государств работали в других европейских странах.

Страна с традиционно высоким уровнем эмиграции — Ирландия также сохранила отрицательный баланс. За период 1950—1973 гг. ее покинули 546 тыс. жителей. Как в Испании и Италии, пик пришелся на вторую половину 50-х гг. Уже в следующем пятилетии потери от миграции уменьшились наполовину, а в 70-х гг. сложилось положительное сальдо баланса миграции в 10—11 тыс. чел., которое, однако, прервало долгосрочную тенденцию лишь на короткий срок. В 1980—1983 гг. в Ирландии вновь отмечено отрицательное сальдо баланса миграции.

Основным местом притяжения потоков европейских мигрантов на этот раз была не Франция, как в период перед первой мировой войной и в межвоенное время, а ФРГ, которая имела положительное сальдо баланса миграции за период 1950—1973 гг. в размере, превышающем 7 млн чел. (включая беженцев из ГДР).

Ежегодные балансы миграции европейских стран
в среднем за 1950/1954—1979/1983 гг. (в 1000)*

Страны	1950/54	1955/59	1960/64	1965/69	1970/74	1975/79	1980/83	1950/73	1974/83
Австрия	-13,6	-11,8	-1,2	+9,6	+18,6	-1,6	+0,3	+0,6	-1,4
Бельгия	+3,2	+10,6	+19,2	+12,2	+15,8	+6,4	-5,5	+11,8	-3,3
Великобритания	-33,6	-1,3	+27,0	-45,4	-18,6	-29,4	-39,5	-15,1	-30,0
Греция	-13,8	-25,0	-44,2	-23,8	-24,6	+57,0	+19,3	-26,5	+34,2
Дания	-3,8	-6,2	+2,4	+1,8	+5,0	+2,0	0,0	+0,1	+0,3
Ирландия	-34,8	-44,4	-22,2	-15,2	+11,0	+10,0	-8,0	-22,8	+3,6
Испания	-51,8	-104,0	-80,6	-42,2	-30,6	+30,0	+24,3	-63,0	+18,8
Италия	-100,8	-127,4	-113,2	-123,8	-8,6	-2,0	+58,3	-98,5	+2,2
Люксембург	+0,9	+0,6	+2,1	+0,9	+3,9	+1,5	+0,3	+1,5	+1,3
Нидерланды	-20,6	-3,2	+6,4	+10,6	+26,2	+37,8	+18,0	+2,7	+29,4
Норвегия	-1,6	-1,2	-0,6	+0,8	+3,4	+4,4	+4,8	0,0	+4,5
Португалия	-64,2	-68,0	-60,2	-130,2	-52,8	+55,6	0,0	-84,8	+44,3
Финляндия		-8,0	-2,8	-19,0	-4,6	-8,2	+3,3	-6,5	-2,7
Франция	+27,8	+156,0	+316,0	+116,2	+112,6	+33,8	+38,3	+150,5	+35,3
ФРГ	+221,4	+297,2	+312,6	+229,8	+342,4	+24,6	+69,3	+292,8	+39,1
Швейцария	+22,8	+32,0	+56,4	+17,0	+4,4	-28,8	+16,8	+27,5	-8,1
Швеция	+9,2	+9,8	+14,0	+25,6	+7,6	+17,6	+3,8	+13,4	+11,2

* В некоторых случаях нет данных за все годы. ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) постоянно заново рассчитывает миграцию в своих публикациях, так что сравнить их с другими из нижеприведенных источников не всегда возможно.

Источники: Рассчитано по: Cornwall J. Modern Capitalism. London, 1977. P.85; OECD. Labour Force Statistics. 1956—1966. Paris, 1968; 1957—1968. Paris, 1970; 1962—1982. Paris, 1984; 1963—1983. Paris, 1985; OECD. Manpower Statistics. 1950—1962. Paris, 1963.

Франция в 1950—1973 гг. сохраняла положительное сальдо баланса миграции в 3,6 млн чел. Иностранцы приезжали сюда не только из Южной Европы, но также из Бельгии и во все большем количестве из Северной Африки. Поток из Африки был особенно силен в 60-е гг., когда после обретения Алжиром независимости в 1962 г. во Францию вернулся миллион французских поселенцев и парадоксальным образом удвоилось и достигло 670 тыс. чел. число выехавших во Францию алжирцев.

В Бельгии сальдо баланса миграции за период 1950—1973 гг. оставалось положительным в размере 283 тыс.; Нидерланды же поддерживали его на уровне только 65 тыс. чел., так как в 50-е гг. больше людей покидало страну, чем приезжало в нее. Бельгия приняла рабочих не только из соседней Франции и из Южной Европы, прежде всего Португалии, но также из Северной Африки и из Турции.

В Великобритании после второй мировой войны до 1958 г. выезд преобладал над въездом, в течение последующего пятилетия сальдо баланса миграции стало противоположным. Сначала около трети иммигрантов прибывало из Ирландии, другая треть из стран Британского содружества, особенно из Индии, Пакистана и Вест-Индских островов, последнюю треть составляли эмигранты из Европы и из США. С 60-х гг. основной контингент британских иммигрантов поставляют страны Британского содружества. Из 212 тыс. чел., которые в 1959—1965 гг. иммигрировали в Великобританию, 27% получили британское гражданство. Это три четверти всех, кто остался в Великобритании на постоянное жительство. Отсюда очевидно, что доля получивших гражданство иммигрантов здесь существенно выше, чем на континенте.

В расчете на душу населения наибольшее число иностранных рабочих в 1950—1973 гг. в Европе привлекал Люксембург. Однако в абсолютных цифрах положительное сальдо баланса миграции составляет здесь лишь 36 тыс. чел., так как многие люксембуржцы работают в соседних Бельгии или Германии.

За тот же период положительное сальдо наблюдалось в Швейцарии. В начале 70-х гг. более четверти всех рабочих Швейцарии были уроженцами других государств (включая сезонных

рабочих и людей, регулярно пересекавших границу), и одну пятую часть (без них). С конца 50-х гг. импортировала рабочие руки и Австрия, преимущественно из Италии и Югославии.

На севере Европы основной страной, ввозящей иностранную рабочую силу, является Швеция. Подавляющая часть прибывает сюда из Финляндии, но также из других скандинавских стран, Германии, Польши и Южной Европы. Сальдо баланса миграции за 1950—1973 гг. составило в Швеции 322 тыс. чел., а в расчете на душу населения она занимала третье место после Люксембурга и Швейцарии среди стран, использующих иностранную рабочую силу (см. табл. 14).

В 1960 г. в шести странах, создавших Европейское экономическое сообщество, было занято 1,5 млн иностранных рабочих; в 1973 г. их стало 4,5 млн чел.; во всех 9 странах Европейского сообщества (включая Ирландию, Данию и Великобританию) — 6,5 млн.; в Австрии, Норвегии, Швеции и Швейцарии работал еще 1 млн чел. В абсолютных цифрах больше всего иностранцев трудилось в ФРГ, по отношению к общему числу занятых впереди были Люксембург и Швейцария. В Люксембурге 35% всех работавших являлись иностранцами, в Швейцарии — 29% (с учетом сезонных рабочих и лиц, постоянно пересекающих границу), 19,5% — без них; в ФРГ, как и во Франции, в начале года около 11,5%, а в пик сезона — 12% (табл. 15).

В конце 60-х гг. ежегодно около 800 тыс. чел. устремлялись в страны, заинтересованные в их рабочей силе. Абсолютный пик был достигнут в 1970 г., затем поток начал иссякать. В год нефтяного кризиса он измерялся свыше полумиллиона человек, в 1974 г. — 218 тыс. и в 1975 — только 136 тыс. Иммиграция в страны Европейского сообщества идет теперь почти исключительно из одной средиземноморской страны, являющейся членом сообщества, — из Италии. Среди новых гастарбайтеров доля итальянцев выросла за два года с 16,4% до почти 42%, хотя в абсолютных цифрах их количество сократилось. Доля турок упала при этом с почти 27% до 3%.

Почти во всех странах, принимающих эмигрантов, прилагались усилия с целью остановить их приток и побудить вернуться на родину часть уже переселившихся рабочих. В 1974 и 1975 гг. около 600 тыс. чел. вернулись поэтому домой, главным

Иностранцы в странах Европы в 1973—1982 гг. (на 1000 чел.)

Страна	Иностранцы						Иностранцы-работчие					
	в абсолютных цифрах			в % ко всему населению			в абсолютных цифрах			в % ко всем рабочим		
	1973	1974	1982	1973	1974	1982	1973	1974	1982	1973	1974	1982
Австрия			292'			3,9'			158			6,7
Бельгия	776	805	886	8,0	8,2	9,0	220	278	332'	6,9	7,1	9,1'
ФРГ	2839	4127	4667	4,6	6,7	7,6	2460	2387	2038	10,9	9,0	8,1
Дания	54			1,1			36*			1,9		
Франция	3608	4053	4459	7,0	7,7	8,2	1770*	1260	1503	10,8	5,8	7,2
Ирландия	87			2,9			32*			4,4		
Италия	151			0,3			44			0,3		
Люксембург	90	86'	96'	26,4	23,8	26,2'	43	47'	52	35,1	29,9	32,4
Нидерланды	204	345	543	1,5	2,5	3,8	121	163	185	3,1	3,4	3,7
Швеция		401	406		4,9	4,9		200	228		4,9	5,4
Швейцария'	1053	1065	926	16,4	16,5	14,3	599	593	526	19,5	18,6	17,3
Великобритания	2579	2546		4,6	4,4		1665''	1811		7,2	7,7	

' Данные за 1981 г.

* Среднее за 1972 г.

^ Данные за 1975 г.

'' Выданные разрешения на работу, с учетом 30 тыс. британцев (оценка).

^ Без сезонных рабочих и жителей пограничных зон.

Источники: Wee H. van der. Der gebremste Wohlstand. München, 1984. S. 180; OECD. Labour Force Statistics. 1970—1981. Paris, 1983. P. 14ff.; Werner H., König L. Ausländerbeschäftigung und Ausländerpolitik in einigen westeuropäischen Industriestaaten. Beiträge zur Arbeitsmarkt- und Berufsforschung, 89. Nürnberg, 1984. S. 2ff., S. 38f.; OECD. The Migratory Chain. Paris, 1978. P. 11.

образом в Италию, Испанию, Югославию, Грецию и Турцию. Однако большая часть португальцев и финнов остались на своих рабочих местах за границей. В конце 1975 г. численность иностранной рабочей силы в Западной Европе в целом составляла 6,3 млн чел., что на 1,2 млн меньше, чем в момент пика занятости иностранцев в начале 70-х гг.

В 1973 г. в 9 странах-членах Европейского сообщества проживали 10,4 млн иностранцев, или 4% населения этих стран. С большим отрывом лидировал Люксембург (26,4%), за ним шли Бельгия — 8% и Франция — 7% (см. табл. 15). Их опережала, однако, Швейцария, не входящая в число стран-членов ЕЭС, где доля иностранцев в 1974 г. составляла 16,5% населения. В ФРГ в том же году данный показатель был равен 6,7%, в Швеции — 4,9% и в Великобритании — 4,4%. По сравнению с предыдущим годом он несколько снизился в двух последних странах, тогда как в Германии вырос. Очень низкой, между 1—1,5% населения, была доля иностранцев в Дании и Нидерландах, несколько выше — в Австрии. Самый низкий показатель среди стран Европейского сообщества зафиксирован в Италии — 0,3% (1973). Даже в Ирландии он был в десять раз выше, почти 3% (1973 г.).

Если характеризовать процесс перемещения рабочей силы в Европе и в Средиземноморье по странам с высоким уровнем эмиграции, оказывается, что в 1974 г. Алжир отправлял за границу более 15% своей рабочей силы (в абсолютных цифрах почти 0,5 млн). На втором месте шла Португалия — 14,5% (почти 600 тыс.), за ней Югославия — 8,5% (почти 800 тыс.), Греция (250 тыс.) и Тунис (80 тыс.) — примерно по 7%. Доля работающих за границей турок, несмотря на ее высокое абсолютное значение (700 тыс.), была значительно ниже и составляла только 4% всей турецкой рабочей силы, так как в Турции все еще значительная часть населения занята в отечественном сельском хозяйстве. Аналогичный процент составляют 975 тыс. испанских гастарбайтеров. Число работающих за границей итальянцев равнялось 1 млн чел., являясь в абсолютных цифрах наибольшим, но в отношении ко всему занятому населению страны (22 млн) составляя только 2,3%.

Работающие за границей итальянцы распределены главным образом между тремя странами: Германией, Швейцарией и

Францией. Турки, греки и югославы работают в основном в Германии, североафриканцы, португальцы, а также испанцы — преимущественно во Франции, хотя, по крайней мере для Испании, важную роль играет ФРГ; финны в подавляющем большинстве работают в Швеции.

Последовавший за нефтяным шоком экономический кризис почти повсюду негативным образом повлиял на положение иностранной рабочей силы. Уже в 1975 г. в ФРГ и в Нидерландах более 6% иностранцев остались без работы, даже в Швейцарии, где уровень безработицы составлял только 1,2%, их доля в общем числе безработных достигла примерно 25%. Это практически соответствовало их доле в общем числе занятых в Швейцарии, равнявшейся 24%. В Германии иностранцы легче теряли работу, чем граждане страны. Иностранцы составляли всего 10% рабочей силы, а их доля в числе безработных в 1975 г. была 14%. Немногим лучше дело обстояло и в других западно- и центральноевропейских странах. Только в Швеции финнам удалось отстоять свои позиции. Их доля в общем числе безработных даже несколько ниже, чем доля в совокупной рабочей силе (4,5 и 5% соответственно).

С конца 70-х гг. с ростом безработицы в Европе положение гастарбайтеров обострилось еще более. Запреты на прием на работу, стимулы к возвращению на родину и высокий уровень безработицы в странах иммиграции привели лишь к временному ограничению числа иностранцев в Западной и Центральной Европе с начала нефтяного кризиса; безработица в их собственных странах росла теми же темпами, сохранялся дефицит доходов. К началу 80-х гг. иностранная рабочая сила в ФРГ и Франции составляла все еще 7—8%, в Бельгии — 9%, в Швейцарии — больше 17%, в Люксембурге — почти треть занятых. Семьи, прибывавшие вслед за рабочими, и более высокий, чем у местного населения, коэффициент рождаемости способствовали увеличению количества иностранцев в индустриальных странах Европы. В 1981—1982 гг. доля иностранцев в общем населении снизилась по сравнению с 1973—1974 гг. только в тех двух странах, где она была особенно высока, — в Люксембурге и Швейцарии; в Бельгии, ФРГ, Франции и Нидерландах она выросла (см. табл. 15).

В странах восточного блока миграция рабочей силы ограничилась прежде всего обменом специалистами. Только Югославия с 60-х гг. позволила, вначале нерешительно, наниматься на работу на Западе. Большое количество поляков с начала 80-х гг. выезжали временно на Запад, но статистика этой миграции не велась. Из 150 тыс. иностранных рабочих, зарегистрированных в 70-х гг. в социалистических странах (исключая СССР), добрая половина работала в ГДР.

Урбанизация

Эмиграция населения за пределы государственных границ в Европе в XX в., так же как и в XIX в., дополнялась и усиливалась миграцией внутри стран. Она лишь изредка достигала масштаба крупных переселений в промышленные регионы и метрополии, происходивших во второй половине XIX в., но концентрация населения в промышленных центрах и крупных городах продолжала нарастать и после второй мировой войны. Только с 60—70-х гг. (в Великобритании даже раньше) в некоторых регионах стало заметным встречное движение, которое привело к сокращению населения отдельных мегаполисов. Если абстрагироваться от Берлина с его особым статусом и крупных городов ГДР, сокращение населения в которых является главным образом следствием второй мировой войны и раскола Германии, то перелом в вековой тенденции проявляется особенно заметно в традиционных индустриальных странах, прежде всего в Великобритании. Ливерпуль и Манчестер, пионеры промышленной революции, начали терять своих жителей уже в 30-х гг., Глазго и Шеффилд — в 40-х гг., а Бирмингем — в конце 50-х гг., в Эдинбурге отмечена стагнация населения. Население Лондона с 40-х гг. также сокращается. В пригородах, однако, оно растет быстрее, и в целом обширная агломерация Большого Лондона еще не потеряла своей привлекательной силы. Эту тенденцию «субурбанизации», которая проходила в Лондоне отчасти планомерно, но в целом все-таки стихийно, следует учитывать при анализе сокращения численности населения ряда городских центров Бельгии, ФРГ и Австрии. В результате второй мировой

войны значительно уменьшилось количество жителей некоторых центрально- и восточноевропейских городов. Более всего, по-видимому, пострадала Варшава, численность населения которой сократилась наполовину и только к началу 60-х гг. достигла довоенного уровня. Ленинград в годы блокады также потерял значительную часть горожан. Во время войны почти все крупные немецкие города утратили часть населения вследствие бомбардировок и вынужденной эвакуации многих жителей в сельскую местность. Западногерманские города после войны были восстановлены быстрее, чем города Центральной Германии. Наряду с Берлином Дрезден и Лейпциг в 60-х гг. все еще не достигли довоенного уровня населения, в то время как на западе в 50-х гг. города росли особенно быстро. В Рурской области рост замедлился в связи с начавшимся в 1958 г. кризисом горнодобывающей промышленности, когда наконец уменьшилось число жителей некоторых городов, таких, как Дортмунд или Дуйсбург.

Место старых зон агломерации в центральных графствах Великобритании, в Бельгии, на севере Франции и в Руре заступили новые регионы, например в юго-восточной Англии или в южной Германии. Другие старые районы концентрации населения, например Иль-де-Франс или Северная Италия, сохранили свою привлекательность, а в более молодых промышленных странах Южной и Восточной Европы росли новые агломерации, к которым причисляют по меньшей мере дюжину русских городов (городов Советского Союза. — *Прим. пер.*), таких, как Баку, Харьков, Киев, а также столицы малых государств (Белград, Бухарест или Афины). В Юго-Западной Европе продолжался рост Барселоны, Мадрида и Лиссабона. Такие метрополии Севера, как Копенгаген и Стокгольм, также расширялись, хотя и более медленными темпами (*табл. 16*).

Области с неблагоприятным климатом или труднодоступные (север Шотландии, Норвегии, Швеции и Финляндии, некоторые горные регионы и бедные аграрные области Австрии, Швейцарии, Франции, Испании, Югославии или Греции, а также восточные пограничные области ФРГ и Австрии), напротив, обезлюдели. Южная Италия продолжала терять рабочих из-за оттока не только за границу, но и в Северную и Центральную

Италию. Особенно значительной была внутренняя миграция в Испании, где в 50-х гг. население сократилось в 18 провинциях, занимавших 44% площади страны, а в 60-х гг. — уже в 23 провинциях, на которые приходилось три пятых территории. Не столь сильно, но также ощутимо таяло население в тех районах Югославии, Греции и Португалии, где с прогрессом индустрии в промышленные центры уезжали жители из перенаселенных аграрных областей. В Западной Европе, однако, этот процесс замедляет региональная политика как отдельных государств, так и Европейского сообщества в целом; приостановить его удавалось в редких случаях. В живописно расположенных районах в горах и на побережье вследствие оживленного туризма образовалась двойная демографическая структура: местному постоянному населению противостоит растущий поток приезжих, число которых в туристический сезон во много раз превышает число туземных жителей.

В целом, несмотря на сужение некоторых агломераций, можно констатировать движение населения из сельской местности в города. Но процесс урбанизации не столь однозначен, как в XIX в., поскольку границы между городом и деревней стираются. Не только разросшиеся мегаполисы сливаются с пригородами и друг с другом в агломерации, но и отдаленные села приобретают черты городов. Все большая часть их населения не занята в сельском хозяйстве и работает при этом не в городе, а в промышленности и в сфере услуг в самой сельской местности, т.е. имеет «городское» занятие и ведет городской образ жизни.

Проводя сравнения между странами в этом направлении, следует иметь в виду, что, как и прежде, в понятие «город» вкладывают очень разный смысл в отдельных государствах. В Дании городами считаются населенные пункты, где проживает 250, в Албании — 400, а в Италии более 20 тыс. жителей. Если принять за нижнюю границу, как это часто происходит, отметку в 20 тыс. жителей, то можно прийти к выводу, что в Европе происходит быстрый процесс развития городов: становится все больше населенных пунктов с данным уровнем жителей, за счет ли притока населения или в связи с укрупнением сельских общин, приведшим в некоторых странах в 60—70-х гг. к значи-

Динамика населения крупных европейских городов*, 1960—1980 гг. (в 1000)

Город	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980
Амстердам	574	642	752	794	804	865	1032	1015
Барселона	587	710	783	1081	1280	1558	1745	1753
Берлин**	3730	3804	4333	4332	3337	3261	3201	3048
Бирмингем	840	922	1003	1041	1113	1107	2369	2244
Брюссель	720	685	840	913	956	1020	1071	1000
Будапешт	880	1185	1006	1163	1571	1805	2027	2064
Варшава	872	931	1179	1266	601	1136	1326	1577
Вена	2031	1866	1836	1918	1766	1628	1615	1517
Глазго	1000	1052	1093	1132	1090	1055	1728	1713
Гамбург	931	997	1147	1682	1606	1824	1794	1640
Дрезден	548	529	633	625	494	492	502	516
Кельн	517	643	740	768	595	809	848	972
Киев	505	366	514	846		1104	1764	2248
Копенгаген	559	561	771	890	1168	1262	1380	1382
Лейпциг	590	608	718	702	618	585	584	563
Ленинград***	1962	722	1614	3191	3000	3321	4066	4676
Ливерпуль	753	805	856	822	789	747	1262	1127
Лондон	7256	7488	8216	8700	8348	8172	7418	6696
Мадрид	600	751	834	1089	1618	2260	3146	3159
Манчестер	714	736	766	728	703	661	2387	2636
Марсель	551	586	610	620	661	778	964	1111
Милан	579	836	992	1208	1260	1583	1724	1649
Москва	1533	1050	2026	4137	5600	5046	7300	8203
Мюнхен	596	646	730	828	832	1085	1294	1294
Неаполь	723	772	839	939	1011	1183	1233	1213
Париж	2888	2907	4934	4963	5008	5573	9566	10117
Прага	586	677	849	977	922	1005	1078	1182
Рим	542	692	1008	1368	1652	2188	2800	2922

* Насчитывавших к 1910 г. более 500 тыс. жителей; численность жителей зачастую включает население ближайших пригородов, причем в зависимости от того, какие категории населения относятся к городским жителям, численность может значительно варьировать. Например в 1982 г. население Парижа насчитывало 2183 тыс. жителей, а население агломерации Большого Парижа 8 510 тыс.

** В 1910 г. — единый Берлин; с 1950 г. Западный и Восточный Берлин.

*** В 1910 г. Санкт-Петербург.

Источники: Mitchell B.R. European Historical Statistics. P. 86ff; United Nations. Demographic Yearbook. 1972. P. 224ff; Annuaire Statistique de la France. 1983. P. II; Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1926. S. 7*f; 1931. S. 6*ff; 1941/42. S. 13*f; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1953. S. 19*; 1960. S. 24*; 1972. S. 28 (международного раздела); 1982. S. 638; 1985. S. 640; Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. 1971. S. 4 u. S. 7; 1981. S. 2 u. S. 5.

тельному сокращению числа самостоятельных с точки зрения права поселений.

В 1910 г. в Великобритании более половины населения проживало в населенных пунктах с числом жителей более 20 тыс. В 1920 г. эта доля выросла там до двух третей, а половина населения жила уже в крупных городах с населением свыше 100 тыс. чел. Великобритания оставалась в течение всего периода наиболее урбанизированной страной Европы. В 1980 г. четыре пятых всех британцев жили в населенных пунктах с числом жителей свыше 20 тыс., а 71% — в крупных городах (свыше 100 тыс. жителей). На другом полюсе расположена Албания, где в 1980 г. только одна пятая населения жила в населенных пунктах с числом жителей свыше 20 тыс., а одна десятая часть — в крупных городах. В Югославии и Португалии степень урбанизации также была не очень высокой. В некоторых странах, которые в 20-х гг. оставались в значительной степени сельскими, быстрая урбанизация началась после второй мировой войны, в СССР и Болгарии в особенности, где уровень урбанизации резко возрос с примерно 10% в 1920 г. до примерно 44% в 1980 г. (СССР) и соответственно с 9 до 41% (Болгария). К этой группе относятся Польша, где уровень урбанизации поднялся с 18 до 45%, и Румынии — с 12 до 37%. На Западе привлекает внимание Испания: в 1920 г. она далеко отставала от других стран, сегодня же доля городских жителей в ней составляет 63% — это второе место в Европе.

Данные процессы в большинстве стран Западной и Центральной Европы, ранее переживших значительную урбанизацию, происходили, напротив, гораздо медленнее. В Австрии и Швейцарии с 1950 по 1980 г. степень урбанизации ненамного уменьшилась, в Австрии, кроме того, снизилась и доля населения больших городов.

О значении той роли, которую при анализе урбанистических процессов играет разница понятий, свидетельствует пример Бельгии. Если взять собственно городские поселения, то в 1920 г. в городах с численностью населения свыше 20 тыс. жила не треть населения (как видно из *табл. 17*), а половина бельгийцев, в больших же городах — не 12, а 41%. Для 1950 г. разница еще весомее. Согласно узкому определению городского по-

Уровень урбанизации в европейских странах 1920—1980 гг.*
(в % от общей численности населения)

Страна	Города с более 20 тыс. жителей			Города с более 100 тыс. жителей		
	1920	1950	1980**	1920	1950	1980
Албания		8	(22)			10
Австрия	36	40	37	31	33	29
Бельгия	33	32	49	12	10	13
Болгария	9	19	41	4	10	24
Дания	32	45	(52)	23	34	38
Германия	41			33		
ФРГ		41	60		27	34
ГДР		39	49		21	26
Финляндия	17	22	(38)	6	14	24
Франция	37	45	58	23	17	44
Греция	17	28	(37)	12	13	34
Ирландия	21	28	38	14	18	31
Италия	32	41	53	14	20	28
Югославия	7	13	26	2	6	13
Люксембург		31	(32)			
Нидерланды	45	56	(57)	24	31	45
Норвегия	23	33	40	18	20	23
Польша	18	26	45	9	16	28
Португалия	20	17	23	17	13	12
Румыния	12	18	37	3	9	24
Швеция	23	33	45	14	21	21
Швейцария	25	29	(28)	15	21	34
Испания	26	40	63	12	24	42
Чехословакия	17	22	34	10	14	17
СССР	10	28	44	6	17	38
Венгрия	31	34	49	15	20	29
Великобритания	64	71	(79)	50	52	71

* Уровень урбанизации в различных источниках оценивается различно, вследствие чего данные по Финляндии, Франции, Португалии, но особенно по Бельгии, могут отличаться от приведенных в таблице.

** Цифры даются в скобках в том случае, когда они приводятся за год, отстоящий более, чем на 10 лет, от указанного в заголовке столбца.

Источники: United Nations. Growth of the world's urban and rural population. 1920—2000. New York, 1969. P. 98ff; United Nations. Demographic Yearbook. 1960. P. 363ff; 1970. P. 495ff; 1983. P. 902ff; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1953. S. 40; 1982. S. 58; Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. 1985. S. 8; Shoup P.S. The East European and Soviet Data Handbook. S. 398ff; Davis K. World Urbanization. 1950—1970. 1. Berkeley, 1969. P. 131ff.

селения (не менее 20 тыс. населения) к жителям больших городов относятся 10% бельгийцев, согласно широкому — 42%. Для ряда других европейских стран, прежде всего Финляндии, Франции и Португалии, уровень урбанизации также получится значительно более высоким, если учитывать агломерации. Следует полагать, что если бы такой расширительный учет производился и в других случаях, то показатели городского населения возросли бы повсеместно.

Наиболее существенной характеристикой процесса урбанизации в Европе в XX в. стало быстрое сближение после второй мировой войны стран форсированной индустриализации, входивших в восточный блок, с западно- и центральноевропейским стандартом. Сравнение Австрии с Румынией или Болгарией отчетливо демонстрирует эту тенденцию. Если сегодня уровень урбанизации в Австрии и Румынии одинаков (37% жителей живут в городах с населением свыше 20 тыс.), то в 1920 г. разница между ними составляла 24 процентных пункта (36% : 12%); в 1980 г. Болгария является более урбанизированной, чем Австрия. Доля жителей больших городов как в Румынии, так и в Болгарии в 1980 г. была лишь на 5 процентных пунктов ниже, чем в Австрии, тогда как в 1920 г. разница составляла 27 и 28 пунктов соответственно. Наиболее очевиден данный контраст при сравнении Австрии с СССР: в 1920 г. доля жителей крупных городов была в СССР на 25 пунктов ниже, чем в Австрии, а в 1980 г. — на 9 пунктов выше (табл. 17).

Представляется, что наиболее урбанизированные страны уже прошли кульминацию этого процесса. Если бы включение мелких населенных пунктов в состав городов не затушевывало картину, то во многих странах, в том числе в Великобритании, Дании и Швеции, а также в Бельгии, Франции, ФРГ и Австрии, обнаружилось бы, что сельские населенные пункты, по крайней мере в некоторых регионах, вновь растут быстрее городских. Поскольку нередко это связано с перестройкой образа жизни по городскому образцу, то разница между городом и деревней становится все менее существенной.

2. ОБЩЕСТВО

Социальная история Европы XX в. изучена значительно слабее, чем XIX в. или начала нового времени. Несмотря на все универсальные теории социологов, эмпирические исследования проводились преимущественно на материале национальных государств. Лишь в последнее время предпринят ряд исследований, призванных по крайней мере представить важнейшие данные о социальном развитии, необходимые для сравнения и сопоставления. Международные организации меж- и послевоенного времени (Лига Наций, ООН, ОЭСР, ЕЭС) собирали и собирают много сведений об экономическом и демографическом развитии, но не о социальной структуре или социальной мобильности. Ими регулярно публикуются лишь данные о занятости и образовании. Вопросы социальной стратификации и мобильности остаются науке, которая должна попытаться осмыслить и проанализировать эмпирический материал, предназначенный для других целей, например для налогообложения или социального страхования. Лучшее, что может предложить наука, — провести сравнительные исследования очень разнородного материала.

Социальная структура

Первая мировая война нанесла старой Европе смертельный удар. Дворянство, тысячелетиями находившееся на самом вершине общества, в результате большевистской революции в России, свержения габсбургской монархии и вытеснения Турции из Европы было «освобождено от занимаемой должности» самым радикальным образом как раз в тех регионах Европы, где оно тра-

диционно обладало наиболее прочными позициями. В СССР дворянство было либо физически уничтожено, либо изгнано, либо лишено собственности, основы его существования; в других странах как минимум ликвидировали привилегии, а отчасти и собственность аристократии. В Австрии, однако, дворянство хотя и было упразднено, но из страны выслали только императорскую семью, а ее собственность конфисковали. В Германии законодательство превратило дворянский титул в составную часть имени. После того как плебисцит 1926 г. отверг предлагавшуюся коммунистами и социал-демократами экспроприацию дворянской собственности без всякой компенсации, между правительствами отдельных земель и землевладельцами были достигнуты соглашения о разделе имущества. В итоге большая часть замков-резиденций, парков, театров, музеев и библиотек перешла в руки государства, их владельцам предоставлялась компенсация в виде пожизненной ренты и др. Большинство княжеских родов сохранили солидное имущество.

На западе Европы (в Великобритании, Бельгии и Голландии) и в Скандинавских странах мировая война не привела к столь резкому разрыву с прошлым. Здесь не только сохранились монархии, но у дворянства осталась возможность продолжить уже давно начавшийся процесс слияния с новой элитой индустриального общества, в которой количественный перевес был у новых групп, поднявшихся в верхние слои благодаря богатству или профессиональному престижу. Повсюду в Европе становилось все сложнее точно идентифицировать социальную элиту, хотя, без сомнения, она продолжала существовать.

Для разграничения социальных страт социологи обычно применяют комбинацию критериев по доходам, имуществу и профессии, причем в критерий профессии входит полученное образование, прежде всего учеба в университете. Традиционно люди с высшим образованием причисляются к верхнему или верхушке среднего слоя, хотя большая их часть, по крайней мере пока они находятся на государственной службе, ни по доходам, ни по имуществу не относится к элите. С расширением возможностей получения высшего образования с 60-х гг. критерий «университетского образования» стал совершенно непригоден для идентификации верхнего слоя. Но для идентификации верхней

части среднего слоя он вполне применим, хотя и здесь возникают многочисленные проблемы. Чем большее значение при стратификации придается уровню доходов, тем более к лицам с высшим образованием приближаются многие группы лиц самостоятельных профессий или даже превосходят их. Приняв же за основу критерий имущества, надо признать, что старая верхушка общества, представленная сохранившимися крупными землевладельцами и собственниками капитала в финансово-промышленной сфере, составляет особый класс, каков бы ни был его профессиональный состав.

Добавим, что не только профессиональная и финансовая, но также и правительственная элита должна быть причислена к верхним слоям, даже если многие из власть предержащих вышли из средних, а некоторые даже из нижних социальных слоев. До тех пор пока они занимают место на верхних этажах иерархии власти, будь то в государстве, в партиях или в союзах, каждый из них рассматривается как принадлежащий к верхнему слою. Однако их легче лишить данного статуса, чем тех, чье положение основано на профессии или собственности.

Этот политический верхний слой самым отчетливым образом представлен и в Восточной Европе, где «номенклатура», партийная элита со всей очевидностью превратилась в возвысившуюся над остальным обществом касту, класс служащих. При Сталине изгнание из номенклатуры означало смертный приговор или ссылку. Сегодня удовлетворяются большей частью тем, что лишают привилегий, отправляют на пенсию и оставляют в неизвестности.

Таким образом, ответ на вопрос о величине верхнего слоя в обществах Европы XX в. зависит от того, что понимать под элитой. Его можно ограничить 1000 или 5000 самых богатых семей, но можно включить сюда и руководящих чиновников, менеджеров, верхушку представителей свободных профессий. В зависимости от принятого критерия доля элитарных слоев составляет от менее 1% до 2—3% населения при более широком определении. Если же, например, включить в элиту руководящих чиновников и служащих, то ее удельный вес возрастет до 5%.

Приняв за критерий только размер имущества и ограничившись богатейшими семьями, при сравнении разных европей-

ских стран можно обнаружить интересные совпадения: большая часть крупных состояний в XX в., в том числе после обеих мировых войн, по-прежнему обязана своим происхождением переходящей по наследству земельной собственности, причем не только крупным земельным и лесным латифундиям, но во все большей степени городским владениям. Вторым крупным источником богатства является собственность на средства производства, владение или частичный контроль за фирмами. И только на третьем месте находится высокий личный доход менеджеров или лиц свободных профессий (в том числе в искусстве и спорте). Когда мы имеем дело с особо крупными состояниями, то обычно обнаруживается сочетание всех трех факторов.

Если в Великобритании установить границу богатства во владении имуществом стоимостью минимум 100 тыс. фунтов стерлингов, то обнаружится, что число лиц, оставивших наиболее крупные наследства, значительно возросло между первой и второй мировыми войнами, а именно с почти 300 до 540. Во время первой мировой войны, когда свирепствовала инфляция, конечно, не было увеличения состояний. Во второй половине 20-х гг. количество богачей было на треть выше, чем в первой половине. Во время мирового экономического кризиса число наиболее богатых наследодателей упало почти на 6%, но во второй половине 30-х гг. вновь выросло почти на 16%.

В целом экономическая конъюнктура заметно отражалась на переходящем по наследству имуществе начиная с периода первой мировой войны, что позволяет заключить, что имущественные отношения тогда в меньшей степени, чем в XIX в., зависели от земельной собственности, а скорее, от приносящей доход деятельности в промышленности, судоходстве, торговле или финансах. Самыми богатыми людьми Великобритании в межвоенный период были судовладелец и финансист (Джон Эллерман), владелец пивоваренных заводов (Эдвард А. Гиннес), хозяин фабрик по производству линолеума (Джеймс Уильямсон). Все трое были возведены в рыцарское звание. Из них по крайней мере Джон Эллерман, оставивший после смерти в 1933 г. состояние в 36 млн. ф. ст., был *self-made-man* (человеком, который сделал себя сам. — Прим. пер.) и получил известность своей «вероятно наиболее удивительной и необычной служебной карье-

рой в британской истории» (*Рубинштейн. Указ. соч. С. 45*). Таким образом, и в XX в. некоторые могли пробиться в число самых богатых.

Статистическое распределение имуществ в обществе изменялось также медленно. Если в 1923 г. в Англии и Уэльсе один процент населения владел 61% всех имуществ, а элита из 5% населения — 82%, то в 1972 г. им принадлежали соответственно только 32 и 56%. Данная тенденция сохранялась с небольшими перерывами во время мирового экономического кризиса и в начале 50—60-х гг. Но это не значит, что богатых стало меньше, просто появилось много мелких собственников и в то же время число миллионеров в 50—60-х гг. многократно возросло. Только в 1972—1973 гг. умер 21 британец, имевший состояние более 1 млн ф. ст., и 61 — с состоянием от 0,5 до 1 млн ф. ст.

Конечно, миллион этот имел совсем не ту ценность, что в 20—30-х гг., но все же миллион остается магическим числом для идентификации богатства. Поэтому во Франции миллионеров также учитывают особо. Из числа французов, скончавшихся в первое десятилетие перед первой мировой войной, налогом с наследства были обложены только 0,1%. И только 0,2% от этих 0,1%, т.е. один из 500 тыс., оставили имущества на сумму более, чем миллион, а менее 4% — состояние, превышавшее 50 тыс. франков. Миллионеры в целом оставили 30% всего учтенного наследственного имущества, а совокупная группа с состоянием более 50 тыс. франков — остальные 70%. В Париже первыми богачами были большей частью банкиры и крупные торговцы, в Лионе и Лилле — промышленники. Для всего периода с 1902 по 1913 г. число скончавшихся миллионеров оценивается в 6500 человек. Самыми крупными завещателями являлись два Ротшильда, наследство каждого оценивалось в 250 млн франков. Менее 1% умерших в этот период миллионеров были дворянами. Доля дворян среди владельцев состояний, переданных по наследству, во Франции в целом достигала только около 15%. В Париже дворяне были единственной группой среди богачей, которая в целом после смерти оставляла меньше имущества, чем имела при вступлении в брак. В сравнении с богатыми буржуа их положение было намного хуже, чем восемьдесят или сто лет

назад. Отчасти это объяснялось тем, что они крепче держались за земельную собственность в сельской местности, приносившую незначительный доход, и в меньшей степени владели другими формами собственности, например акциями предприятий или земельными участками в городах.

Во время первой мировой войны и после нее реальная ценность крупных состояний во Франции, по всей вероятности, упала, хотя их номинальная величина продолжала расти. Только в конце 20-х гг. после стабилизации франка эта тенденция временно изменилась, чтобы в период мирового экономического кризиса проявиться вновь. После краткого всплеска непосредственно перед второй мировой войной последовал глубокий спад примерно до 1948 г.

С тех пор во Франции состояния богачей значительно возросли, однако статистически они учтены существенно хуже, чем перед первой мировой войной. По имеющимся оценкам реальная средняя стоимость состояний в 1932 г. составляла примерно две трети, в 1950 г. — только четверть, в 1955 г. — половину стоимости 1914 г., а в 1975 г. она была уже почти в 2,5 раза больше.

Перед первой мировой войной и в межвоенный период крупные состояния концентрировались в Париже и в руках немногих семей. Больше половины стоимости всех оставленных имуществ принадлежало 1% завещателей. С тех пор богатство во Франции шире распространилось по регионам и среди населения страны. В 1975 г. половина состояний распределялась не между 1%, а между 10% всех богатых; если же причислить к этому выплаты по социальному страхованию, то верхние 10% обладали теперь только 30% состояний и рент. Причина та же, что и в Великобритании, — быстрый рост средних размеров имуществ. В 1975 г. на землевладение и домовладение приходилось почти две трети всех состояний, значение ценных бумаг или участия в фирмах в сравнении с межвоенным временем вновь упало. Только в верхних 4% имущих эта форма богатства перевешивала земельную собственность. По экспертным оценкам в конце 70-х гг. примерно 3 тыс. французов владели состоянием более 10 млн франков, среди них значились не только промышленники и банкиры, адвокаты и врачи, как прежде, но и ведущие артисты развлекательного жанра.

В Италии между двумя мировыми войнами богатство концентрировалось в отдельных регионах и семьях еще заметнее, чем во Франции. Регионами высокой концентрации были Пьемонт, где величина состояний в 1928 г. равнялась 161% от средней по Италии, Лигурия — 142% и Ломбардия — 129%. В Центральной Италии зажиточность также превышала средний уровень, и напротив — значительно ниже она была в Абруццо (29%), Сардинии (27%), во всей Южной Италии стоимость имуществ составляла только треть от той, что была представлена в одной Тоскане. На долю богатейших наследодателей (1% от общего числа) приходилось 48%, а на верхние 10 — 81% стоимости всех состояний. В 1935—1936 гг. концентрация состояний вновь несколько выросла; в это время 1% супербогачей оставлял в наследство 52%, а верхние 10% — 88%, от стоимости всех состояний. Еще выше концентрация состояний была в землевладении, где в 1946 г. для нужд земельной реформы были зафиксированы отношения собственности: самые верхние 0,3% латифундистов обладали почти 40%, а на высшие 0,6% приходилось 47,4% земель в Италии. Выше всего концентрация земельной собственности была в Лациуме и Тоскане. На юге она превышала среднюю по стране, однако после проведения земельной реформы все-таки снизилась.

В Испании, особенно на юге, земельная собственность также находилась в руках узкого круга латифундистов. В 1930 г. в собственности крупных землевладельцев было свыше 2/3 земли, более чем половине принадлежали участки свыше 500 га. В это же время на севере только четверть земель находилась в руках старой элиты. Часть дворян продавала в межвоенное время имения богатым представителям буржуазной верхушки — банкирам, фабрикантам и адвокатам. Таким образом, старый и новый верхние слои частично слились. В 1962 г. более половины земель также принадлежало 1,8% сельскохозяйственных предприятий, а структура землевладения «в своей основе была той же, как и в 1930 или даже в 1910 г.». Верхний слой буржуазии оставался тонким, насчитывая около 1 000 семей. Согласно данным исследований на 1970 г., к нему можно отнести только 1,1% испанских семей.

Примерно такая же картина наблюдается в других странах Средиземноморья. В Греции, например, в 1938 г. 900 семей имели доход свыше 1 млн драхм, а 2600 (или 0,2% всех семей) зарабатывали в год от 0,5 до 1 млн драхм. И все-таки в некоторых странах Южной Европы крупным землевладельцам в ходе межнациональных конфликтов уже в предвоенное время был нанесен значительный урон. Так, в Румынии старое дворянство, большей частью русское или венгерское, было экспроприровано. Только 17% земли было занято имениями площадью свыше 500 га, и их большая часть состояла из лесов. Новая румынская буржуазная верхушка сравнялась со старой и частью слилась с ней.

Земельная реформа в Венгрии и Польше прошла не столь радикально, крупные землевладельцы, как и прежде, сохранили политическое влияние. В Венгрии было перераспределено только 6% земли. В 1935 г. 0,1% всех имений (размером свыше 500 га) занимали почти четверть общей площади земель. Предельная величина для отдельных землевладений не была введена. Так как в Венгрии помещная верхушка была венгерской, то национальные мотивы не могли быть использованы против нее. В Польше, напротив, в бывших немецких и австрийских районах был введен лимит землевладения в тех же пределах, что в областях, относившихся к польскому конгрессу, где владение не могло превышать 300 га. Но у крупных землевладельцев в целом все еще оставалась пятая часть сельскохозяйственных площадей, и они сохранили свое экономическое, социальное, а также политическое влияние в провинции. В столице в руководящую верхушку влилась национальная польская буржуазия, и граница между верхним слоем и верхушкой среднего слоя стиралась. Еще более четким этот процесс был в Чехословакии, где, как и в Австрии, дворянские титулы были упразднены, а дворянская собственность большей частью сохранилась. Немногочисленные крупные землевладельцы располагали почти третью (заявленного) дохода от сельского хозяйства. Буржуазная верхушка, в чьих руках находились важнейшие руководящие посты в финансах, торговле, промышленности и управлении, оценивалась примерно в 22 тыс. семей, или 5% населения.

Помимо земельной собственности, во всей Европе важнейшим источником богатства, как и в XIX в., являлись торговля и финансы. Так, в Великобритании среди владельцев состояний свыше 1 млн ф. ст. несколько возросла доля представителей этих отраслей (с 40% в 20-х гг. до 42% в 40—50-х и до 45,5% в 60-х гг.). Внутри этой группы доля традиционно самых богатых — частных банкиров, судовладельцев и оптовых торговцев — все-таки сократилась. Удивительно высокой была доля состояний, нажитых в пищевкусовой промышленности (26% в 20-х гг., почти 30% в 40—50-х и 17% в 60-х). В следующей группе состояний от 0,5 до 1 млн ф. ст. доля тех, которые возникли благодаря торговле и финансам, сократилась соответственно с 48 до 39% и до почти 38%, а доля созданных в промышленности (за исключением пищевкусовой) выросла с почти 31% до почти 36%, в то время как пищевкусовая отрасль с 16% уменьшилась до 8%. Напротив, в этой группе быстро прогрессировали представители свободных профессий. Если в 1920—1929 гг. в группе «миллионеров» на их долю приходилось только 4,6% состояний, в 1940—1950 гг. — 4,1% и в 1960—1969 гг. — 6%, то в группе владельцев наследственных имуществ от 0,5 до 1 млн ф. ст. их удельный вес повысился с 3,2% до более 11%.

В прошлые века верхний слой наиболее состоятельных людей был тесно связан с господствующей элитой. Половину членов английского парламента 1895 и 1906 гг. можно было охарактеризовать как очень состоятельных. 47% и, соответственно, 44% из них составили состояние в более чем 100 тыс. ф. ст. В период между войнами и сразу после них картина была иной. Среди депутатов от партии лейбористов лишь немногие принадлежали к действительно богатым, а большинство оставило состояние меньше 10 тыс. ф. ст. В среде консерваторов и либералов доля лиц со средними и мелкими состояниями также росла. В парламенте 1950 г. только 5% тори обладали на момент смерти более чем полумиллионом фунтов. Среди парламентариев крупные землевладельцы, фабриканты и коммерсанты отходили на второй план, а их место все чаще занимали служащие и профессиональные политики.

Принимая доход в качестве единственного критерия, можно проследить интересные различия в имущественном положении.

Важнейшим является тот факт, что степень неравномерного распределения доходов становится менее заметной и что с давнего времени, в Англии с позднего средневековья, наблюдается тенденция к постепенному выравниванию доходов, которая в распределении наследственных состояний проявляется не так отчетливо. Выравнивание доходов было значительно ускорено в межвоенное и послевоенное время в ряде стран, прежде всего с помощью прогрессивного подоходного налогообложения. Среди стран Западной Европы Швеция пошла в этом направлении дальше всех. В Великобритании высокий прогрессивный налог на доходы повлек перераспределение, в результате которого высшие 10% получателей доходов потеряли, а все остальные ощутимо выиграли. В наименьшей степени ситуация изменилась в среднем слое (табл. 18).

Таблица 18

Оценка распределения доходов в Великобритании до и после введения налогов
1949—1979 гг. (в %)

Год	Верхние 10%		Следующие 30%		Средние 30%		Низшие 30%	
	до	после	до	после	до	после	до	после
1949	33,2	27,1	34,9	36,9	31,9*	36,0*		
1959	29,4	25,2	38,4	39,8	22,5	23,7	9,7	11,2
1970—1971	27,5	23,9	40,0	40,4	22,3	23,8	10,2	11,8
1978—1979**	26,1	23,4	41,2	41,1	22,3	23,4	10,4	12,1

* Вместе с низшими 30%.

** Оценка до вычета процентов по ипотеке.

Источник: Atkinson A.B. The Economics of Inequality. Oxford. 1983. P.63.

Но при учете валовых доходов почти во всех странах также выявляется долгосрочная тенденция к нивелированию, которая спорадически прерывается. В Дании и Великобритании доля верхних 5% населения в 1970 г. составляла только половину той, что была в начале века. Слабее, насколько нам известно, данная тенденция проявляется в Германии. Причина заключается главным образом в том, что доля лиц с высоким доходом здесь перед первой мировой войной была значительно ниже, чем, например, в Англии (около 30% против 45% соответствен-

но). К началу второй мировой войны их удельный вес колебался между 25 и 30%, а в 1950 г. вновь упал примерно на 5%, т.е. до уровня 20—25%. С тех пор падение замедлилось.

Доля верхних 10% получателей доходов имела аналогичную тенденцию, правда, сокращение выразилось не столь сильно, т.е. нижняя половина этой группы смогла сохранить свои позиции лучше, чем верхняя. В конце 30-х гг. доля самых богатых 10% в Дании, Германии, Нидерландах, Швеции и Великобритании была между 35 и 40% всех доходов, к началу 50-х гг. — между 30 и 35%, в Финляндии, Норвегии и Швейцарии она была ниже 30%. К началу 70-х гг. в восьми западноевропейских странах она снизилась до 24—31%. В Финляндии с начала 50-х гг. она при этом вновь немного росла, как временами в Швейцарии и Швеции.

В странах восточного блока неравенство проявляется прежде всего в различном доступе к ограниченным материальным благам и услугам (дача и служебная машина). Например, в Венгрии, по-видимому, доля высших 20% получателей доходов упала с 59% в 1930 г. до 36% в 1962 г., в Чехословакии с 47% в 1930 г. до 27% в 1965 г., а доля высших 10% даже до 14%. Таким образом, слой богатых здесь располагал только половиной тех доходов, какие имели богачи в Западной Европе.

Но и на Западе число лиц с действительно высоким уровнем доходов на удивление мало. В Великобритании непосредственно перед первой мировой войной было только 75 человек с доходом свыше 100 тыс. ф. ст. Во время войны эта группа выросла до 115 человек — признак того, что среди них были те, кто нажился на войне. В первой половине 20-х гг. этот показатель возрос еще на треть по сравнению с предыдущим пятилетием (157 чел.), затем в конце 20-х гг. несколько снизился, и это снижение драматически продолжилось во время мирового экономического кризиса. В первой половине 30-х гг. в Великобритании насчитывалось только 86 супербогачей, а во второй половине — 92. После войны их число сокращалось и в начале 50-х гг. составило 37 человек. Только экономический рост и снижение инфляции в конце 50-х—начале 60-х гг. довели количество английских миллионеров, т.е. достигших дохода более 100 тыс. ф. ст. в год, до 200 человек (1965—1966 гг.).

Совершенно аналогичная тенденция наблюдается в группе лиц, имеющих доход от 50 до 100 тыс. ф. ст. в год. В этой группе абсолютные цифры также малы, их наивысшие значения: 452 чел. — в начале 20-х гг. и только 255 чел. — в первой половине 30-х гг. Только в группе, где нижняя граница дохода опускается до 5 тыс. ф. ст. в год, обнаруживается постоянный рост, который в период с 1921—1925 гг. до 1926—1930 гг. был особенно велик и составил 50%. Рост продолжался вплоть до мирового экономического кризиса, когда численность этой группы также сократилась на 20%. В 1911—1915 гг. британская статистика доходов зафиксировала 13 134 обладателя годовых доходов свыше 5 тыс. ф. ст. В первой половине 20-х гг. это число удвоилось. Своего максимума в межвоенное время данная группа достигла во второй половине 20-х гг. — 28 359 чел.

Помимо Великобритании лишь некоторые страны вели достаточно разработанную статистику доходов, на основе которой можно анализировать социальную структуру. Из нее прежде всего следует, что переходные грани весьма подвижны. Повсюду нетто-доходы особенно ощутимо колеблются в верхней части среднего слоя, у коммерсантов и лиц свободных профессий, и статистический срез 1927 г. дает другие результаты, чем в 1932 г. Большинство авторов, описывая социальное расслоение, чаще используют статистический критерий принадлежности к профессии и делят активное население на лиц самостоятельных занятий, чиновников/служащих и рабочих. Классификация эта довольно грубая; в одну группу, особенно в категорию лиц самостоятельных занятий, попадают самые различные социальные классы: от крупных предпринимателей и частных банкиров до владельцев киосков и мелких крестьян. В первую очередь из этой статистики можно заключить, что повсюду в Европе в XX в. растет доля чиновников и служащих по отношению как к лицам самостоятельных занятий, так и к рабочим. В этом часто усматривают доказательство расширения среднего слоя за счет высших и нижних страт. Разумеется, надо учитывать, в каком соотношении между собой находятся рост «нового» и «сжатие» старого среднего слоя. Если из него исключают лиц самостоятельных занятий типа крестьян, ремесленников, торговцев, в то время как учитывают чиновников, занимающих

средние и высшие посты, то, может быть, в целом средний слой убывает. Однако почти повсюду было наоборот. В Швеции, правда, доля лиц самостоятельных занятий сократилась с 1930 по 1965 г. вдвое, но удельный вес чиновников и служащих вырос более чем в два раза, тогда как доля рабочих, которая в 1930 г. составляла 62%, сократилась до 49%. Прямое сравнение таких соотношений между европейскими странами формально возможно, но малопродуктивно из-за разницы в категориях, которая проистекает главным образом из законов о социальном страховании. Если, как имеет место во многих странах, определенные категории мастеров и высококвалифицированных рабочих в полном составе относятся к служащим, то это может быть признаком повышения социальной значимости этих групп в сравнении с другими, хотя, с другой стороны, может соответствовать общей тенденции — шаг за шагом переносить преимущества статуса служащего на категории рабочих. Такая тенденция в Европе отчетливо намечается. Она изменяет характер общества в целом, делает менее заметной разницу между социальными слоями.

Ядро высшего слоя, как и прежде, достаточно легко отделяется от ядра среднего и низшего слоев, но пограничная зона между ними со времени первой мировой войны стала более размытой. Входящие в верхнюю часть среднего слоя руководящие чиновники и служащие, лица свободных профессий, наиболее удачливые коммерсанты не только причудливо переплетаются между собой, но и переходят как в верхний, так и в средний слой. Квалифицированные рабочие, по меньшей мере в Северной, Западной и Центральной Европе, по образу жизни, образованию, доходу и престижу также относятся, скорее, к среднему, нежели чем к нижнему слою. Некоторые социологи настаивают на том, чтобы поместить рабочих в качестве некоего промежуточного слоя между средней и нижней стратами. Таким образом, нижний слой сжимается примерно до 5% населения, хотя временные рабочие, лица, живущие на социальные пособия, и другие «пограничные группы» пока однозначно причисляются к нему. Если в XVIII—начале XIX в. они составляли минимум две трети, а часто даже три четверти населения, то при подобном анализе они рассматриваются как остаточная группа.

Этому положению соответствует также самооценка, по меньшей мере в ФРГ, где уже в 1955 г. только 5,4% населения относили себя к нижнему слою, а почти половина (49%) — к рабочим. Средние слои составляли по этой самооценке почти 44%, а верхний слой — 1,9% населения. Если же в основу социального расслоения положить многофакторную модель, согласно которой рабочие относятся к нижнему слою, то, по данным Шойха, в 1961 г. к нему следовало причислить еще 46—47% населения ФРГ. Свыше трети населения страны он причислял к верхней части нижнего слоя, т.е. прежде всего квалифицированных рабочих (ремесленников и индустриальных рабочих).

Между тем этот слой в процентном отношении, пожалуй, еще сократился. Правда, поток иностранных рабочих, большей частью неквалифицированных, нередко даже с незаконченным средним образованием, но, во всяком случае, владеющих иностранным языком как родным, направился на Запад и в Центр Европы и затормозил сжатие нижнего слоя. Ведь в тех странах, где родились направившиеся в поисках благосостояния обладатели рабочей силы, социальное расслоение выглядит совсем по-иному. В странах Средиземноморья (включая Югославию) сохраняется заметный слой мелких крестьян и временных рабочих, которые вместе с полностью безземельными повсюду в Европе образуют самый низкий социальный слой. В этих странах подобный слой до сих пор составляет половину населения. Восточная Европа, напротив, по официальным данным предстает как единое общество, слабо разделенное на прослойки, которому известны только рабочие — их большинство, служащие — к ним причисляется «интеллигенция» и весь руководящий слой — и колхозное крестьянство. В ЧССР эти три группы вместе в 1980 г. составляли 98%, а в СССР — даже 100% населения.

Социальная мобильность

Насколько сложно найти убедительную модель социального расслоения в XX в., настолько же непросто уловить движение между слоями как теоретически, так и эмпирически. Немного-

численные исследования большей частью посвящены только ротации между отдельными профессиональными группами, прежде всего подъему в политически и экономически руководящий слой, изредка движению в обратную сторону или между средними и нижними слоями или компаративным сопоставлениям отдельных стран. Дело, скорее, не в том, что интерес исследователей концентрируется на верхних слоях, просто относительно этих слоев имеются в некоторой степени достаточные данные (коллективные биографии). Большая часть процессов социальной мобильности, прежде всего тех, которые не связаны однозначно с движением вверх или вниз, но происходят внутри широких социальных групп вследствие смены профессии и места жительства, осталась не охваченной учеными ни в XIX, ни в XX в.

Если социальную мобильность рассматривать не только как статистически прослеживаемый подъем внутри одного поколения или между поколениями, то вполне можно исходить из того, что она почти повсюду в Европе в течение XX столетия усилилась. Однако из-за недостатка соответствующих определений, данных и методов учета это можно доказать только для ряда стран, а внутри них лишь в отношении некоторых профессиональных групп.

Наиболее общим показателем массовой мобильности является расширение рабочих мест служащих за счет рабочих и представителей самостоятельных профессий, а также уменьшение сельского, особенно крестьянского, населения в пользу городского. Обе эти тенденции, хотя и с различной силой, отмечаются во всей Европе, не останавливаясь даже перед «железным занавесом». Социалистическое общество, конечно, дифференцировано значительно слабее, чем любое несоциалистическое: там нет либо существует в качестве рудимента обширный слой предпринимателей (который делится на многочисленные категории и в особой степени подвержен социальной мобильности), а лица свободных профессий превращены в служащих. Однако урбанизация и рост доли служащих наблюдаются также и здесь. В первые годы после революции имела место в значительной степени вынужденная социальная мобильность, особенно вниз, а для партийных кадров, происходивших из пролетарских или

мелкокрестьянских слоев, также и вверх. После обеих мировых войн социальная мобильность усиливалась и в среде беженцев, так как многие не могли устроиться на работу по своим прежним профессиям, особенно если они были заняты не в сельскохозяйственной сфере. Но именно эти сложности способствовали тому, что в этих группах значительно проявился социальный подъем: по крайней мере младшее поколение в большей степени стремилось и вверх, чем представители местного населения, которым было гарантировано отцовское наследство. Здесь действует правило, которое было выведено из опыта европейских городов XIX в.: кто хоть однажды по каким бы то ни было причинам географически или социально стал мобильным, тот останется им с большей долей вероятности, нежели тот, кто не сделал первого шага. По этой причине можно предположить, что социальная мобильность, по меньшей мере в первые десятилетия после второй мировой войны, была выше в Восточной и Центральной Европе, чем в Северной, Западной или Южной.

Если не выходить за пределы «нормальной» мобильности, т.е. вызванной в первую очередь не войнами или сменой социальных систем, то очевидным становится, что ее основная причина заключается в распространении и дифференциации предъявляющих более высокие требования профессий. Она яснее прослеживается поэтому в периоды быстрого роста и структурных перемен (как в 50—60-е гг.), чем во времена стагнации и депрессии (как в 20-е и в начале 30-х гг.). Таким образом, социальная мобильность свойственна динамичным обществам в динамичные времена. Неудивительно поэтому, что в лучшем всего обустроенном в Европе обществе — британском — на первый взгляд мало что изменилось. Отдельные медленно утверждающиеся тенденции можно все-таки выявить: доля британской экономической элиты, происходящей из верхней части среднего слоя, неуклонно снижается, с 77,5% (1900—1919 гг.) до 68,5% (в 60-е гг.), тогда как удельный вес нижней части среднего слоя также медленно, но в несколько меньшем темпе вырос с 15,2 до 21,5%. Крайне небольшим осталось число тех, кто поднялся из рабочего класса. Их доля постоянно была меньше 10%. А сыновья работников средней и низшей квалификации в 60-е гг.,

также как и перед первой мировой войной, были представлены только 1%. В «экономическую элиту» здесь включены председатели правлений 200 крупнейших частных компаний. Аналогичную тенденцию показывает исследование британских сталепромышленников. Здесь доля выходцев из верхней части среднего слоя сократилась с 87% (1925 г.) до 62% (1953 г.), а доля вышедших из низшей части среднего слоя выросла с 4 до 13%. Заметно выше удельный вес сыновей рабочих, что относится и к машиностроению. В 1925 г. — 2%, в 1953 г. — уже 14% британских сталепромышленников были сыновьями квалифицированных рабочих, а сыновей неквалифицированных стало 4% (вместо 2%).

К аналогичным результатам привело исследование происхождения английской политической элиты. Среди министров Великобритании редки были выходцы из рабочих. Исключение составляют только квалифицированные рабочие, ставшие министрами лейбористских правительств. В 20—30-х гг., а также перед первой мировой войной они составляли четверть, в 40—50-х гг. треть кабинета, а их представительство в 60-х гг. вновь снизилось на почти треть. Рабочие средней и низшей квалификации и среди министров-лейбористов составляли максимум 4% в 20—30-х гг. В течение двух последующих десятилетий таковых вообще не стало, и только в 60-х гг. они вновь составили 3%. Почти половина министров от лейбористской партии, которые занимали посты в межвоенное время, имели университетское образование и почти четверть вышли из стен элитных закрытых частных школ, т.е. изначально принадлежали к высшему или к верхушке среднего слоя. После второй мировой войны доля министров-лейбористов с университетским образованием возросла почти до двух третей. С течением времени у лейбористов, так же как и у консерваторов, образовались «политические династии», где сыновья шли по стопам отцов. Таким образом снизилась социальная мобильность в верхушке руководства той политической партии, которая выступала за равенство, т.е. за достижение большего социального движения наверх. Это заметно также и на примере других рабочих партий Европы, особенно в Скандинавии, где в результате многолетнего нахождения у власти правительства социал-демократов ее ру-

ководящая верхушка стала полноправным элементом истеблишмента, а также в ФРГ и Австрии, где часть рабочих-католиков охотнее поддерживает другие партии, тогда как молодые люди с высшим образованием из буржуазных семей тяготеют к левым политическим силам.

Высокая доля пополнения состава из собственных же рядов является признаком не только элиты. Ту же картину можно обнаружить в средних и низших слоях стран Европы, особенно выражено это в среде рабочих. Проведенное в Англии исследование показало, что почти три четверти рабочих были сыновьями рабочих. Можно сформулировать и обратную зависимость: в Испании сегодня четверть сыновей не хочет более заниматься профессией отца, и данный факт рассматривается как доказательство роста профессиональной мобильности между поколениями. Причина кроется главным образом в том, что вероятность унаследовать профессию сельскохозяйственного рабочего упала с 20 до 7,5%. Данное наблюдение подтверждает тот основополагающий тезис, что социальная мобильность способствует изменению профессиональной структуры, а часто даже вынуждает к ней. И мобильность возрастает тем быстрее, чем интенсивнее происходят структурные изменения. Как результат структурной перемены можно расценивать увеличение в Германии числа служащих, вышедших из среды квалифицированных рабочих, с 19% (среди тех, кто родился в последней четверти XIX в.) до 24% (среди тех, кто родился в период между 1916 и 1925 гг.) и увеличение с 4 до 9% служащих среди выходцев из неквалифицированных рабочих.

В Германии социальная мобильность была, помимо прочего, ускорена политическими событиями. Возросла ли она при национал-социализме — вопрос спорный. Однако не вызывает сомнений, что в результате второй мировой войны она увеличилась. Бросается в глаза, например, что немецкие промышленники межвоенного времени по происхождению очень схожи с довоенными индустриалами, больше половины были родом из семей предпринимателей, пятая часть, а в межвоенное время 16%, выходцами из мелкой буржуазии, торговцев и ремесленников, остаток распределяется среди чиновников, сельских хозяев, лиц свободных профессий и служащих, чей удельный

вес в межвоенное время равнялся 7%, т.е. заметно выше, чем перед первой мировой войной, когда он составлял только 2%. Выходцев из рабочих среди промышленников в довоенной Германии практически не было, в межвоенное время они были представлены 1%. В середине 60-х гг. доля видных предпринимателей, происходивших из собственной среды, напротив, сократилась до всего лишь пятой части. Важнейшим источником пополнения экономической элиты теперь стал слой средних чиновников, из которого происходила почти четверть ведущих предпринимателей. Доля мелкой буржуазии и сельских хозяев, за исключением крупных землевладельцев, существенно не изменилась, но доля поднявшихся до уровня крупного предпринимателя из среды лиц свободных профессий, и прежде всего из служащих почти удвоилась, а доля выходцев из рабочих увеличилась даже в 5 раз. Правда, она оставалась очень низкой и составляла только 5%.

Следует обратить внимание, что эти данные основаны на выборках, репрезентативность которых не подтверждена. Тем не менее представляется, что тенденцию они отражают верно. Тенденция эта проявляется в том числе в движении из низших в средние слои общества. Если в период кайзеровской Германии примерно каждый пятый представитель низшей части среднего слоя происходил из семьи рабочих или служащих низшего звена (в этом случае такие служащие относятся к низшему слою, что, конечно, небесспорно), то в 50—60-е гг. в ФРГ им был примерно каждый третий. И если при кайзере и в период Веймарской республики только 2% выходцев из низов общества поднялись до уровня среднего слоя, то в ФРГ в 1969 г. эта цифра составляла 12%.

Но одновременно увеличилось и социальное падение. В 1969 г. пятая часть тех, кто относился к нижней части среднего слоя, имели отцов в верхней его части. При кайзере, в период Веймарской республики и в начальный период истории ФРГ это процентное соотношение было значительно меньшим (в 1955 г. — только 3%). Напротив, меньше выходцев из пограничной зоны среднего класса опустились в низший слой, вероятно, прежде всего потому, что его доля в населении в общем уменьшалась. В целом удельный вес социально мобильных в общей структуре населения Герма-

нии повысился с четверти в период империи и Веймарской республики до почти одной трети в середине 50-х гг. и до почти половины в конце 60-х гг.

Исследование мобильности по отдельным профессиям подтверждает эту картину. Если перед первой мировой войной во всех исследуемых землях Германии по меньшей мере половина высших чиновников вышла из верхней части среднего слоя, в некоторых регионах, например в Ганновере, даже почти 90%, то в период Веймарской республики в ряде земель, например в Вюртемберге и Саарпфальце, эта доля уменьшилась наполовину, а после второй мировой войны в ФРГ она повсюду держалась ниже этого уровня. Добрая половина высших должностных лиц вышла из низов среднего слоя, и только около трети — из семей служащих среднего звена, а в 1970 г. 11% (против 4% в Пруссии в межвоенное время) происходили из средних и мелких служащих. Даже высшие должностные лица ФРГ в конце 60-х гг. на 30% происходили из средних и только на 23% — из высших служащих, тогда как в Пруссии в 1928 г. 37% (в Германии в 1922 г. 39%) чиновников самого верхнего разряда были рекрутированы из семей служащих более высокого статуса.

В несравнимо более обширном слое служащих мужского пола в ФРГ начала 70-х гг. наблюдалась такая же доля лиц, происходивших из данного слоя (23%) тех, кто совершил подъем по социальной лестнице (30%), в данном случае из среды рабочих. В отличие от высших должностных лиц, у служащих вторая по величине группа происходит из схожего социального слоя, из группы чиновников среднего уровня (13%), в то время как у руководителей высшего звена следуют служащие (14%). Таким образом высшие должностные лица в большей степени являются людьми, сделавшими самостоятельную карьеру, чем служащие. Очевидно индивидуальные дарования здесь проявляются сильнее, чем в средней группе служащих.

Хорошие шансы на подъем для сыновей государственных чиновников и служащих связаны также с растущей профессионализацией менеджмента и политической деятельности, т.е. с ростом значения образования как предпосылки для достижения более высокого положения в экономике и политике. И то и другое можно подтвердить на примере Франции. Тот, кто «сделал

себя сам» хотя и сохраняет возможность роста, но чаще выбирает карьеру, связанную с получением образования; в Скандинавских странах, Великобритании и Центральной Европе также и второго образования. Однако по пути получения образования охотнее идут дети служащих, следуя примеру родителей, чем дети рабочих, так что улучшение ситуации в образовании в Европе с 60-х гг. не слишком существенно повысило шансы детей рабочих на рост. Они предпочитали иной путь: увеличение числа мест средних и низших служащих давало большую возможность проникнуть в эту профессиональную группу. Так, в ФРГ в 1970 г. 38% всех служащих низшего и среднего звена вышли из рабочих и только 19% имели отца, занимавшего аналогичный пост на государственной службе. Даже среди чиновников более высоких служебных рангов насчитывался 21% детей рабочих. Профессиональная группа учителей народной школы, которая часто характеризуется как ступень в типичной карьере, напротив, только на 15% пополняется из детей рабочих. Такая же доля приходится на детей средних служащих и на служащих более высокого ранга, а также на мелких ремесленников. Не в последнюю очередь это связано с высокой долей женщин среди школьных учителей. Эту профессию, скорее, осваивают девушки из более высоких социальных слоев, чем юноши. Среди учителей-мужчин, наоборот, чаще можно обнаружить выходцев из рабочих семей (18%), тогда как из числа учительниц только 10% вышли из семей рабочих.

Этот пример показывает, что активизация профессиональной деятельности женщин может оказывать тормозящее воздействие на социальную мобильность. В других профессиональных группах, по-видимому, также можно обнаружить, что доля женщин, вышедших из более высоких социальных слоев, превышает, долю тех, кто происходит из низших социальных страт, имеет более низкий уровень, чем в случае с профессиональными группами мужчин. Если же соотнести это наблюдение с центральным для социальной мобильности вопросом (что до сих пор редко делалось), каково социальное положение супружеских пар с различными профессиями супругов, то выяснится, что вся проблема социальной стратификации и мобильности, при исследовании которой исходят традиционно из профессии

отца семейства, должна быть поставлена заново и что различия между слоями, которые в XX в. в европейских странах, без сомнения, уменьшились, исходя из критериев дохода, стиля жизни, самооценки или оценки со стороны, вследствие изменения ролей полов также стали еще более подвижными и менее отчетливыми, чем были до сих пор.

Социальный конфликт

Подробно изложить историю социальных конфликтов в Европе в XX в. означает то же, что написать политическую историю этого времени: эти конфликты лежат в основе большинства важнейших политических событий столетия, то совершенно очевидно, то не столь заметно. Русская революция 1917 г., германская революция 1918 г., недолго просуществовавшая в первые послевоенные годы Венгерская коммунистическая республика — все они были вызваны поражениями в мировой войне, но отмечены выдвижением социальных и экономических требований. В событиях, связанных с созданием Ирландской республики в 1922 г., как и в более поздних конфликтах в Северной Ирландии и вокруг нее, воедино слились политические, религиозные, национальные (или этнические) мотивы с экономическими и социальными. Фашистские движения в межвоенное время также имели социальные компоненты. Мелкобуржуазная и крестьянская неприязнь к социальным группам, развитию которых благоприятствовала модернизация, а также в отношении национальных и религиозных меньшинств, например евреев, в них не просто присутствует, но и становится главным двигателем фашистского движения. Национальные конфликты в Восточной Европе межвоенного периода были по сути социальными, особенно там, где традиционные верхние слои не принадлежали к той же национальности, что и большинство населения. Так происходило прежде всего в Румынии и Югославии, а также в балтийских государствах. В послевоенное время во многих странах продолжались затаенные конфликты, движущую силу которых следует искать во множестве политических, этнических, религиозных и социально-экономических

факторов. Кроме Северной Ирландии следует упомянуть движения басков в Испании, бретонцев во Франции, турок на Кипре и в Болгарии, албанцев в Югославии. Подспудно обостряется большинство старых конфликтов и в Восточной Европе, хотя объектом народного негодования являются теперь в основном не прежние, а новые господствующие слои.

Другие традиционные категории конфликтов также не исчезли полностью. Например, протест сельского населения против налогов, полиции, таможенного контроля, контроля за наркотиками и вообще всего, что связано с центральным правительством. Сицилия и Сардиния представляют наиболее известные примеры такого протеста.

В послевоенное время в Западной Европе сформировались два новых типа конфликтов. Первый и важнейший связан с увеличением в странах Западной и Центральной Европы удельного веса национальных меньшинств с языком и религией, принадлежащими другим расам. Второй тип конфликтов начался с бунта значительной части студенческой молодежи в большинстве стран Европы в 60-е гг. и продолжался движением в защиту окружающей среды и аналогичными ему. Если конфликты первого типа касаются противоречий между местным населением и новым пришлым низшим слоем, то вторые могут быть определены как смутное «неприятие современности» и «протест против благосостояния»: данные конфликты идеологически и политически немотивированы, а их носителями выступают преимущественно выходцы из верхних слоев. В Германии в особенности они демонстрируют очевидное родство с предшествующими молодежными движениями, в том числе и 20-х гг., которые, отворачиваясь от буржуазного общества, политически ориентировались как «направо», так и «налево».

В сравнении с той ожесточенностью, которую приобретают некоторые из этих новых конфликтов, классическая форма массового протеста в индустриальных обществах — забастовка рабочих — выглядит весьма мирной. Этот вид конфликтов в значительной степени институционализован, поддается законодательному регулированию, облечен в форму коллективных договоров о тарифных ставках и стал обычным рутинным делом, превратившись даже в церемонию. Разумеется, и в послевоен-

ной Европе вновь и вновь происходят «дикие забастовки», принимающие хаотическую форму. Институционализация стачки дает возможность превратить ее в основную форму реализации социальных конфликтов в индустриальных странах, прежде всего в западных, исповедующих либеральные ценности, но также и в социалистических обществах типа польского или югославского.

Во всех западных демократиях самое позднее с межвоенного периода велась статистика забастовок или государственными органами, или профсоюзами. Но большей частью она все-таки является неполной или неединообразной из-за трудностей, связанных с определениями. Даже кажущиеся простыми основные категории (количество стачек, их продолжительность и число участников) совсем не просто определить, потому что статистика не всегда учитывает спонтанные забастовки, особенно короткие перерывы в работе на отдельных предприятиях. Кроме того, в статистических ведомствах разных стран существовали свои инструкции и предписания относительно того, с какой продолжительности или числа участников забастовку следует фиксировать. В отдельных странах с течением времени порядок учета забастовок изменился. Еще труднее однозначно определить повод, причину и результаты стачки из-за взаимопереплетения различных мотивов. Зачастую трудно установить факт перехода к политической забастовке, особенно в период непосредственно после первой мировой войны. В странах Средиземноморья этот переход трудно уловить до сих пор, но и почти во всех европейских государствах в отдельные годы происходили специфические конфликты, которые можно связать со сменой правительств, вопросами социального статуса (такими, как избирательное право), а также различными внешнеполитическими или военными событиями. Поэтому сопоставление забастовок как форм социального конфликта между отдельными странами или за длительный период сопряжено с большим риском.

Взяв за основу официальные данные, мы обнаружим как в XIX, так и в XX в. наличие типичных форм протекания конфликта и национальные различия. Почти повсюду число забастовок растет в период экономического подъема и падает во время депрессии. Повсеместно заметен контраст между краткосроч-

ными стачками с участием широких масс населения и длительными забастовками, в которых участвуют только небольшие профессиональные группы, отрасли промышленности или регионы. Сохраняется противоположность, например, между английской забастовкой, которая часто начинается на отдельных предприятиях и ими же и ограничивается или касается только отдельных профессиональных групп, например, типографских работников газетных издательств, и шведской, которая часто проходит организованно по всей стране и охватывает все отрасли промышленности. Промежуточное положение занимает Германия, где переговоры о тарифах и забастовки хотя и охватывают все отрасли промышленности и планируются централизованно, но проходят в регионах по-разному, часто только на отдельных предприятиях. В Италии и Франции в рабочей среде конкурируют профсоюзы различных партийных ориентаций, что способствует особой частоте забастовок.

Социологи пытались выявить различные типы социальных конфликтов в Европе в соответствии с различным профилем забастовок. По их мнению, различаются, например, западноевропейские, североевропейские и средиземноморские стачки, последние большей частью относятся к Италии и Франции, реже к Испании, Португалии и Греции. Предложенная типология страдает тем, что в ней всегда можно найти исключения. Так, послевоенная Финляндия с ее высокой частотой забастовок не соответствует североевропейскому типу, и, напротив, к нему можно отнести Нидерланды, а также ФРГ, Австрию и Швейцарию. Во всяком случае, представляется, что Скандинавия и Центральная Европа в отношении забастовок очень схожи. Кроме того, тип забастовки значительно изменяется в наше время, по крайней мере в некоторых странах. Швеция перед первой мировой войной и вплоть до 30-х гг. относилась к странам с высокой частотой забастовок, а затем — к странам с одной из самых низких. В других Скандинавских странах, а также в Германии и Австрии в послевоенное время сравнительно с межвоенным значительно сократилось число стачек, уменьшились их продолжительность и количество забастовщиков, в Финляндии, напротив, эти показатели возросли, а в Швейцарии они постоянно оставались незначительными. Решающее значение в усиле-

нии или ослабления стачечной активности часто имеют политические причины. Разумеется, показатели забастовок во всех странах в периоды господства авторитарных или фашистских правительств были значительно ниже, чем до или после них или в странах с парламентарным режимом, так как при тоталитаризме социальные конфликты подавляются. По этим причинам невозможно сравнивать стачечную активность в восточноевропейских странах с остальной Европой.

Попробуем сначала наметить некоторые общие черты. В годы первой мировой войны число забастовок значительно выросло почти повсюду в Европе, причем не только в странах, участвовавших в войне. Причина, по-видимому, заключается в том, что повышение заработной платы не могло компенсировать ухудшение снабжения и рост цен, а с другой стороны, обусловленный войной взлет конъюнктуры вопреки ограничениям стачечного права, которые действовали во время войны во многих странах, давал рабочим возможность выразить свое недовольство. К концу войны в некоторых воевавших странах, прежде всего в России, но также в Германии и Австрии, такие факторы усиления стачечного движения, как стремление к восстановлению уровня жизни, усталость от войны, а также у небольшой, но решающей части рабочих политические цели, сплелись в трудно распутываемый узел. Пик забастовочного движения во многих странах пришелся на начало 20-х гг., затем кое-где, прежде всего в Великобритании, стачечная активность значительно снизилась. Только всеобщая забастовка 1926 г. еще раз потрясла страну, но в период мирового экономического кризиса показатели опустились до самого низкого уровня. В других странах, например в Швеции и Норвегии, число забастовок резко колебалось и как раз в конце 20-х гг. особенно возросло, чтобы затем в период кризиса резко упасть. После преодоления кризиса в середине 30-х гг. особенности, обусловленные политическими системами, стали различимы яснее. Если в Западной Европе забастовочная активность опять возросла, то в Центральной Европе почти сошла на нет (*график 4*).

После второй мировой войны во многих европейских странах количество забастовщиков росло в первую очередь потому, что профсоюзы лучше организовывали рабочих. Поначалу чис-

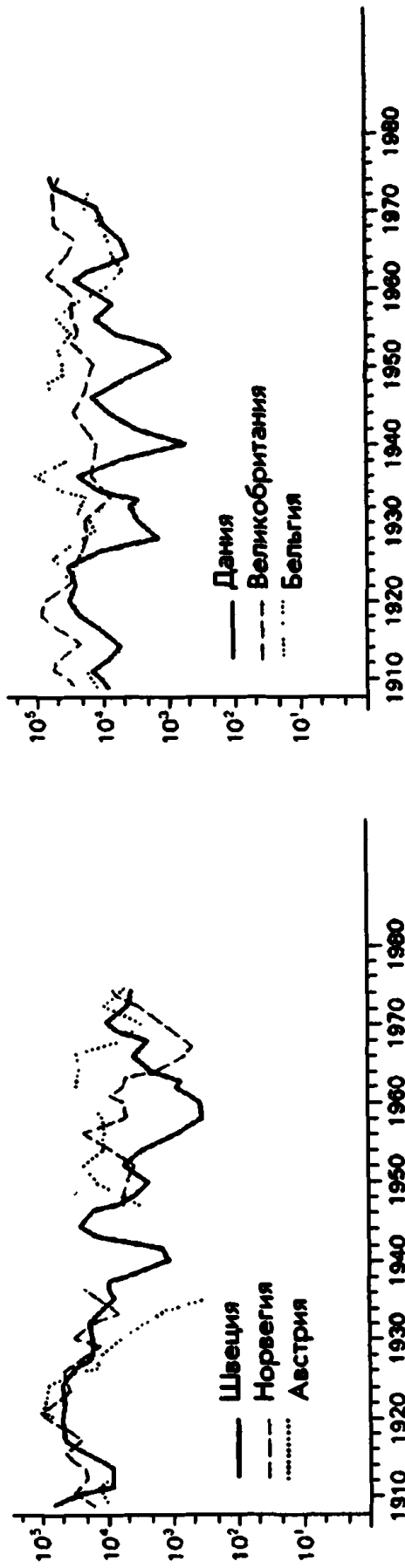
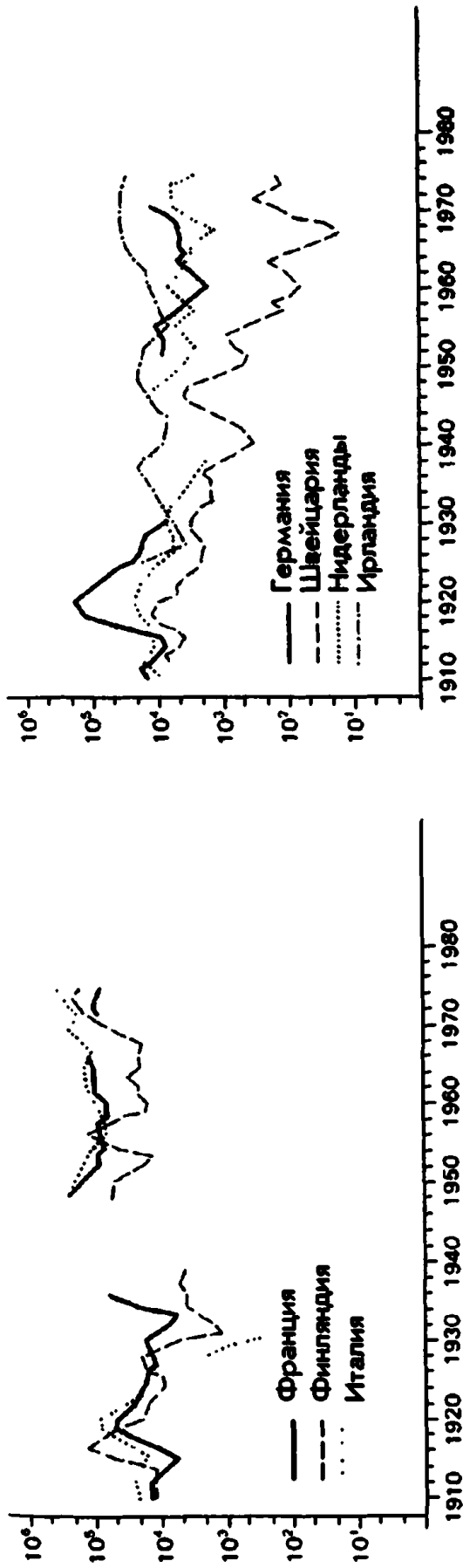

График 4. Участие рабочих (кроме сельскохозяйственных) в забастовках в некоторых европейских странах в 1910—1976 гг. (средние данные за пятилетия)

Источники: Корпи W. u. Shalev M. Strikes, Power and Politics in the Western Nations, 1900—1976 // Political Power and Social Theory // Ed. by M. Zeitlin. Bd. 1. Greenwich, 1980. P. 310ff.

ло забастовок обнаружило тенденцию к сокращению, так что в начале 60-х гг. в сравнении с эмпирическими данными предыдущих десятилетий можно сделать вывод, что в «зрелых» индустриальных обществах конфликты в промышленности угасают. Однако выяснилось, что в трендах конъюнктуры, безработицы и инвестиций, равно как в долгосрочной тенденции развития экономики и общества в целом, в той степени, в какой она вообще уловима, существуют колебания. По-видимому, это относится и к социальным конфликтам. Взлеты и падения конъюнктуры сопровождаются синхронным развитием забастовочной активности (см. график 4, табл. 19).

Представляется, что в 60-е гг. сначала наметилась тенденция к ослаблению конфликтов по той причине, что в большинстве западноевропейских стран даже в моменты подъема конъюнктуры частота и продолжительность стачек еще снижалась. В 70-е гг. рабочие в большей степени были озабочены ухудшением уровня жизни после начала нефтяного кризиса. Частота забастовок, а также их продолжительность быстро менялись. По критерию потери рабочих дней на 100 рабочих 1979 г. был пиком забастовочной активности. Сравнение европейских данных свидетельствует, что некоторые прежние выводы о различиях между государствами подтвердились, а другие оказались, скорее, опровергнуты. Так, забастовочная активность в Центральной и Северной Европе осталась более низкой, чем в Западной Европе. Вместе взятые они образовали сравнительно тихий островок в бурных водах Средиземноморья, где только Португалия (по которой, впрочем, нет данных за ряд лет) имела показатель потерь рабочего времени значительно ниже среднего для Европейского сообщества (десятки), тогда как в Италии, Испании и Греции было отмечено наибольшее число простоев на 1000 работников (табл. 20).

Попытавшись, вопреки всем названным выше трудностям, проследить в длительной ретроспективе забастовочную активность в тех европейских странах, по которым имеются данные с конца первой мировой войны до наших дней, выделим по меньшей мере три группы, которые, правда, нельзя идентифицировать как региональные типы. В трех странах — Италии, Франции и Финляндии — забастовочная активность в долгосрочной

Участие в забастовках некоторых европейских стран. 1916—1982 гг., (на 1000 занятых)*

Страна	1916/ 1920	1921/ 1925	1926/ 1930	1931/ 1935	1936/ 1940	1941/ 1945	1946/ 1950	1951/ 1955	1956/ 1960	1961/ 1965	1966/ 1970	1968/ 1973	1974/ 1977	1978/ 1982
Австрия		61	9	1			4	12	10	27	2	3	1	1**
Бельгия	81	33	18	19	14		61	40	36	7	11	17	21	15**
Великобритания	71	39	22	14	19	25	21	29	33	62	59	69	41	70
Германия***	34	51	11					9	3	6	4	4	4	5
Дания	14	30	1	3	11	3	7	2	10	18	12	14	31	29
Ирландия			2	6	10	4		7	6	20	36	44	43	36
Италия	48	23						116	83	148	209	248	371	272
Нидерланды	17	15	5	6	2		9	3	6	4	3	5	2	2**
Норвегия	26	47	16	14	17		5	4	11	5	1	1	5	4
Финляндия	43	4	6	1	2		33	10	56	19	38	47/230**	219	97
Франция	27	15	14	4	67		150	68	71	106		135	110	27
Швейцария	11	3	2	2	1	1	3	1	0,1	0,1	0,03	0,1	0,3	0,2**
Швеция	27	30	12	11	5	10	4	4	0,4	1	4	2	5	11

* В 1916—1970 гг. — число забастовщиков на 1000 занятых, в 1968—1982 гг. — на 1000 занятых, исключая сельское хозяйство.

** 1978—1981.

*** С 1946 г. ФРГ.

** До 1971 г. без косвенного участия в борьбе рабочих и без забастовок, которые продолжались менее 4 ч; первая цифра дает данные за 1968—1970 гг., вторая — за 1971—1973 гг.

Источники: Shalev M. Strikes and the crisis: Industrial conflict and unemployment in the western nations // Economic and Industrial Democracy. 1983. № 4. P. 440f.; Flora P. Quantitative Historical Sociology. A Trend Report and Bibliography / Current Sociology. 1975. № 23. Tab. 19.

Рабочие дни, потерянные из-за забастовок в некоторых европейских странах в 1916—1982 гг. (на 1000 работников)

Страна	1916/ 1920	1921/ 1925	1926/ 1930	1931/ 1935	1936/ 1940	1941/ 1945	1946/ 1950	1951/ 1955	1956/ 1960	1961/ 1965	1966/ 1970	1971/ 1975	1976/ 1980	1981/ 1982
Австрия		579	139	8			55	23	22	59	9			
Бельгия			378	255	96		499	189	362	63	88	237	219	
Великобритания	788	1363	1604	179	91	105	89	104	189	131	227	585	558	286
Германия*	372	784	231					52	29	19	7	57	31	2
Греция													1036	
Дания	432	603	44	61	338	19	185	4	111	244	19	436	92	180
Испания												176***	1749#	
Ирландия			58	154	361	64		106	81	326	591	413	920	510
Италия								242	276	637	941	1373	1150	849
Нидерланды	344	535	154	217	23		76	16	36	8	13	42	29	28
Норвегия	669	1874	770	1477	558		52	59	157	105	13			
Португалия														
Финляндия	451	102	303	18	60		672	90	770	148	106		177	280***
Франция									82**	68***	110"	232	187	110
Швейцария			65	36	18	8	38	9	1	6	0			
Швеция	1109	1192	571	733	190	789	24	88	7	4	37	39***	240	54***

* С 1946 г. ФРГ.

** 1960 г.

*** 1965 г.

" 1970 г.

"" 1973—1975 гг.

1976—1979 гг.

"" 1981 г.

Источник: Flora P. Quantitative Historical Sociology. Tab. 21; Eurostat. Sozialindikatoren für die Europäische Gemeinschaft. 1960—1975. S. 132 f.; 1973—1982. Tab. 3, 4, 42.

тенденции росла, тогда как в остальных Скандинавских странах и частью в Центральной Европе она существенно снизилась. Самыми незначительными были изменения в Великобритании и Бельгии. В первой забастовочная активность слегка выросла, а в Бельгии столь же несущественно уменьшилась. К этой группе, пожалуй, следует причислить Ирландию, где рост хотя и был значительно выше, чем в Великобритании, но все же значительно ниже Финляндии (ср. табл. 19—21).

Таблица 21

Продолжительность забастовок* в некоторых европейских странах, 1960—1982

Страна	1960—1967	1968—1973	1974—1977	1978—1982
Бельгия	8	9	8	8**
Дания	3	3	2,5	3
ФРГ	3	2	2	2
Финляндия	4	3/4***	2	1
Франция	1		2	4
Ирландия	14	11	13	17
Италия	4	4	2	1,5
Нидерланды	3	4	2	2**
Норвегия	12	11	8	7
Австрия	2	2	0,5	1**
Швеция	9	4	4	3
Швейцария	7	13	6	2**
Великобритания	3	6	7	6

* Среднее число забастовочных дней на одного забастовщика.

** В 1978—1979 гг.

*** До 1971 г. без косвенного участия в борьбе рабочих и без забастовок, которые продолжались менее 4 ч; первая цифра дает данные за 1968—1970 гг., вторая — за 1971—1973 гг.

Источник: Shalev M. Strikes and crisis. P. 440f.

Объяснения этих различий и изменений, если те не обусловлены одной причиной, включают главным образом институциональные, политические и экономические факторы, а иногда и такое трудно определяемое понятие, как «национальный характер». Под институциональными факторами понимают прежде всего организационные структуры работодателей и работников, а также законодательное и традиционное регулирование их отношений. Профсоюзы с высокой степенью организации работников (прежде всего в Швеции) реже ис-

пользуют забастовки. Однако это не универсальное явление, так как минимальную частоту забастовок традиционно имеет страна с низкой степенью организации и раздробленностью профсоюзов — Швейцария. Но та же раздробленность и плохая организация профсоюзов считаются причиной многочисленных, хотя и коротких, забастовок в Италии и Франции. Итак, очевидно, что политический строй или менталитет народа также играют существенную роль, и не только в странах с недемократическими правительствами. Но не менее важными остаются экономические причины. Как и прежде, в колебаниях графика забастовок можно уловить конъюнктурные колебания, и поэтому не случайно, что Германию и Австрию, которые в межвоенное время особенно сильно ощущали эти колебания, а после войны были подвержены им значительно слабее, чем другие европейские страны, также относят к наиболее спокойным в отношении стачек районам. На стачечную активность воздействуют и структурные изменения. Высокая частота забастовок в Ирландии и особенно в Финляндии после второй мировой войны связана в том числе с тем, что эти страны только в послевоенное время вошли в число индустриально развитых; не будет неожиданно, если имевшая до сих пор низкий показатель забастовочного движения Португалия по этой же причине в ближайшие десятилетия станет одной из стран с высокой частотой забастовок.

Образование и воспитание

XIX в. был столетием начального образования. Перед первой мировой войной более 95% взрослых в Западной, Центральной и Северной Европе по крайней мере умели читать и от 80% до 90% — читать и писать. В Южной и Восточной Европе эти элементарные навыки еще не стали обычными. В 1910 г. умели читать только две трети итальянцев старше 10 лет, половина испанцев этого возраста и меньше трети португальцев. В России доля грамотных в 1900 г. составляла примерно одну пятую взрослого населения, но в крупных городах и в среде молодежи намного выше.

После первой мировой войны число неграмотных в Европе вновь уменьшилось. Естественно, что сокращали разрыв главным образом страны Южной и Восточной Европы. В 1930 г. в Италии умели читать уже три четверти населения старше 6 лет, а в 1950 г. — почти 90%. В 1985 г., по экспертным оценкам, неграмотные составляли здесь только 3%. В Финляндии, где перед первой мировой войной почти каждый умел читать, но только половина населения писать, доля владеющих письмом среди населения старше 10 лет уже в 1930 г. выросла до 84%. В СССР, где в 1920 г. около половины населения (при этом 80% мужчин в городах) умели писать и читать, к началу второй мировой войны доля грамотных приблизилась к 90% и с 60-х гг., как и в Западной Европе, находится на уровне 99%.

Крайне неоднородным остается состояние начального образования в Югославии, где в 1953 г. неграмотной была четверть населения, в 1971 г. — 15%, а в 1985 г. — почти 9%. В Сербии и Хорватии к началу 70-х гг. неграмотных было только 9%, в то время как в большей частью албаноязычном Косово — почти треть (31,6%), в Боснии и Герцеговине — 23%. В Греции в 1971 г. 14% населения также были неграмотными. К ним преимущественно относятся люди старшего поколения, так как в возрастной группе старше 65 лет неграмотных оставалось 41%, тогда как у лиц моложе 20 лет, как и в Западной Европе, только 1—2%. Румыния, напротив, претендует на то, что доля неграмотных в стране с 27% в 1945 г. к началу 70-х гг. практически сведена к нулю.

На Иберийском полуострове доля неграмотных сократилась значительно, но не полностью. В Испании, где в 1910 г. неграмотные составляли еще около 40%, а в 1940 г. около трети, в течение 60-х гг. она была сокращена до уровня ниже 6%. В Португалии, где в 1910 г. 70% населения не умели ни читать, ни писать, доля неграмотных даже в начале 70-х гг. составляла свыше четверти, а в 1985 г. — 16%. Тем самым Португалия, не считая Албании, в этом отношении была самой отсталой страной Европы. В целом в Европе умение читать и писать в XIX и XX вв. все-таки стало культурным навыком практически каждого человека.

В это же время снизился количественный состав классов в начальных школах, т.е. в среднем стало меньше учеников на

одного учителя. Особенно большого прогресса достигли здесь итальянские государственные школы. В то время как в большинстве католических частных школ уже в 1930 г. на одного учителя приходилось только 25 учеников, и это соотношение с тех пор хотя и колебалось, но в целом до середины 70-х гг. не опускалось ниже данной отметки, среднее число учеников на одного учителя в государственных школах Италии уменьшилось с 44 в 1930 г. до 19 в 1975 г. Тем самым этот показатель находится примерно на том же уровне, что и в большинстве других западно- и североевропейских стран (18—23). В некоторых странах Западной Европы большой прогресс был достигнут уже в 20-х гг. В Бельгии, например, в 1929 г. на одного учителя приходилось только 29 учеников (по сравнению с 46 в 1913 г.). Германия и Нидерланды, напротив, с давних пор плетутся в хвосте по соотношению числа учеников на одного учителя в начальных школах. В Германии 20—40-х гг. оно было большей частью выше 40, в Нидерландах в среднем — 30. К 1970 г. в обеих странах оно сократилось до 27. Хуже в 70-х гг. в Западной Европе дело обстояло только в Ирландии: 31 ученик (42 — в 1925 г.) на учителя. Шотландия превышала среднеевропейский уровень (25). В ФРГ численность учеников на одного учителя сократилась принципиально только с середины 70-х гг. В 1983 г. в ФРГ, как и в других западноевропейских странах, на одного учителя приходилось 18 учеников в школах начальной и средней ступени.

После того как была достигнута цель дать начальное образование всей молодежи, образовательная политика к концу 60-х гг. почти повсюду была направлена на расширение школ второй ступени и высшего образования. Даже в странах, где большинство населения еще в начале столетия было неграмотным, после второй мировой войны успешно развивали школы повышенного типа и высшие учебные заведения. В межвоенное время прогресс здесь был едва заметен, хотя постоянно росла доля молодежи, получившей неполное среднее образование. Во многих странах эта доля постепенно увеличивалась и в 1938—1939 гг. была в два раза выше, чем в 1910—1911 или 1919—1920 гг. Это относится прежде всего к Западной и Северной Европе. В большинстве стран, например в Дании, быстрее росло

число учеников в тех заведениях, где обучаются до 14 лет, из них многие получали образование в народных школах повышенного типа или в реальных училищах, которые не готовили выпускников для университетов, а давали практическую специальность. В других странах, напротив, ускоренными темпами развивались гимназии и сходные с ними типы школ, которые были призваны готовить студенческие кадры для университетов. Но в этих школах процент учеников младших классов был выше, чем старших: признак того, что в этих странах (к ним относятся Германия с Австрией) сначала приоритет отдавался начальному школьному образованию. Большинство детей, которые, достигнув возраста 10 лет, поступали в школы более высокой ступени, впоследствии не добивались до уровня высшего учебного заведения.

Особые усилия с целью расширения доступа к университетскому и высшему образованию в целом были предприняты только после второй мировой войны, прежде всего в 60—70-х гг. Поэтому в этот период почти повсюду в Европе, как никогда прежде, выросла доля учеников второй ступени. Зачастую она удваивалась за десятилетие. В Бельгии, например, в 1953 г. только 9,5% всех подростков в возрасте от 15 до 19 лет посещали школу более высокого уровня, в 1965 г. их было уже 19,3%, а в 1975 г. — 32,8%. Там, где подобные сдвиги наметились позже, например в Дании, развитие шло особенно быстро. В Дании удельный вес учеников второй ступени в возрасте от 15 до 19 лет в 1960 г. был еще только 4,1%, в 1970 г. вырос в три раза, а в 1975 г. — до 16,3%, что составляло половину от уровня Бельгии и было несколько ниже, чем во Франции. Кажется, что там, где народная (или общая) школа традиционно была развита, потребность в более высоком образовании выражалась слабее, чем в странах с менее развитыми или неравномерным начальным образованием. Поэтому по показателю распространения школ второй ступени в Европе лидирует не Скандинавия, а Великобритания. Швейцария, с XVIII в. общепризнанный лидер в области начального образования, стала очевидно отставать. Здесь доля учеников второй ступени, почти удвоившаяся в межвоенное время, выросла с 6% в 50-е гг., до 7—8% в 60-е и до 10% в середине 70-х гг. Напротив, в странах, отстававших по уровню

начального образования, как Франция или Италия, доля учеников второй ступени поднималась особенно резко и стабильно. В Италии в 1946 г. только 2,8% всей молодежи в возрасте от 15 до 19 лет имели возможность получить более высокое школьное образование, в 1960 г. уже 13,2%, а в 1975 г. даже 30,7%. Если же суммировать все возрастные группы в возрасте от 10 до 19 лет, то рост был еще более значительным, что и привело в первой половине 70-х гг. к повышению доли учеников средней школы до 43% (третье место в Западной Европе после Великобритании и Франции). (Таблица 22 показывает средние значения за пятилетие, которые поэтому несколько отличаются от цифр в тексте, относящихся к отдельно взятым годам.)

В Португалии, где начальное образование еще не охватывает всего населения, с 30-х гг. также предпринимались усилия расширить звено среднего образования, и в итоге число учеников второй ступени в период с 1930 по 1970 г. увеличилось в 10 раз.

Разумеется, данные цифры мало говорят о качестве школьного образования. Без конкретного сопоставления нельзя, например, прийти к выводу о том, какая система общей средней школы дает лучшие результаты: та, которая была создана сначала в Норвегии, затем в Швеции и после второй мировой войны в Дании и Финляндии, или плюралистическая система, где большую роль играют частные школы, особенно церковные, существующая, например, в Бельгии и Нидерландах, а частично также во Франции и Италии. В первом случае все дети до девятого класса получают одинаковое основное образование, во втором же они начинают обучение вместе, но уже с 10 лет распределяются в школы разных типов, различающиеся не только своими учебными планами, но в значительной мере и философией воспитания. Ответ на вопрос, может ли резкое структурное изменение системы образования, сопровождающееся быстрым ростом числа учеников, как в Италии, улучшить качество обучения, или сначала стоит сдерживать этот рост, зависит в решающей степени от сравнения содержания учебного процесса. Есть множество аргументов в пользу того, что постепенный и равномерный рост, свойственный Швейцарии или Дании, больше способствует повышению качества образования, чем взрывообразный, как в Италии. В конце концов необходимо подготовить

Численность учеников начальной, средней и высшей школы в некоторых европейских странах в 1920—1940 и 1970—1975 гг. (средние величины, в %)

Страна	Введение обязатель- ного школьного обучения (год)	Ученики начальной школы [*]				Учащиеся школы 2-й ступени ^{**}				Учащиеся высшей школы ^{***}			
		Удельный вес среди всех в возрасте от 5 до 14 лет (%)				Удельный вес среди всех в возрасте от 10 до 19 лет (%)				Удельный вес среди всех в возрасте от 20 до 24 лет (%)			
		1920— 1940	1950— 1955	1960— 1965	1970— 1975	1920— 1940	1950— 1955	1960— 1965	1970— 1975	1920— 1940	1950— 1955	1960— 1965	1970— 1975
Германия ¹	1763 ²	75	72	69	67	6,6	11,8	18,3	30,0	1,6	3,4	5,4	11,7
Дания	1814	66	63	71	70	8,0	14,7	18,5	31,4	2,4	4,3	7,1	15,8
Швеция	1842	63	63	62	59	7,1	15,5	26,3	40,7	1,8	3,9	8,7	18,1
Норвегия	1848	73	75	74	62	5,5	10,1	22,1	40,8	1,7	2,9	5,7	11,0
Австрия	1869	78	73	74	74	5,1	7,2	9,3	14,8	3,6	4,5	8,8	13,1
Швейцария	1874	78	76	79	80	5,5	7,3	7,6	9,2	2,2	3,4	4,1	7,7
Великобритания	1872/80 ³	81	68	63	65	6,4	34,3	43,4	51,1	1,3	3,0	5,0	8,0
Италия	1877	54	59	55	55	2,6	9,2	22,7	43,0	1,7	3,6	6,8	16,2
Франция	1882	74	82	71	56	4,9	11,3	29,3	45,9	2,6	5,4	11,4	18,6
Ирландия	1892	86	87	88	82	5,4	10,7	16,5	29,9	1,7	4,0	8,2	10,3
Нидерланды	1900	74	70	64	61	6,4	14,5	21,1	29,0	1,6	3,8	5,9	9,9
Бельгия	1914	73	75	70	64	5,0	13,2	22,4	31,5	1,7	3,6	7,2	10,8
Финляндия	1921	59	69	66	62	6,6	16,8	26,8	42,2	2,0	5,0	9,1	15,5
В среднем		71,8	71,7	69,7	65,9	5,8	13,6	21,9	33,8	2,0	3,9	7,2	12,8
Стандартное отклонение		9,0	7,7	8,3	8,5	1,3	6,9	9,0	12,0	0,6	0,7	2,0	3,7

^{*} Начальные школы, включая высшие народные школы и классы-надстройки.

^{**} Низшие и высшие общеобразовательные школы второй ступени, включая технические и высшие коммерческие школы.

^{***} Университеты, высшие технические и коммерческие школы, включая стоматологические, ветеринарные, сельскохозяйственные, лесохозяйственные и горные институты, но без техникумов и учебных заведений, готовящих преподавателей для начальной школы.

¹ С 1950—1955 гг. ФРГ; ² Пруссия; ³ Шотландия в 1872 г., Англия и Уэльс в 1880 г.

Источник: Schnelder R. Die Bildungsentwicklung in den westeuropäischen Staaten 1870—1975 // Zeitschrift für Soziologie. 1982. II. S. 212.

учителей, выстроить школьные задания и обеспечить школьников учебными пособиями. И все же сам факт реформ школьной системы и рост числа обучаемых говорит об изменении требований общества и готовности парламентов выделить для этого средства. Вероятно, эти сдвиги являются, скорее, индикатором социальных и политических перемен, нежели показателем уровня образования населения.

Та же картина наблюдается и в области высшего образования. В возрастной группе от 20 до 24 лет доля лиц, посещающих высшие учебные заведения, в межвоенное время почти повсюду в Европе медленно выросла с 1 до 2—3%. Только в Шотландии и отчасти в Австрии она достигла 4%, а в Норвегии и Дании колебалась на уровне от 3 до 4%. (Таблица 22 фиксирует только средние значения для 20—30-х гг., и потому динамика в межвоенный период в ней не отражена.) Ни в одной из стран, относительно которых мы располагаем данными, удельный вес студентов среди молодежи 20—24 лет не удвоился, как это имело место с учениками средней школы, хотя в абсолютных цифрах число обучавшихся в вузах даже в таких отсталых странах, как Испания и Португалия, соответственно за период 1910—1930 и 1920—1940 гг. выросло более чем в два раза. В Германии, и особенно в Австрии, абсолютная численность студентов даже сокращалась, преимущественно, если не исключительно, в результате мирового экономического кризиса. Здесь так же, как в Восточной и Юго-Восточной Европе, потребовались бы особые политические усилия, чтобы в тяжелой экономической ситуации побудить молодых людей к получению университетского образования. Этого не делалось, напротив, их, скорее, оберегали от опасности стать пролетариатом с высшим образованием, и при национал-социализме число студентов сознательно удерживалось на низком уровне.

Непосредственно после второй мировой войны, как и после первой, в первую очередь во всех участвовавших в войне странах количество студентов резко выросло по сравнению с довоенным уровнем. Многие участники войны, еще молодые, вернулись в университеты и технические институты. Поэтому исходный уровень для послевоенного времени зачастую определяется показателем 4—5% студентов в возрастной группе от

20 до 24 лет. В отличие от периода непосредственно после первой мировой войны наплыв абитуриентов в годы после второй мировой войны в большинстве западноевропейских стран спадал, хотя и ненамного, за исключением Норвегии, Италии, Австрии и Швейцарии, а в конце 40-х и в 50-х — увеличивался, правда, не так взрывообразно, как в 60—80-х гг. В некоторых странах, прежде всего в Англии, возник ряд новых университетов, в других странах расширили прием студентов высшие технические школы и технические университеты. Количество учебных предметов увеличилось. Профессорско-преподавательский состав рос, и углублялась его специализация. В некоторых странах с системой государственного страхования здравоохранения в первую очередь развивали медицину. Тем не менее повсеместно возникли и осложнения, так как число студентов увеличивалось быстрее, чем росли возможности высших школ. Переполненные студенческие аудитории, которые прежде казались феноменом первых послевоенных лет, не только остались реальностью, но и распространились во многих странах. Так, число студентов в Дании и Франции за пять лет с 1960 по 1965 г. удвоилось, в Норвегии выросло даже более чем вдвое, с 9 тыс. до более 19 тыс.

Связано ли с этим фактором падение качества образования, судить однозначно нельзя, так как ситуация колебалась в зависимости от страны, университета и изучаемого предмета. В некоторых странах, например в Великобритании, вводились ограничения численности студентов, разумеется применительно к реальной способности высших школ принять учащихся. Поэтому там число студентов росло прежде всего за счет открытия новых университетов. В других странах такие ограничения существовали только в отношении отдельных предметов, например медицины, или вообще не устанавливались. Здесь число учащихся уже в конце 50-х, но более всего в 60-х гг. росло слишком быстро, в учебе, исследованиях и в повседневной жизни студенты не успевали интегрироваться в необходимый ритм жизни и работы университетов. Существует спорное мнение, что в результате все большая часть студентов оказывалась хуже подготовлена. Но неизбежно все большее число студентов рекрутировалось из социальных слоев, не имевших традиции высшего

образования, возлагавших на университеты иные надежды, чем предыдущие поколения студентов. Всплеск студенческих волнений в большинстве европейских стран во второй половине 60-х гг., очевидно, связан с изменениями в составе студенчества, хотя, конечно, они не были единственной причиной; зачинщики выступлений часто происходили как раз из семей с давней традицией университетского образования. Но показательно, что волнения в целом исходили из крупных университетов, таких, как Берлинский, Парижский или Римский (в США — университет Беркли), в то время как менее крупные, но с устойчивыми традициями, наподобие Оксфорда или Кембриджа, остались обойденными этой волной.

Реакция политиков на громкие протесты студенческой молодежи в отдельных странах Европы чрезвычайно различалась. Представляется, что наименьший отклик они нашли в Великобритании и Швейцарии, более определенный — в Скандинавских странах, Нидерландах и ФРГ, где в обществе в целом, а не только социал-демократическими правительствами и парламентами, его встретили с большим пониманием и законодательно утвердили кардинальные изменения в университетской системе. Менее глубокими оказались реформы во Франции, хотя именно там в 1968 г. студенческий протест поколебал политическую систему сильнее, чем где-либо. В результате волнений старейший университет Парижа, Сорбонна, был разделен на восемь частей. Студенческий мятеж с требованиями большего участия в самоуправлении студентов, ассистентов и вспомогательного персонала во многих университетах привел к усилению вмешательства государства, т.е. к утрате имевшейся автономии. Это касается, хотя и по другим причинам, также некоторых восточноевропейских университетов, которые частично смогли сохранить традиционную автономию и в послевоенное время, как, например, польские.

Наплыв студентов продолжался также в 70-х и начале 80-х гг. Продолжал быстро расти их удельный вес в возрастной группе молодежи от 20 до 24 лет, в большинстве западноевропейских стран уже со второй половины 60-х гг. доля студентов среди молодежи была в два раза выше, чем в послевоенное время, а в некоторых в три раза превышала показатель межвоен-

ного периода. В некоторых странах уже в конце 50-х гг. был достигнут рубеж 10%, с середины 60-х гг. почти повсюду он был превзойден, только Дания, Ирландия и Австрия находились пока на подступах к этому уровню, а Швейцария, Испания и Португалия оставались значительно ниже него. В середине 70-х гг. доля студентов среди молодых людей 20—24 лет в Бельгии составляла 18%, в Италии и Нидерландах примерно столько же, в Швеции — 19%, в Дании — почти 22%, а во Франции даже почти 23%. Только страны, которых не коснулись студенческие волнения конца 60-х гг. (Великобритания и Швейцария), и далее позволяли себе иметь квоту студентов в 10%, а в Испании и Португалии значительно ниже.

В странах восточного блока число студентов также быстро росло. Имевшееся отставание они частично компенсировали уже к 1960 г. или во всяком случае к 1970 г. В 1970 г. студентов среди восточноевропейской молодежи в среднем было 10—11%, в ГДР — 14%, в Болгарии даже около 15%. До 1978 г. в некоторых странах, например в Болгарии и Польше, эта цифра выросла до 18%, в ЧССР — до 16%, в Румынии и Венгрии — до 11%, в ГДР сократилась до 10%.

При сравнении следует учитывать, что в странах восточного блока обучение третьей ступени (после первых двух — начального и среднего) охватывает более широкие отрасли специального образования, чем на Западе. К системе высшего образования относятся многие специальные институты и вся подготовка педагогических кадров, которая на Западе длительное время относилась к средней образовательной ступени. Так как в западных странах структура национальных школьных систем различна, то существуют важные расхождения, в зависимости от того, что понимается под ступенью высшего образования. Наибольшее значение имеет подготовка педагогических кадров, которая в странах, где она проводится в специальных учебных заведениях, долгое время относилась не к третьей, а ко второй ступени образования, а в других, где педагогическое образование давалось в университетах, — к высшему образованию. Студенты — будущие педагоги в некоторых странах статистически не выделяются, а в других значительно варьируют в студенческом контингенте (от 16% в Норвегии до 30% в Нидер-

ландах). Учет студентов-педагогов существенно меняет удельный вес студенчества среди молодежи, если в основу категории образования третьей ступени (высшее образование) положить максимально широкое содержание, включая и педагогическое.

В этом случае скачок 50-х и особенно 60-х гг. для большинства европейских стран будет еще более выражен. Самый яркий пример — Швеция, где доля студентов с 1950 по 1978 г. подскочила с менее чем 4 до почти 36%. Дания, Нидерланды и даже Италия дошли до 28%, а многие другие западноевропейские страны, среди них ФРГ, до почти 25% студентов в составе возрастной группы от 20 до 24 лет. Разрыв с восточным блоком тем самым становится еще более очевиден. ГДР и Румынию согласно данной статистике следовало бы отнести к европейским странам с самым низким удельным весом студентов (ниже 11%). Ситуация выглядела бы чересчур мрачной для восточноевропейского блока, однако следует учесть, что эффективность университетской системы измеряется не только числом и удельным весом учащихся, но прежде всего фактом завершения учебы.

Доля же успешно окончивших курс среди студентов значительно выше в странах восточного блока с их строгой дисциплиной, а также в хорошо структурированной системе британских университетов, чем в остальной Европе. Особенно низка она в Дании, где в первой половине 70-х гг. только 27% начавших учебу через пять лет сдали все экзамены, тогда как в 50-х гг. их было по меньшей мере 41%. Спад, конечно, связан с особенно ощутимой «либерализацией» датских университетов после студенческих бунтов. В Швеции, Финляндии и Нидерландах квота успешно окончивших учебу в первой половине 70-х гг. была ниже 50%, что означает значительное ухудшение в сравнении с 50-и гг., когда, например, в Швеции она составляла почти три четверти. Значительно сократилась она в ФРГ и Австрии, где после войны отводимое для прохождения курса время было урезано и студенты военного поколения нередко заканчивали учебу досрочно. Так, в начале 50-х гг. немецкие студенты успевали сдать свои экзамены менее чем за пять лет. Поэтому процент окончивших университетский курс в 1950 г. в сравнении с числом студентов предыдущего года (118%) в Германии был несколько выше, чем в Великобритании и Ирлан-

дии, тогда как к началу 70-х гг. он упал до 68%. В среднем для западноевропейских стран этот показатель снизился с почти трех четвертей в начале 50-х гг. до двух третей в первой половине 70-х гг. Рос он до середины 60-х гг. прежде всего во Франции (с 38% в начале 50-х гг. до примерно 75% в среднем за 60-е гг.), так как Франция в этом десятилетии ввела укороченные курсы обучения. Повысился этот показатель также в Великобритании вследствие расширения политехнических школ (табл. 23).

Таблица 23

Результативность обучения в высшей школе в некоторых европейских странах.
1950—1975 гг.* (в %)

Страна	1951—1955	1956—1960	1961—1965	1966—1970	1971—1975
	1950	1955	1960	1965	1970
Австрия	80	70	48	52	54
Бельгия	91	102	85	78	75
Великобритания	115	128	133	148	143
Дания	41	41	32	24	27
Ирландия	115	109	108	111	111
Италия	71	77	65	69	58
Нидерланды	53	48	42	48	45
Норвегия	87	99	92	83	87
Финляндия	49	43	40	45	41
Франция	38	45	76	73	56
ФРГ	118	92	66	70	68
Швеция	73	70	61	54	40
Швейцария	70	75	71	64	63
В среднем	74,7	76,8	70,7	70,7	66,8

* Суммарное количество выпускников высшей школы за год в процентном отношении к числу учащихся высшей школы за предшествующий год.

Источник: Schneider, Die Bildungsentwicklung in den westeuropäischen Staaten, S. 220.

Рост численности женщин в составе студенчества также указывает на перемены в обществе. Доля женщин среди студентов университетов постоянно увеличивалась. Уже в 1920 г. она составляла в Великобритании больше чем четверть, а во многих странах от 10 до 20%. В Южной Европе бросается резкая разница между Италией (19%) и Испанией, где в 1920 г. было только 4% студентов женского пола. В Великобритании их доля медленно поднялась до почти двух пятых, в других странах к 1980 г. она выросла почти до половины, и таким образом соот-

Удельный вес студентов в высших учебных заведениях. 1920—1980 гг. (в %)

Страна	1920		1930		1940		1950		1960		1970		1980		
	a	b	a	b	a	b	a	b	a	b	a	b	a	b	
Австрия	16	12		17		24			21		23	29	25	42	39
Албания							29	21	17	15	32	28	28	50	
Бельгия			10		14		16	16	26	19	36	29	29	44	37
Болгария			23	22	20	21			40	40	51	49	49	56	53
Венгрия	9	12	36	16	15	15	26	26	33	30	43	44	44	50	47
Великобритания		27		26	27	27	22	22	23	24	33	28	28	37	38
Германия	8	9	15	18	16	19									
ФРГ							16	16	23	20	27	25	25	41	37
ГДР							26	23	32	29	43	36	36	58	47
Греция				8	14	11	23	20	25	23	32	31	31	41	42
Дания	19	14	24	16	25	20	24	19	35	25	36	29	29	49	43
Ирландия			33	30	27	23	30	25	28	25	34	34	34	41	48
Испания		4	7	7	12	12	14	14	24	18	27	26	26	44	42
Италия	17	19	13	15		20		26	27	27	38	38	38	43	42
Нидерланды		15	31	18	20	14	21	15	26	18	28	20	20	40	31
Норвегия				15		15		16	34	21	30	29	29	48	41

Польша		40	34		27		35		35	47	42	56	50
Португалия		25	12		20		26	30	31	44	46	48	48
Румыния				32	27		33	34		43		43	
СССР		33		58		53		44		49			
Финляндия		39	39	35	33		35	46	46	48	47	48	50
Франция			26		34		34	41	41		45	48	51
Чехословакия	19	23	19	27	20			34		38		42	
Швейцария			12		13		13		17	24	23	30	32
Швеция			15		24		23	32	33	42	37	46	
Югославия			21		22		32	29	29	39	38	45	46

a — все высшие учебные заведения; b — только университеты.

Источники: UNESCO, World Survey of Education, Bd. IV: Higher Education, Paris 1966; UNESCO, Second Conference of Ministers of Education of European Member States, Bucharest 26 November-3 December, Final Report, Appendix: Statistical tables, p. 6; UNESCO, Statistical Yearbook 1985, p. 111—266; Annuaire international de l'éducation et de l'enseignement 1934—1936, 1938—1939; F. Edding, Internationale Tendenzen in der Entwicklung der Ausgaben für Schulen und Hochschulen, Kiel 1958, S. 55ff.; K. Hartmann, Hochschulwesen und Wissenschaft in Polen, Frankfurt a. M. 1962, S. 12; E. Mickiewicz (Hrsh.), Handbook of Soviet Social Science Data, New York 1973, p. 149; Danmarks Statistik: Statistik Årbog 1928, S. 135ff., 1932, S. 145ff., 1937, S. 153ff.; Annuario Statistico Italiano 1922—1926, S. 89ff., 1932, S. 108ff.; Statistisk Årbok for Kongeriket Norge 1922, S. 194ff., 1931, S. 173; Statistisches Handbuch für die Republik Österreich 4 (1924), S. 123ff.; Anuario Estadístico de España 8 (1912—22), S. 366ff.; Statistische Übersicht der Czechoslovakischen Republik, Prag 1930, S. 234ff.

ношение полов среди учащейся молодежи приблизилось к естественной пропорции. К этой группе относится Финляндия, где уже в 1930 г. треть студентов составляли девушки, Франция (1920 г. только 13%, в 1930 г. уже 26%), и, что интересно, Португалия, где в 30-х гг. она составляла только 12% (табл. 24, колонка «b»).

Доля женщин окажется, конечно, выше, если учесть педагогические институты и другие специальные учебные заведения, например готовящие специалистов для социальной сферы, так как в них почти повсюду учится больше девушек, чем юношей. К тому же к 1980 г. в Албании, Болгарии, Польше, ГДР и Венгрии удельный вес женщин среди студентов достиг от 50 до 58%. Большинство остальных государств имели 40—48%, и только Соединенное Королевство и Швейцария находились на более низком уровне — 37 и 30% соответственно (табл. 24, колонка «a»). В некоммунистической Европе доля женщин составляла в 1930 г. 22%, в коммунистической — уже 34%. Затем к 1970 г. доля женщин выросла в Западной Европе до 39%, в Восточной — до 48%. Прежде всего уменьшилась разница между отдельными странами, в том числе западноевропейскими. В 1950 г. коэффициент вариации, которым измерялась эта разница, составлял 31%, но к 1970 г. сократился до 13%.

Постепенно высокий удельный вес учеников и студентов проявился не только среди молодежи до 24 лет, но и по отношению ко всему населению. Если в межвоенное время максимум 1—2% населения относились к продолжающим образование, то в середине 70-х гг. во многих странах Европы эта квота превысила 7%, в Великобритании, Финляндии и Франции — даже 9%, а в Италии — чуть меньше 9%. Три центральноевропейские преимущественно немецкоязычные страны оставались на уровне ниже 7%. ФРГ с 6,4% учащихся отставала сравнительно немного, в Швейцарии 5,2% населения посещали высшие учебные заведения и университеты страны, в Австрии — только 3,7%. В южных и юго-восточных странах, за исключением Италии, удельный вес студентов был значительно меньше, чем в Западной и Северной Европе, в то время как доля учеников в средних специальных школах приблизилась к западно- и североевропейскому стандарту.

Не следует, впрочем, упускать из виду существенные различия между единой системой школьного образования и дифференцированным школьным обучением. Единую школьную систему статистически проще охватить. Разнообразные формы обучения в дифференцированных системах, где большую роль играют также церковные школы, напротив, учитываются недостаточно, а многочисленные частные коммерческие институты вообще остаются вне поля зрения статистики.

Среднее специальное образование и повышение профессиональной квалификации такой статистикой учитывается только тогда, когда и поскольку оно получено в школе. Возможности образования в ремесленной и производственной сфере, которые также имеют важное значение для индустриального общества, не принимаются во внимание. Сопоставимой статистики тут практически нет. Возможно, что бросающаяся в глаза низкая доля учащихся школ второй ступени в немецкоязычных странах Западной Европы объясняется именно тем, что там, в отличие от большинства других стран, вместе с профессиональной подготовкой дается также школьное профессиональное образование, которое не относится статистикой к обучению в школах второй ступени. Контраст особенно разителен в Великобритании, где нет обязательного профессионального образования и профессиональные школы поэтому редки, а с другой стороны, в 1972 г. было введено обязательное 11-летнее среднее образование — самое продолжительное в Европе. Поэтому здесь большее число подростков на более длительный срок задерживается в общеобразовательных школах, чем, например, в Швейцарии.

Во всех индустриальных обществах постоянно расширяются возможности продолжить профессиональное образование. Предложение переквалификации, в частности, достигло такой степени, которую трудно было представить в межвоенное время. Как и социальная сфера, образование в большинстве стран образует целую систему, которая учитывает все жизненные ситуации и возрастные особенности и по крайней мере предлагает возможность выбора.

3. ЭКОНОМИКА

Динамика и конъюнктура

Первая мировая война разрушила экономическое единство Европы. В ходе войны не только был дезорганизован обмен товарами и услугами, капиталами и людьми, но и возникли две различные экономические системы в Европе: в 1917 г. вместе с Советским Союзом (СССР образовался в конце 1922 г. — *Прим. пер.*) появился «второй мир», экономическая система, принципиально отличная от рыночного экономического порядка остального мира. СССР хотя и восстановил в 20-е гг. ограниченные внешнеэкономические связи, но до сегодняшнего дня блокирует пути к экономическому единству континента.

В результате второй мировой войны «второй мир» значительно расширился. Война в очередной раз разрушила международное сотрудничество, утвердив вместо него два военно-политических блока, которые разными способами мобилизовывали военные ресурсы. Она надолго расколола Европу на «капиталистическую» и «социалистическую». Поэтому экономическая история Европы XX в. — это вместе с тем история противостояния, сосуществования и сотрудничества двух различных экономических систем.

Но разве не существует еще и «третьей Европы»? Это понятие употребляется в документах ООН, где принято выделять системы рыночного и централизованного планового хозяйства, различая в первой также индустриальные и развивающиеся страны. Согласно этой классификации Испанию, Португалию и Грецию относили раньше к развивающимся странам, а теперь определяют как находящиеся на переходном этапе к индустриализации. Чем больше стираются границы между Севером и Югом Евро-

пы, тем меньше причин остается говорить о «третьем мире» на континенте. На этом основании мы вправе разделить страны восточного блока с централизованно управляемой экономикой на промышленные и аграрные. Но и здесь различия стираются. СССР, без сомнения, является и промышленной, и аграрной страной; Венгрия и Румыния, а в последние годы также Польша и Югославия, приближаются к старым промышленным странам, ЧССР и ГДР. Прежние различия между Северо-Западом и Юго-Востоком Европы, конечно, еще не исчезли полностью. Разрыв в доходах на душу населения, в структуре занятости и уровне промышленного развития остается значительным. Если пренебречь политически обусловленными различиями экономических систем и считать мерилom уровень развития и благосостояния, то есть основания говорить о том, что остаются две старые Европы — Европа Севера и Европа Юга. Но и они сближаются. Европа, естественно, не является единым экономическим пространством, как Северная Америка, но взаимные связи столь тесны, общность так велика, что попытка проанализировать экономическое развитие Европы в целом была бы полезной. Исходя из таких практических соображений, как доступность и стандартность статистических материалов, необходимо начать данный анализ по меньшей мере с 1945 г., хотя и разделяя его довольно часто на два раздела. На Западе данные о развитии индустриального ядра остаются более полными, чем о его периферии, только с 80-х гг. включенной в Европейское сообщество. Однако организации, подобные ОЭСР, с 50-х гг. учитывают важнейшие показатели и по этому региону. Они, насколько это было возможно, лежали в основе нашего исследования. Таким образом, необходимо представить Европу как единое целое, с учетом имеющихся экономически и политически обусловленных различий.

Если попытаться охватить европейский экономический рост с 1913 г. в целом, то придется мириться с недостатком многих важных источников. П.Байрох и А.Меддисон предложили оценки, близкие по одним странам и существенно различающиеся по другим. Расхождения особенно велики для периода до 1950 г.: общие показатели народнохозяйственного развития имеют характер оценок, основанных на исследованиях, прове-

денных позднее и не по вполне единым методикам (табл. 25). С конца 40-х гг., однако, международные организации разработали единые понятия и четкие методики, по которым работают статистические ведомства различных стран. Тем самым данные, по крайней мере по странам-членам политических блоков, стало легче сравнивать. Оценки П. Байроха и А. Меддисона учитывают весь СССР, выделение европейской части которого едва ли возможно и не имеет смысла. По некоторым показателям, они ограничиваются Европой без СССР, что соответствует практике ООН, определяющей Советский Союз как особый регион.

Оба исследователя попытались связать воедино довоенный и послевоенный периоды; в этих целях довоенные оценки пересчитаны ими по курсу доллара 1960 г. и в основу анализа положены границы стран по состоянию на 1970 г. Поэтому их цифры отличаются подчас от тех, которые вычислены в национальных валютах и применительно к государствам в их тогдашних границах. Данные расчеты можно поэтому критиковать как «искусственные», но они по крайней мере дают опорные точки для оценки общего состояния и тенденций общеевропейского экономического развития. Согласно этим исследованиям европейская экономика за шесть десятилетий с 1913 по 1973 г. росла в среднем в год примерно на 3%, т.е. значительно быстрее, чем в 1830—1913 гг., когда годовой прирост, по оценкам П. Байроха, составлял только 1,8%.

Средние показатели прироста прямо зависят от выбора начального и конечного рубежей. 1973 г. обозначил конец эпохи необычайно динамичного послевоенного роста, который П. Байрох оценивал в 5,6% в год. Для периода с 1913 по 1950 г., на который приходятся обе мировые войны и мировой экономический кризис, он предложил показатель 1,4% в год для всей Европы, включая СССР. Если в качестве конечной даты выбрать первый послевоенный год (1946) вместо 1950 г., итоговая цифра окажется еще неблагоприятнее. Прирост за 1913—1946 гг. можно будет оценить примерно в 0,5% в год.

При более детальном рассмотрении ситуация, естественно, выглядит сложнее. Если пренебречь тем, что в большинстве вовлеченных стран в годы войны нормальная статистика не велась

**Ежегодный прирост валового социального продукта в европейских странах.
1913—1938 гг.* (в %)**

Страна	Всего					На душу населения		
	1913—1929		1929—1938		1913— 1938	1913— 1929	1929— 1938	1913— 1938
	а	б	а	б	а	а	а	а
Австрия	0,3	0,3	—1,2	—0,5	—0,2	0,4	—1,3	—0,3
Бельгия	1,6	1,5	—0,4	0,0	0,9	1,3	—0,9	0,5
Болгария	(2,6)		(4,8)		(3,4)	(1,0)	(3,6)	(1,9)
Венгрия	1,5	1,2	1,4	1,1	1,5	0,8	0,7	0,8
Великобритания	0,7	0,7	1,9	1,9	1,2	0,3	1,5	0,7
Германия	0,5	1,1	5,0	3,9	2,1	0,1	4,3	1,6
Греция	(1,6)		(6,2)		(3,3)	(1,2)	(4,7)	(2,5)
Дания	1,6	1,9	1,9	2,0	1,7	0,6	1,1	0,8
Ирландия	0,2		—0,2		0,0	0,5	—0,2	0,2
Испания	2,2	2,2	—2,4	—3,0	0,5	1,4	—3,3	—0,4
Италия	1,5	1,7	1,5	1,4	1,5	1,0	0,7	0,9
Нидерланды	3,3	3,4	0,2	0,3	2,2	1,8	—1,0	0,8
Норвегия	2,9	2,8	3,1	2,9	3,0	2,0	2,6	2,2
Польша		1,9					0,7	
Португалия	(1,1)		(2,3)		(1,5)	(0,6)	(1,0)	(0,7)
Прибалтийские страны			1,0				0,8	
Румыния			(1,7)				(0,4)	
СССР	0,2	0,9	6,0	6,1	2,3	—0,7	5,1	1,4
Финляндия	1,2	2,2	5,7	3,8	2,8	0,8	5,0	2,3
Франция	2,1	1,4	—0,3	—0,5	1,2	2,2	—0,5	1,2
Швеция	2,2	2,3	2,6	2,6	2,4	1,7	2,3	1,9
Швейцария	2,1	2,8	—0,2	0,6	1,3	1,7	—0,5	0,9
Чехословакия	4,1	2,7	—0,2	—0,2	2,5	0,7	—0,7	0,2
Югославия	1,8	2,1	1,3	1,3	1,7	1,2	0,1	0,7
Европа	1,0	1,9**	2,6	1,1**	1,6	0,4	1,8	0,9

а — по расчетам П.Байроха, который берет за основу территории в границах 1919—1938 гг.

б — по расчетам А.Мэддисона, который берет за основу территории в границах 1970 г.

* Цифры в скобках менее точны, чем остальные за данный период.

** Без СССР

Источники: Bairoch P. Europe's Gross National Product: 1800—1975 / The Journal of European Economic History. 1976. 5. P. 296; Maddison A. Economic Policy and Performance. P.451.

**Ежегодный прирост валового общественного продукта в рыночных ценах
1913—1984 гг.* (в %)**

Страна	Всего				На душу населения			
	1913— 1950	1950— 1973	1973— 1979	1979— 1984	1913— 1950	1950— 1973	1973— 1979	1979— 1984
Австрия	2,5	5,3	2,9	1,6	0,2	4,9	3,0	1,6
Бельгия	1,1	4,2	2,2	1,0	0,7	3,6	2,0	1,0
Болгария	2,7	(7,2)			(1,3)	(6,4)		
Великобритания	1,3	2,8	1,4	0,6	0,8	2,3	1,4	0,5
Венгрия	1,7	(5,8)			1,1	(5,3)		
Дания	2,1	4,1	1,9	1,5	1,1	3,3	1,6	1,5
ГДР		(6,2)				(6,5)		
Греция	1,6	7,0	3,7	0,8	0,9	6,2	2,6	0,1
Ирландия	0,4	3,1	4,6	2,1	0,5	3,0	3,0	1,1
Италия	1,5	5,4	2,6	1,2	0,8	4,7	2,1	1,0
Испания	0,9	6,2	2,5	1,4	0,0	5,2	1,4	0,7
Нидерланды	2,2	5,0	2,5	0,3	0,8	3,7	1,7	—0,3
Норвегия	3,0	4,2	4,9	2,6	2,2	3,3	4,4	2,3
Польша		(6,7)				(5,4)		
Португалия	(1,6)	5,4	3,1	1,3	(0,7)	5,3	1,5	0,7
Румыния		(7,7)				(6,5)		
СССР	(2,2)	(6,7)			(1,6)	(5,2)		
Финляндия	2,5	5,1	2,4	3,3	1,9	4,5	2,0	2,8
Франция	1,3	5,4	3,1	1,1	1,3	4,4	2,7	0,6
ФРГ	1,5	6,0	2,4	0,9	0,5	5,0	2,6	1,0
Чехословакия	2,2	(5,8)			1,1	(5,1)		
Швейцария	1,5	4,4	—0,4	1,5	1,0	2,9	—0,2	1,0
Швеция	3,2	3,7	1,8	1,6	2,5	3,0	1,5	1,5
Югославия	(1,4)	(6,6)			(0,5)	(5,6)		
Европа в целом	1,4	5,6	2,4	1,1	0,9	4,5	1,9	0,6

* Территории в границах 1970 г.; цифры в скобках менее точны, чем остальные за данный период; с 1973 г. — валовой внутренний продукт.

Источники: Bairoch P. Europe's Gross National Product. P.305, 309; OECD. Economic Outlook. Historical Statistics. 1960—1984. Paris, 1986. P.44.

и оценки изменений поэтому покоятся на шатком основании, можно прийти к выводу, что войны в одно и то же время оказали два противоположных по направлению воздействия. С одной стороны, они привели к росту инвестиций, производства и дохода, т.е. к экономическому росту; с другой стороны, они уничтожали ресурсы всех видов: людей, землю, инфраструктуру, здания, машины. В некоторых регионах Европы, прежде всего в нейтральных странах, стимулирующее влияние военной активности на экономический рост было сильнее, чем действие

факторов уничтожения ресурсов; в других, прежде всего в восточноевропейских, происходило обратное. Но в целом долгосрочные последствия войн необходимо признать безусловно негативными. Некоторые регионы Центральной Европы (Австрия, Чехословакия, земли, вошедшие в состав ГДР) к концу второй мировой войны имели более высокий промышленный потенциал, чем до войны. Инвестиции, вложенные в промышленность в годы «третьего рейха», способствовали созданию заводов и оборудования, количество и стоимость которых превосходили уровень 1938 г. В Югославии, на территориях довоенной Польши, напротив, баланс был отрицательным (Польша, с другой стороны, компенсировала его присоединением почти не пострадавшего силезского промышленного района). Для Западной Европы, включая уцелевшие от бомбардировок районы, вошедшие в ФРГ, показателен, вероятно, пример Бельгии. Здесь производственные мощности во время войны были, скорее, свернуты, чем уничтожены, и их обновление после войны позволило Бельгии сохранить прежний высокий уровень производства.

Война оказала различное влияние и на нейтральные страны. Государства, поставлявшие сырье воевавшим странам, такие, как Швеция и Испания, оказались в лучшем положении, чем Швейцария, которая, хотя и продавала дорогостоящие товары, страдала от недостатка сырья и продовольствия.

Особый характер экономического развития европейских стран в межвоенное время, отличавшийся от того, что происходило в довоенный и послевоенный период, был обусловлен, наряду с войнами, мировым экономическим кризисом. Скандинавские страны, например, он затронул в меньшей степени, чем Центральную Европу. Главным образом по этой причине в Швеции и Норвегии в 1913—1950 гг. отмечается более высокий годовой прирост (около 3%); Финляндия и Дания также значительно превышали средний европейский уровень. Финляндия в кризисное десятилетие 1929—1939 гг., когда валовой общественный продукт по меньшей мере в ряде европейских стран сократился, даже достигла ежегодного 6% прироста. В целом представляется, что различия в экономическом развитии европейских стран, которые до 1914 г., скорее, уменьшались, в военные и межвоенные годы усилились. Коэффициент вариации

между 15 европейскими странами, который по подсчетам П.Байроха, до 1913 г. составлял около 30%, вырос почти до 37%. Только после 1950 г. в Европе вновь обнаружилась тенденция к сближению темпов роста, а коэффициент вариации, по данным П.Байроха, снизился до 21%.

Различия проявляются более рельефно, если рассматривать не показатели среднего роста, а колебания конъюнктуры (табл. 27). Здесь и в довоенное время также не было полного совпадения. Но после первой мировой войны выявились существенные расхождения. В то время как в Западной и Северной Европе с середины 1920 г. до рубежа 1921/1922 гг. наблюдался глубокий послевоенный кризис (согласно Д.Альдкрофту, валовой национальный продукт в Великобритании в 1921 г. упал по сравнению с 1920 г. на 12%, а оптовые цены снизились почти на 36%), в Центральной Европе, в Германии, Австрии, Чехословакии, Венгрии и Польше преобладала инфляция и кое-где обеспечивалась полная занятость.

Таблица 27

Колебания конъюнктуры в европейских странах. 1920—1979 гг.* (в %)

Страна	Наименьшее значение кривой конъюнктуры			Наибольший спад в промышленном производстве		
	1920—1938	1950—1973	1973—1979	1920—1938	1948—1970	1970—1978
Австрия	-22,5	+0,1	-1,5	-27,1	-6,4	-9,2
Бельгия	-7,9	-0,8	-1,8	-27,1	-6,4	-9,2
Соединенное Королевство**	-8,1	-0,2	-2,5	-32,4	-3,1	-5,5
Германия***	-16,1	-0,2	-1,9	-40,8	-2,0	-5,4
Дания	-2,9	-0,7	-1,3	-22,2	-4,0	—
Италия	-6,1	+1,6	-3,6	-22,7	0	-9,2
Нидерланды	-9,1	-1,0	-1,0	-16,9	0	-4,8
Норвегия	-8,3	+1,3	+3,2	-21,3	-1,1	0
Финляндия	-6,5	-0,1	+0,3	-25,6	-1,0	-8,1
Франция	-11,0	+2,5	+0,2	-21,4	-2,0	-2,6
Швеция	-9,2	-0,2	-2,7	-37,7	—	-3,6
Швейцария	-8,0	-0,8	-8,6	—	—	—

* Максимальные падения кривой конъюнктуры или, соответственно, минимальный рост ВВП.

** По производству промышленной продукции — Великобритания.

*** С 1948 г. — ФРГ.

Источники: Maddison A. Phases of Capitalist Development. Oxford, 1982. P.67; Wee H. van der Der gebremste Wohlstand. S.59.

В конце 20-х гг. конъюнктурные различия не были столь значительны, но обнаружились между государствами с жесткой дефляционной валютной политикой и такими странами, как Франция или Бельгия, которые допускали небольшое снижение курса национальных валют и шире использовали систему государственного кредита в целях ускорения восстановления хозяйства. Если у Великобритании возникли трудности, связанные с удержанием внешнеэкономических позиций, Германия прилагала огромные усилия для достижения довоенного уровня, то Нидерланды, Норвегия, Швеция, Швейцария и ЧСР смогли упрочить свое положение на мировом рынке. Для Европы в целом 20-е гг. ни в коей мере не были временем застоя, но не являлись они и «золотыми двадцатыми», как для США.

Разразившийся мировой экономический кризис внес еще более существенные различия в европейскую конъюнктуру. Центральную Европу кризис поразил немедленно и сильно: в Германии поворот наметился уже летом 1932 г., а весной 1933 г. его начало было очевидным; в Австрии же и ЧСР кризис все еще упорствовал. Другие страны, например Франция, поначалу держались, но, вступив в стадию кризиса, не смогли быстро выйти из него; здесь кризис продолжался чуть ли не до начала войны. Скандинавские страны, а также Великобританию мировой экономический кризис затронул сравнительно слабее. Здесь он почти не отличался от обычного конъюнктурного спада. В Юго-Восточной Европе кризис обострил и без того непростую ситуацию в сельском хозяйстве, однако никак не прервал начавшийся процесс индустриализации. СССР, все еще изолированный от остального мира, едва ли ощутил на себе «капиталистический» кризис, однако политикой коллективизации и волюнтаристской индустриализацией создал свой собственный, намного более острый; его жертвами стали миллионы. В Испании 2% -ный экономический рост сменился в 30-х гг. спадом (—2—3% в год) также скорее в силу не экономических, а политических причин. Если не принимать во внимание данные особые случаи, то в Европе можно выделить страны с коротким по времени, но глубоким кризисом (к ним причисляют Германию и Нидерланды); страны с продолжительным, но более мягким

кризисом (Италия и Швейцария); страны с довольно сильным и продолжительным кризисом (Австрия и ЧСР) и страны, где его воздействие было столь же слабо, сколь и непродолжительно (Скандинавские страны и Великобритания).

В Европе в целом (без СССР), по оценке П. Байроха, валовой общественный продукт сократился в 1929—1932 гг. на 9%, по оценке Мэддисона, в 1928—1932 гг. — на 10%. Показатели по отдельным странам колеблются от 22,5% для Австрии за 1929—1933 гг. до 2% для Дании за 1931—1932 гг. и 3,9% для Италии за 1929—1930 гг. В Болгарии кризис наметился только в 1934 г., но за два года сумел сократить валовой национальный продукт почти на 13%.

Так как в европейских странах кризис начался в разное время, протекал по-разному и закончился неодновременно, то в статистических данных он отразился намного слабее, чем в США, где валовой национальный продукт сократился в 1929—1933 гг. на 31%. Если рассчитать для Европы в целом (без СССР) разницу между высшими и нижними точками конъюнктуры, не принимая во внимание их хронологию, то выяснится, что валовой общественный продукт вследствие кризиса уменьшился на 12,3%, в Бельгии, Германии, Франции, Австрии, Швеции, Швейцарии, Чехословакии и Великобритании вместе взятых — на 14,5%, без Великобритании — на 18,2%. Таким образом, именно в континентальной промышленной Европе кризис был наиболее острым.

Европа в целом выходила из кризиса медленнее, чем некоторые наиболее пострадавшие страны. Уровень валового общественного продукта 1929 г. был достигнут только в 1935 г. Таким образом, кризис был не только самым тяжелым, но и самым продолжительным, уступая лишь «великой депрессии» 1870—1880-х гг. После 1935 г. рост, естественно, пошел быстрее вследствие начавшейся сначала в Германии, а затем и в других странах гонки вооружений. С 1934 по 1938 г. экономический рост в Европе (без СССР) составлял 4% в год, он в это время существенно опережал темпы роста населения, которые в межвоенное время держались на уровне 0,5% в год. Примерно теми же темпами европейская экономика развивалась в 1913—1946 гг. В этом смысле правомерно утверждение, что в целом

во время мировых войн и в межвоенный период рост европейской экономики значительным не был. Говоря точнее, коротких циклов экономического подъема хватало только на то, чтобы сгладить последствия обеих мировых войн и экономического кризиса. Если сравнить данную стагнацию с ежегодным приростом на душу населения в 1,2% за тридцать три года, предшествовавшие первой мировой войне, и в 4—5% в первые тридцать послевоенных лет, то очевидно, что межвоенный период нарушал тенденцию.

Поначалу казалось, что после второй мировой войны конъюнктурные циклы старого типа больше не повторятся. Экономика Европы росла непрерывно, колебался лишь темп прироста в пределах нескольких процентов. Эти колебания не происходили синхронно, поэтому общеевропейские циклы конъюнктуры сглаживались в большей степени, чем циклы конъюнктуры отдельных стран. В течение почти четверти века европейская экономика развивалась с небывалой дотоле динамикой. По подсчетам П. Байроха, которые включают и коммунистические государства, средние темпы прироста в период 1950—1973 гг. составляли 5,6% и на душу населения — 4,5% в год (см. табл. 26).

А. Мэддисон приходит к сходным выводам; по его оценке, реальный общественный продукт на душу населения в 1950—1970 гг. вырос в Западной Европе на 4%, в Восточной Европе — на 4,3%; при этом данные для стран с централизованным планированием по отношению к их собственным статистическим показателям скорректированы в сторону понижения. Так как в разделе «материальное производство» не учтена стоимость услуг, ее следует оценить и включить в расчеты. Однако услуги в странах с централизованным планированием до настоящего времени не имели приоритета и их объем был значительно ниже, чем в странах с рыночно ориентированной экономикой.

В большинстве западноевропейских стран за «серебряными» 50-ми с ежегодными темпами прироста от 1,7% (Ирландия) до 4,7% (Нидерланды) последовали «золотые» 60-е, когда даже в Ирландии показатель роста приблизился к почти 4%, а во Франции вырос до 5,8%. Страны, проигравшие войну, развивались несколько иначе. 50-е гг. здесь дали более высокие темпы роста

**Европейский валовой общественный продукт (ВОП) в рыночных ценах
1913—1975 гг. (в долларах США и в ценах США уровня 1960 г.)**

Год	ВОП в целом			ВОП в расчете на душу населения		
	В млрд долларов	1899—1901 = 100	Ежегод- ный темп прироста, в %	В долла- рах	1899—1901 = 100	Ежегод- ный темп прироста, в %
1913	256,9	136,2	2,4	534	117,3	1,2
1920	202,6	107,5	-3,3	422	92,8	-3,3
1929	299,0	158,6	4,4	571	115,1	2,4
1938	376,9	199,9	2,6	671	123,5	1,8
1946	301,9	160,1	-2,7	549	120,8	-2,8
1950	428,0	227,0	9,1	749	164,5	8,0
1960	739,8	392,4	5,6	1157	254,4	4,5
1970	1283,3	680,6	5,7	1828	401,8	4,7
1973	1491,3	791,0	5,1	2077	456,5	4,3
1975	1568,8	832,1	2,6	2157	474,1	1,9

Источник: Bairoch, Europe's Gross National Product, p. 299.

вследствие повышенного спроса, вызванного отставанием производства (ФРГ — 7,8%, Австрия и Италия — 5,8%). В 60-е гг. рост замедлился и составил в ФРГ и Австрии 4,7 и 4,8%, т.е. ниже, чем в среднем по Европе за десятилетие. Тогда же значительно более высоких темпов роста достигли страны южной оконечности континента (Португалия — 6,2%, Испания и Греция — по 7,5%). Они переживали процесс выравнивания, который в других странах по отношению к Великобритании начался уже в середине XIX в., а для Западной Европы в целом по отношению к США наметился в послевоенное время.

В 70-х и главным образом в начале 80-х гг. экономический рост замедлился во всей Европе, а кривые конъюнктуры вновь обрели свойственные им очертания. Если в некоторых европейских странах после войны до 1970 г. валовой общественный продукт не сокращался вообще или сокращался крайне несущественно (в Финляндии, Франции, ФРГ, Италии, Австрии, Швеции, Великобритании), то теперь циклические колебания вернули экономику на уровень ниже предшествовавшего подъему. Особенно выраженными они были в промышленности, которая в 70-е гг. переживала спад во Франции (8%), Бельгии и

Италии (свыше 9%). В ФРГ, Великобритании и Нидерландах спад промышленного производства зарегистрирован на уровне 5%. Меньшим было сокращение в Швейцарии и Швеции. Норвегия, которой благоприятствовал нефтяной бум, осталась единственной западной страной, избежавшей какого-либо падения объема производства (см. табл. 27).

Средние темпы прироста общественного продукта держались в пределах 2—3%. Для Западной Европы в целом он составлял 2,5%. Это означает, что в расчете на душу населения прирост снизился до 2%. Однако следует подчеркнуть, что они не только превышали темпы прироста межвоенного периода, но и были в два раза выше уровня долгосрочного прироста на душу населения перед первой мировой войной (см. табл. 26).

Изменения, которые принес быстрый и устойчивый послевоенный экономический рост, особенно явно обнаруживаются при проведенном в конце 70-х гг. сравнении валового национального продукта отдельных стран в 1913, 1938 и 1950 гг. По расчетам А. Мэддисона, за период с 1913 по 1979 г. он реально вырос в четыре раза в Великобритании, самой экономически нединамичной стране Европы XX в., и в более чем десять раз в наиболее интенсивно развивающейся Норвегии. По сравнению с 1950 г. общественный продукт в расчете на душу населения по меньшей мере удвоился в Великобритании и Швейцарии, а в странах, проигравших войну, даже более чем утроился. Выведенный как среднее арифметическое для западноевропейских стран (без южных окраин), реальный валовой общественный продукт в расчете на душу населения в 1979 г. в 2,75 раза превышал уровень 1950 г.

Воспроизведенные в *таблицах 28 и 29* оценки валового общественного продукта, сделанные П. Байрохом, содержат не слишком высокие показатели прироста для стран Западной и Центральной Европы. Необходимо учитывать, что они включают в себя Южную и Восточную Европу, где в послевоенное время, по крайней мере по данным официальной статистики, которую использует также ООН, рост был выше, чем в западных и центральных регионах континента; она, однако, не принимает во внимание существенные различия в уровне жизни по сравнению с Западом, что существенно понизило бы их. По П. Бай-

Валовой общественный и валовой национальный продукт европейских стран. 1913—1980* гт. (в млн долл. США и в %)

Страна	1913			1929			1950			1970			1980		
	Валовой социальный продукт в долларах США в ценах 1960 г.									ВВП в долларах США в ценах 1975 г.					
	млн долл-ров	%	млн долл-ров	%	млн долл-ров	%	млн долл-ров	%	млн долл-ров	%	млн долл-ров	%	млн долл-ров	%	
Австрия**	26050	10,1	4799	1,6	5005	1,2	13774	1,1	31060	2,0	44690	2,2			
Бельгия	6794	2,6	8822	3,0	10086	2,4	22121	1,7	51900	3,4	71450	3,5			
Болгария	(1260)	0,5	(1731)	0,6	(3070)	0,7	(12400)	1,0							
Великобритания***	44074	17,2	47398	15,9	68032	15,9	115422	9,0	208390	13,6	250490	12,2			
Венгрия**			(3643)	1,2	(5320)	1,2	(16300)	1,3							
Германия	49760	19,4	49876	16,7											
ФРГ					46529	10,9	159336	12,4	374560	24,5	495900	24,1			
ГДР					(10500)	2,5	(36100)	2,8							
Греция	(1540)	0,6	(2450)	0,8	3371	0,8	12665	1,0	16270	1,1	25730	1,3			
Дания	2421	0,9	3326	1,1	5454	1,3	12200	1,0	34140	2,2	42810	2,1			
Ирландия***			1946	0,7	2209	0,5	3935	0,3	6730	0,4	10010	0,5			
Испания	7450	2,9	10567	3,5	10219	2,4	33163	2,6	80130	5,2	115490	5,6			
Италия	15624	6,1	20641	6,9	27599	6,4	83540	6,5	170450	11,2	231960	11,3			
Нидерланды	4660	1,8	7845	2,6	10304	2,4	27722	2,2	74560	4,9	99390	4,8			

Норвегия	1834		2887	1,0	5403	1,3	12117	0,9	22670	1,5	35930	1,7
Польша			(10877)	3,6	(13800)	3,2	(47300)	3,7				
Португалия	(1800)	0,7	(2150)	0,7	3220	0,8	8365	0,7	11910	0,8	19110	0,9
Румыния	(2450)	1,0	(5830)	2,0	(5200)	1,2	(21200)	1,7				
СССР	54090	21,1	(44800)	15,0	(105420)	24,6	(400700)	31,2				
Финляндия	1670	0,7	2022	0,7	4117	1,0	11182	0,9	22870	1,5	32520	1,6
Франция	27401	10,7	40508	13,5	47454	11,1	134299	10,5	278530	18,2	398240	19,4
Чехословакия			(8171)	2,7	(9720)	2,3	(31000)	2,4				
Швеция	3824	1,5	5484	1,8	12067	2,8	25955	2,0	63320	4,1	77100	3,8
Швейцария	3700	1,4	5139	1,7	6415	1,5	15464	1,2	52150	3,4	59030	2,9
Югославия	725	0,3	(4631)	1,5	(5720)	1,3	20750	1,6				
Всего****	256845	100,0	298964	100,0	428000	100,0	1283256	100,0	1527650	100,0	2055360	100,0

* В границах соответствующего периода, цифры в скобках менее точны, чем остальные указанного периода.

** В 1913 г. — Австрия и Венгрия.

*** В 1913 г. Соединенное Королевство и Ирландия.

**** При расчетах ВВП за 1970 и 1980 гг. только европейские страны-члены ОЭСР.

Источники: Рассчитано автором по: Bairoch P. Europe's Gross National Product. P.303f.; OECD. National Accounts. Main Aggregates. 1952—1981. V. 1. Paris, 1983. P. 82.

роху, общеевропейский валовой общественный продукт в 1913—1975 гг. увеличился в шесть раз, а в расчете на душу населения — в четыре раза. Преобладающая часть этого прироста приходится на послевоенный период; только с 1950 г. валовой общественный продукт Европы вырос в 3,7 раза, а в расчете на душу населения — в 2,9 раза. Для экономики Европы время после второй мировой войны было периодом наибольшего прогресса, происходившего вопреки трудностям, которые связаны с разработкой и осуществлением экономической политики.

Структурные изменения

Если тезис о том, что экономический рост способствует структурным изменениям, а стагнация им препятствует, верен, то следовало бы ожидать, что в период между мировыми войнами перемены происходили медленнее, чем после войны. Именно так и было. Определять структурные сдвиги по колебанию числа занятых в различных секторах экономики или по изменению доли секторов в общественном продукте, или по различиям в росте производительности, или пропорционально влиянию производственных факторов, бóльшая подвижность экономических структур в послевоенное время по сравнению с межвоенным очевидна. В какой степени войны сами по себе способствовали структурным сдвигам или тормозили их, установить трудно. Сначала войны способствовали им, по-новому определив приоритеты, за которыми шла война: производство вооружений и их технологических аналогов обеспечивалось капиталом и рабочей силой в первоочередном порядке, производство потребительских товаров сдерживалось, сельское хозяйство страдало из-за недостатка рабочей силы, удобрений, тяглового скота и тракторов. Объемы внешней торговли сокращались. Возникали перекосы в социальной сфере: военные потребности выдвигали на передний план здравоохранение и медицину, а образование в целом отставало.

Для долгосрочного анализа важно определить, какие из вызванных войной изменений сохранили значение и в мирное время. После первой мировой войны народное хозяйство Западной

Европы вернулось к прежним пропорциям достаточно быстро; экономическая политика этому не препятствовала. Иная ситуация сложилась на востоке Центральной и в Восточной Европе, особенно в странах, образовавшихся на месте габсбургской империи, где структурные изменения были вызваны к жизни рядом фундаментальных мероприятий. Земельные реформы увеличили число мелких хозяйств и, таким образом, замедлили миграцию из села в город. Политика индустриализации была призвана укрепить национальную промышленность и помочь развить отрасли, которых в старой Австро-Венгрии не было. Создание банков или превращение банковских филиалов в центральные учреждения способствовали большей независимости кредитного сектора по отношению к загранице; строительство новых путей сообщения расширило национальную сеть железных дорог. Успех этой структурной политики был относительно скромным.

Обусловленные или подталкиваемые государством структурные изменения имели место в межвоенный период прежде всего в СССР при Сталине, где тяжелая промышленность росла за счет производства товаров потребления и сельского хозяйства. Менее заметные сдвиги происходили в Германии, сталелитейная промышленность которой пыталась с успехом восполнить в Лотарингии и Верхней Силезии мощности. Уже в конце инфляционного периода производственный потенциал этой отрасли практически достиг довоенного уровня. Поскольку же бывшие немецкие промышленные районы не исчезли, лишь отошли к Франции и Польше, то в целом мощности европейской сталелитейной промышленности резко возросли.

После второй мировой войны СССР продолжил развитие тяжелой индустрии и упорно форсировал структурные изменения по крайней мере до смерти Сталина в 1953 г. В Западной Европе структурные сдвиги, вызванные войной, в значительной степени исчезли. Так, Великобритания вновь перешла к преимущественному импорту продуктов питания. Во многих регионах, однако, возникшие во время войны промышленные мощности все-таки сохранились и были лишь перепрофилированы на производство мирной продукции: вместо танков выпускали легковые или грузовые автомобили, вместо бомбардировщиков — пассажирские самолеты, вместо боеприпасов — удобрения.

Занятость в целом и по секторам народного хозяйства* с 1920 до 1980 г. (в 1000 чел. и в %)

Страна	Занятых в народном хозяйстве всего (в 1000 чел.)			В т.ч. в сельском хозяйстве, лесоводстве и рыболовстве (в %)			В промышленности, включая горнодобывающую (в %)			В сфере услуг и прочих отраслях (в %)		
	1920	1950	1980	1920	1950	1980	1920	1950	1980	1920	1950	1980
Албания		723**	1195		71,0**	60,7		18,0**	25,3		11,0**	14,0
Австрия	3084	3320	3070	31,9	32,5	10,5	33,3	36,6	40,3	34,8	30,8	49,2
Бельгия	3105	3413	3751	21,8	12,5	3,0	48,1	48,6	34,7	30,2	39,0	62,3
Болгария	2601	4183	4670	82,4	75,5	36,9	8,1	10,3	38,8	9,5	14,2	24,3
Венгрия	3653	4155	5069	58,2	52,9	18,5	19,7	23,2	43,3	22,1	23,9	37,8
Германия	32009			30,5			41,4			28,1		
ФРГ		22078	25711		18,7	5,6		44,9	44,2		36,4	50,3
ГДР		7923	8938		26,0	9,5		45,4	50,2		28,6	40,3
Греция	1867	2839	3356	49,6	48,2	30,3	16,2	19,4	30,2	34,2	32,5	39,5
Дания	1360	2063	2369	34,9	25,1	7,3	27,1	33,3	29,3	38,1	41,6	63,3
Ирландия	1302	1272	1148	52,1	39,6	18,5	14,7	24,3	43,6	33,3	36,1	49,1
Испания	8093	10793	11254	56,1	48,8	18,9	20,9	25,1	36,1	23,0	26,1	45,1
Италия	18283	19577	20551	56,1	42,2	14,2	24,6	32,1	37,8	19,3	25,7	47,9
Люксембург			158			5,4			38,0			56,7
Нидерланды	2718	3866	4973	23,6	19,3	4,9	35,6	36,9	31,4	40,8	43,8	63,6

Норвегия	1072	1389	1913	36,8	25,9	8,5	28,9	36,4	29,6	34,3	37,7	61,9
Польша	13414	12405	19354	76,6	57,2	30,6	9,4	23,0	39,3	14,0	19,9	30,1
Португалия	2545***	3289	3925	57,4***	48,3	28,5	21,9***	25,0	36,0	20,7***	26,7	35,5
Румыния	10658'	10465	12100	77,2'	69,5	29,4	8,9'	16,7	35,5	13,8'	13,8	35,1
Соединенное Королевство**	19359	22610	24881	7,1	5,1	2,6	47,5	49,1	37,6	45,4	45,9	59,9
СССР	82712	105373"	133302	86,7	45,8"	14,2	6,1	35,4"	44,7	7,2	18,8"	41,1
Финляндия	1499	1985	2318	68,8	45,9	13,5	12,8	27,7	36,1	18,3	26,3	51,8
Франция	21717	20794	21127	41,5	36,0	8,7	29,3	29,7	36,0	29,1	34,3	55,3
Чехословакия	6016	5853	7849	40,3	37,7	13,1	36,8	37,3	48,8	22,9	25,0	38,1
Швейцария	1861	2156	3015	26,0	16,5	7,2	44,5	46,6	39,5	29,6	37,0	53,3
Швеция	2602	3105	4232	40,7	20,4	7,6	31,1	40,8	45,3	28,2	38,8	47,0
Югославия	5896	7411	8780	82,2	70,7	30,6	11,0	16,1	33,0	6,7	13,2	36,4

* Отдельные секторы народного хозяйства зачастую нельзя однозначно разграничить.

** В 1960 г.

*** В 1911 г.

' В 1930 г., включая пенсионеров.

" В 1950 г.

*** В 1920 и 1950 гг. — только Великобритания.

Источники: Mitchell B.R. European Historical Statistics. P. 161ff.; OEDC. Labour Force Statistics. 1962—1982. S. 153ff.; ILO. Yearbook of Labour Statistics. 1982. P. 72, 76; 1985. P. 110; World Tables. Third Edition. Vol 2: Social Data from the Data Files of the World Bank. Baltimore, London, 1984. P. 132ff.

В целом Европа, несмотря на военные разрушения, в 1945 г., по-видимому, обладала промышленным потенциалом, не уступавшим уровню 1939 г., если учитывать хотя и поврежденное, но поддающееся ремонту оборудование. Кроме того, война ускорила технический прогресс в некоторых отраслях, например в самолетостроении, электротехнике и химической промышленности, достижения которых использовались в гражданском хозяйстве и придали динамизм структурным изменениям.

Для всего периода с 1913 г. до начала 80-х гг. важнейшей чертой процесса структурной перестройки является сокращение доли сельского хозяйства и рост удельного веса промышленности, но более всего сектора услуг. В 1913 г. 37% населения Западной Европы были заняты в сельском хозяйстве, в 1970 г. — только 14%; в Восточной Европе в 1913 г. — три четверти, в 1970 г. — 30%. Изменения, особенно после второй мировой войны, происходили в Восточной Европе быстрее, чем на Западе, но все же Востоку и Югу не удалось догнать Запад, Север и Центр континента, где структурные сдвиги наметились задолго до первой мировой войны. Экономическая структура этого региона только в 60-х гг. обрела те очертания, которые Западная Европа имела уже накануне первой мировой войны.

В Западной Европе аграрный сектор, измеряемый по удельному весу занятых, не являлся самым крупным из трех секторов экономики уже к середине 20-х гг., а в СССР — только к 1970 г. Обратный экстремум уже давно представляет собой Великобритания, где сельское хозяйство утратило ведущие позиции еще в середине XIX в., доля занятых в нем уже в 1911 г. упала до 9%, в межвоенное время до 6% (1931) и в 60-х гг. до менее 3%. В большинстве других западноевропейских стран к середине 60-х гг. она также находится на уровне ниже 10% (табл. 30).

В большинстве стран Европы, в отличие от других крупных промышленных регионов (Северной Америки, Японии, в особенности Австралии), место аграрного сектора как основного в сфере занятости заняла промышленность. Вне Европы таковой стала сфера услуг. Данное различие, вероятно, объясняется большей плотностью населения в Европе, связанной с ней меньшей потребностью в развитии транспорта, высокой интенсив-

ностью экспорта продукции европейской промышленности, вплоть до XX в. снабжавшей и отчасти снабжающей поныне большую часть остального мира потребительскими товарами и средствами производства. Сыграли свою роль и европейская традиция ремесленного производства, плавный переход от ремесла и наемного труда к промышленности. Высокая доля женщин среди промышленных рабочих также может являться особенностью Европы, которая, по крайней мере частично, объясняется необходимостью использовать женский труд во время обеих мировых войн и мужскими потерями в них. Однако в ряде европейских стран, которые, как, например, Нидерланды, Греция, Норвегия, Дания и Ирландия, неплотно заселены или сохранили непривычно большую сферу сельского хозяйства, или оказывают услуги, выходящие за пределы региона, сектор услуг традиционно преобладал над промышленностью; в странах же Средиземноморья доля сферы услуг быстрее приближается к промышленности, чем в центральном промышленном районе Европы, простирающемся от Великобритании через Бельгию и Центральную Европу до Венгрии. Кроме того, с 70-х гг. все больше европейских стран, включая СССР, приблизились к фазе развития, при которой услуги становятся важнейшим источником доходов населения. В 1980 г. такая ситуация имела место во всех некоммунистических странах Европы (за исключением Португалии, которая была близка к этому) и в Югославии. Лишь в восточном блоке промышленность остается основной сферой занятости, особенно в ЧССР, и только в Албании большинство населения занято еще в аграрном секторе. В некоторых странах Западной Европы, таких, как Бельгия, ФРГ, Австрия, Нидерланды, Швеция, Швейцария и Великобритания, численность занятых в промышленности в конце 70-х гг. снизилась в абсолютных цифрах по сравнению с серединой 60-х гг.

Если значение сектора оценивать не по числу занятых в нем, а по его вкладу в производство общественного продукта (табл. 31), то традиционное господство промышленности в Центре Европы станет еще заметнее: длительное время прибыли, получаемые за счет роста производительности труда, были там особенно высокими. Исключения (например, Дания, где уже в XIX в. производительность в аграрном секторе росла быст-

рее, чем в промышленности) лишь подтверждают правило. В Западной же Европе производительность труда в сельском хозяйстве росла быстрее, чем в промышленности, почти повсюду. Здесь можно увидеть обратную причинную связь: отток работников из сельского хозяйства дал толчок техническому прогрессу, достигнутый с помощью как более интенсивного применения машин, так и улучшения удобрений и средств защиты растений, а также выведения продуктивных сортов растений и пород животных.

Таблица 31

Доля секторов народного хозяйства в валовом национальном продукте с 1920 до 1980 г. (в %)

Страна	Сельское хозяйство, рыболовство и лесоводство			Промышленность, включая горнодобывающую			Сфера услуг и прочее		
	1920	1950	1980	1920	1950	1980	1920	1950	1980
Австрия	15	18	5	45	48	40	40	34	56
Бельгия		9	2		44	36		47	62
Болгария	52	30	17	22	41	57	26	29	26
Великобритания	6	6	2	41	48	37	43	46	62
Венгрия	33	25	14	28	48	59	39	27	27
Германия	16			56			28		
ФРГ		10	2		49	43		41	55
ГДР		28	9		53	70		19	21
Дания	23	21	5		36	25		43	70
Греция		31	16		22	28		47	57
Ирландия	35	29	13	19	25	35	56	46	52
Испания		41	7		27	35		32	58
Италия	48	32	6	29	39	43	23	29	51
Нидерланды		14	4		40	33		46	64
Норвегия	17	14	4	31	37	41	52	46	55
Польша		41	15		46	64		13	21
Португалия		33	10		35	39		32	51
Румыния		28	15		50	69		22	16
СССР	38	22	15	41	50	62	21	28	23
Чехословакия	24	17	8	30	70	75	46	13	17
Финляндия	35	26	9	20	40	35	45	34	56
Франция		15	4		48	36		37	60
Швеция	22	11	3	34	46	32	44	43	65
Югославия		31	13		49	51		20	36

Источники: Mitchell B.R. European Historical Statistics. P.846ff.; Woytinsky W.S. a. E.S. World Population and Production, Trends and Outlook. New York, 1953. P.433; OECD. Economic Outlook. Historical Statistics, 1960—1983. P.58f.; United Nations. Statistical Yearbook. 1968. P.575; 1981. P.125ff.; 1982. P.145.

Производительность в сельском хозяйстве росла особенно быстро в тех странах, в которых до 1945 г. лучше сохранилась старая структура, например во Франции или в Германии, но не в Нидерландах, где аграрная сфера и без того была высокоразвита (в 1950—1973 гг. здесь отмечался годовой прирост в 5,5%, несколько больший в сравнении с 5,8% в промышленности). Во Франции рост производительности труда в сельском хозяйстве опережал ее рост в промышленности почти на 0,5%, в ФРГ — на 0,7%. Особенно показателен пример Великобритании, где зафиксирована разница в 1,8%, но он объясняется другой причиной: низкими темпами роста производительности труда в промышленности, на уровне 2,9%, — это самый низкий показатель в Западной Европе. Рост производительности в сельском хозяйстве Англии, составлявший 4,7%, напротив, примерно соответствовал среднеевропейскому.

С 1973 г. по мере замедления темпов экономического развития рост производительности труда также начал снижаться. Это в особенности относится к промышленности и сфере услуг. В западноевропейском сельском хозяйстве, за исключением Великобритании, сохранился темп роста производительности около 5%, тогда как в промышленности Франции, ФРГ и Нидерландов в среднем в 1973—1978 гг. он упал до 3,5%, в Великобритании даже до 1,5%. Если взять весь период с 1960 до 1984 г., включая Испанию, где рост производительности труда в промышленности составлял 6,1%, т.е. был на 0,3% выше, чем в сельском хозяйстве, разница будет еще заметнее: темпы роста производительности в аграрном секторе повсюду, в том числе в Финляндии, колебались от 5,2 до 6% в год, в промышленности же они, напротив, за исключением Испании, держались в пределах от 3,1% (Великобритания) до 5,1% (Бельгия) (табл. 32).

Тем не менее, за исключением Нидерландов и Великобритании, объем производства в промышленном секторе рос в Западной Европе быстрее, чем в сельском хозяйстве, которое ежегодно отдавало в два других сектора от 2,1 до 4,1% своей рабочей силы. Занятость в промышленности возрастала в большинстве западно- и центральноевропейских стран по меньшей мере до середины 60-х гг., только в Великобритании и Бельгии она к тому времени не увеличилась. Но с 1973 г. самое позднее пока-

Среднегодовой рост производительности труда, занятости и производства по трем секторам народного хозяйства в странах Европы. 1960—1984 гг. (в %)

Страна	Производительность			Занятость			Производство		
	I	II	III	I	II	III	I	II	III
Австрия	6,0	4,4	2,0	-4,0	-0,5	1,7	1,7	3,9	3,8
Бельгия	5,4	5,1	1,8	-4,1	-1,4	1,8	1,1	3,6	3,5
Великобритания	5,2	3,1	1,1	-2,4	-1,5	1,2	2,7	1,5	2,3
Греция	5,7	3,6	3,2	-2,6	2,1	2,3	3,0	5,8	5,6
Дания							1,9	2,9	3,3
Ирландия				-3,1	1,1	1,6			
Испания	5,8	6,1	3,4	-3,5	-0,1	1,6	2,1	6,0	4,8
Италия	5,8	4,0	1,9	-4,1	0,1	2,0	1,5	4,1	3,9
Нидерланды	6,0	4,4	1,4	-2,1	-1,0	2,1	3,8	3,4	3,3
Норвегия							1,4	5,2	3,7
Финляндия	4,5	3,8	1,6	-3,7	0,6	2,9	0,6	4,4	4,4
Франция	5,5	4,4	2,3	-3,8	-0,1	2,2	1,5	4,4	4,1
ФРГ	5,4	3,2	2,5	-3,9	-0,7	1,1	1,3	2,5	3,7
Швейцария				-2,6	-0,3	2,1			
Швеция	5,6	3,6	0,7	-3,9	-0,6	2,4	1,5	3,0	3,1

Источник: OECD. Economic Outlook. Historical Statistics. 1960—1984. P.27, 45ff.

затель занятости в промышленности обнаружил тенденцию к снижению везде, кроме стоящих в арьергарде Греции, Ирландии и Португалии. В среднем за 1964—1980 гг. это снижение проявилось не вполне отчетливо, так как примерно до 1970—1974 гг. в большинстве других стран численность занятых в промышленности еще росла. Но с этого времени спрос на дополнительную рабочую силу предъявляла почти исключительно сфера услуг. В большей степени это характерно для США и Японии, чем для Европы. Поскольку сфера услуг в Европе развивалась медленнее, то уже с 70-х гг. проблема занятости встала здесь острее, чем в ведущих внеевропейских странах.

В промышленности, конечно, остаются динамичные отрасли. К ним прежде всего относится электротехника, особенно электроника, а также транспортное производство, химия, особенно фармацевтика, частично издательское дело и бумажная промышленность, некоторые отрасли производства потребительских товаров. Но им противостоят крупные отрасли, которые сокращаются уже давно (как угледобыча) или по крайней

мере с начала 70-х гг. (как сталелитейная промышленность, судостроение, а в последнее время также строительство).

В сфере услуг рост производительности был самым низким. Конечно, критерий его количественного измерения вызывает много вопросов. Согласно статистике ОЭСР, в 60-х и начале 70-х гг. только в странах, стоящих на пороге индустриального развития (Португалии, Испании и Греции), а также в Нидерландах он превышал 4%; с 1973 г. в большинстве стран он понизился до 2%, а в целом ряде стран, беря за основу число занятых, временно стал отрицательным. Это связано с сокращением рабочего времени, а также со снижением реальной заработной платы. Лучше других дело обстоит в Испании, ФРГ, Австрии, Бельгии. Уровень роста производительности в третьем секторе, составивший в противоположность 50—60-м гг. 1% в начале 80-х гг., был, однако, также низок; в результате средний показатель за длительный период колеблется в пределах 1—3,2%, а в Швеции составляет 0,7%.

Если принять за критерий рабочее время, то снижение производительности труда выглядит менее драматично. По меньшей мере до 1979 г. она нигде не опускалась ниже 1%, а в некоторых странах даже превышала 4% (табл. 33).

Таблица 33

Рост производительности труда в европейских странах. 1913—1979 гг.
(ВВП в расчете на рабочий час, в %)

Страна	1913—1950	1950—1973	1973—1979
Австрия	0,9	5,9	3,8
Бельгия	1,4	4,4	4,2
Великобритания	1,6	3,1	2,1
Германия*	1,1	6,0	4,2
Дания	1,6	4,3	1,6
Италия	1,8	5,8	2,5
Нидерланды	1,7	4,4	3,3
Норвегия	2,5	4,2	3,9
Финляндия	2,0	5,2	1,7
Франция	2,0	5,1	3,5
Швейцария	2,1	3,4	1,3
Швеция	2,8	4,2	1,9

* С 1948 г. — ФРГ.

Источник: Maddison A. Phases of Capitalist Development. P.96.

Сравнивая не процентные изменения, а достигнутый уровень производительности за 1913—1979 гг., можно обнаружить интересные сдвиги. Как и следовало ожидать, перед первой мировой войной наиболее высокой производительность была в Великобритании, за ней следовала Бельгия и Нидерланды. В 1979 г. Великобритания откатилась далеко назад. От уровня США данный показатель вместо четырех пятых составляет теперь только две трети. Лидировали Нидерланды, вплотную за ними следовали Бельгия, Франция и ФРГ. Малые северные государства (Норвегия и Финляндия), а также Италия приблизились к старым индустриальным странам. Масштаб расхождений сократился. Временами он возрастал, особенно вследствие второй мировой войны. В 1950 г. Германия, Австрия и Италия по показателю производительности значительно отставали от средневропейского уровня и составляли лишь одну треть уровня США. В 1979 г. Италия и Австрия достигли 70%, а ФРГ — 84% (табл. 34).

Таблица 34

Производительность труда в странах Европы в сравнении с США. 1913—1979 гг.
(ВВП США в расчете на рабочий час в каждом случае принимался за 100)

Страна	1913	1938	1950	1973	1979
США	100	100	100	100	100
Австрия	54	47	29	62	71
Бельгия	75	70	50	75	88
Великобритания	81	70	56	64	66
Германия*	57	56	33	71	84
Дания	60	60	43	63	64
Италия	43	49	32	66	70
Нидерланды	74	68	53	81	90
Норвегия	49	62	48	69	80
Финляндия	43	44	35	63	64
Франция	54	64	44	76	86
Швейцария	60	70	52	62	62
Швеция	50	59	55	79	81

* С 1950 г. — ФРГ.

Источник: Maddison A. Phases of Capitalist Development. P.98.

Важнейший вклад в рост производительности внесли инвестиции, увеличившие объем и улучшившие структуру инвестированного капитала. Уровень инвестиций в различных отраслях экономики определяет в значительной мере структурные перемены, которые нельзя объяснить другими факторами (высоким спросом на продукцию одних отраслей в отличие от других, опережающим техническим прогрессом, смелой стратегией предпринимательства или сильным вмешательством государства).

Различия в темпах роста национальных, равно как и европейской экономик в межвоенный и послевоенный периоды следует главным образом объяснять, исходя из уровня притока инвестиций. А.Мэддисон оценивает средний уровень инвестиций в Европе (без жилищного строительства) в межвоенное время (1920—1938 гг.) в 10%. Выше среднего он был сразу после первой мировой войны и в годы, непосредственно предшествующие второй мировой войне. В первом случае играли роль особенности восстановительного периода, прежде всего в Бельгии и Франции, а также в Германии, где период инфляции был отмечен инвестиционным бумом. Во втором — гонка вооружений и связанные с нею инвестиции в развитие инфраструктуры. Но между этими периодами были годы мирового экономического кризиса, когда, по крайней мере в некоторых странах Центральной Европы, амортизация была выше, чем новые инвестиции. После второй мировой войны уровень инвестиций в Европе поднялся (по оценкам А.Мэддисона) до 15,6% в 50-е гг. и до 17,8% в 60-е гг. Затем он снова несколько снизился, однако значительно превышал уровень межвоенного периода (табл. 35).

Ускорение роста инвестируемого капитала (даже без жилищного строительства, куда в некоторых странах шла значительная часть инвестиций) еще заметнее, чем прирост удельного веса инвестиций, потому что общественный продукт, с которым соотносится удельный вес, рос опережающим темпом. А.Мэддисон предполагает, что инвестиционный капитал в Европе в 1950—1973 гг. возрастал в три раза быстрее, чем в 1913—1950 гг., и что эта разница была более выражена в Восточной Европе, чем на Западе (к сожалению, нет данных об объеме инвестирован-

Удельный вес инвестиций в европейских странах*. 1920—1983 гг. (в %)

Страна	1920—1938	1950—1960	1960—1970	1970—1983
Австрия	6,1	17,0	22,9*****	21,3*****
Бельгия		12,9	15,7	15,0
Великобритания	5,7	11,8	14,7	14,7
Германия**	9,7	16,6	19,3	15,7
Греция	7,5	14,7***	15,4	16,6
Дания	8,9	14,2	16,9	14,7
Ирландия		15,2****	16,2	19,8
Испания		13,8	17,0	15,8
Италия	13,6	15,2	14,2	14,6
Нидерланды		18,3	20,3	15,8
Норвегия	12,4	24,3	23,6	24,5
Португалия		12,2	14,6	17,9
Финляндия		19,8	19,5	19,3
Франция	11,8	13,9	15,9	15,9
Швейцария		14,7	21,0*****	24,7*****
Швеция	10,5	15,7	17,4	16,2
В среднем	9,6	15,6	17,8	17,7

* За период 1920—1938 гг. — доля валовых инвестиций (без жилищного строительства) в валовом общественном продукте в текущих ценах, с 1950 г. — доля в валовом внутреннем продукте в текущих ценах; не всегда период охвачен полностью.

** С 1950 г. — ФРГ.

*** За 1950—1955 гг. включая инвестиции в жилищное строительство.

**** За 1950—1956 гг. включая инвестиции в жилищное строительство.

***** За 1969 и 1970 гг. включая инвестиции в жилищное строительство.

***** С 1970 гг. включая инвестиции в жилищное строительство.

Источники: Maddison A. Economic Policy and Performance in Europe. P.487; OECD. Economic Outlook. Historical Statistics. 1960—1982. P.66f.; 1960—1983. P.66f.; OECD. National Accounts of OECD-Countries. 1950—1968. P.76ff.; 1961—1972. P.114ff.

ного капитала без учета жилищного строительства для стран восточного блока). Так как до недавнего времени жилищное строительство там по сравнению с промышленностью заметно отставало, следует считать это наблюдение справедливым.

Нефтяной кризис 70-х гг., который привел к росту цен на нефть в десять раз, замедлил развитие производства, но, с другой стороны, способствовал структурным сдвигам: процессам замещения в сфере энергетики, трудностям в тяжелой промышленности, потребностям в энергосберегающих технологиях. Данный эффект сложно отделить от воздействия технического прогресса, имевшего место и без удорожания энергии. Автоматизация производства и компьютеризация сообщений и комму-

никаций давно уже пробили себе дорогу, рационализация управленческой деятельности при помощи аналогичной техники также наступила бы и без нефтяного шока.

Вопрос о воздействии технического прогресса на рынок труда остается темой для дискуссий. Он ли обусловил рост безработицы или же причину следует видеть в низких темпах экономического роста и замедлении необходимых структурных перемен вследствие вмешательства государства? Окончательные выводы преждевременны, но исторический опыт свидетельствует, что технический прогресс создает больше рабочих мест, чем ликвидирует. Это не закон природы, действительный во все времена. Но еще в 50—60-е гг. взаимосвязь между техническим прогрессом и положением в сфере занятости оценивали, скорее, положительно. Неясно также, способствовал ли приток рабочей силы, особенно в Западной и Центральной Европе в послевоенное время, и рост объемов производства, который под его влиянием, без сомнения, ускорился, структурным переменам или препятствовал им. Когда в экономику устремляется поток дешевой рабочей силы, стимул к рационализации и к структурным изменениям снижается. Поскольку рабочая сила приходила в отрасли не только с низкой, но и с высокой производительностью, вполне возможно, что ее приток ускорял структурные изменения созданием дополнительного спроса и избыточным предложением рабочей силы. Во всяком случае, установлено, что с 50-х до середины 70-х гг. (пик в большинстве стран был достигнут в 1973—1974 гг.) рост занятости во всех отраслях, кроме сельского хозяйства, почти везде в Европе был немного выше, чем в межвоенное время: в Западной Европе — 1,6% в среднем за период 1950—1970 гг. против 1% в 1913—1950 гг., 3% против 1,5% в Восточной Европе. Здесь рост занятости во втором и третьем секторах произошел почти исключительно не за счет миграции извне, а за счет оттока из сельского хозяйства и естественного роста населения. Таким образом, процесс структурных перемен происходил еще интенсивнее, хотя притока извне не происходило. Данный факт может быть объяснен тем, что в Западной Европе приток рабочей силы из стран Средиземноморья, скорее, замедлял структурные изменения. Но есть и другое объяснение: стремление Восточной Европы до-

гнать Запад по уровню индустриализации и модернизации. В этом случае необходимо рассматривать это явление как следствие политики приоритетов коммунистических правительств. Как бы не интерпретировать эти различия, послевоенный период в Европе в целом был временем изменения экономических структур, а до нефтяного кризиса также периодом роста спроса на рабочую силу.

Примерно с середины 70-х гг. уровень занятости в некоторых странах снизился (по крайней мере временно), на этот раз в первую очередь в промышленности. Одновременно в большинстве стран выросло число людей, ищущих работу, как вследствие изменения возрастной структуры населения (больше молодежи впервые вышло на рынок труда), так и потому, что большее количество женщин проявило желание работать. Показатель безработицы, т.е. доля безработных среди всех зарегистрированных на рынке труда в качестве занятых или безработных, рос поэтому быстрее, чем снижалась занятость; он рос и там, где число занятых не снижалось. Только в Швейцарии, где удалось ограничить приток иностранных рабочих, он в среднем за пятилетие оставался ниже 1%. В Норвегии, где нефтяной бум обусловил постоянство повышательной конъюнктуры, и в Швеции, где продолжала проводиться политика полной занятости, безработица также была ниже 3%. В целом ряде стран она, напротив, превысила 10%, в Великобритании был достигнут уровень 20-х гг. В большинстве стран безработица оставалась значительно меньшей, чем в межвоенный период, в особенности чем в годы мирового экономического кризиса. Точный анализ затруднен тем, что для межвоенного времени для большинства стран безработица регистрировалась только в отношении членов профсоюзов. Кроме того, средние показатели за пять лет сглаживают статистические ряды, как это можно видеть в *таблице 36*. Но они все-таки пригодны для определения долговременных, обусловленных, возможно, экономической структурой проблем, возникших на рынке труда.

При сравнении данных по отдельным странам обнаруживается, что значительный уровень безработицы в 50—60-х гг. отмечался в немногих из них, прежде всего в Югославии, Греции и Ирландии, а поначалу также в Бельгии, Дании и Италии, тог-

Безработица в европейских странах. 1920—1984 гг.*
(доля безработных в рабочей силе, в %)

Страна	1920/ 1924	1925/ 1929	1930/ 1934	1935/ 1939	1940/ 1944	1945/ 1949	1950/ 1954	1955/ 1959	1960/ 1964	1965/ 1969	1970/ 1974	1975/ 1979	1980/ 1984
	Австрия	5,6	9,6	20,0	23,3		2,9	7,3	5,0	2,9	2,7	1,9	2,0
Бельгия	4,7	2,1	17,4	18,2		5,8	8,6	5,2	3,6	3,4	3,4	7,2	12,4
Великобритания	10,9	11,3	19,5	13,4	2,0	2,0	1,5	1,6	1,8	2,0	3,0	5,7	11,0
Германия	6,2	9,2	22,0	6,7		6,3	8,4	3,7	0,8	1,2	1,3	4,4	7,0
ФРГ													
Греция									6,0	5,4	2,7	2,4	3,1
Дания					13,7	9,9	9,6	9,3	3,7	3,5	3,6	6,0	9,5
Ирландия			22,8	20,1	13,6	9,8	8,3	8,1	6,0	6,3	7,5	11,3	12,3
Испания							1,1	0,8	1,4	1,6	2,4	6,3	14,3
Италия				4,2		8,2	9,0	7,5	3,2	3,6	3,3	6,9	9,1
Нидерланды	9,2	6,9	20,6	27,2		1,3	2,5	1,5	0,9	1,5	2,3	5,1	12,4
Норвегия	11,2	19,5	26,8	20,9	1,0	2,9	2,8	2,4	2,2	1,6	1,3	1,3	2,6
Польша		5,8	15,2	11,3					0,7	0,6	0,8		
Португалия							2,8		2,4		2,1	6,9	8,0
Финляндия								2,7	1,4	2,5	2,1	5,1	5,6
Франция							1,6	1,1	1,2	1,8	2,6	4,9	7,9
Швейцария		2,5	7,8	10,0	2,0	1,1	2,6	0,0	0,0	0,0	0,0	0,4	0,6
Швеция	15,4	11,4	19,0	12,1	8,2	3,2	2,3	2,1	1,3	1,6	1,8	1,4	2,3
Югославия							3,4	4,5	5,9	7,2	7,7	11,5	12,5

* Данные не всегда за полное пятилетие; в большинстве стран данные только о безработных членах профсоюзов.
 Источники: Mitchell B.R. European Historical Statistics. P. 174ff.; United Nations. Statistical Yearbook. 1951. P. 80f.; 1954. P. 58f.; 1979/80. P. 93; Statistisches Jahrbuch für das Reich. 1923. S. 67*; 1924/25. S. 120*; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1985. S. 658; Eurostat Revue. 1971—1980. P. 129; OECD. Labour Force Statistics. 1968. P. 88ff.; 1962—1982. P. 246ff.; OECD. Manpower Statistics. 1954—1964. P. 79ff.; OECD. Economic Outlook. Historical Statistics. 1960—1980. P. 37; ILO. Yearbook of Labour. 1985. P. 491ff.; Stiefe D. Arbeitslosigkeit. Soziale, politische und wirtschaftliche Auswirkungen — am Beispiel Österreichs. 1918—1938. Berlin, 1979. S. 29.

да как в соседних странах фиксировалась полная занятость. В 80-х гг. всех опередила Испания, где безработица выросла драматически (может быть, ее стали лучше регистрировать); другие страны, такие, как Великобритания или Нидерланды, должны были констатировать уровень безработицы в пределах 12—13%, аналогичный тем государствам, где долго сохранялся структурный кризис занятости.

В некоторых странах, несмотря на высокую безработицу, имелся дефицит квалифицированной рабочей силы, как это было на заре индустриализации, что свидетельствует о неправильном распределении ресурсов. Рабочие не получают профессионального образования, либо структурные изменения замечены несвоевременно, тормозятся политически, а предприятия и рабочая сила вовремя на них не реагируют. Сложившееся положение может быть, с другой стороны, признаком снижения пространственной мобильности рабочей силы, свойственного обществу потребления, в котором безработные социально защищены и не страдают, как в межвоенное время, от голода и холода. В том числе и поэтому однозначный вывод о росте или снижении благосостояния и о динамике конъюнктуры на основании одних только цифровых данных нельзя делать.

Сельское хозяйство

В XX столетии сельское хозяйство утратило то главенствующее положение в экономике Европы, которое оно занимало вплоть до XIX в. К 1913 г. почти половина всех европейцев жили, по-видимому, доходами от сельского хозяйства (цифры недостаточно точны, так как статистика сельского населения России неудовлетворительна). В 1970 г. таковые составляли около четверти, а к началу 80-х гг. — 10%. Но региональные различия все еще заметны: примерно 3% занятых в аграрном секторе Великобритании в 1980 г. противостоят почти 61% занятых в Албании. В Болгарии, Греции, Югославии и Польше их оставалось более 30%, в странах Бенилюкса и ФРГ — около 5%.

В абсолютном выражении количество занятых в сельском хозяйстве в начале XX в. в большинстве европейских стран воз-

растало, в межвоенный период снизилось в Западной и Центральной, после второй мировой войны — в Восточной и Южной Европе. В Дании, Финляндии, Норвегии и Нидерландах возросла численность занятых в первом секторе экономики, но не их удельный вес, который ненамного вырос к началу мирового экономического кризиса и рос во время второй мировой войны, тогда как в Италии число занятых в аграрной сфере упало уже в 20-е гг. и временно возросло в 30-е гг. только вследствие политики автаркии, проводимой фашистским правительством. Для Скандинавских стран и Голландии нужно говорить не о запоздалой модернизации, характерной для Востока и Юго-Востока континента, а об увенчавшихся успехом стремлениях (прежде всего Дании) укрепить и без того эффективное сельское хозяйство вопреки противодействующим обстоятельствам.

В некоторых из этих стран, а также в Восточной Европе, увеличивалась площадь обрабатываемых земель или же вследствие переориентации сельскохозяйственного производства повышалась интенсивность их использования. В большинстве западноевропейских государств, напротив, площадь сельхозугодий осталась прежней или даже значительно уменьшилась. Так, в Бельгии в 1913—1939 гг. выросла только площадь земель, занятых посевами сахарной свеклы и временно — картофелем, а зерновыми культурами — сократилась. Наиболее ясно данная тенденция прослеживается в Великобритании, где сахарную свеклу вообще начали возделывать только в межвоенный период. Во Франции наблюдался застой в росте посевных площадей, за исключением тех, что были заняты сахарной свеклой. В Италии кампания «битвы за пшеницу», проводимая фашистским правительством и включавшая в себя осушения Понтийских болот, привела к расширению посевных площадей под пшеницей примерно на 0,5 млн га. В Дании, Германии, Швейцарии и Швеции, а также в Португалии и Испании стали возделывать меньше ржи и больше пшеницы, но в целом посевные площади существенно не изменились. В целом же по Европе возделываемые площади в межвоенное время увеличились, так как в одном СССР посевы пшеницы удвоились (с 20 млн до 40 млн га).

С 1945 г. в Европе площади обрабатываемых земель после некоторого роста непосредственно после войны начали постепен-

но сокращаться, причем в бывших дотоле сельскохозяйственными странами, например в Болгарии, ощутиее, чем в странах, давно вступивших на путь индустриализации, таких, как Бельгия. Как и прежде, существенную роль играла смена посевных культур без значительного расширения посевных площадей. Так, в Чехословакии в послевоенное время отчетливо проявилась общая тенденция возделывания пшеницы вместо ржи. Лишь в Польше площадь посевов ржи возросла после войны, но с 1971 г. она и здесь несколько сократилась.

Площади занятых картофелем земель после войны почти повсюду в Европе значительно уменьшились. Только в Польше, Югославии, Румынии и Португалии они выросли, а в СССР и Болгарии оставались примерно на прежнем уровне до начала 70-х гг. С этого времени они начали постепенно сокращаться и в этих более бедных странах Европы, что является признаком роста уровня жизни, так как картофель с момента появления в Европе в конце XVII в. был основным продуктом питания беднейших слоев. Примечательно, что Ирландия, где в XIX в. картофель играл особую роль в рационе питания, уже в период между войнами отводила под него все меньшие площади. При этом, конечно, следует учитывать, что урожайность картофеля возросла в Европе особенно быстро и таким образом валовый сбор сократился в меньшей степени, чем посевные площади.

Урожайность сахарной свеклы, напротив, в межвоенное и послевоенное время росла не столь быстро, как в XIX в., поэтому почти во всех странах Европы площади занятых ею посевов значительно возросли. В целом в одном из наиболее плотно населенных регионов земного шара вопреки росту населения, урбанизации и повсеместному расширению сети коммуникаций площади используемых в сельском хозяйстве земель сохранили удивительную стабильность; если в некоторых наиболее населенных регионах Европы они и сокращались, то это сокращение не следует объяснять исключительно необходимостью освободить пространство для строительства жилья, фабрик и дорог. Причина заключается также в аграрном перепроизводстве, заставлявшем держать под паром или засаживать лесом наименее плодородные земли. Только в Румынии и Болгарии с 1950 г. площади лесов несколько сократились, в остальной же

Европе они увеличились, в Ирландии, Португалии и Испании, трех самых бедных лесами странах, в особенности. Площади земель, постоянно находящихся под посевами, расширились в некоторых восточноевропейских странах, в т.ч. и в СССР; на Западе они увеличились только в Ирландии; в Скандинавских странах и в Центральной Европе сократились.

Урожай в сельском хозяйстве все еще колебались от года к году, в Восточной Европе иногда значительно, сохраняя зависимость от погодных условий. Однако средние показатели за пять или десять лет свободны от ежегодных искажений и поэтому отражают тенденцию достаточно отчетливо. Производство зерна, т.е. суммарный урожай пшеницы, ржи, овса, ячменя и кукурузы, возрастало почти во всех странах Европы, как на Востоке, так и на Западе, до 70-х гг. Исключение в межвоенное время составила Великобритания, где сбор зерна с середины 20-х до середины 30-х гг. снизился. Но во второй половине 30-х гг. и после второй мировой войны он так поднялся, что в 1970—1979 гг. в три раза превысил уровень 1910—1914 гг. В Бельгии и Франции во второй половине 30-х гг. производство зерна падало (запоздалый отголосок мирового экономического кризиса), в Ирландии снижалось в первой половине 30-х гг. В большинстве стран Европы во время кризиса оно возрастало, так как сельскохозпроизводители в период падения цен пытались сохранить уровень дохода за счет повышения объема производства. Это стремление поддерживала государственная таможенная политика, которая повсюду, даже в Великобритании, имела целью обеспечить преимущество собственному сельскому хозяйству.

Напротив, в годы обеих мировых войн производство зерна значительно сокращалось, так как не хватало тяглового скота, тракторов, рабочей силы, удобрений, машин, был нарушен нормальный межгосударственный режим обмена кормов на продукцию животноводства, а в районе боевых действий, помимо сказанного, из-за прямых материальных разрушений и невозможности обрабатывать землю. Снижение объема сельхозпродукции во время первой мировой войны коснулось даже некоторых нейтральных стран, таких, как Дания и Голландия.

Из числа стран-участниц войн только Великобритания представляла исключение. Во время обеих мировых войн она смог-

Средние урожаи ржи, пшеницы, картофеля и сахарной свеклы за период 1920—1983 гг.* (в 1000 тонн)

Страна	Рожь										Пшеница									
	1920/ 1929	1930/ 1939	1940/ 1944	1945/ 1949	1950/ 1959	1960/ 1969	1970/ 1979	1980/ 1983	1920/ 1929	1930/ 1939	1940/ 1944	1945/ 1949	1950/ 1959	1960/ 1969	1970/ 1979	1980/ 1983				
Албания	(3)	3			11	7	9	9	(31)	42	37	(48)	105	133	337	524				
Австрия	430	554	321	278	392	391	382	350	254	380	308	254	491	816	998	1219				
Бельгия	529	454	313	195	211	109	59	35	372	420	454	348	639	781	893	996				
Болгария	169	226	137	138	187	52	21	32	1001	1591	1278	1276	2112	2501	3237	4201				
Венгрия	691	724	597	539	550	265	155	128	1803	2243	2001	1270	1926	2412	4407	5313				
Великобритания		10		42	37	18	20	24	1548	1544	2603	2108	2571	3485	5324	9594				
Германия	7341	8480	6953						3297	5277	4026									
ФРГ				2694	3526	3089	2509	1766				1887	3390	5055	7144	8525				
ГДР				1808	2433	1784	1718	1981				836	1267	1614	2801	3062				
Греция	32	55	382	41	48	17	7	7	294	650	171	237	288	471	577	1068				
Дания	310	250		329	296	287	202	241	257	343	455	431	385	343	250	316				
Ирландия		2		5	3	1	1	1	34	130	171	237	288	471	577	1068				
Испания	650	502	451	435	496	367	245	230	3859	3768	3159	3177	4180	4578	4435	4500				
Италия	155	152	136	104	116	84	41	32	5349	7122	6742	5649	8390	8925	9132	8849				
Нидерланды	402	458	520	376	455	289	103	30	166	368	349	300	349	630	702	944				
Норвегия	18	11	7	3	2	3	7	7	17	44	77	71	38	16	45	74				
Польша	5169	6581	6047	4780	6595	7712	6964	7468	1323	2062	1562	1151	2052	3424	5390	4505				
Португалия	121	109	104	139	183	171	140	124	284	406	381	386	650	539	504	366				
Прибалтийские страны	910	1138							198	478										
Румыния	246	392	73	64	181	84	50	43	2537	3324	1965	1588	3088	4514	5446	5799				
СССР	18680	22400	(21100)		15738	14290	11470	11303	15800	30556	(31800)	(13400)	50950	73660	94459	86796				
Финляндия	286	351	202	181	148	143	113	85	21	121	167	245	221	448	439	394				
Франция	947	783	382	480	486	360	325	345	7668	8036	5772	5990	9105	12851	17251	24166				
Чехословакия	1377	1688	1166	1103	972	831	592	612	1067	1493	1299	1256	1468	2157	4433	5034				
Швейцария	43	34	31	28	37	52	42	42	135	185	255	246	293	362	383	418				
Швеция	517	401	351	261	234	159	320	212	349	675	458	613	780	907	1322	1368				
Югославия	165	212	(211)	(260)	248	170	107	80	1805	2399	(1887)	2275	2343	4024	5111	5025				

Страна	Картофель						Сахарная свекла								
	2	2197	5	24	51	105	119	418	1124	739	288	73	105	153	302
Албания	1730	2753		3012	3236	1945	1178						1871	2274	2770
Австрия	2935	4456			1650	1316	1451		339	1587	1406	2249	3010	4953	6511
Прибалтийские страны	3078	3383		2054	401	370	400	1836	1555	302	299	785	1660	1803	1238
Бельгия	34	94	79	299	6858	6478	6525	187	191	3526	3993	5009	6386	6472	8096
Болгария	4983	5006	9867	7437	1958	1611	1491	771	2998	885	973	2020	3252	3361	4708
Великобритания	1734	1939	1586	2088				1150	994						
Венгрия	38607	49640	46678					9948	12349	15454					
Германия															
ФРГ			19612	24892	21102	12743	7566				3752	8493	12014	16965	20684
ГДР			10207	13553	12351	10723	8994				3910	5929	5986	6649	7168
Греция	43	119	275	444	516	838	906						567	1997	2397
Дания	1085	1248	1708	1860	1146	814	999	950	1380	1532	1624	2354	2116	2712	3123
Ирландия	2307	2590	3003	2518	1774	1234	922	(128)	358	603	583	695	904	1251	1415
Испания	3202	4420	3326	4010	4537	5459	5382	1556	1971	1190	1439	2661	3926	6478	8267
Италия	2691	2832	2794	3195	3887	3065	2813	2564	2883	3886	2395	7073	9376	11075	13052
Нидерланды	2580	2504	3756	3766	4175	5701	6097	2109	1654	1611	1713	2835	4045	5609	6635
Норвегия	804	882	1175	1135	1012	625	504								
Польша	25377	32803	37076	32869	44738	33844	3189	2860	7472	3791	6747	12270	14259	14362	
Португалия	241	585	773	1114	1060	1133	1041				(41)	49	96	93	62
Румыния	1706	1930	1266	2477	2833	3702	4922	776	593	575	508	1640	3365	5242	5617
СССР	34940	51822	43340	79290	86990	89153	75087	5090	14560	5520	10480	31110	68020	82137	73468
Финляндия	654	1183	934	1305	1069	763	655	25	74	48	106	253	414	599	823
Франция	12916	15534	7650	13504	12001	7257	6294	5288	9110	5800	7206	11287	15209	22862	28995
Чехословакия	7305	9086	7035	8067	5686	4334	3288	6456	4611	4491	3713	5685	7156	6980	7120
Швейцария	686	700	1355	1169	1127	889	893	41	66	149	187	230	321	533	811
Швеция	1699	1844	1962	1583	1489	1187	1073	930	1682	1822	1732	1820	1745	1969	2250
Югославия	1062	1498	(1910)	2097	2918	2870	2608	587	616	(783)	1272	1447	2827	4219	5702

*Цифры в скобках рассчитаны по данным за менее чем половину указанного периода.

Источники: Mitchell B.R. European Historical Statistics. P.264ff.; FAO. Yearbook of Food and Agricultural Statistics: Productoin (далее — Production Yearbook). 1950—1983; Statistisches Jahrbuch für das Reich. 1919.S. 12*; 1934.S.38*f.; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1952—1985. Internationale Übersichten; United Nations. Statistical Yearbook. 1949/50. 1960. 1976. 1977. 1978. 1981. 1982; Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. 1960/61. 1964. 1967. 1973. 1980. 1982. 1985. Internationale Übersichten und Länder des RGW.

ла значительно увеличить производство зерновых (в период первой мировой войны — на 31%, второй — на 70%). В мировой системе разделения труда Великобритания ориентировала сельское хозяйство преимущественно на развитие животноводства, в мирное время не используя собственные земельные площади, так как импорт продуктов стоил значительно дешевле. В годы войны она сумела переориентировать производство от животноводства к земледелию, чтобы производить основные продукты питания внутри страны, распахав многочисленные пустоши, в том числе и парковые ландшафты. Предпосылкой успеха служило высокопроизводительное сельскохозяйственное машиностроение, которое и в военное время смогло изготавливать достаточно машин и орудий, а также эффективная военно-экономическая политика. Ни одна другая страна Европы не была в состоянии сделать нечто подобное во время первой мировой войны.

Однако в годы второй мировой войны Швейцария и Ирландия сумели продемонстрировать аналогичное «аграрное чудо». Напротив, Португалия, Швеция и Испания, хотя и соблюдали нейтралитет, были вынуждены нести такие же потери аграрного производства, как и пострадавшие от войны страны (табл. 37).

Иначе сложилась ситуация с «хлебом бедняков» — картофелем. Его производство возросло уже во время первой мировой войны как в участвовавших в войне, так и в большинстве нейтральных стран, в период второй мировой войны даже в той части Польши, которая временно была аннексирована Германией, но значительно всего опять-таки в Великобритании и Швейцарии. В сравнении со средними данными за пятилетие в Великобритании наблюдался рост на 81%, в Швейцарии — на 96%. Аналогичным образом развивалось в военные годы производство сахарной свеклы.

Помимо вызванного войной сокращения посевных площадей, важнейшей причиной долгосрочного повышения производительности европейского сельского хозяйства являлся рост продуктивности на единицу площади, достигнутый за счет мелиорации, орошения, удобрений, механизации, селекции и борьбы с вредителями, которому способствовала аграрная политика, зачастую имевшая тенденцию к автаркии или по меньшей мере предусматривавшая особые меры защиты собственного сельского хозяйства.

Уже в XIX в. Европа, лидерами которой являлись Дания, Голландия, Великобритания и Швейцария, имела наивысшую урожайность зерновых с гектара в мире. На ограниченном пространстве вели интенсивное хозяйство, что являлось полной противоположностью странам, имевшим обширные территории, таким, как США, Аргентина, Россия, Австралия или Канада. В межвоенный период эта тенденция сохранилась, отрыв «маленьких гигантов» Европы несколько увеличился. Но после второй мировой войны интенсивность сельского хозяйства выросла во Франции и Бельгии, ФРГ и Австрии, а затем и в остальных странах Европы, достигших уровня, который большинству современников казался фантастическим. В Западной Европе урожайность пшеницы с гектара в начале 80-х гг. была примерно в два раза выше, чем тридцатью годами ранее, в Восточной и Юго-Восточной Европе она утроилась. Только Португалия не участвовала в этом «чуде производительности». Участие СССР было крайне незначительным. Лидировали по-прежнему Нидерланды, Великобритания и Дания, урожайность сельского хозяйства Португалии составляла только одну шестую часть от уровня голландской, СССР — менее одной четверти.

По остальным земледельческим культурам наблюдаем схожую картину. Наивысшей урожайности ржи и картофеля достигла Швейцария; замыкают список на Западе Португалия, на Востоке — Албания (*табл. 38*).

В виноградарстве Европы, важнейшего винодельческого района мира, изменения происходили главным образом после обеих мировых войн. В некоторых традиционных крупных районах виноделия Средиземноморья площади виноградников все-таки сократились, в Италии уже с 30-х гг., во Франции — с 50-х. В Италии в начале 80-х гг. они составляли меньше уровня кануна первой мировой войны или конца 20-х гг. Во Франции по сравнению со средним показателем межвоенных и первых послевоенных лет виноградники сократились на одну пятую. Увеличились они в Португалии и Испании, в большей степени в центральноевропейских странах (ФРГ, Австрии и Чехословакии), еще значительно в странах Юго-Восточной Европы (Болгарии и Румынии), но ощутимее всего в СССР. Урожаи почти повсюду значительно выросли, особенно после второй мировой

Урожайность с гектара пшеницы, ржи, картофеля и сахарной свеклы в Европе, в среднем за 1920—1982 гг.* (в центнерах)

Страна	Пшеница		Рожь		Картофель		Сахарная свекла		
	1920/ 1922	1950/ 1982	1920/ 1922	1950/ 1982	1920/ 1922	1950/ 1982	1920/ 1922	1950/ 1982	
Албания				(7)		(72)		(45)	332
Австрия	11	19	10	16	66	139	152	256	541
Бельгия	23	33	22	27	164	253	268	353	559
Болгария	12	13	12	11	49	62	137	100	252
Венгрия	11	15	9	13	59	67	169	134	397
Великобритания	20	27		21	144	198		281	397
Германия	17		13		121		234		
ФРГ		27		23		223		332	526
ГДР		29		21		172		273	290
Греция	7	10	8	8	36	109			574
Дания	29	37	15	23	153	192	236	348	426
Ирландия	(22)	23		17	99	216		247	417
Испания	9	9	10	8	89	100	277	202	364
Италия	10	16	13	13	46	68	295	276	472
Нидерланды	29	36	20	27	165	255	235	400	543
Норвегия	17	19	18	13	158	189			

Польша	10	12	29	10	13	23	114	116	150	194	189	288
Португалия	6	8	11	5	7	6	76	128	87		(315)	
Румыния	10	10	28	9	10	12	73	84	148	155	112	225
СССР	6	(8)	15	6	(8)	12	107	(104)	105	53	192	196
Финляндия	9	15	27	10	16	20	59	152	154	115	190	244
Франция	14	18	51	11	11	30	75	123	305	220	272	528
Чехословакия	15	20	43	13	18	32	94	117	168	221	234	344
Швейцария	19	27	47	20	24	45	152	197	389	344	367	567
Швеция	20	20	47	17	20	36	122	134	274	270	328	456
Югославия	10	11	33	10	9	15	50	54	91	132	176	412

* Цифры в скобках относятся только к одному году.

Источники: Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1921/22. S. 33*; 1923. S. 13*f.; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1952. 1953. 1954. 1982—1984; Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. 1985. Internationale Übersichten; FAO. Yearbook of Food and Agricultural Statistics: Production. 1952—1953; FAO. Production Yearbook. 1982—1983; Mitchell B.R. European Historical Statistics. P.220, 264ff.

войны. По площади земель, занятых виноградниками, лидирует Испания, ненамного опережая СССР, Италию и Францию; по урожайности впереди Франция, вплотную за ней Италия, далее с солидным отставанием следуют СССР и Испания.

Единственным значительным производителем хлопка в Европе являлся СССР, значительно расширивший посевные площади этой культуры. В начале 80-х гг. здесь собирали свыше 9 млн тонн очищенного хлопка в год против 1,4 млн тонн в среднем за 50-е и 0,5 млн тонн в 30-е гг. По урожайности СССР в середине 70-х гг. занимал второе место в мире после Гватемалы, опережая Египет и США. Далее следовала Греция, где ежегодный сбор хлопка вырос с 100 тыс. тонн в год в начале 50-х гг. до более чем 300 тыс. тонн в 70-х—начале 80-х гг. В Испании производство хлопка возросло с менее чем 100 тыс. тонн в год в начале 50-х гг. до более чем 300 тыс. тонн в год в 1961—1962 гг., но затем вновь упало почти вдвое.

СССР являлся также крупнейшим производителем табака в Европе. Сбор табака, составляющий около 270 тыс. тонн, почти в два раза превышал уровень двух других крупнейших европейских производителей, Болгарии и Италии, и более чем в два раза опережал четвертого ведущего производителя табака в Европе, Грецию, которая еще в 20—30-е гг. значительно превосходила Болгарию и Италию.

Про производству маслин и цитрусовых в Европе лидируют Италия и Испания. Урожай имеет значительные годовые колебания, но, если сравнивать средние за десять лет показатели, после 1945 г. он лишь немного вырос по отношению к межвоенному периоду. Поэтому его относительное значение для стран Средиземноморья снизилось.

Интенсификация европейского сельского хозяйства в XX в. была бы невозможна без его «индустриализации», т.е. без применения искусственных удобрений, инсектицидов и машин. Применение минеральных удобрений уже в XIX—начале XX в. позволило Нидерландам и Бельгии опередить Германию. В годы первой мировой войны во многих странах Европы оно сократилось, последствия этого сокращения отразила статистика производства земледелия. В 20—30-е гг. употребление минеральных удобрений росло умеренно, причем большее распро-

странение они получили в Восточной и Южной Европе. Во время второй мировой войны, насколько можно судить по имеющимся неполным данным, наступил спад. Но затем удобрения вновь стали широко применяться, прежде всего в Западной Европе, особенно в Ирландии, и — с отставанием примерно в десять лет — в Восточной Европе. Как и прежде, сельское хозяйство Северо-Запада континента является крупнейшим потребителем минеральных удобрений. Но и другие страны подтягиваются к этому уровню. Только Румыния, СССР, Португалия и Испания в 1980 г. вносили менее 100 кг удобрений на гектар пашни (табл. 39). По абсолютным же показателям СССР, обладающий громадными посевными площадями, со значительным отрывом от следующей за ним Франции опережал всех потребителей минеральных удобрений в сельском хозяйстве.

Из видов сельскохозяйственной техники перед первой мировой войной в Европе были известны, помимо древних орудий типа, плуга или бороны, также косилки, часто даже со сноповязалками, молотилки, большей частью приводимые в движение не паросиловой установкой, а электродвигателем, сепараторы для изготовления масла, а также соломорезки для приготовления кормов. После первой мировой войны начал свое победное шествие трактор, после второй мировой войны — комбайн. Тракторы в небольших количествах применялись уже во время первой мировой войны, а комбайны — во время второй. Долгое время в Европе считали, что комбайны подходят только для сухого и стабильного климата, подобного климату Калифорнии. Но испытания показали, что их можно с большим успехом применять и в местностях, где во время страды нередки дожди, так как они позволяют собрать урожай гораздо быстрее, чем традиционными способами.

После второй мировой войны из чисто тяглового орудия трактор превратился в многофункциональную технику, которая используется для приведения в движение самых различных приспособлений. Если на Востоке как тракторы, так и комбайны внедрялись прежде всего как крупная техника, колоннами используемая в обширных коллективных хозяйствах, то западноевропейская промышленность производила множество мелких и средних машин для крестьянских хозяйств. Поскольку

Употребление минеральных удобрений на гектар пашни*. 1938—1980 гг. (в кг)

Страна	1938	1950	1980
Албания		(16)	118
Австрия	13	48	249
Бельгия	220	259	510
Болгария		(34)	199
Венгрия	2	2	262
Германия	104		
ФРГ		170	471
ГДР		124	325
Греция	9	15	134
Дания	60	95	236
Ирландия	34	61	618
Испания	8	11	81
Италия	31	29	170
Нидерланды	324	417	789
Норвегия	56	131	319
Польша		11	235
Португалия	14	28	77
Румыния	0,1**	0,2***	25
СССР	2***	(11)	81
Чехословакия	17	23	335
Финляндия	20	44	204
Франция	41	50	301
Швеция	37	61	162
Швейцария	46	110	458
Югославия	1	2	105
Великобритания	60	112	294

* Азотные, фосфорные и калийные удобрения; в скобки заключены данные за 1960 г. В отличие от обычных расчетов употребление удобрений сравнивается не с общими площадями сельскохозяйственного назначения (включая луга), а только с площадью пашни.

** Фосфорные и калийные удобрения.

*** Фосфорные удобрения.

Источники: FAO. Yearbook of Food and Agricultural Statistics: Production. 1951. P. 173ff.; 1952. P. 185ff.; 1953. P. 189ff.; United Nations. Statistical Yearbook. 1954. 1960. 1962. 1968. 1982; Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. 1985. S. 67.

западноевропейские крестьяне, в отличие от североевропейских, были менее склонны к совместному кооперативному пользованию техникой, но придавали большое значение наличию собственного машинного парка, постольку во Франции, странах Бенилюкса, Италии, ФРГ, Австрии и Швейцарии в сельском хозяйстве возникло «перенакопление капитала» в смысле уровня обеспеченности сельскохозяйственными машинами.

Насыщение машинами в расчете на гектар здесь во много раз выше, чем в Восточной Европе. По абсолютному показателю первенствует СССР, имевший к 1980 г. почти 2,6 млн тракторов. Аналогично выглядит картина с комбайнами, по количеству которых он значительно опережает ФРГ и Францию (табл. 40). Но в расчете на гектар пашни лидируют малые западноевропейские страны (Нидерланды, Бельгия и Швейцария). Северные страны также имеют большой парк тракторов и комбайнов.

Животноводство, на развитии которого специализировались уже в XIX в. датские, голландские и британские сельские хозяйства, во время первой мировой войны испытало временный спад,

Таблица 40

Парк тракторов и комбайнов в Европе. 1950—1980 гг. (в 1000)

Страна	Тракторы				Комбайны		
	1950	1950	1970	1980	1960	1970	1980
Албания		8,5	6,0	10,5	0,3	0,9	1,5
Австрия	13,9	118,4	249,0	320,1	15,9	28,3	31,7
Бельгия	9,7	44,2	99,0	115,9	2,8	10,1	9,5
Болгария	6,0	40,3	53,6	62,0	7,0	9,3	9,7
Венгрия	13,3	41,0	67,9	55,5	4,2	11,8	14,1
ГДР	31,0	70,6	148,9	144,5	6,4	17,9	13,6
Греция	5,0	21,3	61,9	140,3	1,9	4,2	6,1
Дания	17,9	111,3	174,6	189,4	8,9	42,3	38,8
Ирландия	12,9	43,7	84,3	140,0	4,3	6,3	4,5
Италия	56,9	249,0	614,7	1072,2	4,4	18,4	35,2
Нидерланды	18,4	82,1	135,3	178,0	3,0	7,5	6,0
Норвегия	11,0	49,5	90,0	130,7	5,5	11,2	16,3
Польша	16,0	62,0	224,5	619,4	3,1	14,0	39,3
Португалия	5,0	9,6	28,2	71,9	0,4	2,5	4,5
Румыния	10,7	44,2	107,3	146,6	17,6	49,8	44,1
СССР	430,0	1122,0	1977,0	2562,0	497,2	622,6	722,0
Испания	16,0	56,8	259,8	523,9	5,0	31,6	41,6
Чехословакия	29,0	94,3	136,0	136,7	6,3	16,4	17,8
Финляндия	12,3	78,3	155,0	212,0	7,0	29,6	45,0
Франция	138,7	680,4	1230,2	1503,7	50,1	133,3	142,4
ФРГ	139,6	856,7	1370,9	1463,1	58,0	170,8	165,0
Швейцария	17,5	48,9	73,0	94,7	0,6	4,5	5,2
Швеция	68,5	149,0	181,5	181,0	25,1	43,4	51,0
Югославия	8,0	35,8	80,0	415,7	4,9	11,8	8,9
Великобритания	325,0	427,4	446,8	512,5	52,0	66,3	57,4

Источники: United Nations. Statistical Yearbook. 1968. P. 114f.; 1969. P. 94; 1978. P. 102ff.; 1982. P. 553ff.; FAO. Yearbook of Food and Agricultural Statistics: Production. 1952. P. 192.

Поголовье скота в странах Европы. 1920—1980 гг. (в 1000)

Страна	Крупный рогатый скот				Свиньи				Овцы			
	1920	1939	1950	1980	1920	1939	1950	1980	1920	1939	1950	1980
Албания		391	419	600		15	47	174		1574	1707	1200
Австрия	2190	2620	2281	2548	1247	2830	2523	4004	450	317	362	195
Бельгия	1487	1600	2020	3111	977	856	1234	5067		153	116	115
Болгария	1877	1449	1625	1787	1090	752	1058	3830	8923	9413	7820	10536
Великобритания	7669	8872	10620	13426	2568	4394	2986	7815	20547	26888	20431	31446
Венгрия	1896	1882	2222	1925	2458	3110	5542	8355	1814	1629	1049	2927
Германия	16807	19948			14179	25240			6150	4852		
ФРГ			11149	15050			11890	22374			1643	1145
ГДР			3615	5596			5705	12132			1085	1979
Греция	659	1103	815	930	416	358	582	1043	5811	7795	6905	7974
Дания	2504	3326	3053	2961	1116	3183	3235	9957	540	147	59	56
Ирландия	4375	4057	4322	6909	938	931	645	1031	2794	3048	2385	3292
Испания	3718	3739	4234	4495	5152	6942	5709	10715	20522	21779	25954	14180
Италия	6193	7892	8350	8719	2379	3303	4055	8807	11744	9875	10295	9110
Нидерланды	2063	2817	2726	5226	1519	1553	1864	10138	668	690	390	858
Норвегия	1046	1455	1237	985	207	362	422	664	1400	1744	1812	1992

Польша	8063	10554	7200	12649	5287	7525	9350	21326	2193	3411	2199	4207
Португалия	768	832	895	1110	1117	1139	1419	3300	3684	3890	3593	5210
Прибалтийские страны	2060	3082			2085	2451			2581	3390		
Румыния	4730	4254	4309	6285	2514	2926	2211	10899	8690	12851	9834	15820
СССР	45900	53500	58100	115100	16300	25200	22200	73898	77300	69900	77600	143590
Финляндия	1824	1938	1782	1753	374	519	446	1451	1704	1000	1220	106
Франция	13217	14189	15801	23919	4942	6380	6824	11446	9406	8948	7511	11911
Чехословакия	4377	4728	4303	4915	2053	3123	3802	7588	986	519	596	875
Швейцария	1382	1711	1530	2031	546	880	908	2205	241	198	170	354
Швеция	2551	2976	2648	1935	717	1316	1263	2714	1564	373	279	392
Югославия	4951	4225	5248	5436	3350	3504	4295	7502	7002	10154	10046	7354
Всего	142307	163140	161785	249401	73531	108792	100215	248435	196714	204538	195061	276824
без СССР	96407	109640	103685	134301	57231	83592	78015	174537	119414	134638	117461	133234

Источники: Mitchell B.R. European Historical Statistics. P.316; United Nations. Statistical Yearbook. 1982. P.538ff.; FAO. Yearbook of Food and Agricultural Statistics: Production. 1951. P.115ff.; 1953. P.123ff.; Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. 1965. S. 68ff.; 1985. S. 87ff.

коснувшийся и нейтральных стран. Сокращение поголовья скота было разным: особенно сильно сократилось количество свиней (на 75% в Дании и более чем на 50% в Голландии). Крупный рогатый скот уцелел в большей степени. В Великобритании нужды военного времени вынудили расширить посевные площади для производства основных продуктов питания и сократить пастбища. Но это почти не сказалось на поголовье скота: с помощью стойлового содержания удалось поголовье овец и лошадей сохранить почти полностью, а поголовье крупного рогатого скота несколько выросло. В Великобритании сократилась лишь численность свиней. Более всего война ударила по животноводству опустошенных районов Северной Франции и Бельгии. Здесь имели место многочисленные случаи вынужденного забоя скота. В 1918 г. в Бельгии лошадей оказалось на 39% меньше, чем в 1913 г., крупного рогатого скота — на 30%, свиней — на 45%. Германия пострадала не столь ощутимо. Но количество свиней и здесь упало более чем вдвое. Война обошла стороной Южную Европу: Италия могла сожалеть только о небольших потерях скота; в Испании и Греции поголовье скота возросло, порой существенно.

В межвоенный период животноводство в Европе развивалось весьма неравномерно (*табл. 41*). Дания сохранила возникшую в XIX в. тенденцию к разведению крупного рогатого скота и свиней и достигла значительного прироста: по крупному рогатому скоту в период 1920—1939 гг. — на треть, по свиньям — на 185%. В Нидерландах заметно выросло только поголовье крупного рогатого скота (на 36,5%). Той же была ситуация в Швейцарии. Британское животноводство продолжило довоенный рост удивительным образом. В то время как ученые-экономисты были сосредоточены на анализе промышленного застоя, сельское хозяйство старейшей индустриальной страны модернизировалось и развивалось такими темпами, которых остальная Европа (за исключением Дании) смогла достичь только после второй мировой войны. Поголовье крупного рогатого скота возросло на 21%, поголовье свиней к 1936 г. почти удвоилось. На новых круглогодичных пастбищах стада овец увеличились почти на треть. Птицеводство пережило заметный подъем, с середины 20-х гг. его производство выросло почти на треть.

В межвоенный период, однако, Великобританию по развитию животноводства обошли два из трех малых балтийских государств, быстро развивших сельское хозяйство после обретения независимости. Эстония и Латвия с конца 20-х до конца 30-х гг. удвоили поголовье птицы, поголовье свиней в период 1920—1939 гг. возросло в Эстонии почти на две трети, в Латвии — на 85%. Численность лошадей в Литве возросла более чем на треть, а крупного рогатого скота — на 40%. Примерно в таком же масштабе возросло поголовье скота в Польше. СССР, напротив, после временного подъема в период нэпа, в ходе коллективизации неподдающимся воображению образом разрушил свое сельское хозяйство.

Во время второй мировой войны поголовье скота на большей части Европы вновь резко сократилось, особенно в пострадавших от военных действий областях, которые находились главным образом на Востоке континента. СССР в 1941—1944 гг. потерял 38% поголовья крупного рогатого скота, почти две трети лошадей и четыре пятых свиней. Потери Польши и Югославии статистически не учтены, но в обеих странах животноводство находилось после войны на значительно более низком уровне, чем в конце войны. На Западе более других пострадало свиноводство; в Дании, Франции, Голландии, Норвегии и Великобритании поголовье сократилось наполовину, в Ирландии — почти на две трети, в Германии и Швейцарии — напротив, лишь на одну треть.

В послевоенный период птицеводство и свиноводство, а в некоторых странах и разведение крупного рогатого скота вступило в полосу быстрого и длительного подъема благодаря аграрным субсидиям, которые предоставлялись не только странам Европейского сообщества, но и Швейцарии и Швеции. Благодаря достигнутому росту убойного веса, удойности коров и яйценоскости кур западноевропейское сельское хозяйство смогло не только обеспечить потребности населения Европы, но и начало производить все больше избыточного продукта, не находившего сбыта в Западной Европе. В Восточной Европе периодически возникали кризисы в снабжении продуктами питания, такими, как молоко, мясо или яйца, и это при том, что в большинстве стран в настоящее время сельскохозяйственное производство на-

ходится на более высоком уровне, нежели в начале послевоенного периода.

Особенно заметен прирост производства в странах, изначально находившихся в положении аутсайдеров. За период с начала 50-х до середины 70-х гг., например, производство молока в Болгарии увеличилось более чем в пять раз, тогда как в Дании и Швеции имело место тенденция к его стагнации. Но ряд стран Западной Европы также сохранил значительные темпы роста. Это Франция, Италия, Ирландия и Нидерланды и в первую очередь Испания, где производство молока к началу 80-х гг. было в три раза выше, чем в 50-х гг. (*табл. 42*).

Аналогичная ситуация сложилась и в производстве масла: Дания, Швеция и Швейцария в 50-х гг. его ограничивали, Франция, Германия, Ирландия и Нидерланды — удвоили объем производства. Наибольшего роста достигли некоторые страны восточного блока, где потребность в этом продукте полностью удовлетворена не была. В потреблении мяса Западная Европа не достигла естественного предела, производство мяса поэтому продолжало расти почти во всех странах. Исключение составляют две страны восточного блока — Польша и СССР (*табл. 43*).

Рыбу в рационе питания с давних пор использовали в отдельных европейских регионах по-разному. Значение рыболовства в разных странах не было одинаково. В целом в Европе оно снизилось, хотя до недавнего времени улов рыбы возрастал (*табл. 44*). По абсолютным показателям крупнейшей рыболовной державой Европы является СССР, который располагает крупнейшим рыболовецким флотом. В расчете на душу населения лидируют небольшие Скандинавские страны, Норвегия и Дания.

СССР, разумеется, является и крупнейшим производителем древесины в Европе. На протяжении веков древесина служила важнейшим продуктом экспорта России и остается им до сих пор. Второе и третье место в соответствии с природными предпосылками занимают Швеция и Финляндия. Страны Центральной, Южной и Юго-Восточной Европы (Франция, Испания, Балканские страны) также имеют обширные лесные угодья; наиболее бедны лесами Британские острова и Нидерланды.

Производство коровьего молока в Европе в среднем за 1920—1983 гг.*
(в 1000 тонн)

Страна	1920/ 1929	1930/ 1939	1940/ 1944	1945/ 1949	1950/ 1959	1960/ 1969	1970/ 1979	1980/ 1983
Австрия		(2367)	1945	1461	2506	3111	3229	3608
Бельгия	(2914)	3045	2117	2071	3565	3850	3778	4087
Болгария		(541)	286	(113)	433	977	1447	1952
Великобритания		6332	7709	8813	10896	12848	14423	16454
Венгрия	(1490)		805	1577	1872	2028	2691	
Германия	(22071)	24404	23260					
ФРГ				9528	16641	20967	22078	25507
ГДР				2269	4755	6234	7812	8102
Греция		(145)		(109)	236	440	642	700
Дания	4103	5343	3881	4383	5252	5246	4902	5199
Ирландия	(2367)	2316	2223	2173	2457	3142	4273	5338
Испания		(1437)	(1701)		2006	2599	5113	6124
Италия		(5748)		4343	6438	9567	9660	10570
Нидерланды	3609	4942	4340	4105	5860	7257	9910	12471
Норвегия		1325	(1522)	1315	1562	1669	1825	1987
Польша		(9788)		3096	10423	13477	16265	15899
Португалия					213	361	653	797
Румыния					1865	3172	4025	3562
СССР	(26550)	23820	(33600)	30520	44910	70500	88996	91298
Финляндия	(2133)	2492	1677	1783	2940	3655	3209	3202
Франция	(13005)	14449	8884	10718	18331	26667	29459	34163
Чехословакия		(4375)	2465	2398	3543	4047	5347	6064
Швейцария	2650	2714	2337	2213	2762	3134	3363	3681
Швеция	(1990)	2506	2855	4489	4256	3624	3131	3595
Югославия		(2742)			1776	2384	3454	4524

* Цифры, взятые в скобки, относятся менее чем к половине указанного периода.

Источники: Mitchell B.R. European Historical Statistics. P.343ff.; FAO. Yearbook of Food and Agricultural Statistics: Production. 1950. P.158; 1953. P.162f.; FAO. Production Yearbook. 1983. P. 244f.; United Nations. Statistical Yearbook. 1949/50. 1960. 1965. 1971. 1976. 1979/80—1982.

Горнодобыча и промышленность

Горнодобывающая промышленность, особенно угледобыча, стала в XIX в. одной из ключевых отраслей в большинстве стран Европы (в Великобритании, Бельгии, Франции, Германии и России). Разработка современных месторождений руды в Европе, зачастую восходящая к кельтским и римским временам, сосредоточена в ряде старых районов горнодобычи, например добыча железной руды в Уэльсе или разработки олова, меди и

Производство мяса в Европе в среднем за 1920—1983 гг.* (в 1000 тонн)

Страна	1920/ 1929	1930/ 1939	1940/ 1944	1945/ 1949	1950/ 1959	1960/ 1969	1970/ 1979	1980/ 1983
Австрия		276		129	311	427	487	651
Бельгия	257	297	143	168	373	511	855	988
Болгария		45	35	24	199	283	402	520
Великобритания	1221	1283		867	1485	1942	2170	2274
Венгрия					169	409	818	1112
Германия	3151	3379						
ФРГ				920	2163	3021	3853	4716
ГДР				(419)	435	796	1422	1612
Греция		(73)		60	99	179	310	346
Дания		418	303	361	590	858	987	1239
Ирландия		156	165	146	188	312	489	561
Испания	189	161	70	77	432	651	1169	1648
Италия	800	630		431	648	1151	1885	2296
Нидерланды	411	429	258	186	432	779	1273	1639
Норвегия	85	94	(64)	78	109	133	162	182
Польша	582	687			1375	1696	2270	2108
Португалия	44	54	56	63	110	167	234	315
Румыния	209	212	118	(34)	(223)	341	1000	1258
СССР	5800	3390		3020	6360	10100	13318	12823
Финляндия	63	76		99	125	162	244	300
Франция	1310	1492	743	1360	2289	2871	3354	3860
Чехословакия	474	445	296	298	534	850	1101	1183
Швейцария	155	165	153	136	200	275	383	446
Швеция	139	189	201	257	321	375	428	485
Югославия					364	551	842	1147

* Цифры, взятые в скобки, относятся менее чем к половине указанного периода.

Источники: Mitchell B.R. European Historical Statistics. P.350f.; United Nations. Statistical Yearbook. 1976. P.223; 1978 P.232ff.; 1982. P.646ff.; FAO. Yearbook of Food and Agricultural Statistics: Production. 1950. P.150f.; FAO. Production Yearbook. 1983. P.91 ff.; Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1941/42. S. 440; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1960. S. 46*; 1961. S. 48*; Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. 1967. S. 27 u. 14*; 1973. S. 25.

свинца в Корнуэлле. Но в Швеции, Испании и в европейской части России возникли и новые промышленные центры. В ходе обеих войн их производство приобрело большое военное значение, а нейтральные страны, обладавшие данными ресурсами, в итоге «нажились» на войне. Угольные и железные бассейны стран, участвовавших в войне, вопреки местному падению производительности труда интенсивно использовались. Во время первой мировой войны, несмотря на привлечение дополнительной рабочей силы, производство падало и не только на оказав-

Улов рыбы в Европе в среднем за 1910—1983 гг.* (в 1000 тонн)

Страна	1910/ 1914	1915/ 1919	1920/ 1929	1930/ 1939	1940/ 1944	1945/ 1949	1950/ 1959	1960/ 1969	1970/ 1979	1980/ 1983
Бельгия	(13)		(33)	36	28	68	67	62	51	48
Болгария				(6)		4	(5)	29	118	117
Венгрия				(7)		3	8	35	30	40
Велико- британия**	1136	513	994	1017	178	1001	1053	996	1045	861
Германия	186	81	260	485	(158)					
ФРГ						374	728	648	464	314
ГДР						50	74	217	301	239
Греция				(25)		30	60	105	100	101
Дания	54	75	74	90	161	222	426	923	1633	1917
Ирландия			(22)	12	19	22	26	41	90	189
Исландия	80	113	238	353	428	448	504	855	1056	1146
Испания			(234)	328	451	575	716	1286	1463	1286
Италия	104	69	115	158	110	151	220	324	408	463
Нидерланды	83	75	142	223	82	261	310	342	324	446
Норвегия	596	580	676	935	788	1140	1752	2121	2945	2572
Польша			(3)	14		32	118	283	617	653
Португалия			(172)	199	219	281	409	521	392	258
Румыния				(30)		30	(21)	36	118	211
СССР				(1609)		1700	2288	4718	8763	9684
Фарерские острова			20	27		96	98	147	264	274
Финляндия	(16)	(17)	(19)	19	21	52	66	75	108	145
Франция	124	75	240	316	115	330	490	749	779	776
Швеция	(73)	64	80	108	120	178	212	321	222	258
Югославия				(11)		18	27	40	55	69

* Цифры, взятые в скобки, относятся менее чем к половине указанного периода.

** В 1939—1944 гг. — Англия и Уэльс, в 1945—1946 гг. — Великобритания.

Источники: Mitchell B.R. European Historical Statistics. P.354ff.; FAO. Yearbook of Fishery Statistics. 1950/51. 1952/53. 1983; United Nations. Statistical Yearbook. 1949/50—1982; Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1914. 1919. 1921/22—1924/25. 1938. 1941/42; Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. 1955. 1985.

шихся в зоне военных действий бельгийских или северофранцузских шахтах, но и в Германии и Великобритании. Оно росло только в нейтральных Голландии и Испании. В годы второй мировой войны некоторым из стран-участниц удалось повысить добычу угля (Германии, Италии, Болгарии, Румынии и Венгрии, т.е. союзникам Германии, а также СССР). Но в Великобритании, Бельгии, Нидерландах и Франции объем добычи угля снизился, тогда как не участвовавшая в войне Испания его удвоила.

Перед первой мировой войной крупнейшим производителем угля в Европе была Великобритания. В 20-е гг. лидерство перешло к Германии, если учитывать добычу бурого угля. До первой половины 40-х гг. отрыв Германии от остальных стран рос. В 50-х гг. крупнейшим производителем угля в Европе стал СССР. ФРГ, а вскоре и ГДР обогнали Великобританию. Польша как производитель угля в 70-е гг. вышла на второе место в Европе, другие страны восточного блока, такие, как Болгария, Югославия и Румыния, к началу 80-х гг. добывали угля значительно больше, чем Бельгия, страна традиционной угледобычи (табл. 45).

Таблица 45

Добыча бурого и каменного угля в Европе в среднем за 1915—1983 гг.*
(в млн тонн)

Страна	1915/ 1919	1920/ 1929	1930/ 1939	1940/ 1944	1945/ 1949	1950/ 1959	1960/ 1969	1970/ 1979	1980/ 1983
Австрия	(5,7)**	3,1	3,3	3,8	3,0	6,1	5,3	3,4	3,0
Бельгия	15,7	24,2	27,1	22,9	23,5	28,5	19,0	8,4	6,3
Болгария	0,6	1,2	1,8	3,3	4,1	9,4	23,4	26,7	30,9
Великобритания	247,0	233,9	228,5	208,7	201,6	223,4	184,9	127,0	125,4
Венгрия	(9,0)	6,9	7,9	11,6	8,4	20,3	28,8	26,1	25,7
Германия	244,1	277,4	308,4	421,0					
ФРГ					134,6	232,8	234,0	215,0	214,7
ГДР					113,8	187,8	248,6	252,5	269,7
Греция	0,1	0,1	0,1	0,3	0,1	0,7	4,3	16,7	26,8
Дания				1,6	2,3	1,5	1,9	0,1	
Испания	6,0	6,4	6,0	10,4	11,9	14,5	15,3	15,6	34,1
Италия	1,5	1,2	1,4	3,6	2,3	1,7	2,0	1,9	1,9
Нидерланды	3,7	7,6	12,9	12,0	9,6	12,3	10,1	2,6	
Норвегия	0,04	0,2	0,3	(0,2)	0,3	0,4	0,4	0,4	0,4
Польша		35,6	31,7	58,8	57,4	96,4	137,5	206,9	222,3
Португалия	0,1	0,2	0,3	0,5	0,5	0,6	0,5	0,2	0,2
Румыния	(0,7)	2,6	2,1	2,6	2,3	6,0	12,5	27,9	39,0
СССР***	24,0	20,9	98,3	(165,9)	(188,1)	379,0	558,0	681,6	660,7
Франция	23,7	43,1	48,6	39,5	46,0	56,9	50,9	26,4	20,1
Чехословакия	31,3	33,0	30,2	47,2	36,6	61,8	98,4	114,9	122,5
Швеция	0,4	0,4	0,4	0,6	0,4	0,3	0,1	0,01	
Югославия		4,2	4,9	(7,3)	8,5	15,2	26,7	35,0	53,0

* Цифры, заключенные в скобки, относятся к менее чем половине указанного периода.

** Австро-Венгрия без Чехословакии.

*** 1915—1940 гг. в границах 1923 г.

Источники: Mitchell B.R. European Historical Statistics. P.383ff.; Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1929. S. 41*; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1978—1985. Internationale Übersichten; Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. 1979—1985. Internationale Übersichten und Länder des RGW.

В XX в. основными конкурентами угля стали нефть и природный газ. Перед первой мировой войной в Европе только Россия и Румыния вели значительную нефтедобычу. В 20-е гг. в качестве крупной нефтедобывающей страны к ним прибавилась Польша, в 40-е гг. Австрия и Венгрия. Германия значительно увеличила производство нефти в период гонки вооружений и во время второй мировой войны, однако не стала действительно нефтедобывающей державой. После второй мировой войны СССР, ведущий производитель нефтепродуктов в Европе, стал крупнейшим в мире. Румыния до начала 70-х гг. все более отстававшая от СССР, сохраняла положение второй важнейшей нефтедобывающей европейской страны. С открытием нефтяных месторождений в Северном море в крупные нефтедобывающие страны превратились Великобритания и Норвегия. По добыче природного газа вслед за СССР располагаются Нидерланды, Италия, Франция и ФРГ (табл. 46).

В 50-е гг. гидроэнергетика и добываемые из недр земли энергоресурсы столкнулись с растущей конкуренцией со стороны атомной энергетики. В Западной Европе раньше других начала производить атомную электроэнергию и вести собственные исследовательские работы Великобритания. Располагая значительными запасами угля и нефти, она использует атомную энергию не в таких масштабах, как Франция, которая в 70-е гг., чтобы обеспечить энергетическую независимость, интенсивно использовала энергию атома. В 1970 г. во Франции только 4,5% энергии производилось на атомных электростанциях, в Великобритании же — 5,5%. В 1986 г. доля атомной энергии в топливно-энергетическом балансе Франции возросла до 65%. Бельгия в 1986 г. также получала 60% электроэнергии на атомных электростанциях. В Великобритании, напротив, в 1983 г. эта доля составляла около 16%, во всей Европе (без СССР) в 1981 г. она была около 10,6%, в странах ОЭСР — в два раза выше (21%). В странах восточного блока в 1981 г. наивысший удельный вес атомной энергии имела Болгария (14,6%), СССР — лишь 5,8%. Таким образом, и в дальнейшем большая часть энергии в Европе будет извлекаться из угля, нефти и природного газа.

Добыча нефти и газа в Европе в среднем за 1915—1983 гг.*

Страна	Нефть (в тыс. тонн)										Природный газ (в млн м ³)									
	1915/ 1919	1920/ 1929	1930/ 1939	1940/ 1944	1945/ 1949	1950/ 1959	1960/ 1969	1970/ 1979	1980/ 1983	1915/ 1919	1920/ 1929	1930/ 1939	1940/ 1944	1945/ 1949	1950/ 1959	1960/ 1969	1970/ 1979	1980/ 1983		
Албания			(108)		(132)	257	878	2120	2900							(88)	239	391		
Австрия	670		32	851	860	2898	2626	2191	1351			2	(149)	(241)	678	1663	2190	1476		
Бельгия															80	69	47	34		
Болгария						184	287	206	294							308	175	133		
Велико- британия			123	207	165	154	109	18227	94969						(1)	757	29577	39336		
Венгрия	22		(63)	603	579	902	1663	2042	2022		5	53	192		451	1303	4948	6566		
Германия	72	69	381	826							20	(59)								
ФРГ					649	2924	7310	6138	4366					76	205	3048	18415	18710		
ГДР								67	56						(24)	117	6703	9362		
Греция									801									97		
Дания								242	1224			5	3							
Ирландия																				
Испания					(1)	44	98	944	1833								(265)	1547		
Италия	6	5	17	11	9	552	1880	1222	1841		4	46	113	3253	8365	14004	13684			

Нидерланды			(1)	280	1093	2180	1503	1843					5	107	5063	73813	81062
Норвегия							8566	25818								7118	25956
Польша	(835)	744	523	124	183	320	417	274	443	474			138	350	1432	6252	5751
Румыния	1007	2537	7284	4298	9349	12471	14007	11619	(144)	1697	1474	1540	6196	16459	30437	38306	
СССР**	7361	7460	24956	25979	73522	236345	472871	610230	169	1544 (3291)		4386	13589	115450	290216	502759	
Франция	(49)	68	74	48	820	2581	1343	1978			38	149	460	4951	7525	6911	
Чехословакия	7	15	20	29	105	184	153	91	(1)	1		(3)	454	1153	1015	563	
Югославия			1	36	280	1907	3561	4267	(2)	3		8	30	319	1572	2615	

* Цифры, взятые в скобки, относятся менее чем к половине указанного периода.

** До 1917 г. — Российская империя в границах 1923 г.

Источники: Mitchell B.R. European Historical Statistics. P.393ff.; United Nations. Energy Statistics Yearbook. 1980—1983; United Nations. Statistical Yearbook. 1949/50—1982; Eurostat Revue. 1973—1982. P.174; OECD. Energy Statistics and Main Historical Series. 1981/1982. P.127; Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1924 ff.; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1985. Internationale Übersichten; Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. 1958 ff. Internationale Übersichten.

Производство электроэнергии в целом развивалось в Европе до начала 50-х гг. равномерно, резкий сдвиг произошел в большинстве стран как на Западе, так и позже на Востоке. Он был связан с экономическим подъемом послевоенного времени и успехами индустриализации при сохранявшихся низких ценах на электроэнергию. Кривые роста почти повсюду резко взмыли вверх. Иначе они выглядят в ранее отсталых странах, например в Болгарии. В СССР этот сдвиг произошел ранее в связи с программой электрификации 30-х гг., но сохранил динамику после второй мировой войны. Кривые роста повсеместно снизились в 70-х—начале 80-х гг. (табл. 47).

В Европе разрабатываются разнообразные залежи руды, но в сравнении с крупными месторождениями Америки, Азии, Австралии и отчасти Африки они не имеют действительно большого значения. В добыче железной руды в 1913 г. лидером в Европе была Германия, производившая около 29 млн тонн. В результате первой мировой войны она потеряла большую часть месторождений железной руды в Лотарингии и Верхней Силезии. Сразу же после войны крупнейшим производителем стала поэтому Великобритания, но уже в 1920 г. ее обогнала Франция, сумевшая не только использовать вновь обретенные лотарингские рудники, но в процессе восстановления значительно расширить уровень добычи руды. В период мирового экономического кризиса добыча руды во Франции сократилась с 51 млн тонн в 1929 г. до почти 28 млн тонн в 1932 г. и стабилизировалась только в конце 30-х гг. на уровне 33 млн тонн необогащенной руды. Добыча в Великобритании претерпела существенные конъюнктурные колебания. С 1920 по 1921 г., в 1926 г., вновь с 1931 по 1933 г. ее уровень сильно падал; отрасль ожила с началом предвоенной гонки вооружений, ее производительность достигла 14 млн тонн в год. Примерно на том же уровне держалась тогда добыча железной руды в Швеции, которая в 1929 г. впервые достигла показателей Великобритании, но в годы мирового экономического кризиса сократилась еще заметнее, чем английская. В 1933 г. объем добытой в Швеции руды составил всего 2,9 млн тонн, т.е. одну четвертую уровня 1929 г. Выросла в эти годы добыча железной руды в СССР, что соответствовало сталинским приоритетам развития тяжелой индустрии. В 1934 г.

**Производство электроэнергии в европейских странах в среднем
за 1915—1983 гг.* (в млрд киловатт/час)**

Страна	1915/ 1919	1920/ 1929	1930/ 1939	1940/ 1944	1945/ 1949	1950/ 1959	1960/ 1969	1970/ 1979	1980/ 1983
Австрия		2,09	2,66	4,72	4,45	10,37	21,18	33,46	43,00
Бельгия		2,31	4,49	4,55	6,47	10,78	19,99	40,31	51,50
Болгария		0,05	0,16	0,31	0,51	2,05	10,03	25,48	38,80
Велико- британия**	4,42	11,97	25,63	42,50	51,70	86,81	174,47	255,09	273,00
Венгрия		0,52	0,89	(1,81)	1,61	4,98	10,81	19,89	24,68
Германия	11,86	20,69	37,96	69,90					
ФРГ					31,12	75,76	166,41	308,35	369,75
ГДР					(13,07)	27,91	52,52	82,56	102,00
Греция		0,13	0,35	0,20	0,41	1,32	4,74	15,64	22,85
Дания		0,38	0,86	1,03	1,57	3,34	8,51	19,10	86,60
Ирландия		(0,06)	0,25	0,43	0,63	1,49	3,60	7,95	10,98
Испания	0,72	1,52	2,84	4,29	5,46	11,90	32,59	81,64	112,50
Италия	3,45	6,40	12,48	19,42	17,38	34,07	75,29	143,84	181,50
Нидерланды	(0,61)	1,34	3,03	3,52	4,42	11,00	25,11	53,06	61,50
Норвегия		6,76	8,19	(9,32)	12,59	22,04	45,27	74,01	94,00
Польша		2,09	2,92		7,00	16,98	43,25	93,50	120,50
Португалия		0,16	0,35	0,48	0,72	1,83	4,90	10,88	15,68
Румыния		0,35	0,82	1,19	(1,68)	4,23	17,41	51,45	68,50
СССР	(2,58)	2,64	24,78	(48,31)	58,58	167,14	482,76	1003,47	345,75
Финляндия		0,65	2,09	2,26	3,06	6,18	13,69	27,01	39,33
Франция	2,42	10,72	17,95	19,62	25,16	48,58	98,24	183,28	274,75
Чехословакия	(1,16)	1,91	2,71	(2,65)	6,51	14,80	33,60	57,96	74,25
Швейцария		3,89	5,80	8,30	9,93	14,36	25,08	38,83	49,25
Швеция	(2,43)	3,55	6,60	10,20	14,26	24,74	46,77	78,57	99,00
Югославия		(0,75)	0,85		1,53	4,52	15,33	40,23	61,75

* Цифры, взятые в скобки, относятся менее чем к половине указанного периода.

** По оценкам для 1915—1919 гг. и 1940—1945 гг.

Источники: Mitchell B.R. European Historical Statistics. P.502f.; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1979—1985. Internationale Übersichten; Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. 1976—1985. Internationale Übersichten.

Добыча железной руды в Европе в среднем за 1910—1983 гг.*
(в 1000 тонн)

Страна	Железная руда										Содержание металла							
	1910/ 1914	1915/ 1919	1920/ 1929	1930/ 1939	1940/ 1944	1945/ 1949	1950/ 1959	1960/ 1969	1970/ 1979	1980/ 1983	1929	1930/ 1939	1940/ 1944	1945/ 1949	1950/ 1959	1960/ 1969	1970/ 1979	1980/ 1983
Австрия	2728	1791	1173	1209	3056	871	2875	3623	3770	3250	597	411	951	267	901	1144	1203	1017
Бельгия	133	11	123	155							70	55	36	19	37	30	24	0
Болгария							(208)	1510	2555	1775				(12)	102	510	822	534
Велико- британия	15322	14111	9642	11053	18400	12990	15663	15012	6326	625	4028	3336	5245	3757	4371	4092	1725	166
Венгрия	1924	1406	127	219			357	685	607	425	88	49	94	54	100	171	145	93
Германия	24516	17211	5796	6146	13778						2080	1949	4498					
ФРГ						6177	15384	12292	4361	1450				1644	3699	2960	1165	434
ГДР							1249	1557	142	25					393	384	38	13
Греция	414	85	108	211	1112						123	105		(12)	88	100	728	466
Дания															35	19	4	1
Испания	8652	5272	4311	2803	2278	2397	4349	5607	7597	8300	3185	1227	814	743	1807	2774	3896	3834
Италия	563	785	438	701	966	326	1112	940	537		331	356	504	164	560	474	226	43
Люксембург	6213	4769	5694	4971	5012	2636	6556	6647	2823	467	2287	1478	1400	779	1867	1832	824	160
Норвегия	386	325	370	815	390	148	1118	2524	3964	3675	489	553	314	149	723	1623	2549	2282

Польша	(493)	(93)	411	411	785	582	1556	2710	1229	(100)	185	133		(224)	522	750	365	26
Порту- галия	(49)		7	(3)											96	112	30	16
Румыния		(113)	95	87	196	173	657	2286	2993	2100	40	42	89	84	217	690	773	562
СССР**	7374	3840	2644	20526	(29866)	23817	67807	147966	224516	244185	3923	11169		(16231)	41778	78030	122878	132394
Финляндия															111	312	565	546
Франция	16715	3084	32194	34626	12462	19431	47352	59317	47199	21750	18289	10873	3987	6245	15379	19171	14406	6798
Чехо- словакия	(2075)	(984)	1190				2374	2589	1786	2000		377	635	364	711	731	488	515
Швей- цария			69	67							25	23	99	29	41	34		
Швеция	6493	6338	7171	9141	9925	9341	17114	26935	30564	19925	6952	5564	5852	5788	10283	16584	19576	12690
Югославия***	176	(130)	237	341		713	1299	2420	4427	4850	236	156	(273)	262	481	904	1597	1521

* В скобках заключены цифры, которые относятся к менее чем половине указанного периода.

** До 1913 г. — на территории Российской империи.

*** В 1910—1916 гг. — Босния и Герцеговина.

Источники: Mitchell B.R. European Historical Statistics. P.409f.; Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1914—1941/42. Internationale Übersichten; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1952—1985. Internationale Übersichten; United Nations. Statistical Yearbook. 1949/50. 1953. 1961. 1968. 1972. 1978. 1982; Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. 1970—1985. Internationale Übersichten und Länder des RGW; Народное хозяйство СССР. 1984.

она составила 21,5 млн тонн, т.е. примерно в полтора раза больше, нежели в предыдущем году, и в три с лишним раза — чем в 1929 г. С тех пор она росла медленнее и к началу второй мировой войны не достигла даже уровня Франции. После войны СССР возглавил европейский список, опередив Францию и Швецию; следует, однако, учитывать, что содержание металла (и ценность руды) особенно высока у шведской руды. Если уровень добычи руды измерять по содержанию металла, то уже в межвоенный период Швеция являлась вторым по значению производителем в Европе. Испанские руды имеют более высокое содержание металла по сравнению с французскими (табл. 48).

По добыче других руд в последние десятилетия СССР опередил все европейские страны: его необъятные территории располагают значительно большими запасами, чем вся Европа вместе взятая. Хотя в последние десять—двадцать лет другие государства интенсивно разрабатывали свои месторождения и круг ведущих добывающих стран расширился, например за счет Польши с ее медными рудниками, объем добычи в СССР во много раз превышает уровень стран, занимающих после него второе место (по олову в начале 80-х гг. — в четыре раза больше Югославии, по цинкосодержащей руде — примерно в пять раз выше Польши, Швеции, Ирландии и Испании). По добыче марганцевых руд восточный блок в Европе практически является монополистом, хромосодержащих руд СССР добывает в 2,7 раза больше, чем Албания. Меньшее превосходство имеет добыча бокситов, сырья для производства алюминия. Но и здесь СССР далеко оторвался от других ведущих производителей (Югославии, Венгрии, Греции и Франции). Добывая к началу 80-х гг. 30 млн тонн природных фосфатов, он являлся фактически единственным их производителем в Европе.

Примерно та же картина наблюдается в области добычи драгоценных металлов, особенно золота, по которому СССР, не публикуя официальных сведений, вероятно, является вторым производителем в мире после Южной Африки. Небольшое количество добываемого в Германии, Финляндии, Франции, Португалии и Швеции золота не имеет большого значения. Вторым более или менее существенным производителем золота в Европе является Югославия, добывавшая в 70-е гг. от 3 до 5,5 тонн.

Серебро, напротив, в небольших объемах добывается во многих странах Европы. После СССР важнейшим поставщиком серебра на европейский рынок считается Польша.

Сила Европы, за исключением СССР, заключается не в богатстве природных ресурсов, а в разнообразии промышленной переработки сырья. В отраслях промышленности, связанных с природными месторождениями, например в выплавке чугуна или алюминия, а также в нефтепереработке, нефте- и углехимии близость природных ресурсов значительно снижает производственные издержки. Рентабельность кораблестроения, общего и транспортного машиностроения также выше, если сырье и полуфабрикаты не нуждаются в длительной транспортировке. Многие из отраслей легкой промышленности, а в наше время также часть электротехнической индустрии, в большей степени зависят от фактора рабочей силы и ее квалификации. В целом размещение европейской промышленности обеспеченность рабочей силой определяет в большей степени, чем возможности сырьевой базы, хотя с середины XIX в. до периода после первой мировой войны расположение месторождений угля и железной руды диктовало размещение тяжелой индустрии и данный географический фактор сегодня сохраняет свое значение. После первой мировой войны место горнометаллургических регионов заняли центры «интеллектуального» производства: сначала электротехническая промышленность и химия, а ныне такие агломерации, которые привлекают электронику, машиностроение и многих других инвесторов и производителей потребительских товаров, а также поставщиков услуг, исследовательские лаборатории и инженерно-конструкторские бюро.

Изначальная привязанность к источникам сырья наиболее ощутимо проявлялась в производстве железа и стали. Перед первой мировой войной обе промышленные области Германии опередили пионера отрасли, Великобританию; Россия же приблизилась к уровню производства Франции, а по выплавке стали превзошла его. Несмотря на потребности в производстве вооружений, большинство стран-участниц первой мировой войны не смогли сохранить довоенные объемы производства, они значительно увеличились только в Великобритании и несколько меньше в нейтральных Швеции и Испании.

Межвоенный период не принес перемен. Германские предприниматели значительно расширили свои производственные мощности еще в период инфляции, стремясь компенсировать утраченные предприятия. Благодаря этому Германия оставалась крупнейшим производителем чугуна и стали в Европе, значительно опережая остальных, но в целом в Европе создалась ситуация перепроизводства, которое стало очевидным в конце 20-х гг. Немецкая сталелитейная промышленность, где перед первой мировой войной действовали технически наиболее современные предприятия, расширяла объем и мощность производства. В 1927 г. она удвоила выпуск стали в расчете на домну по сравнению с 1913 г., тогда как британская промышленность повысила производительность лишь наполовину к 1928 г., а французская только к 1931 г. Франция, использовавшая сооруженные еще во времена Германской империи домны в Лотарингии, немецкого уровня производительности 1913 г. достигла в 1926 г., Великобритания — только в 1933 г.

В России производство чугуна и стали в период первой мировой войны упало сильнее, чем на Западе, а в годы послереволюционных беспорядков промышленность была почти полностью разрушена. В 1919—1922 гг. сталелитейная индустрия с трудом удерживала уровень чуть больше 3% от 1913 г. Только во второй половине 20-х гг. она достигла его вновь. Сталинская система приоритетов обеспечила резкий взлет. Во второй половине 30-х гг. производство чугуна выросло более чем в три раза по сравнению с довоенным и вышло на второе после Германии место в Европе. Хотя вторая мировая война практически уничтожила промышленные регионы СССР на европейской территории, они были частично воссозданы за Уралом и выпуск продукции оставался удивительно высоким. После войны эта отрасль развивалась в приоритетном порядке, и СССР, несмотря на восстановление Западной Германии, является с тех пор крупнейшим производителем чугуна и стали в Европе, далеко опережая другие страны. Польша и ЧССР после войны также значительно расширили свои мощности по производству стали. В меньшей степени это удалось сделать ГДР, Румынии и Венгрии. Повсюду в странах восточного блока тяжелая промышленность имеет приоритетное значение.

На Западе производственные мощности развивались медленнее, но отдельные страны, например Австрия, воспользовались тем, что досталось им в результате войны. С появлением конвертерного способа производства стали австрийская промышленность на десятилетия закрепила за собой роль технологического мирового лидера и в 50-х—начале 60-х гг. пережила стремительный подъем. Наиболее равномерным в течение всего периода после 1913 г. рост объемов производств был в нейтральных Швеции и Испании.

Как и в межвоенное время европейская сталелитейная промышленность в начале 70-х гг. (некоторые страны раньше) вступила в «кризис перепроизводства». Среди вызвавших его причин следует особо выделить быстрое развитие производства в Японии и странах «третьего мира» и рост цен на энергию. Отдельные фирмы преодолевали кризис по-разному, применяя различные стратегии, в которых в конечном итоге важную роль играла государственная поддержка сокращавшегося производства. В целом производство чугуна и стали в Западной Европе существенно снизилось с 1974 г. (года наивысшего уровня) в Бельгии и Великобритании — почти наполовину, во Франции и ФРГ — примерно на треть. В Италии, где в Брешии структура мощной сталелитейной промышленности была представлена мелкими и средними предприятиями, а также в Австрии, правительство которой, не считаясь с партнерами по Европейскому сообществу, нашло необходимые субсидии, положение поначалу не было столь острым, но позже, в связи с задержкой в реконструкции предприятий, эти страны испытали еще большие сложности. В Восточной Европе, напротив, производство продолжало расти, особенно значительно в Румынии. Только в Польше рост приостановился, так как не было средств для оплаты необходимого для расширения производства зарубежного оборудования. Общий кризис режима обусловил падение производительности труда. По-видимому, в странах восточного блока также был достигнут уровень, который преодолеть оказывалось все труднее. В целом объем производства европейской сталелитейной промышленности в 80-е гг. обнаружил тенденцию к стагнации, но высококачественные и специальные стали по-прежнему находили сбыт на развивавшемся мировом рынке (табл. 49).

Производство чугуна в Европе в среднем за 1910—1983 гг.* (в 1000 тонн)

Страна	1910/ 1914	1915/ 1919	1920/ 1929	1930/ 1939	1940/ 1944	1945/ 1949	1950/ 1959	1960/ 1969	1970/ 1979	1980/ 1983
Бельгия	2045	111	2636	3036	1440	2739	5416	8975	13236	11139
Болгария				(24)		(5)	90	745	2257	2615
Дания						61	213	392	606	602
Германия	15035	12918	11774	14803	20386					
ФРГ						5083	19554	36441	44092	39264
ГДР						398	2671	4289	6219	7291
Финляндия	(12)	17	22	44	83	93	169	435	1717	2441
Франция	3834	1768	6586	7055	4286	5638	11990	19119	23601	20100
Греция				(23)		10	47	191	620	893
Ирландия							19	47	79	32
Италия	846	1055	1420	1910	1802	1484	4779	12237	21649	24275
Югославия			56	129	(258)	270	759	1752	2862	3899
Люксембург	945	927	1789	1957	1458	1600	3123	4461	5110	3803
Нидерланды			12	(57)	167	274	985	3011	5350	4896
Норвегия			44	44	61	62	211	650	884	828
Австрия	2406	2677	460	442	907	440	1728	3221	4294	4487

Польша	(600)	1027	1009	1931	1509	4260	8983	15122	16559
Португалия				1	2	3	206	475	576
Румыния	(140)	98	191	(306)	254	801	3360	9415	12989
Швеция	511	447	827	1188	1245	2044	4312	5124	4028
Швейцария			(15)	80	97	180	373	607	898
Испания	313	553	556	694	634	1172	3505	10435	12932
Чехословакия	(1299)	1382	1492	2394	2077	4513	8651	13725	15053
СССР**	4230	1982	11623	(18317)	16412	43277	88665	136314	149010
Венгрия	(443)	304	445	757	540	1464	2486	3512	3682
Великобритания	7141	7475	9339	12884	13752	18937	25003	23163	13822

* Взятые в скобки цифры относятся менее чем к половине указанного периода.

** До 1913 г. — Российская империя, затем СССР.

Источники: Mitchell B.R. European Historical Statistics. P.421 ff.; Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1924/25—1928. Internationale Übersichten; Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. 1959—1960/61. 1985. Internationale Übersichten; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1952—1985. Internationale Übersichten; United Nations. Statistical Yearbook. 1953—1982; OECD. Industrial Statistics. 1900—1962. Paris, 1964. P.85; Eurostat Revue. 1970—1979. P.185; 1973—1982. P.177.

Гораздо более неоднозначным было положение в отраслях, использовавших чугун и сталь, прежде всего в общем машиностроении, приборо-, судо- и автомобилестроении, в электротехнике и, наконец, в строительстве. Наряду с переживающими спад отраслями (судостроение) интенсивно растут электроника, производство легкового автотранспорта или большая часть производства средств производства. В межвоенный период они также представляли собой высоко диверсифицированный сектор с прекрасной конъюнктурой в одних отраслях и странах и существенными трудностями сбыта в других.

Очевидные проблемы возникли в британском судостроении, тогда как в Германии в межвоенный период конъюнктура оставалась высокой, поскольку потери реквизируемого по Версальскому договору торгового флота восполняли с помощью государства. Довоенный уровень был практически достигнут к 1929 г. До мирового экономического кризиса Франция наращивала флот умеренными темпами, но малые европейские страны (Норвегия и Голландия), а также Италия свою долю в наличном флоте и в закладке новых судов повысили существенно. Европейские страны в целом остались крупнейшими судостроительными державами мира. Десять европейских стран, которые приобрели доминирующее значение в XIX в., в межвоенное время строили четыре пятых всех судов в мире. Но под влиянием крупных изменений спроса на мировом рынке они пережили существенные колебания конъюнктуры. Спад начала 20-х гг. затронул американскую промышленность сильнее, чем европейскую, которая уже в 1922 г. вновь начала строительство кораблей. За исключением небольшого спада 1926 г. количество заложенных судов росло вплоть до 1930 г. Мировой экономический кризис поразил судостроение особенно сильно. В течение одного года количество заложенных судов сократилось почти наполовину. В момент наибольшего спада (1933 г.) оно составляло только 17% от уровня 1930 г. в Германии — 11% и 9% в Великобритании. Страны со сравнительно небольшим объемом судостроения пережили кризис легче, чем Великобритания, где в предшествующие ему годы строили свыше половины торговых судов в мире. Семь из них (Италия, Нидерланды, Швеция, Дания, Бельгия, Норвегия и Испания, где перед первой мировой

войной закладывалось около 10% судов, а в 20-е гг. — 15—20%) смогли в 30-е гг. увеличить свою долю в мировом судостроении до 25%, в то время как доля Великобритании с 58% в 1913 г. упала до одной трети в 1938 г. При этом 1938 г. был единственным годом после кризиса, когда британское судостроение, по крайней мере в некоторой степени, смогло приблизиться к прежнему уровню.

В годы второй мировой войны США вновь захватили лидирующие позиции в судостроении. Однако Великобритания, в отличие от всех остальных европейских стран, также смогла повысить объемы производства. После войны повторилась ситуация межвоенного периода: европейские страны второго ранга, особенно Скандинавские, увеличили за счет британцев свою долю на рынке, а удельный вес США упал до 10%. Швеция, которая за время войны сумела модернизировать кораблестроительные верфи, превратилась в крупную судостроительную державу. Еще в 1978 г. с ее стапелей сходило в два раза больше судов (в брутторегистровых тоннах), чем в какой-либо другой западноевропейской стране, но несколькими годами позже судостроение в Швеции практически замерло. Не столь драматическими были взлеты и падения в ФРГ: здесь долгое время сохранялись субсидии судостроительным верфям. К началу 80-х гг. немцы и испанцы были крупнейшими судостроителями в Западной Европе. Их доля в мировом производстве составляла теперь 4% у каждого, тогда как доля Великобритании упала до 2,5% (табл. 50). В целом западноевропейское кораблестроение все очевиднее вползало в структурный кризис: с 50-х гг. их конкурентами на мировом рынке стали сначала Япония, затем Тайвань и Южная Корея. В 1970 г. почти половина, а в 1980 г. больше половины всех статистически учтенных кораблей мира сходило со стапелей в Японии, но примерно 42% все еще строилось в Западной Европе.

Значительно более прочные позиции по отношению к японским конкурентам заняло европейское автомобилестроение. В межвоенный период, как казалось сначала, доминировать на рынке будут американцы. Автомобиль был изобретен в Европе, но уже перед первой мировой войной автомобильная индустрия США далеко опередила европейскую. В 1913 г. там было свыше

Строительство торговых судов в Европе, Японии и США в среднем за 1910—1983 гг.* (в бруто-регистрах тоннах)

Страна	1910/ 1914	1915/ 1919	1920/ 1929	1930/ 1939	1940/ 1944	1945/ 1949	1950/ 1959	1960/ 1969	1970/ 1979	1980/ 1983
Бельгия	11		8	10		30	97	101	197	174
Болгария										
Великобритания	1586	1078	1263	665	1069	1130	1374	1096	117	146
Германия	315	108	330	226					1120	409
ФРГ										
ГДР										
Дания	25	33	76	105	(18)	62	857	1110	1579	629
Греция								(270)	338	341
Ирландия								347	741	383
Испания	(5)		18	16	16	22	(1)	12	87	35
Италия	31	52	114	61	(62)	69	72	19	20	2
Италия	84	131	136	115	(37)	108	286	299	1200	625
Нидерланды	44	51	28	32	(10)	37	398	392	599	179
Норвегия							160	436	744	263
Польша				1	3	(5)	148	299	554	365
Португалия						5	10	10	95	51
Румыния									(39)	108
Финляндия				7	(7)	9	49	145	255	241
Франция	120	27	107	54	(22)	102	303	523	1042	272
Швеция	11	33	67	120	153	210	553	1025	1882	324
Югославия				(1)		(6)	56	248	467	259
Япония	60	329	123	217		(148)	1116	4960	12009	7853
США	187	1757	446	143	5633	1479	401	337	789	340

* Суда, сошедшие со стапелей; цифры, взятые в скобки, относятся к менее чем половине указанного периода.

Источники: OECD. Industrial Statistics 1900—1962. P.124; United Nations. Statistical Yearbook. 1949/50—1982; Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1915—1941/42. Internationale Übersichten; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1983—1985. Internationale Übersichten; Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. 1985. S.59*.

1,2 млн автомобилей, в то время как в крупнейших европейских странах, вместе взятых, не набиралось и 0,5 млн. Во время и после первой мировой войны превосходство американцев выросло, и после создания Фордом модели «Т», автомобиль стал самым распространенным средством передвижения в США. В 1929 г. три ведущих европейских производителя автомобилей — Франция, Великобритания и Германия — выпускали 0,5 млн легковых автомобилей в год, т.е. 11% от объема производства США. Но в 30-е гг. разрыв начал уменьшаться, сокращение стремительно продолжилось после второй мировой войны. Мировой экономический кризис отбросил назад производство автомобилей в Америке в большей степени, чем в Европе. В 1932 г. в США было выпущена только четверть автомобилей от уровня рекордного 1929 г., и позднее производство восстанавливалось медленно. В Великобритании, напротив, снижение наблюдалось только до 1931 г. и всего примерно на 13%, в 1933 г. оно вновь достигло уровня 1929 г., а в 1937 г. — возросло вдвое. В Германии падение производства хотя и составило две трети уровня 1929 г., но уже в 1934 г. превышало его, а в 1937 и 1938 гг. удвоилось. Труднее других пришлось только Франции, где производство сократилось на треть, в то время как Италия с 1931 по 1937 г. выпуск легковых автомобилей увеличила почти в три раза. В целом объем производства четырех ведущих европейских автомобилестроительных держав в 1937 г. составлял почти 23% уровня США, а в 1938 г. — даже 44%.

В результате второй мировой войны соотношение европейской и американской автомобильной промышленности вновь очутилось на уровне 20-х гг. В 1946 г. четыре европейские державы произвели только 12,5% автомобилей от объема США. В 1950 г. их доля равнялась только 16,5%, так как американская автомобильная индустрия, как и европейская, развивалась динамично. Повышенный спрос послевоенного времени в США тем не менее был удовлетворен быстрее, и с середины 50-х гг. крутой подъем завершился, тогда как в Западной Европе он продолжался еще два десятилетия. В 1970 г. западноевропейцы впервые произвели больше автомобилей, чем североамериканцы (включая Канаду), и, несмотря на еще более динамичные темпы роста Японии, Западная Европа до настоящего момента

сохраняет ведущие позиции в автомобилестроении. Япония к началу 80-х гг. производила ежегодно 7 млн автомобилей (около четверти мирового производства), т.е. больше, чем любая другая отдельно взятая страна, но Западная Европа в целом выпускала 10 млн (более трети всех легковых автомобилей в мире). Среди стран-производителей Западной Европы с 60-х гг. наблюдались аналогичные тем, что происходили в судостроении, и даже более резкие сдвиги. По сравнению с ФРГ и Францией Великобритания все более теряла свое значение, в конце 60-х гг. уступив третье место в Европе Италии. В начале 80-х гг. Испания производила почти столько же легковых автомобилей, сколько Великобритания. На этом примере становится особенно очевидным, что Южная Европа по уровню промышленного развития нагоняет Север.

В Восточной Европе крупнейшим производителем автомобилей является, конечно, СССР. Он опережает ЧССР и Польшу, которая после заключения во второй половине 70-х гг. соглашения с «Фиатом» превзошла ГДР. В странах восточного блока большая часть автомобильного производства приходится на грузовики и автобусы; на Западе приоритет, безусловно, принадлежит производству легковых автомобилей. К началу 80-х гг. в ФРГ выпускалось в 13,5 раза больше легковых автомобилей, чем грузовых, тогда как в СССР только в 1,5 раза больше (*табл. 51*).

Для анализа европейского машиностроения во всем его многообразии простые оценки количества продукции неприменимы, так как стоимость изделий здесь варьируется в более широком диапазоне, чем в судостроении и в автомобилестроении. В XIX в. Западной и Центральной Европе принадлежало безусловное мировое лидерство почти во всех отраслях машиностроения в области массового производства специализированных станков, машин для строительства и горнодобывающей промышленности, и особенно по сельскохозяйственным машинам, с ней могла конкурировать только Северная Америка. Американские предприятия, правда, работали в основном на свой быстро растущий рынок, тогда как европейцы экспортировали свою продукцию за океан. Перед первой мировой войной Великобритания и Германия являлись крупнейшими мировыми экспортерами машиностроительной продукции. Бельгия и Швей-

Страна	Легковые автомобили										Грузовые автомобили									
	1920/ 1929	1930/ 1939	1940/ 1944	1945/ 1949	1950/ 1959	1960/ 1969	1970/ 1979	1980/ 1983	1920/ 1929	1930/ 1939	1940/ 1944	1945/ 1949	1950/ 1959	1960/ 1969	1970/ 1979	1980/ 1983				
	Австрия					3	4	1	7		1		1	4	4	3	6			
Болгария	141	271	3	254	752	(4)	12	15	41	87	141	163	288	437	5	(5)				
Великобритания							1480	953												
Венгрия	71	157					1549		16	34			5	7	12	12				
Германия																				
ФРГ				39	729	2505	3531	3692				27	134	230	271	293				
ГДР				(3)	24	94	154	182				(1)	17	17	34	39				
Италия	53	43	10	29	233	1115	1586	1345	4	9	21	16	33	82	126	167				
Испания					19	177	746	942				(0,3)	5	60	102	138				
Нидерланды					(4)	33	71	89				(0,1)	2	7	10	12				
Польша					5	25	188	272				(0,2)	11	36	68	45				
Румыния					(1)	6	59	94					4	18	38	(36)				
СССР	(0,2)	13	(6)	17	92	207	999	1318	(2)	88	(140)	149	371	629	750	788				
Финляндия							20	22				(0,3)	1	1	1					
Франция	120	166	4	77	568	1519	3164	3222	38	30	27	73	161	250	388	410				
Чехословакия	(10)	10		13	23	82	165	179	(3)	2		6	11	18	31	45				
Швеция	(1)	(2)	1	3	37	167	312	261	(1)	(4)	5	6	15	23	41	52				
Югославия					2	27	126	173				(1)	3	16	46	71				
Япония	3105	2535	1	0,3	26	929	4650	7012	(0,3)	10	34	16	160	1304	2629	3974				
США			1544	2961	5770	7693	8298	6111	464	570	814	1069	1170	1540	2485	1913				

* Цифры, взятые в скобки, относятся к менее чем половине указанного периода; в различных источниках не все понятия определены одинаково, например, с 1980 г. во многих странах в группу «грузовые автомобили» включаются также и автобусы.

Источники: Mitchell B.R. European Historical Statistics. P.488f.; Jdem International Historical Statistics: Africa and Asia. London. 1982. P.349; Jdem International Historical Statistics: The Americas and Australasia. London, 1983. P.501f.; United Nations. Statistical Yearbook. 1949/50—1982; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1984. S. 678; 1985. S. 676; Statistisches Jahrbuch für der Deutschen Demokratischen Republik. 1982. 1985. Internationale Übersichten und Länder des RGW.

цария, наряду с Францией и Австро-Венгрией, также входили в их число.

В межвоенное время значение экспорта данной продукции возросло для стран Западной и Центральной Европы в еще большей степени. Доля машиностроения в общем экспорте семи европейских стран (Бельгии-Люксембурга, Германии, Франции, Италии, Швеции, Швейцарии, Великобритании), составлявшая в 1913 г. 10,7%, в 1928 г. была около 13,3%, в 1938 г. — 19,9%, в 1950 г. — 23%. Вместе с транспортным оборудованием на эту группу изделий в 1928 г. приходилась почти четверть, а в 1938 г. — треть всего экспорта европейской семерки. Правда, во время первой мировой войны США утвердились в качестве крупнейшего в мире экспортера продукции машиностроения, но Германия и Великобритания вплотную следовали за ними. В 1938 г. Германия нагнала США, захватила ведущие позиции в Европе. Примерно треть всех производившихся в Европе машин и оборудования изготавливалось тогда в Германии.

В период второй мировой войны производство машиностроения резко выросло, прежде всего в США; в первые послевоенные годы казалось, что догнать их невозможно. В 1950 г. в совокупном производстве восьми главных экспортеров машиностроительной продукции (семь упомянутых европейских стран и США) на долю США приходилось почти 42%, ФРГ — только 8,5%, а на Великобританию, которая не пережила столь же глубокого спада, как Германия, почти 28% (столько же, что и в 1913 г., и значительно больше, чем в межвоенный период). Семь европейских стран, вместе взятых, уже в 1950 г. опередили США, а со временем смогли отчасти вернуть утраченные позиции. Хотя к началу 80-х гг. США по-прежнему являлись крупнейшим мировым экспортером станков и оборудования всех типов, Западная Европа в целом продавала на мировом рынке продукции в два с лишним раза больше.

Аналогичная ситуация длительное время сохранялась в электротехнической промышленности, пока с началом электронной эры американские и японские фирмы не начали вытеснять европейцев. Электротехника уже в XIX в. была по преимуществу вотчиной немцев и американцев. В межвоенное двадцатилетие ситуация несколько изменилась, но не кардинально. В середи-

не 20-х гг. Германия оставалась мировым лидером в производстве станков и оборудования с электроприводом.

Национальная и международная статистика электротехнической промышленности страдает изъянами, аналогичными статистике машиностроения; кроме того, существуют проблемы в разграничении этих отраслей. Многие отрасли электротехнической промышленности учтены плохо. В статистике послевоенного времени содержатся данные о некоторых электротехнических потребительских товарах, которые используют для измерения уровня жизни населения страны. Но при этом статистика учитывает не их производство, а количество в расчете на численность населения или количество домохозяйств. Ниже рассмотрено производство радиоприемников, телевизоров, холодильников и стиральных машин в основных странах-производителях, поскольку эти товары наглядно отражают динамику и структурные сдвиги этой отрасли электроиндустрии (табл. 52). Рост производства (в штуках) свидетельствует, что в последние два десятилетия центр производства радиоприборов и телевизоров сместился в Юго-Восточную Азию, в то время как стиральные машины и холодильники для европейского рынка изготавливают по большей части в самой Европе. Таблица также отражает запоздалую попытку стран восточного блока обеспечить население данными потребительскими товарами. Тем не менее с 60-х гг. СССР являлся крупнейшим европейским производителем радиоприемников и телевизоров, а с конца 70-х гг. также холодильников и стиральных машин.

В электротехнической промышленности используются открытия, совершенные в физике. С самого начала эта отрасль являлась наукоемкой. Другим примером наукоемкой отрасли служит химическая промышленность, которая производит как средства производства, так и во все большем диапазоне потребительские товары. Еще в канун первой мировой войны она, наряду с электротехникой, являла собой образец современной динамичной отрасли экономики. Свой статус она сохранила и в дальнейшем, особенно в области нефтехимии. Колебания конъюнктуры отражались на ней в меньшей степени, а темпы роста, объемы производства и прибыли в целом были выше, чем средние по промышленности. В отличие от электротехники европей-

Производство потребительских товаров длительного пользования электротехнической промышленностью
в некоторых странах Европы и мира в среднем за 1930—1983 гг.* (в 1000)

Страна	Радиоприемники								Телевизоры					
	1930/ 1939	1940/ 1944	1945/ 1949	1950/ 1959	1960/ 1969	1970/ 1979	1980/ 1983	1945/ 1949	1950/ 1959	1960/ 1969	1970/ 1979	1980/ 1983		
Австрия	(127)		98	244	304	(137)	1396		(37)	173	400	731		
Бельгия				484	1273	1791	52		(53)	348	585	113		
Болгария			(3)	62	159	130	440	84	1440	80	104	2457		
Великобритания	(1842)		1325	1764	2212	1074	162		(33)	1683	2468	381		
Венгрия				274	225	231	939		98	261	392	629		
ГДР				665	830	1019				475	481	158		
Греция										(21)	193	96		
Дания	74	115	101	104	191	149	63		53	122	75			
Ирландия			35	56	137	(89)			(14)	63	76			
Испания				(266)	387	425			(15)	377	687			
Италия				739	1648	2160			342	1071	1974	1728		
Норвегия	(42)	29	98	100	119	(116)			(5)	90	92			
Польша	66		36	421	641	1644			(48)	400	841	701		
Португалия										(33)	255	533		
Румыния				79	189	597				101	438	460		
СССР			(536)	2695	5387	8548		(4)	447	3661	6685	8160		
Чехословакия			232	225	300	263			71	287	409	399		
Финляндия		(27)	36	86	90	187			(11)	96	216	327		
Франция			(891)	1254	2518	3094		(2)	189	1173	1720	2019		
ФРГ			(1147)	2900	4261	5349			636	2226	3627	4485		
Швеция			(70)	(110)	285	157			(120)	178	311	296		
Югославия			(31)	110	334	170			(5)	191	421	524		
Гонконг					(16208)	38696				(38)	13	222		
Япония	(537)	705	557	2831	22756	21123			737	6197	14077	13964		
Сингапур						(9519)					(837)	1735		
США	6438	12326	15967	13406	19504	12774		1385	6632	8513	8939	10876		

Страна	Холодильники						Стиральные машины					
	1947/ 1948	1950/ 1959	1960/ 1969	1970/ 1979	1980/ 1983	1947/ 1948	1950/ 1959	1960/ 1969	1970/ 1979	1980/ 1983		
Австрия		(39)	71	149			9	24	35	60		
Бельгия		(8)	(10)				(138)	122	129	223		
Болгария			41	133	122			106	52	100		
Великобритания	228	436	977	1260	1248	220	748	970	1158	1260		
Венгрия		(5)	85	383	448		(75)	161	176	244		
ГДР		22	294	505	689		38	252	353	486		
Дания		46	153	93	86			(37)				
Испания		(24)	197	1096			(67)	248	813			
Италия		393	2665	6144	3961		76	1364	3196	3449		
Нидерланды							175	140	(94)			
Норвегия		29					26	(25)				
Польша		(18)	223	673	573		(226)	494	590	712		
Румыния		(5)	97	304	412		(20)	91	187	360		
СССР		(235)	1757	5380	5840		(319)	3060	3616	4000		
Чехословакия		(56)	230	328	380		(205)	226	281	379		
Франция	55	339	887	(606)	2847		421	754	1665	1707		
ФРГ		890	2100	2766	667		578	1288	1698	1670		
Югославия		(10)	(66)	3809	4354		(6)	(10)	4082	4852		
Япония		(4)	2775	5576	5209		(15)	2867	4583	5845		
США	5196	4955	4712			3677	3918	4032				

* Цифры в скобках относятся менее чем к половине указанного периода.

Источники: OECD, Industrial Statistics, 1900—1962, P. 122f.; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland, 1965—1985, Internationale Übersichten; Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik, 1955—1985.

ская химическая промышленность вместе с американской до недавнего времени оставалась ведущей в мире. В первую очередь речь идет о пяти европейских индустриальных державах: Великобритании, Бельгии, Швейцарии, Германии и Франции, где уровень химической промышленности до сих пор остается наиболее высоким.

Реальный производственный процесс химической отрасли яснее всего можно проследить на примере производства некоторых химических материалов или массового изготовления отдельных полуфабрикатов типа синтетических волокон. Конечно, это не отражает всего многообразия отрасли, особенно фармацевтической промышленности. Важнейшим материалом является серная кислота. Крупнейшими производителями ее в Европе перед первой мировой войной были Германия и Великобритания, которые производили соответственно 1,7 и 1,1 млн тонн в год и далеко опережали Францию, Австро-Венгрию и Бельгию. Во время первой мировой войны производство было по объективным причинам ограничено, и Германия достигла довоенного уровня только к 1929 г., а Великобритания — лишь к 1935—1936 гг. Во время второй мировой войны производство серной кислоты росло, в Германии гораздо быстрее, чем в Великобритании, так что в 1944 г. объем выпущенной химическими заводами Германии продукции в два раза превосходил британский уровень. С середины 30-х гг. Италия и СССР также начали производство серной кислоты в сопоставимых с Великобританией и Францией масштабах. В 1940 г. СССР занимал второе место в Европе, после второй мировой войны он планомерно расширял мощности и стал крупнейшим производителем серной кислоты в Европе, так как производство в обеих частях разделенной Германии сильно сократилось. С конца 40-х гг. обе Германии и Италия вернулись в число крупнейших производителей, с середины 50-х гг. к ним присоединилась Бельгия. В СССР производство выросло до почти 4 млн тонн (1955 г.), в последующие годы перешагнуло этот рубеж. До начала 80-х гг. оно продолжало расти, достигнув уровня свыше 20 млн тонн, почти в пять раз выше, чем в ФРГ и Франции.

Искусственные волокна, в отличие от традиционных продуктов химической индустрии, — дитя XX в. В 1913 г. европейская

промышленность производила их не более 12 тыс. тонн, основная часть приходилась на Великобританию. В небольшом объеме волокна производились также в Австрии, Италии и Швейцарии. В последующие два десятилетия они оставались крупнейшими европейскими производителями, хотя в 20—30-е гг. к их числу присоединился ряд новых стран. В межвоенный период британская индустрия и здесь утратила превосходство над Германией и Италией. Во время второй мировой войны производство особенно быстро росло в Германии, так как ее химическая промышленность обладала новейшими технологиями, а страна в значительной степени была лишена натуральных волокон (хлопка, шерсти и шелка). После войны Западная Германия смогла быстро занять ведущие позиции. Уже в 1948 г. она была вторым крупнейшим производителем в Европе после Великобритании, а к началу 50-х гг. заняла лидирующие позиции. ГДР также стала ведущим производителем. СССР поначалу отставал, но во второй половине 50-х гг. опередил ГДР и превратился в крупнейшего производителя синтетических волокон в восточном блоке. В середине 70-х гг., когда на Западе спрос на синтетическое волокно упал, СССР опередил ФРГ по абсолютному объему производства, но не по ассортименту и качеству товаров.

СССР являлся и крупнейшим производителем синтетического каучука, производство которого сначала развивалось в Германии, где во время второй мировой войны он выпускался в больших количествах под названием «буна-каучук». После войны немецкую химическую промышленность лишили права возобновлять его производство, а затем она сама отказалась от массового производства: американская промышленность ушла далеко вперед, издержки же производства в целом были выше, чем при использовании натурального каучука. Тем не менее в Западной Европе ФРГ наряду с Великобританией и Францией остается крупнейшим производителем синтетического каучука, после второй мировой войны хлынувшего на рынок во множестве модификаций. В 1970 г. на США приходилось 44% мирового производства (без СССР), а на трех крупнейших производителей Западной Европы по 6—7% на каждого. В любом случае доля Европы в мировом производстве (без СССР) составляла примерно треть.

Перед первой мировой войной Германия вместе со Швейцарией практически обеспечили мировую монополию в области органической химии. Утечка патентов и исследовательские работы в странах лагеря Антанты свели на нет это преимущество. И все-таки немецкая химическая индустрия и в межвоенные десятилетия оставалась важнейшим членом международного, сильно картелизованного сообщества, а с созданием концерна *I.G.Farbenindustrie* она вместе с американской фирмой *Du Pont* стала вторым гигантом отрасли. Из остальных членов сообщества только *Imperial Chemical Industries (ICI)* имела сопоставимые с ними размеры. Наряду с этими колоссами на рынке действовало множество средних и мелких фирм, что составляло в какой-то степени силу этой отрасли.

Доля Европы в мировом производстве химической продукции в целом в 1913 г. равнялась 58%, а синтетических красителей, важнейшего продукта органической химии, производившегося главным образом в Рейнском регионе от Базеля до Лёверкузена, — 96%. В межвоенный период удельный вес Европы снизился по всем видам производства примерно наполовину, сокращение производства коснулось и синтетических красителей, две с лишним трети мировой продукции которых в 20-х гг. изготавливали в Европе. Еще в 1951 г. в Европе производилось примерно 40% мировой химической продукции.

С гораздо более острой международной конкуренцией в XX в. пришлось столкнуться старейшей и долгое время ведущей европейской отрасли производства товаров потребления — текстильной промышленности. Хотя уже в XIX в. Америка и Япония стали конкурировать с Европой, до первой мировой войны последняя безраздельно властвовала на мировом рынке. Среди европейских стран главенствовала старейшая хлопчатобумажная промышленность Великобритании. Об этом свидетельствует ряд простых физических показателей: количество веретен и ткацких станков, объем переработанного хлопка-волокна или производства пряжи.

В последнее пятилетие перед первой мировой войной британская текстильная промышленность перерабатывала почти в два раза больше хлопка-сырца, чем следующая за нею немецкая. Великобритании, в отличие от Германии, в годы войны удалось

до некоторой степени сохранить масштаб производства. Но в 1918—1919 гг. и до середины 30-х гг. британская текстильная промышленность сокращала производство. В 1933 г. ею была переработана только половина хлопка от уровня 1913 г., и ее рост до второй мировой войны оставался почти неощутим (табл. 53).

Аналогично развивалась текстильная индустрия в других странах с давними традициями текстильного производства, в Бельгии, Германии, Швейцарии, Австрии, Чехословакии и Италии. Только вторая половина 20-х гг. была ознаменована некоторым подъемом. В ряде молодых промышленных стран в межвоенный период происходил динамичный рост текстильной промышленности, прерванный мировым экономическим кризисом. К ним относятся Польша, Югославия, Финляндия и Португалия, но в первую очередь СССР, накануне второй мировой войны ставший крупнейшим переработчиком хлопка в Европе. С тех пор он увеличил почти в четыре раза объемы переработки хлопка-сырца, тогда как в Западной Европе данный показатель хотя и рос первые годы после второй мировой войны, но позже вступил в стадию стагнации и даже абсолютно сократился, так как все большая часть европейских фирм переносила производство в Восточную и Юго-Восточную Азию или останавливала предприятия из-за конкуренции этих регионов.

Сегодня Гонконг, Тайвань и Южная Корея имеют более значительную хлопчатобумажную промышленность, чем Франция или Германия, а Великобритания из гиганта превратилась в карлика. Только в 1976—1982 гг. общее производство текстиля в этой стране сократилось на треть, по обработке же хлопка она оказалась позади таких стран, как Греция, Португалия, Румыния или Югославия. Та же тенденция наблюдается и в производстве пряжи. Повсеместно южноевропейские и неевропейские страны выходят на авансцену, а традиционный североевропейский промышленный регион все более теряет свое значение.

Особенно резок структурный сдвиг, если использовать в качестве критерия количество работающих хлопковых веретен. В 1913 г. в одной лишь Великобритании их насчитывалось 55,6 млн. Почти столько же работало к началу мирового экономического кризиса в 1929 г., в 1950 г. — более половины от уров-

Показатели развития европейской текстильной промышленности
в среднем за 1915—1983 гг.* (в 1000)

Страна	Потребление хлопка-сырца										Производство хлопчатобумажной пряжи									
	1915/ 1919	1920/ 1929	1930/ 1939	1940/ 1944	1945/ 1949	1950/ 1959	1960/ 1969	1970/ 1979	1980/ 1983	1920/ 1929	1930/ 1939	1940/ 1944	1945/ 1949	1950/ 1959	1960/ 1969	1970/ 1979	1980/ 1983			
Албания						(5)	6	8	9											
Австрия	(123)	25	30		14	22	25	22	22				11	22	24	20	17			
Бельгия	(51)	90	106	9	77	89	79	51	37	(72)		78	104	87	59	44				
Болгария	(0,2)	1	7	2	(8)	32	58	76	60	(1)		(16)	29	60	80	86				
Великобритания	792	663	568	452	390	363	219	125	56		400	361	360	231	130	56				
Венгрия		5	23	6	19	41	66	74	71	(326)		20	43	58	59	58				
Германия		324	350																	
ФРГ					(111)	260	285	218	181			118	359	330	201	167				
ГДР						77	95	89	89				55	77	92	135				
Греция						25	37	92	146	7	(1)	14	23	33	75	115				
Дания			(8)		(7)	9	8	2	1			(7)	(8)	7	2	2				
Ирландия							6	5	15				(4)	6	4	17				
Испания	95	82	90	73	82	79	120	118	95	31	57	69	70	127	126	69				
Италия	207	206	166	38	195	190	223	197	218	177	87	145	204	240	217	182				
Нидерланды	24	39	49		52	68	73	41	17	(45)	24	50	76	80	35	13				

Норвегия			(3)	(4)	5	4	2	2				(3)	(5)	5	2	2
Польша		57	65	73	94	136	151	159	(56)	64		59	113	179	215	193
Португалия	14	15	22	31	41	74	105	133		(21)	21	29	41	74	101	104
Румыния	0,1	2	9	(16)	41	68	92	108		(17)		(21)	41	76	149	187
СССР		(223)	492	(567)	1101	1492	1900	1955	172	420	(650)	(436)	969	1287	1551	1643
Финляндия	6	8	11	9	14	16	13	11				(17)	17	13	8	8
Франция	207	281	277	220	273	273	216	170	(280)	219	35	178	279	287	238	149
Чехословакия		104	84	40	73	106	117	119	(84)	(65)		59	79	109	125	138
Швейцария	24	30	32	30	36	41	42	51				25	32	38	38	44
Швеция	36	21	30	20	29	22	9	6	(21)	26	22	24	27	19	7	5
Югославия		53	143	(32)	34	74	99	104		(19)		22	36	79	110	119

* Цифры, взятые в скобки, относятся менее чем к половине указанного периода.

Источники: Mitchell B.R. European Historical Statistics. P.45 ff.; United Nations. Statistical Yearbook 1949/50—1982; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1970—1985. Internationale Übersichten.

ня 1913 г. В 1970 г. Великобритания имела только 6% веретен от 1913 г., тогда как в Португалии этот показатель за тот же период вырос в три раза. В других традиционных индустриальных странах сокращение было не столь катастрофическим, но и здесь в 70-е гг. работала в лучшем случае половина веретен по сравнению с концом первой мировой войны, а в большинстве стран — меньше трети.

В связи с рационализацией производства снижение объема выпуска пряжи было не столь велико, тем более что его компенсировал значительный прирост в странах, недавно вступивших на путь индустриализации. Если с 1935 по 1975 г. выпуск продукции в Великобритании сократился более чем на 75%, то, например, в Польше и Испании он вырос в три раза, в СССР — в четыре, а в Болгарии почти в тринадцать раз. В 1980 г. на Великобританию, бывшую некогда полновластным хозяином на мировом рынке хлопчатобумажной пряжи в большинстве уголков земли, приходилось только 0,75% мирового производства этого полуфабриката, тогда как удельный вес СССР, который, опередив США и Индию, стал крупнейшим производителем пряжи в мире, составляет 13,6%.

Не все отрасли производства потребительских товаров в равной степени втянуты в процесс структурных сдвигов, которые дали прежде слабо или совсем не индустриализованным странам шанс подтянуться к мировому уровню. В производстве готовой одежды традиционные производители чувствовали себя намного увереннее, так как они определяли направление моды и могли специализироваться на высококачественной продукции. Пищевкусовая промышленность, вторая крупная отрасль производства товаров потребления стран-пионеров индустриализации, также сумела благодаря переходу на новые технологии и специализации, расширению и совершенствованию товарного предложения, используя фактор близости к потребителю, сохранить лучшие позиции. С повышением уровня жизни доля совокупного дохода, которая расходуется на продукты питания, сокращается, но в абсолютных цифрах расходы растут. Все большая часть продуктов питания к тому же приобретает потребителем после предварительной обработки, так что пищевая промышленность имеет шансы для роста и диверсификации.

К перспективным секторам относится пищевкусовая промышленность, хотя здесь рост или сокращение объемов зачастую определяется фискальными мерами: почти повсюду эта группа товаров подлежит особому налогообложению.

Таким образом, индустриальный сектор охватывает сегодня не только производство угля и стали, химическую отрасль, электротехнику или машиностроение. С ростом благосостояния он распространился на производство товаров потребления, чему способствовало то, что уровень издержек не требовал неременного переноса производства в страны с низкой заработной платой.

Существуют различные методики оценки объема промышленного производства без учета неиспользуемых мощностей, применение которых зависит от того, что понимается под «промышленностью». По определению ООН, близкому к тому, что использовала Лига Наций, и которое включает в данное понятие добывающую промышленность и не учитывает ремесло (в какой мере оно вообще может быть охвачено статистикой), на Европу в 1913 г. приходилось более половины мирового промышленного производства. Крупнейшей индустриальной державой уже тогда были США, производившие одну треть от общего объема. В результате разрушений, вызванных первой мировой войной, и стремительного роста США в 20-е гг. Европа отступила на второй план; во второй половине 30-х гг. она нагнала мирового лидера, благодаря тому, что Германия и некоторые другие западные державы развили производство вооружений, быстро росла молодая промышленность Восточной и Юго-Восточной Европы, но более всего потому, что СССР проводил форсированную индустриализацию. По оценкам Лиги Наций, в 1937 г. доля СССР значительно превосходила в мировом производстве промышленной продукции долю нацистской Германии (18,5% против 10,7%). По сравнению с уровнем 1913 г. удельный вес малых стран Северной, Восточной и Южной Европы несколько увеличился, а Западной Европы, напротив, заметно снизился. В 1947 г. доля СССР вследствие второй мировой войны сократилась, а в мире вновь задавали тон США.

Оценки ученых, например П.Байроха, исходят из нескольких представлений. П.Байрох учитывает при исчислении промышленной продукции добывающую и строительную промыш-

ленность, исключает услуги электро- и газоснабжения, водопровода и канализации, но включает «традиционные ремесла» (насколько их вообще можно учесть). Согласно его расчетам доля Европы (без СССР) с 1913 г. уменьшалась почти непрерывно. Даже если учитывать СССР, доля остальных частей света по сравнению с Европой увеличилась. Особенно заметно сокращение удельного веса старых промышленных стран, в первую очередь Великобритании (с 13,6% в 1913 г. до 4% к 1980 г.). Относительно молодые европейские промышленные страны, такие, как Италия и Испания, в большей степени — Ирландия, Финляндия и Югославия, напротив, несколько увеличили свою долю (табл. 54).

Но эти цифры не отменяют того факта, что по критерию производства промышленной продукции на душу населения, который применил П.Байрох, Европа остается самым высоко индустриализованным континентом после Северной Америки. В 1980 г. данный показатель для Европы (без стран восточного блока) был, как и в 1928 г., примерно в 2,7 раза выше, чем среднемировой. В эти годы, однако, произошли заметные перемены. В 1938 г. уро-

Таблица 54

Удельный вес некоторых европейских стран и Европы в целом в мировом промышленном производстве в 1913—1980 гг.* (в %)

Страна	1913	1928	1938	1953	1963	1973	1980
Бельгия	1,8	1,7	1,1	0,8	0,8	0,7	0,7
Великобритания	13,6	9,9	10,7	8,4	6,4	4,9	4,0
Германия**	14,8	11,6	12,7	5,9	6,4	5,9	5,3
Италия	2,4	2,7	2,8	2,3	2,9	2,9	2,9
Испания	1,2	1,1	0,8	0,7	0,8	1,3	1,4
Франция	6,1	6,0	4,4	3,2	3,8	3,5	3,3
Швейцария	0,9	0,7	0,5	0,7	0,7	0,6	0,5
Швеция	1,0	0,9	1,2	0,9	0,9	0,9	0,8
Европа без СССР	40,8	35,4	37,3	26,1	26,5	24,5	22,9
СССР	8,2	5,3	9,0	10,7	14,2	14,4	14,8
Европа с СССР	49,0	40,7	46,3	36,8	40,7	38,9	37,7
Мир в целом***	933	1356	1684	3070	5138	9359	11041

* Согласно расчетам П.Байроха, ошибка в 1913 г. составляла 15—20%, в 1973—1980 гг. — 8—10% для стран Западной Европы и 15—25% — для стран Восточной Европы.

** С 1953 г. — ФРГ.

*** Абсолютный объем на базе показателей по Великобритании за 1900 г. равен 100%.

Источник: Bairoch P. International Industrialization Levels from 1750 to 1980 / The Journal of European Economic History. 1982. II. P.304.

вень промышленного производства в Европе в расчете на душу населения был в три раза выше, чем в среднем в мире, после второй мировой войны — только в два раза, позднее Европа вновь увеличила отрыв от среднемирового уровня (табл. 55).

Этот на первый взгляд невероятный тренд объясняется тем, что Европа быстрее вышла из мирового экономического кризиса, чем остальной мир, а вследствие гонки вооружений в конце 30-х гг. существенно расширила масштабы промышленного производства. К 1953 г. Европа все еще была занята послевоенным

Таблица 55

Уровень индустриализации европейских стран в 1913—1980 гг.*
(индекс промышленного производства на душу населения в Великобритании к 1900 г. принят за 100%)

Страна	1913	1928	1938	1953	1963	1973	1980
Австрия		56	64	90	148	266	325
Бельгия	88	116	89	117	183	291	316
Болгария	10	11	19	32	54	102	139
Великобритания	115	122	157	210	253	341	325
Венгрия		30	34	92	172	274	333
Германия	85	101	128				
ФРГ				144	244	366	395
ГДР				100	207	303	393
Греция	10	19	24	17	36	93	114
Дания	33	58	76	150	212	345	356
Ирландия		23	40	47	72	170	147
Испания	22	28	23	31	56	144	159
Италия	26	39	44	61	121	194	231
Нидерланды	28	61	61	96	145	231	245
Норвегия	31	48	76	129	171	252	246
Польша		22	23	49	88	160	196
Португалия	14	18	19	26	45	105	130
Финляндия	21	43	59	53	151	299	371
Югославия	12	15	18	28	69	137	174
Румыния	13	11	11	36	81	169	218
СССР	20	20	38	73	139	222	252
Франция	59	82	73	95	167	259	277
Чехословакия		66	60	117	193	292	344
Швейцария	87	90	88	167	259	366	354
Швеция	67	84	135	163	262	405	409
Европа без стран восточного блока		76	94	107	166	260	280
Мир в целом	21	28	31	48	66	100	103

* См. первое примечание к таблице 54.

Источник: Bairoch P. International Industrialization Levels. P.302, 331.

восстановлением. Лидирующая роль США проявилась, в частности, в том, что производство промышленной продукции на душу населения в эти годы более чем в два раза превышало уровень старых промышленных и сохранявших нейтралитет стран (Швеции и Швейцарии) и в 3,3 раза Европу в целом. Уже спустя десять лет европейцы частично ликвидировали отставание. С тех пор, по оценке П. Байроха, производство промышленной продукции в расчете на душу населения в США оставалось все еще в два с лишним раза выше, чем в европейских странах с рыночной экономикой, и на 50% выше, чем в ведущих промышленных странах континента. По сравнению с развивающимися молодыми промышленными странами (за исключением Японии) превосходство Европы с 50-х гг. немного уменьшилось, но к группе двадцати ведущих индустриальных стран, если брать за основу данные о производстве в расчете на душу населения, с 1913 г. прибавилась только одна неевропейская страна (помимо США, Канады, Японии и Австралии) — заселенная европейцами Новая Зеландия (табл. 56).

Правда, страны, входящие в первую тридцатку, очень близки друг к другу. Диапазон же вероятной ошибки столь велик, что определение «индустриальной» может относиться и к некоторым странам из третьего десятка (ведь среди них оказались два развивающихся промышленных государства Юго-Восточной Азии — Тайвань и Южная Корея). Только на 31-м и 37-м местах стоят первые латиноамериканские страны — Бразилия и Мексика. В целом разрыв в уровнях промышленного производства в расчете на душу населения уменьшился не только между европейским Северо-Западом и Юго-Востоком, но и в мире в целом. Разница между лидером списка индустриальных держав и замыкающей первую двадцатку страной, составлявшая почти 7:1 в 1953 г., к 1980 г. снизилась до соотношения менее чем 3:1 (см. табл. 56).

Транспорт и связь

Экономическое значение транспорта в Европе растет давно. Если к 1870 г. его вклад в валовой общественный продукт отдельных европейских стран составлял примерно 2—4%, при-

**Двадцать ведущих промышленных стран мира по производству продукции
промышленности на душу населения
(Великобритания к 1900 г. = 100%). 1913—1980 гг.**

Место	1913		1953		1980	
1.	США	126	США	354	США	629
2.	Великобритания	115	Великобритания	210	Швеция	409
3.	Бельгия	88	Канада 185	ФРГ	395	
4.	Швейцария	87	Швейцария	167	ГДР	393
5.	Германия	85	Швеция	163	Канада	379
6.	Швеция	67	Дания	149	Финляндия	371
7.	Франция	59	Австралия	146	Дания	356
8.	Канада	46	ФРГ	144	Швейцария	354
9.	Дания	33	Норвегия	129	Япония	353
10.	Австро-Венгрия	32	Бельгия	117	Чехословакия	344
11.	Норвегия	31	Новая Зеландия	117	Венгрия	333
12.	Нидерланды	28	Чехословакия	117	Великобритания	325
13.	Италия	26	ГДР	100	Австрия	325
14.	Испания	22	Нидерланды	96	Бельгия	316
15.	Финляндия	21	Франция	95	Франция	277
16.	Япония	20	Венгрия	92	СССР	252
17.	Россия	20	Австрия	90	Австралия	249
18.	Австралия	19	СССР	73	Новая Зеландия	248
19.	Португалия	14	Италия	61	Норвегия	246
20.	Румыния	13	Финляндия	53	Нидерланды	245

* См. первое примечание к таблице 54.

Источник: Bairoch P. International Industrialization Levels. P.286.

чем страны с высокой плотностью населения, такие, как Германия и Италия, по этому показателю уступали странам менее населенным (Швеция), то к первой мировой войне его удельный вес составил 6%. В Великобритании, где играло существенную роль судоходство, он достигал 10%. Можно предположить, что аналогичным была ситуация в Нидерландах и Норвегии, но сведений за довоенный период по этим странам нет. В межвоенное и послевоенное время значение данного сектора экономики в большинстве стран постепенно росло; сегодня его удельный вес в среднем составляет от 6 до 10%. Значительно ниже он в одной лишь Чехословакии, где он не превышает 3%. Другие страны восточного блока, такие, как Болгария и Югославия, где к началу 50-х гг. удельный вес транспорта в валовом общественном продукте был существенно ниже, подтянулись до средне-европейского уровня. Исключением является Норвегия: в 50—

60-х гг. данный показатель составлял 17—19%, но во второй половине 70-х гг. с увеличением роли добычи и переработки нефти он вновь опустился до 12%.

В XIX в. железные дороги приобрели значение важнейшего средства сообщения в Европе. Об этом, в частности, свидетельствует увеличение протяженности линий железных дорог с 3 тыс. км в 1840 г. до почти 350 тыс. км в 1913 г. После первой мировой войны сеть железных дорог в Западной и Центральной Европе продолжала расширяться, хотя и не так быстро. Наибольшей протяженности она достигала в Великобритании в середине 20-х гг., в Нидерландах — к 1930 г., в большинстве других старых индустриальных стран — в 30-х гг. В Восточной и Юго-Восточной Европе железнодорожная сеть разрасталась после второй мировой войны, достигнув зенита большей частью в течение 60-х гг. Только в Болгарии (прирост сети за 1950—1980 гг. — 8%), Финляндии (28%), Польше (3%), Румынии (2%) и СССР (21%) она расширялась в послевоенный период. В Западной и Центральной Европе, напротив, с середины 30-х гг. протяженность железных дорог сократилась, иногда более чем наполовину (Ирландия). В целом протяженность европейской сети железных дорог в 1980 г. составляла примерно 390 тыс. км, т.е. примерно на 40 тыс. км больше, чем в 1913 г. (табл. 57).

Однако те же самые линии железных дорог перевозили значительно большее количество пассажиров и грузов. Интенсивность грузооборота (в тонно-километрах) уже в межвоенный период, исключая несколько лет мирового экономического кризиса, превысила уровень начала XX в., а после 1945 г. в несколько раз увеличилась даже в Западной и Центральной Европе, но в первую очередь в ставших на путь индустриального развития странах восточного блока. Неизменной она оставалась только в Нидерландах и Португалии, странах, где важную роль играет речное и каботажное судоходство. В целом грузооборот европейских железных дорог, по данным статистики, превосходил уровень 1913 г. в 30-е гг. (без учета СССР) на 33%, к началу 80-х гг. — в 4 раза (в СССР — в 54 раза) (табл. 58).

Иначе обстояло дело с пассажирскими перевозками. Здесь конкуренция автомобильного транспорта стала ощущаться уже

Протяженность сети железных дорог в Европе в 1920—1980 гг.* (в км)

Страна	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980
Австрия	6639	6710	(6702)	6734	6596	6506	5843
Бельгия	4938	5125	5038	5046	4632	4263	3971
Болгария	2205	2441	3352	3967	4136	4196	4300
Венгрия	8141	8676	8671	8756	10307	9514	7900
Германия	57545	58176	61940				
ФРГ				36924	36019	33010	28497
ГДР				12895	16174	14658	14200
Греция	2396	2678	2976	2553	2583	2571	2479
Дания	4328	5294	4915	4815	4301	2890	2944
Италия	20385	22119	22992	21550	21277	20212	16138
Испания	15886	17063	17446	18098	18033	16507	15345
Ирландия	5542	4294	4012	3927	2911	2190	1989
Нидерланды	3606	3677	3314	3204	3253	3148	2788
Норвегия	3286	3835	3968	4469	4493	4292	4242
Польша	13763	19600	20438	26312	26904	26678	27200
Португалия	3268	3407	3586	3590	3597	3563	3588
Румыния	4968	11133	11310	10853	10981	11012	11100
Соединенное Королевство**	32707	32632	32094	31336	29562	18969	17983
СССР	71600	77900	106100	116900	125800	135200	141800
Финляндия	3988	5128	4596	4726	5323	5841	6096
Франция	38200	42400	40600	41300	39000	36532	33886
Чехословакия	13430	13610	(13548)	13124	13139	13308	13100
Швейцария	5078	5142	5221	5152	5117	5010	2943
Швеция	14869	16523	16610	16516	15399	12203	12066
Югославия	9321	10041	10521	11541	11867	10289	9465

* Цифры, взятые в скобки, означают, что приведенные данные отстают более чем на два года от указанного в колонке года.

** До 1970 г. — Великобритания.

Источники: Mitchell B.R. European Historical Statistics. P.613ff.; European Conference of Ministers of Transport. 1982. Transport Statistical Series. Trends in Investment, Infrastructure, Rolling Stock and Traffic. Paris, 1985. P.72; Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. 1985. P.22*.

в 20—30-х гг. После второй мировой войны автомобиль стал преобладающим видом транспорта во всех странах с рыночной экономикой. В некоторых государствах восточного блока (прежде всего в Венгрии) доля автомобилей в пассажироперевозках заметно увеличилась, а доля железнодорожного транспорта сократилась. Тем не менее как в странах восточного блока, так и в Западной Европе сохраняются существенные различия. В большинстве стран железнодорожный пассажирооборот имеет тенденцию к стагнации. Начиная с 50-х гг. в Бельгии, Великобри-

Грузооборот европейских железных дорог в среднем за 1910—1983 гг.*
(в млрд тонно-километров)

Страна	1910/ 1914	1915/ 1919	1920/ 1929	1930/ 1939	1940/ 1944	1945/ 1949	1950/ 1959	1960/ 1969	1970/ 1979	1980/ 1983
Австрия	16,3**		4,1	3,1		(5,4)	6,4	8,2	10,2	10,4
Бельгия	(5,7)		7,2	5,4	2,9	4,9	6,2	6,6	7,5	7,3
Болгария	0,2		0,7	0,9	(1,5)	(1,5)	4,1	10,0	16,5	18,0
Великобритания	(20,7)		28,6	27,0	39,6	34,8	34,7	25,8	22,8	17,0
Венгрия			2,9	2,7		3,5	8,4	16,5	22,2	23,2
Германия	63,0		63,7	63,2						
ФРГ						35,8	51,0	61,1	64,4	59,7
ГДР						(12,4)	24,0	37,7	50,0	60,8
Греция	0,05	0,06	0,1	0,3	(0,4)	0,1	0,3	0,5	0,8	0,7
Дания	0,5	0,8	0,7	0,6	(1,4)	1,4	1,3	1,5	1,9	1,6
Ирландия						(0,4)	0,4	0,4	0,6	0,6
Испания	(3,1)	3,7	4,5	5,0	4,4	5,5	8,8	8,9	10,6	10,2
Италия	6,7	10,1	10,9	10,4	23,9	10,3	13,1	16,3	17,2	17,2
Нидерланды	1,7	(1,7)		(2,2)	2,3	2,3	3,3	3,5	3,1	3,1
Норвегия	0,4	0,5	0,5	0,6	0,7	1,0	1,4	2,1	2,7	2,7

Польша				14,9	17,5		25,5	48,5	80,5	122,4	118,4
Португалия					(0,6)	0,7	0,7	0,7	0,7	0,8	1,0
Румыния	(1,4)			3,3	4,2	4,8	(5,2)	13,4	31,0	62,3	71,4
СССР	(64,3)	52,3		54,6	253,0	320,0	394,0	967,0	1909,0	3059,1	3501,9
Финляндия	0,6	1,0		1,4	2,0	(2,2)	3,1	4,1	5,2	6,6	8,2
Франция	22,3	19,3		34,6	31,5	22,7	33,9	46,7	62,7	69,8	63,0
Чехословакия		(4,7)		9,3	8,6		12,8	31,2	54,1	68,0	71,4
Швейцария	1,4	1,4		1,7	1,9	3,0	1,8	3,1	5,4	6,8	7,1
Швеция	2,9	4,3		3,3	4,1	8,1	8,0	9,7	13,0	16,6	15,3
Югославия				2,8	3,6		(8,5)	10,9	16,7	21,6	26,1

* Цифры, взятые в скобки, рассчитаны за период, более чем в два раза меньший указанного.

** Австро-Венгрия.

Источники: Mitchell B.R. European Historical Statistics. P.619ff.; United Nations. Statistical Year-book. 1954. 1960. 1965. 1970. 1981. 1982; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1984. S. 693; 1985. S. 691; Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. 1985. P.94*; Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1926. S. 66*.

Пассажирооборот европейских железных дорог в среднем за 1910—1983 гг.* (в млрд пассажиро-километров)

Страна	1910/ 1914	1915/ 1919	1920/ 1929	1930/ 1939	1940/ 1944	1945/ 1949	1950/ 1959	1960/ 1969	1970/ 1979	1980/ 1983
Бельгия	(5,3)		6,1	5,7	4,4	6,6	7,9	8,7	7,9	6,9
Болгария	0,2	0,2	0,6	0,6	(1,2)	(2,6)	2,7	4,7	7,0	7,6
Дания	0,9	1,1	1,3	1,5	(2,6)	3,4	3,3	3,4	3,4	4,1
Германия	38,9		51,1	41,4						
ФРГ						(30,7)	35,1	37,1	38,1	39,5
ГДР						(17,4)	21,3	17,8	20,8	22,9
Финляндия	0,6	0,9	0,9	1,0		2,7	2,2	2,2	2,8	3,3
Франция	17,1	12,2	27,2	24,7	20,1	29,8	29,1	36,6	47,7	56,2
Греция	0,2	0,4	0,7	0,7	(0,8)	0,4	0,9	1,1	1,6	1,5
Великобритания	(20,1)		(26,7)	(30,6)	(51,8)	41,8	34,0	31,0	30,1	30,0
Ирландия							(0,5)	0,6	0,9	0,9
Италия	4,7	5,5	7,6	9,0	19,2	21,3	26,4	30,9	38,4	39,2
Югославия			1,9	2,3		5,6	7,4	11,0	10,4	11,0
Нидерланды	1,3	(1,6)		(3,6)	5,9	5,7	7,0	7,7	8,2	9,1
Норвегия	0,4	0,6	0,6	0,6	0,9	1,4	1,6	1,7	1,9	2,3

Австрия	7,9**				4,0	5,4	6,3	6,7	7,3
Польша					18,9	35,5	33,6	41,6	49,7
Португалия				1,0	1,5	1,7	2,8	4,6	5,6
Румыния	(0,9)			4,6	(6,0)	11,2	13,8	21,5	24,1
Швеция	1,8	2,3		5,6	6,5	6,0	5,1	5,3	6,7
Швейцария	2,5	2,1		4,9	6,5	7,2	8,9	9,4	9,9
Испания	(2,1)	2,5		7,4	7,1	8,0	10,7	15,2	14,4
Чехословакия		(6,4)			14,5	18,0	19,4	17,0	18,5
СССР	(24,2)			(98,0)	84,5	129,9	209,3	304,7	348,9
Венгрия					4,8	10,4	15,9	14,8	12,4

* Цифры, взятые в скобки, рассчитаны за период, более чем в два раза меньший указанного.

** Австро-Венгрия.

Источники: Mitchell B.R. European Historical Statistics. P.631 ff.; Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1926. S.66*; United Nations. Statistical Yearbook. 1982. P.953f.; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1984. S.693; 1985. S.691; Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. 1985. S.216, 94*.

тании, периодически также в Швеции, он сократился существенно, чем в других странах с высоким уровнем жизни, таких, как Швейцария; во Франции он по-прежнему растет. Но еще значительнее этот показатель увеличился в странах, переживших экономический подъем сравнительно недавно. На Западе Европы это прежде всего Португалия и Испания, на Востоке — Польша и Румыния. В Европе (без СССР) перевозка пассажиров по железной дороге к началу 80-х гг. в 3,7 раза превосходила уровень кануна первой мировой войны, в СССР — в 14 раз (табл. 59).

Объем перевозок подобным образом измерить нельзя: статистика в тонно- или пассажиро-километрах их не регистрирует. Поэтому остается довольствоваться числом автомобилей, которое определяет официальная статистика во всех европейских странах. Легковые автомобили перед первой мировой войной и до 30-х гг. служили в Европе средством передвижения, которым пользовались фирмы, врачи, таксисты и зажиточные слои населения. Примечательно, что во время мирового экономического кризиса количество легковых автомобилей не падало, а немного росло. Средний слой именно в это время начал приобретать автомобили, которые в условиях кризиса подешевели. Во Франции и Великобритании число легковых автомобилей в 1930 г. впервые превысило миллион. В расчете на душу населения в этих странах и в Дании в конце 20-х гг. было чуть больше 20 легковых автомобилей на 1000 жителей. После второй мировой войны в Западной Европе количество легковых автомобилей в расчете на душу населения быстро росло, а автомобиль стал важнейшим символом повышения благосостояния. Население стран восточного блока с 60-х гг. также приобретало все больше личных автомобилей, насколько это допускала экономическая политика правительств. В целом, что вполне понятно, темпы роста оказывались тем выше, чем ниже был исходный уровень к 1950 г. Так, в период 1949—1983 гг. численность легковых автомобилей в Великобритании возросла в 7 раз, в Австрии же в 59, в Италии — в 73, в Испании в 101, в Югославии — в 367 раз. В 1983 г. ФРГ и Швейцария лидировали по количеству автомобилей в расчете на душу населения в Европе, аутсайдером являлся СССР (табл. 60).

Количество автомобилей в расчете на душу населения в Европе в 1914—1983 гг.*
(легковых автомобилей на 1000 жителей)

Страна	1914	1919	1929	1939	1949	1959	1969	1979	1983
Австрия	0,4	1	3	5	6	49	151	285	320
Бельгия			11	18	26	78	196	312	331
Великобритания	3	3	21	43	42	96	208	268	289
Венгрия		0,1	1	2	1	2	19	87	110
Германия	1	1	7	20					
ФРГ					7	69	207	369	401
ГДР					4	8	54	151	181
Греция			3	1	1	5	22	89	108
Дания	1	5	20	31	26	77	209	278	272
Ирландия			10	18	24	57	122	203	205
Испания					3	9	50	190	229
Италия	1	1	4	7	6	32	166	309	346
Нидерланды		(3)	8	11	11	39	178	292	330
Норвегия	0,4	1	7	19	18	55	181	292	335
Польша		(0,2)	1	1	2	3	45	60	87
Португалия			4	5	7	16	54	98	(137)
СССР			0,3	1		3	5	31	40
Финляндия		(1)	7	8	6	35	137	246	290
Франция	3	2	23	46	37	123	235	345	377
Чехословакия		(0,4)	1	6	10	12	49	130	162
Швейцария	1	2	14	19	27	86	208	340	392
Швеция		(6)	16	29	28	145	274	346	361
Югославия			1	1	0,4	2	28	102	119

* Цифры в скобках взяты за год, отстоящий более чем на два года от указанного в заголовке.

Источники: Таблица 2; Mitchell B.R. European Historical Statistics. P. 667ff.; United Nations. Statistical Yearbook. 1954. 1963. 1968. 1982; Osteuropa-Archiv. 1986. 7. Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1960—1962. 1970. 1971. 1981. 1985.

Не столь быстро рос парк автобусов и грузовых автомобилей. В Западной Европе в последнее десятилетие отмечено насыщение данного рынка; учтем и тот факт, что производство грузовых автомобилей в большей степени, чем легковых, зависит от состояния экономической конъюнктуры. Соотношение между этими двумя группами транспортных средств на Западе складывается с перевесом в пользу легковых автомобилей, тогда как в Восточной Европе доля коллективных транспортных средств и грузовых автомобилей существенно выше. Так в ФРГ к 1980 г. на один грузовой автомобиль приходилось примерно 19 легковых, в ГДР — менее 9, в Швейцарии — 13, в ЧССР — 8.

В большинстве стран Европы в последние десятилетия все большая часть грузовых перевозок переносится с рельсовых путей на шоссейные дороги, несмотря на попытки средствами экономической политики помешать этой тенденции. В Великобритании в 1954 г. свыше 36% грузооборота приходилось на железные дороги, в 1982 г. — всего 10%. В Бельгии только за 1965—1975 гг. доля железных дорог с почти одной трети сократилась до одной четвертой. Даже в СССР удельный вес грузоперевозок по железной дороге с почти 85% в 1950 г. снизился до 55% в 1983 г., в то время как доля грузового автотранспорта возросла с 2,8 до 7,4%. Еще интенсивнее при этом росла в СССР доля трубопроводного транспорта (с менее чем 1% до более 20%). В целом в странах восточного блока железнодорожный транспорт по-прежнему преобладает. Так, в 1982 г. в ЧССР и Польше свыше 67%, в Румынии 80% всех грузоперевозок было осуществлено по железной дороге против 5% в Нидерландах и 25% в ФРГ.

Внутреннее судоходство в некоторых европейских странах смогло отстоять свои позиции в транспортном обороте лучше, чем железные дороги: для перевозки массовых грузов оно, как и прежде, остается наиболее дешевым транспортным средством. В СССР в 1950—1980 гг. его доля сократилась лишь с 6,5 до 4%, а в последние годы даже несколько увеличилась. В Великобритании она почти не изменилась, но в Бельгии и Нидерландах внутреннее судоходство сократилось существенно. В более мягких формах тенденция проявилась во Франции, где при перестройке системы грузового транспорта, так же как и в СССР, в последние 25 лет на первый план все заметнее выходит трубопроводный транспорт. В 1958 г. его доля составляла 1%, а в 1979 г. — 15,5%.

Абсолютные показатели перевозок по внутренним водным артериям Европы росли при этом как в межвоенное, так и в послевоенное время, в Бельгии и Франции даже в период мирового экономического кризиса, когда в Центральной Европе и в Нидерландах внутреннее судоходство значительно сократилось. В последние годы, во всяком случае, наметился застой, только в СССР объемы перевозок по внутренним рекам продолжают существенно расти (*табл. 61*).

Грузооборот на внутренних водных путях Европы в среднем за 1910—1982 гг.* (в млн тонно-километров)

Страна	1910/ 1914	1915/ 1919	1920/ 1929	1930/ 1939	1940/ 1944	1945/ 1949	1950/ 1959	1960/ 1969	1970/ 1979	1980/ 1982
Австрия							595	1040	1406	1454
Бельгия	1484	(649)	1639	2760	1724	2001	4076	5927	6237	5433
Германия	15839		14349	14623						
ФРГ						(12853)	26935	43065	48232	50282
ГДР						(1123)	2027	2267	2193	2269
Нидерланды							14249	24246	31630	32219
Польша							(550)	1260	2260	1931
СССР	(28500)	(15000)	14500		(36100)	27040	67060	128550	209140	254300
Франция	5750	2735	5163	7758	2948	4651	8509	12306	12846	11136
Чехословакия			(1715)	1566		714	1324	2105	2664	3588
Югославия							1977	4134	7279	7491

* Цифры, взятые в скобки, рассчитаны менее чем за половину указанного периода.

Источники: Mitchell B.R. European Historical Statistics. P. 663ff.; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1957—1984. Internationale Übersichten; Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. 1966. 1980—1985. Länder des RGW.

Морское судоходство с оживлением мировой торговли в 20-е гг. получило относительный, а после войны значительный стимул к развитию. В Западной Европе трансатлантические пассажирские перевозки, включая крейсерные, естественно, приостановились, но грузовые морские перевозки, удовлетворяя потребности в транспортировке главным образом нефти, в течение двух последних десятилетий поднялись на иновый уровень. Подорожание нефти и последовавшая за ним борьба за экономию ввергли танкерный флот в конце 70-х—80-х гг. в пучину кризиса. Рост мировой торговли другими товарами не компенсировал в полном объеме снижения нефтеперевозок.

Динамику морского судоходства можно установить по данным о тоннаже перевозок, который регистрируется в некоторых странах. Этот показатель, однако, не лучший: так называемые дешевые флаги, т.е. суда, плавающие под флагом страны с низким уровнем заработной платы, берут на себя все более значимую часть грузоперевозок и в Европу; показатель наличного тоннажа не отражает к тому же уровень интенсивности использования флота. Перемещение морского транспорта из стран с высоким уровнем заработной платы, например Великобритании, в страны с низким ее уровнем, в частности в Грецию, наметилось еще после первой мировой войны. В 20-е гг. торговый флот развивался почти повсюду (одним из немногих исключений является Португалия), но в 30-е гг. пароходные компании многих стран, имевших давние традиции морского судоходства, испытали значительные трудности. В Великобритании, Бельгии и Франции, из-за гражданской войны и в Испании, тоннаж торгового флота снизился, тогда как в Греции, Норвегии и, особенно, в СССР он резко вырос.

После второй мировой войны все морские державы сумели восстановить и расширить свой флот, но этот процесс проходил по-разному: весьма умеренными темпами — в Великобритании, стремительными — в Норвегии, Греции, Польше и СССР, а поначалу и в ФРГ (*табл. 62*).

Особенно интенсивно рос танкерный флот после закрытия Египтом Суэцкого канала в 1967 г.: танкеры, перевозившие нефть из района Персидского залива в Европу, были вынуждены прокладывать маршруты вокруг мыса Горн. Судовладель-

Европейский торговый и танкерный флот в 1914—1984 гг.
(в 1000 брутто-регистрах томи)

Страны	Торговых судов всего										Танкеров			
	1914	1929	1939	1949	1959	1969	1979	1984	1948	1959	1969	1979	1984	
Бельгия	352	529	408	436	728	1052	1789	2407			304	293	186	
Болгария						638	1150	1283			163	352	312	
Великобритания*	19257	20166	17891	18093	20757	23844	27951	15874	3528	6389	10187	13313	6653	
Германия	5459	4093	4483											
ФРГ				300	4440	7027	8563	6242		544	1464	2829	1580	
ГДР					95	896	1552	1422			158	238	31	
Греция	837	1267	1781	1329	2151	8581	37353	35059		1405	2379	11214	10895	
Дания	820	1056	1175	1170	2204	3490	5524	4211	125	807	1476	2951	2407	
Финляндия		243	590	479	744	1330	2509	2168			598	1213	986	
Франция	2319	3379	2934	3070	4538	5962	11946	8945	462	1679	2980	7699	4800	
Испания	899	1162	902	1193	1712	3199	8314	7005	128	385	1331	5026	3650	
Италия	1668	3285	3425	2443	5119	7038	11695	9158	452	1606	2573	5013	3498	
Нидерланды	1496	2939	2970	2990	4743	5255	5403	4586	468	1248	1997	2283	1143	
Норвегия	2505	3224	4834	4916	10444	19679	22349	17663	1829	5929	9604	12284	8780	
Польша		52	122	193	534	1536	3580	3267			74	571	237	
Португалия		239	257	515	580	825	1205	1571			245	627	1023	
Румыния		69	112			338	1797	2667			72	336	295	
СССР	974	437	1306	2097	3155	13705	22900	24492	130	693	3171	4829	4662	
Швеция	1118	1510	1577	2048	3623	5029	4637	3520	332	1305	1567	2151	1356	
Югославия		302	410	209	465	1428	2407	2682			255	215	231	

* До 1939 г. — включая Ирландию.

Источники: Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1930. S. 73*; Mitchell B.R. European Historical Statistics. P. 650ff.; United Nations. Statistical Yearbook. 1949/50. 1954. 1965. 1972. 1982; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1985. S. 693.

цы поэтому приступили к строительству более крупных танкеров. Во Франции, Норвегии, Португалии и Испании в конце 70-х гг. танкеры составляли более половины всего торгового флота. Однако с началом нефтяного кризиса 70-х гг. возник переизбыток тоннажа; постепенно основную часть торгового флота стали составлять сухогрузы, особенно контейнеровозы.

Гораздо более точным, чем численность судов, показателем развития морского судоходства являются объемы перевалки грузов в портах. Выгрузка в портах континентальной Европы (без стран восточного блока) в целом увеличилась с 1950 г. в шесть раз, в том числе нефти — в 10 раз. Погрузка росла не так быстро. Она увеличилась в три раза (без нефти, с учетом нефти — почти в 4 раза). Экспорт одной только нефти возрос с 7 млн тонн в 1950 г. до 171 млн тонн, т.е. более чем в 24 раза. Международные грузоперевозки в странах восточного блока в последние десятилетия также значительно выросли, только в 70-е гг. почти на 40%. Если сравнить показатели грузоперевозок европейских стран с рыночной экономикой и стран с планово-регулируемой экономикой, то обнаружится знакомая картина: более высокие темпы роста в странах восточного блока, но при более низком исходном уровне и сохраняющемся значительном преобладании Запада (табл. 63).

В XX в. к традиционным средствам передвижения присоединились авиaperевозки, которые в заокеанских пассажиропотоках полностью вытеснили судоходство, а на европейском континенте, особенно в СССР, составили существенную конкуренцию железным дорогам. В последние десятилетия они быстро набирают вес и в перемещениях грузов: чем выше доля дорогостоящих, но легких грузов (например, электронных деталей), тем выше значение самолетов в перемещении грузов, по крайней мере межконтинентальном. Коммерческие авиaperевозки начались после первой мировой войны с объемов порядка 4000 пассажиров из немецких аэропортов в 1920 г. (600 — французских) или 29 тыс. тонно-километров грузооборота во Франции и 6 тыс. — в Германии. С этой исходной точки прирост в 20-е и особенно в 30-е гг. выглядит, конечно, довольно высоким; в абсолютных цифрах авиaperевозки оставались повсюду незначительными: в Германии в 1938—1939 гг. 120 тыс. пассажиро-километров, в Великобритании 90 тыс. и во Франции 73 тыс. Тог-

Международные морские перевозки из европейских портов, 1937—1980 гг.* (в млн тонн)

	Погрузка						Разгрузка					
	1937	1950	1969	1970	1980	1937	1950	1959	1970	1980		
А. Всего												
Европейские капиталистические страны	187	124	173	339	545	275	226	429	1165	1380		
Европейские социалистические страны, включая СССР	25	27	46	145	200	16	15	17	57	145		
Сумма	212	151	219	484	745	291	241	446	1222	1525		
В. Нефть												
Европейские капиталистические страны	2	7	30	100	171	34	69	192	705	714		
Европейские социалистические страны, включая СССР	6	1	17	64	105	2	1	1	17	37		
Сумма	8	8	47	164	276	36	70	193	722	751		
С. Фрахт												
Европейские капиталистические страны	185	117	143	239	374	241	157	237	460	666		
Европейские социалистические страны, включая СССР	19	26	39	81	95	14	14	16	40	108		
Сумма	204	143	182	320	469	255	171	253	500	774		

* Хотя данные за 1937 и 1950 гг. относятся ко всем социалистическим странам, цифра перевозок, по-видимому, завышена незначительно.

Источник: United Nations. Statistical Yearbook. 1972. P. 63ff.; 1982. P. 63ff.

да казалось, что грузовые авиаперевозки, в трех крупных европейских странах достигшие уровня 1—2 млн тонно-километров, будут преобладать над пассажирскими перелетами. Однако после 1945 г. началась эпоха массового авиатуризма.

По сей день авиаперевозки регистрируют по различным методикам. Существует лишь несколько не вызывающих разночтений сравнимых показателей, таких, как количество взлетов и посадок или число пассажиров. Протяженность полетов в различных странах может исчисляться по-разному и поэтому международный сравнительный анализ теряет смысл. Согласно статистике Международной организации гражданской авиации, наибольшие темпы прироста в последние годы демонстрируют некоторые страны Южной и Восточной Европы. В малых государствах Восточной Европы, но не в центральноевропейских странах восточного блока (ЧССР и ГДР), регулярные полеты только за 70-е гг. удвоились.

Организация мирового туризма в Мадриде ведет учет прибывающих авиатуристов (линии и чартерные самолеты) и количества проданных им билетов по чартерным перевозкам. Конечно, в этой статистике есть пробелы и неточности. Однако она дает примерное представление о развитии авиатуризма в Европе в послевоенное время. Согласно этим данным, наибольшую прибыль от развития авиатуризма получает Франция, за ней следуют Испания и Италия. Темпы прироста опять-таки наиболее высоки в некоторых странах восточного блока, например в Болгарии.

Телеграф и телефон в XIX в. в подлинном смысле этого слова революционизировали средства связи между людьми. Ни в какой другой области темпы роста не были столь высоки, равно как ни в какой другой сфере экономики расходы на единицу продукции не снижались так интенсивно. Данный процесс в XX в. сначала замедлился, но с распространением новых средств коммуникации, таких, как факсимильная и спутниковая связь, компьютерные сети, получил новое ускорение. Многие эксперты считают, что мир стоит на пороге новой информационной эпохи. Объем почтовых отправок (писем и посылок) после второй мировой войны вновь существенно увеличился. Только в странах с давней традицией почтового сообщения, таких, как

Франция и Германия, в 1950—1975 гг. он вырос более чем в два раза, в Финляндии и Испании — более чем в четыре, а в Венгрии даже в пять раз (табл. 64).

Наибольшим динамизмом среди традиционных почтово-телеграфных услуг отличалось телефонное сообщение. Там, где сети междугородной связи были развиты уже перед первой мировой войной, например в Дании, прогресс, конечно, был не столь ощутимым, как в странах с высоким, но неудовлетворенным спросом, в частности в Финляндии (здесь в 1933—1944 гг. число переговорных точек увеличилось почти в четыре раза).

Примечательно, насколько своеобразно отразился на сокращении почтовых услуг мировой экономической кризис. Если в большинстве юго-восточных и центральноевропейских стран, особен-

Таблица 64

Почтовое сообщение в Европе. 1925—1975 гг.* (в млн ед.)

Страна	Письма и посылки			Телеграммы			Телефонные звонки		
	1925	1950	1975	1925	1950	1975	1925	1950	1975
Австрия	773	535	1393	5,5	4,9	3,1			
Бельгия	1084	1975	2317	14,7	9,4	3,7	144	485	1075
Великобритания	6060	8500	9903	77,0	65,0	21,0	1017	3326	16092
Венгрия	246	395	1956	5,0	4,0	11,3	4	231	853
Германия	6219			39,9			2039		
ФРГ		4181	10479		28,0	15,0		2039	14063
ГДР		1120	1219		9,8	10,9		717	1668
Греция	84	137	386	6,5	5,9	5,7		(276)	7973
Дания	253	415	953	4,7	4,6	1,5	462	1082	2329
Ирландия	198	276	387	3,5	2,6	0,7	18	74	531
Испания	589	1073	4535	15,7	40,9	34,8	(7)	56	1077
Италия	2021	2797	5889	28,0	30,2	23,0	19	101	2356
Нидерланды	802	1702	3456	8,4	11,5	1,8	16	161	(2521)
Норвегия	155	288	653	5,1	7,0	1,1	13	498	1026
Польша	672	844	1458	8,7	7,2	15,1	497	47	653
Португалия	(123)	263	544	5,0	3,6	2,6	44	169	2435
Румыния	338	318	(2168)	9,5	3,5	(7,7)	50	23	(76)
Финляндия	85	170	740	0,9	1,1	0,9	1	138	8956
Франция	5678	4050	9404	54,3	25,2	26,0	788	1537	
Чехословакия	798	998	2184	15,7	8,2	14,3	190	52	218
Швейцария	520	939	1950	5,1	4,6	3,3	152	657	(2152)
Швеция	420	1063	2295	6,4	8,6	2,3	639	2099	
Югославия	233	786	1255	6,7	7,4	12,5	3		

* Цифры, взятые в скобки, отклоняются от указанного в начале колонки года более чем на один год.

Источник: Mitchell B.R. European Historical Statistics. P. 686ff.

но в Чехословакии, в 1931—1934 гг. наблюдалась тенденция к снижению объема услуг, то в Скандинавии, Нидерландах и Швейцарии, особенно в Великобритании, этот показатель стагнировал; сильнее всего снижение сказалось на количестве отправленных телеграмм, вида почтовых отправок, который, без сомнения, имел долгосрочную тенденцию к сокращению. Однако объем писем, посылок и, в особенности, телефонных звонков рос из года в год, в том числе и во время кризиса. В Югославии, где телефон был сравнительно мало распространен, в период кризиса количество телефонных соединений скачкообразно возросло. Возможно, основной причиной являлась отдача от ранее сделанных инвестиций. Пример пользования почтовыми услугами может показать, как влиял кризис на торговлю и доходы частных лиц.

После быстрого увеличения объема услуг связи, произошедшего после второй мировой войны в наиболее развитых западноевропейских государствах, в последние два десятилетия намечилось явное насыщение данного рынка, прежде всего рынка почтовых отправок, чему способствовал значительный рост почтовых сборов, необходимый для покрытия издержек. Объем почтовых отправок в Великобритании сокращается с 1968 г., в ФРГ — с начала 70-х гг. Тенденция к стагнации обнаруживается в Бельгии и Австрии. Чем меньше пишут писем, тем чаще пользуются телефоном. Только в Бельгии телефонная связь почти не развивается, правда, ее уровень значительно превышает тот, что был в начале 50-х гг.

Плотность сети коммуникаций легче всего выявить по количеству телефонов в расчете на численность населения страны. Уже перед первой мировой войной это соотношение было особенно высоким в Швеции, Дании и Швейцарии. В 1980 г. шведы и швейцарцы имели в два раза больше телефонов в расчете на душу населения, чем в среднем в европейских странах (без СССР). Швеция впервые обогнала даже США, где в 1915 г. действовало в два раза больше телефонов на одного жителя страны, чем в Швеции. В арьергарде — социалистические страны, помимо СССР, прежде всего Югославия и Польша, где в 1980 г. установлено всего 95 телефонов на 1000 жителей. Болгария в 70-е гг. значительно поднялась в европейском списке и даже потеснила Португалию и Венгрию (*табл. 65*).

**Плотность телефонной сети в Европе в 1920—1980 гг.
(число телефонов на 1000 жителей)**

Страна	1920	1929	1939	1949	1960	1970	1980
Австрия	19	22	42	56	93	193	401
Бельгия	8	32	51	76	119	211	369
Болгария	2	3	5	8	26	56	141
Великобритания	22	41	67	102	149	251	477
Венгрия	6	12	19	13	48	80	118
Германия	29	50	53				
ФРГ				43	104	225	509
ГДР				33	75	123	189
Греция		2	7	10	23	120	289
Дания	80	98	117	154	224	342	641
Ирландия			15	25	52	104	187
Испания			12	21	54	135	315
Италия	3	10	15	24	68	174	337
Нидерланды	22	36	52	69	132	260	509
Норвегия	49	68	83	135	195	294	452
Польша	2	6	8	9	30	57	95
Португалия			10	16	40	84	138
Румыния	2	3	5		12	32	
СССР	1		5			45	89
Финляндия	7	34	50	78	137	257	498
Франция	12	26	39	56	91	172	459
Чехословакия	6	10	15	31		138	206
Швеция	36	68	110	184	298	482	727
Швейцария	65	83	134	215	339	557	796
Югославия	1	3	4	7	13	36	95

Источники: Таблица 2; Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1921/22—1924/25. 1932. 1939/40—1941/42; Internationale Übersichten; United Nations. Statistical Yearbook. 1954. 1965. 1982; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1960. 1961. 1985.

Торговля

Дать целостное описание внутренней торговли отдельных стран в XX в. трудно. Известны общая численность оптовых и розничных торговых предприятий, количество занятых, часто данные о товарообороте, но редко удается найти все необходимые сведения, относящиеся и определенному периоду, и еще сложнее провести их сравнительный анализ в сопоставимых валютах. Судя по числу занятых, с восстановлением хозяйства некоторых европейских стран в послевоенное время оптовая и

розничная торговля росла относительно равными темпами. В 60-е гг. в условиях избыточной занятости населения возникла острая необходимость рационализации в первую очередь розничной торговли: рост численности занятых отставал от увеличения товарооборота. Количество торговых предприятий в некоторых странах сократилось. Наиболее очевиден пример Великобритании, но, надо полагать, аналогичная ситуация сложилась в Скандинавии и Франции. Со снижением темпов роста в 70-е—начале 80-х гг. численность занятых в ряде западноевропейских стран начала сокращаться, торговый оборот стагнировал либо в абсолютных цифрах сокращался. В Восточной Европе количество торговых точек держалось на постоянном уровне или допускался лишь небольшой рост. Здесь приоритеты были другими. В оптовой торговле стагнация или тенденция к сокращению наблюдалась в гораздо более слабой степени, чем в розничной. Последняя развивается параллельно кривой общего экономического роста.

Статистика международной торговли с определенного времени ведется значительно лучше. В сравнении с большими по территории странами, государства Европы, разделенные множеством границ, с точки зрения международной торговли предстают крупными державами даже если они, как, например, большинство континентальных стран, и осуществляют внешнеторговый обмен преимущественно друг с другом. В Европе поэтому регистрируются те перемещения товаров, которые в СССР, США, Китае, Индии или Бразилии в статистику внешней торговли не включаются. Согласно общепринятым правилам учета международной торговли, которая с ними считается мало, на Европу в 1913 г. приходилось 62% мировой торговли. По импорту удельный вес был чуть выше, по экспорту — ниже. Европа являлась крупным импортером в первую очередь сырьевых товаров, таких, как хлопок, шерсть, зерно, каучук, а также угля, хотя он поступал преимущественно из угледобывающих стран самого континента. В мировом импорте этих товаров доля Европы составляла почти три четверти, в то время как в отношении экспорта сырьевых товаров на нее приходилось менее половины мирового объема. По промышленным товарам картина была обратной: на Европу приходилось только около по-

ловины мирового промышленного импорта, причем большей частью речь шла о межевропейской торговле, тогда как в мировом экспорте ее удельный вес превышал 75%, вместе с США индустриальная Европа представляла собой *workshop* (англ. мастерскую мира. — Прим. пер.).

Первая мировая война разрушила многие, но не все торговые связи Европы и ее контакты с остальным миром. Великобритания, в орбите влияния которой оставались заморские колонии, была вынуждена наблюдать, как многие экспортные рынки переходят в распоряжение других государств: поскольку она временно не могла поставлять товары или ее флот не мог справиться с перевозкой грузов. Внешняя торговля нейтральных Голландии, Швеции, Швейцарии и Испании также ощутила последствия войны. Старые торговые отношения после войны им удалось восстановить в большем объеме. Европа в целом по сравнению с Северной Америкой, Японией, а для того периода и с Латинской Америкой, уступила позиции, и, по крайней мере в межвоенные годы, ей едва ли удалось их вернуть. Даже в 1928 г. накануне высшей точки межвоенной экономической стабилизации на Европу в мировой торговле приходилось лишь чуть более половины, т.е. на 10% меньше, чем в 1913 г. В 1937 г. вследствие противоречий между европейскими странами удельный вес континента вновь снизился. Экспортные возможности Европы упали в первую очередь, сокращение импорта было меньшим (табл. 66).

Таблица 66

Распределение мировой торговли по регионам. 1913—1937 гг. (в %)

Регион	Экспорт			Импорт			Мировая торговля в целом		
	1913	1928	1937	1913	1928	1937	1913	1928	1937
Европа в целом	58,9	48,0	47,0	65,1	56,2	55,8	62,0	52,1	51,4
США и Канада	14,8	19,8	17,1	11,5	15,2	13,9	13,2	17,5	15,5
Центральная и Южная Америка	8,3	9,8	10,2	7,0	7,6	7,2	7,7	8,7	8,7
Азия	11,8	15,5	16,9	10,4	13,8	14,1	11,1	14,7	15,5
Африка	3,7	4,0	5,3	3,6	4,6	6,2	3,7	4,3	5,8
Океания	2,5	2,9	3,5	2,4	2,6	2,8	2,5	2,8	3,2

Источник: Yates P.L. Forty Years of Foreign Trade. London, 1955. P. 32f.

Однако отбросили назад европейскую торговлю не столько потери на мировых рынках, сколько внешняя политика государств континента. Преемники Австро-Венгрии уже в 20-х гг., другие страны не позднее времени окончания мирового экономического кризиса проявляли стремление к национальной независимости и отгораживались друг от друга таможенными барьерами. Сокращение доли в мировой торговле было в большей степени проблемой самой Европы, вопросом идеологическим и политическим, проявлением «естественной» тенденции «зрелых» экономик, как полагали многие эксперты. Приведем несколько цифр в подтверждение этого тезиса: в 1913 г. внутри-европейская торговля составляла 40% от мировой, в 1938 г. — только 29%. В мировой торговле рос удельный вес неевропейцев, перед первой мировой войной 23% всего товарооборота они осуществляли между собой, в 1938 г. — 27%, остальное приходилось на торговлю, которую европейцы вели вне Европы. Доля импорта в Европу из-за океана возросла с 22 до 27%, уровень европейского экспорта в остальные страны также увеличился с 15 до 17%. Именно эта цифра показывает, насколько велик был перед первой мировой войной экспорт из одних европейских стран в другие. Лишь для Великобритании важнейшими торговыми партнерами были ее заморские колонии. Остальные европейские страны торговали преимущественно между собой; политика автаркии наносила поэтому ущерб прежде всего им самим.

Если рассмотреть отдельно торговлю сырьевыми и промышленными товарами в трех главных регионах Европы, оказывается, что Великобритания оставалась важнейшим импортером продуктов питания и сырья. В 1913—1937 гг. ее доля в мировом импорте сырьевых товаров возрастала. Иная ситуация складывалась на континенте. До первой мировой войны в Европу (без Великобритании) поступало больше половины мирового экспорта сырья, в 1937 г. — лишь 42%; в экспорте доля европейских регионов сокращалась соразмернее (*табл. 67*).

Как импортеры промышленных товаров Великобритания и Ирландия сохраняли достигнутый уровень успешнее континентальных регионов. Однако возможности экспорта промышленных товаров у них, как и у других европейских стран,

**Доля регионов Европы во внешней торговле сырьевыми
и промышленными товарами, 1913—1937 гг. (в %)**

Регион	Импорт			Экспорт		
	1913	1928	1937	1913	1928	1937
А. Сырьевые товары						
Великобритания и Ирландия	19,0	19,9	22,9	6,2	4,8	4,8
Западная и Центральная Европа	43,1	34,2	33,7	25,2	14,5	15,6
Южная и Восточная Европа	12,3	10,5	8,5	14,7	16,0	13,7
В. Промышленные товары						
Великобритания и Ирландия	8,2	9,1	8,8	25,3	21,8	19,5
Западная и Центральная Европа	24,4	17,5	17,5	47,9	40,9	41,8
Южная и Восточная Европа	15,4	15,7	13,3	8,3	4,6	5,8

Источник: Kenwood A.G., Loughheed A.L. The Growth of the International Economy. 1820—1960. An Introductory Text. London, 1971. P. 226f.

по сравнению с Северной Америкой и Японией снизились. В итоге совокупная доля Европы в экспорте промышленной продукции, в 1913 г. составлявшая более 75%, упала примерно до двух третей, причем главным образом это была торговля промышленной продукцией между европейскими странами. Доля внутриевропейской торговли промышленными товарами колебалась в пределах двух третей от совокупного экспорта.

Отнюдь не все европейские страны и не в одно время оказались в проигрыше. Если французские промышленные товары в 20-е гг. сбывались на мировом рынке достаточно хорошо, то в 30-е гг. наметился спад. Иначе обстояло дело с британскими товарами. Самый серьезный кризис сбыта пришелся на 20-е гг., но в последующие десятилетия торговля развивалась успешно. Германия, несмотря на экономический кризис, в 1929—1937 гг. даже расширила свою долю в экспорте промышленных товаров. Удельный вес малых европейских стран, недавно вступивших на путь

развития, в мировом экспорте промышленных товаров в межвоенный период несколько поднялся, хотя и не так быстро, как у Северной Америки и Японии. Все западно- и центральноевропейские государства по-прежнему являлись экспортерами промышленных товаров. Удельный вес трех крупнейших индустриальных стран Европы стабильно превышал половину всего промышленного экспорта в мире. Добавив к ним страны «второго ранга», мы хотя и не получим предвоенных 75%, но отметим, что доля Европы в 1928—1929 и в 1937—1938 гг. составляла более двух третей.

Европейский экспорт изделий промышленности в течение всего межвоенного периода держался на относительно стабильном уровне; тогдашние эксперты, по традиции, объясняли это явление многообразием его номенклатуры. Новые изделия, прежде всего продукция общего и транспортного машиностроения, электротехнической и химической индустрии, отчасти вытеснили привычные товары текстильной и швейной промышленности (табл. 68). Относительно молодые промышленные государства при этом в какой-то мере восполнили снижение уровня производства потребительских товаров в «старых странах». В этом заключается основная причина снижения доли трех крупнейших индустриальных держав во внешней торговле Европы с более чем 60% в довоенное время до 56,6% в 1928 г., а во внутриевропейской торговле с 52,3% до 47,3% (табл. 69 и 70).

Таблица 68

Структурный сдвиг в европейском экспорте промышленных товаров.
1913—1950 гг.* (в %)

Товарная группа	1913	1928	1938	1950
Металлы	19,7	17,9	20,3	16,4
Машины и оборудование	10,7	13,3	19,9	23,0
Транспортные средства	5,1	9,9	13,0	15,8
Химия	6,9	7,0	9,5	9,8
Текстиль	32,7	29,0	16,5	17,9
Прочие	24,9	22,9	20,8	17,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

* Доля 6 групп товаров в промышленном экспорте Великобритании, Германии, Франции, Италии, Бельгии-Люксембурга, Швейцарии и Швеции.

Источник: Svennilson I. Growth and Stagnation in the European Economy. Genf, 1954. P. 180.

По сравнению с темпами роста населения, производства и внешней торговли до первой и после второй мировой войны европейская внешняя торговля межвоенного периода развивалась менее динамично именно в старых промышленных странах. Глубокий спад она пережила только в период мирового экономического кризиса, да и то не во всех странах. Скандинавия и Великобритания, отчасти и страны Южной Европы поддерживали уровень внешнеэкономического оборота стабильнее, чем государства Центральной Европы, где под давлением обстоятельств, позже и в политических целях произошла переориентация системы внешней торговли. Вследствие параллельного воздействия снижающих внешнеторговые обороты и товарные цены факторов спад внешней торговли в начале кризиса, выражаемый в текущих ценах, был особенно резким: едва ли найдется европейская страна, где экспорт в стоимостном выражении в период наиболее глубокого кризиса в 1928—1929 гг. не сократился бы как минимум вдвое. Менее других пострадала Финляндия: экспорт снижался здесь только в течение двух лет (1930—1931 гг.) и упал на 31%. Даже в Швеции сжатие экспорта происходило с 1929 по 1932 г., его объем упал почти на 48%. В Польше экспорт в стоимостном выражении уменьшился с 1929 по 1935 г. на 67%, а в Испании с 1930 по 1935 г. — на 76%.

Импорт резко сократился там, где государство предприняло жесткие меры, наподобие введения квот или ограничения импорта, либо там, где происходило бегство валют из страны. В богатых странах с либеральной моделью регулирования экономики он, как правило, упал не столь резко; здесь сохранялся спрос на потребительские товары, а сырье и полуфабрикаты закупались по относительно низким ценам. В Швеции импорт снизился примерно на 38%, в Великобритании — на 40%. В более бедных странах падение цен сказалось на импорте в той же мере, что и на экспорте. Например, импорт в Испании в стоимостном выражении в 1928—1933 гг. упал на 72%, в Польше в 1928—1934 гг. на 76%, в Финляндии — на 57%. В этих странах, как и в Германии, в период кризиса внешнеторговый баланс кардинально изменился. В 1928—1929 гг. из-за быстро растущего импорта он был отрицательным, а в 1930—1931 гг. в результате снижения ввоза — положительным.

Внутриевропейская торговля. 1913—1950 гг. (в %)

Страны-импортеры / Страны-экспортеры	Годы	Велико- британия, Германия, Франция	Италия, Бельгия, Нидер- ланды, Швейца- рия, Швеция	Дания, Норвегия, Финлян- дия	Прочие европей- ские страны	Всего
Великобрита- ния, Германия, Франция	1913	19,9	18,4	3,4	10,6	52,3
	1928	14,6	17,2	3,5	12,0	47,3
	1938	8,9	16,4	5,2	10,4	40,9
	1950	9,0	17,4	5,4	8,1	39,9
Италия, Бельгия, Нидерланды, Швейцария,	1913	17,0	4,4	1,1	2,1	24,6
	1928	14,8	4,5	1,4	3,0	23,7
	1938	16,1	6,0	2,2	3,5	27,8
	1950	15,5	10,9	3,1	4,3	33,8
Швеция Дания, Норвегия, Финляндия	1913	4,1	0,6	0,1	0,2	5,0
	1928	5,6	1,0	0,4	0,3	7,3
	1938	7,6	1,5	0,5	0,4	10,0
	1950	5,8	1,9	0,9	0,7	9,3
Прочие европейские страны*	1913	7,7	3,1	0,1	7,2	18,1
	1928	10,5	3,3	0,4	7,5	21,7
	1938	11,2	4,0	0,6	5,5	21,3
	1950	6,4	3,5	1,1	6,0	17,0
Всего**	1913	48,7	26,5	4,7	20,1	100,0
	1928	45,5	26,0	5,7	22,8	100,0
	1938	43,8	27,9	8,5	19,8	100,0
	1950	36,7	33,7	10,5	19,1	100,0

* Болгария, Греция, Ирландия, Югославия, Австрия, Польша, Португалия, Румыния, Чехословакия, Венгрия.

** Примерный индекс объема совокупной внутриевропейской торговли в 1913 г. = 100, в 1928 г. = 100, в 1938 г. = 90, в 1950 г. = 100.

Источник: Svernilson I. Growth and Stagnation. P. 197.

В Финляндии объем экспорта восстановился быстрее, чем в какой-либо другой стране. Уже в 1934—1935 гг. он достиг уровня 1928 г., а в 1936 г. превысил уровень 1929 г. Норвегии и Швеции удалось получить тот результат в 1937 г., Дания в этом же году приблизилась к предкризисному уровню. Греция уже в 1935 г. экспортировала больше товаров, чем в 1929 г. Другие государства Юго-Восточной Европы добились этого только в пе-

риод второй мировой войны, когда их внешняя торговля была подчинена интересам германской военной экономики. Большинству европейских стран, в том числе трем крупнейшим, а также Нидерландам, Бельгии и Италии, прийти к этим результатам не удалось. Лишь Великобритания расходовала на импорт в течение двух последних лет войны столько же, сколько в конце 20-х гг. Британский экспорт остался при этом значительно ниже предвоенного уровня. Таким образом, мировой экономический кризис и последовавшие за ним политико-экономические и военно-политические столкновения нарушили структуру внешней торговли Европы.

Тем больше удивления вызывает у многих исследователей темп послевоенного восстановления международных экономических отношений, по крайней мере в Западной Европе. Уровень цен вследствие вызванной войной и охватившей все страны континента инфляции был значительно выше довоенного. С 1945 г. до корейского кризиса рост внешнеторговых операций необходимо связывать с динамикой количественных параметров. В 1946—1949 гг. Дания удвоила экспорт в стоимостном выражении, Финляндия увеличила его в три раза, Нидерланды — в пять, Франция, где рост цен продолжался, — почти в восемь раз. В странах восточного блока, в том числе в приверженном политике автаркии СССР, внешняя торговля в эти годы выросла в три раза. Даже проигравшие в войне страны из мирового внешнеторгового оборота были исключены лишь на короткое время. Италия в 1946—1949 гг. смогла увеличить в три раза свой импорт, а западногерманский экспорт после валютной реформы удвоился в течение одного года.

Корейская война дала внешней торговле Запада новый импульс. В 1950—1951 гг. резко возросли как ее объемы, так и стоимость. Объем экспорта стран с рыночной экономикой, уже в 1948 г. превысивший довоенный, в 1950 г. был на 7%, а в 1951 г. на 21% выше уровня 1929 г. В 1950 г. мировое производство промышленной продукции при этом было на 68%, а в 1951 г. — на 82% выше, чем в 1929 г.; война создала крупные производственные мощности, торговля шла вслед за ростом производства. В эти годы, как и перед первой мировой войной, она вновь росла опережающими темпами по сравнению с про-

изводственным сектором. В 1956 г. мировое промышленное производство на 58% превосходило уровень 1948 г., а мировой экспорт — на 77%. Эта тенденция приобрела долгосрочный характер: с 1963 по 1970 г. мировое производство выросло на 52%, а экспорт — на 84%, и даже в относительно неблагоприятные 70-е гг. экспорт увеличился на 79%, в то время как производство промышленной продукции только на 40%.

Европа должна была догнать мирового лидера во внешней торговле, и ей это удалось. В 1953 г. структурные сдвиги в мировой торговле, вызванные войной, были еще заметны: доля Северной Америки была на 9% выше, чем в 1937 г., свой удельный вес увеличили Латинская Америка, Океания и даже Африка. Однако отставание Европы не было непреодолимым. Великобритания почти восстановила прежний уровень, континентальные регионы, за исключением стран восточного блока, отставали на 5,7%. В целом на некоμμунистическую Европу приходилось почти 39% экспорта и 45% импорта некоμμунистического мира; если взять Европу в границах 1937 г., на экспорт некоμμунистической ее части приходилось 45% мирового объема, а на импорт — 55%. К 1960 г. Европа достигла в мировой торговле позиций 1937 г. Если же учитывать расширявший внешнеэкономические связи СССР, то Европа в целом уже в 1948 г. превысила в мировой торговле уровень 1937 г. и по меньшей мере достигла уровня 1928 г.

Удельный вес отдельных стран в общеевропейской внешней торговле (без СССР) в некоторых случаях значительно изменился, но для большинства стран остался в целом стабильным. Доля Великобритании уменьшилась наполовину, в такой же пропорции снизился и без того незначительный удельный вес Португалии. Доля Швеции и Швейцарии, напротив, сократилась не столь уж существенно. Чуть больше потеряла Дания. Внешняя торговля Франции, стран Бенилюкса, ФРГ, Австрии, Италии, Норвегии и Испании развивалась динамичнее и приобрела больший вес в Европе. Уже в 1960 г. ФРГ заняла место Великобритании как лидера европейского экспорта, а в 60-х гг. она была крупнейшим импортером континента. Из стран восточного блока снижался удельный вес более крупных ГДР, ЧССР и Польши, тогда как доля малых молодых государств (Болгарии, Югославии и Румынии) увеличилась (табл. 70).

В 1960—1984 гг. среднегодовые темпы прироста объема внешней торговли составляли 6,8% по экспорту и 6,2% по импорту. Этот показатель совпадает с индексом роста торговли стран с развитой рыночной экономикой: Европа в целом занимала промежуточное положение между Северной Америкой с характерными для нее низкими темпами роста и Японией, торговля которой росла быстро. Сказанным объясняется и тот факт, что внешняя торговля европейских стран-членов ОЭСР приобрела высокий удельный вес в целом внутри ОЭСР. В 1967—1982 гг. удельный вес Европы в ОЭСР постоянно превышал 60%, а в конце 70-х гг. ее доля в экспорте выросла почти до двух третей, а по импорту в конце 70-х гг. приблизилась к 66%. В 1982 г. как по импорту, так и по экспорту доля Европы составляла 62%.

В течение практически 25 лет темпы развития внешней торговли опережали рост производства. При этом ускорился ее рост и в абсолютных цифрах, если абстрагироваться от незначительных колебаний. В конце 60-х гг. годовые темпы роста торговли европейских стран-членов ОЭСР составляли около 13,4%, а в некоторых странах (Испания) превысили 20%. В начале 70-х гг. они снизились, в 1973 г. достигли прежнего уровня; нефтяной кризис резко изменил общую ситуацию. В 1974 г. темпы роста экспорта упали до 7%, а по импорту приблизились к нулю. В 1975 г. внешняя торговля Западной Европы впервые после войны сократилась (импорт — на 5,4%, экспорт — на 6%). После столь же резкого скачка в следующем году с конца 70-х гг. наметилась тенденция к умеренному росту. Ввоз вновь сократился в 1981 г., но уже в 1984 г. он получил новый мощный импульс.

В европейских странах тогда начали ухудшаться бывшие до той поры стабильными *terms of trade* (англ. условия торговли, соотношение цен импорта и экспорта. — Прим. пер.), в 1960—1968 гг. имевшие слабую тенденцию к улучшению (0,3% в среднем). В 1973 г. они снизились на 4%, в 1974 г., в разгар «нефтяного кризиса», на 11,2%. Они ухудшались и в конце 70-х—начале 80-х гг., в 1979—1984 гг. на 1,5% в год. Относительная структура цен в начале 80-х гг. для европейцев была намного более неблагоприятной, чем в начале 60-х гг. Среднегодовое

ухудшение условий торговли для Западной Европы в 1960—1984 гг. составило 0,8%.

Причина состояла главным образом, если не исключительно, в повышении цен на нефть. Расходы на нефтяное топливо европейских стран-членов ОЭСР из-за быстрыми темпами возраставшего потребления уже в конце 60-х гг. ежегодно увеличивались на 1—2 млрд долларов. В 1970 г. они равнялись 15 млрд, в 1972 г. превысили 21 млрд, чтобы в 1973 г. подскочить почти до 30,6 млрд и в 1974 г. превзойти 73,6 млрд долларов, — скачок, являвшийся следствием экономии, принесшей временное облегчение. В 1978 г. они достигли 94 млрд, после второго подорожания нефти в 1979 г. вышли на уровень 141 млрд, в 1980 г. поднялись до высшей точки в 202 млрд долларов. Затем расходы на нефть начали сокращаться: промышленность и предприниматели предприняли ряд мер по экономии энергии. Минеральные источники энергии, на которые в 1969—1970 гг. приходилось свыше 10% стоимости совокупного западноевропейского импорта, в 1974 г. составили около 20%, в 1982 г. — 23,7%. Начиная с 1980 г. Западная Европа должна была за энергоресурсы платить больше, чем за импорт машин и транспортного оборудования.

Однако продукция общего и транспортного машиностроения оставалась ведущей статьей западноевропейского экспорта. Несмотря на возросший экспорт нефти из Великобритании и Норвегии, нефть, как и прежде, составляла более трети совокупного европейского вывоза. От двух третей до трех четвертей этого экспорта шло в другие страны-члены ОЭСР. Ввозившиеся в Западную Европу оборудование и транспортные средства более чем на 95% изготавливались в других странах-членах ОЭСР, в первую очередь в Европе, а также в США и Японии. Импорт минеральных источников энергии, в первую очередь нефти, до конца 70-х гг. только на одну четверть шел из стран-членов ОЭСР. В связи с разработкой месторождений в Северном море его доля в последние годы превысила одну треть. Возрос удельный вес ОЭСР и в импорте продуктов питания, напитков и табачных изделий (с около двух третей в конце 70-х гг. до почти трех четвертей к началу 80-х гг.). Аналогичная ситуация сложилась в импорте сырья, где доля стран-членов ОЭСР возросла с 60% до

70%. В целом почти две трети импорта и свыше трех четвертей экспорта западноевропейских стран осуществляются внутри ОЭСР. На долю стран восточного блока приходится 3—4% внешней торговли Западной Европы, на страны-члены ОПЕК — свыше 10% (в 1967 г. — только 3%), на остальной мир, т.е. не добывающие нефть развивающиеся страны Азии, Африки и Америки, оставалось не более 10%. Даже по товарам пищевой и пищевкусовой промышленности и сырью доля развивающихся стран в европейском импорте едва ли превышает 20%. Как большинство заморских колоний в XIX в., страны сегодняшнего «третьего мира» имеют для Европы второстепенное экономическое значение. В долгосрочной перспективе значение внутриевропейской торговли не только не было утрачено, но даже поднялось. С почти двух третей перед первой мировой войной, преодолев период временного сокращения в межвоенный период, она возросла до почти трех четвертей к началу 70-х гг. (табл. 71).

Для восточноевропейских стран внешняя торговля имеет гораздо меньшее значение, чем для Запада. Они прилагают, одна-

Таблица 71

География внешней торговли Европы, 1910—1972 гг. (в %)

Год	Европа	Северная Америка	Южная Америка	Азия	Африка	Океания
А. Происхождение импорта						
1910	60,0	14,0	8,2	10,0	4,5	3,4
1928	55,8	16,4	10,2	8,7	5,4	3,4
1938	53,2	14,7	9,4	10,3	7,2	5,1
1953	57,2	10,6	7,0	11,2	9,8	4,2
1970	71,4	10,2	3,9	7,5	6,0	1,0
В. Регион назначения экспорта						
1910	67,8	7,6	7,5	9,8	4,8	2,4
1928	65,5	8,0	6,6	10,4	6,7	2,8
1938	64,3	6,4	7,1	10,0	9,1	3,2
1953	60,7	7,2	4,7	13,4	10,8	3,2
1960	65,1	8,0	5,9	10,3	8,3	2,4
1970	74,0	7,8	4,4	7,0	5,7	1,2
1972	75,0	8,1	3,6	7,2	5,1	1,0

Источник: Bairoch P. Geographical Structure and Trade Balance of European Foreign Trade from 1800 to 1970 / The Journal of European Economic History. 1974. 3. P. 562, 577.

ко, усилия, по крайней мере с момента создания Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), к развитию международного разделения труда внутри блока, а также к расширению торговли с Западом. Доля СЭВ в общем объеме западной торговли росла лишь спорадически. В 1952 г., без учета торговли с Китаем, Северной Кореей и Северным Вьетнамом, она составляла в импорте около 8%, в экспорте — около 9%. До 1960 г. доля европейских стран восточного блока (без Югославии, которая в статистике ООН относится к западноевропейским странам) в мировом импорте возросла до почти 11%, а в экспорте до 10,5%; к 1970 г. она вновь сократилась по обоим показателям до менее 10%, а к 1980 г. до 8%, то есть оказалась на уровне начала 50-х гг.

Более половины внешнеторгового оборота стран с государственно регулируемой экономикой приходится на партнеров по блоку: в 1958 г. — 71%, в 1973 г. — 63,6%, в 1980 г. — 54,4%. Доля Западной Европы в их внешней торговле при этом поднялась с 16,5% в 1958 г. до 20,4% в 1970 г. и до 28,4% в 1980 г. (без учета торговли между обеими Германиями). Как и прежде, для Западной Европы торговля со странами восточного блока имеет подчиненное значение: до 1970 г. на страны СЭВ приходилось менее 5%; в 1975—1980 гг. она несколько повысилась с 6,5 до 7,5%. В Европе в целом поддерживается то же соотношение, что и в мировой экономической системе: слабые, относительно менее развитые и диверсифицированные партнеры в большей степени ориентируются на ведущие экономические державы, чем наоборот. Старые промышленные страны обмениваются товарами преимущественно между собой и представляют оптимальные рынки друг для друга. Отстающим следует пытаться внедриться в сложившиеся экономические структуры, в интересах собственного прогресса они нуждаются во взаимодействии с технически и экономически передовыми странами.

Деньги и кредит

Первая мировая война повсюду в Европе привела к всплеску инфляции. Уже во время войны в странах Восточной Европы и пограничных странах Центральной Европы инфляционные про-

Рост количества бумажных денег в обращении в европейских странах вследствие первой мировой войны, 1913—1926 гг. (в млн)

Конец года	Бельгия	Болгария	Дания	Германия			Финляндия	Франция	Греция	Великобритания		Италия		Югославия
	Банк-ноты	Банк-ноты	Банк-ноты	Банкноты Имперского банка	Ассигнации гос. казначейства и сбер. касс	Чек-рентного банка	Банк-ноты	Банк-ноты	Банк-ноты	Банкноты Английского Банка	Облигации госзаймов	Банк-ноты	Облигации госзаймов	Банк-ноты
	Франки	Левы	Кроны	Марки, рейхс-марки	Марки	Рентные чеки	Марки	Франки	Драхмы	Фунты стерлингов		Леры		Динары
1913	1067	189	152	2593	149		113	5714	245	29,6	0	2284	499	
1914	1614	227	207	5046	236		142	10043	265	36,2	38,5	2936	657	
1915	1320	370	220	6918	327		232	13216	392	35,3	103,1	3968	1082	
1916	1282	834	285	8055	352		421	16580	569	39,9	150,1	5012	1317	
1917	1268	1493	338	11468	350		764	22336	865	46,6	212,8	8424	1749	
1918	3210	2299	450	22188	10466		1156	31055	1274	70,2	323,2	11750	2124	
1919	4786	2858	489	35698	14109		1124	37275	1382	87,3	356,2	16281	2270	
1920	6260	3354	557	68805	12349		1341	37902	1508	113,3	367,6	19732	2268	3344
1921	6415	3615	471	113640	8523		1356	36487	2161	107,1	325,6	19209	2267	4688
1922	6876	3886	459	1280095	13663		1421	36359	3149	102,9	295,4	18012	2267	5040
1923	7537	4139	473		800		1352	39114	4681	105,7	299,1	17247	2428	5790
1924	7873	4530	478	1941		1835	1250	40885	4866	101,3	296,3	18114	2400	6002
1925	7814	3655	438	2960		1476	1309	51085	5339	88,5	296,8	19350	2100	6063
1926	9507	3708	377	3251		1369	1335	55010	4686	84,3	287,9	18332	1900	5719

Конец года	Нидерланды		Норвегия	Австрия	Польша		Португалия	Румыния	Россия/СССР		Швеция	Швейцария	Испания	Чехословакия	Венгрия
	Банкноты	Облигации гос- зай- мов	Банкноты	Банкноты	Банкноты	Различные чеки	Банкноты	Банкноты	Банкноты	Банкноты	Банкноты	Банкноты	Банкноты	Банкноты	Банкноты
	Гульдены		Кроны	Шиллинги	Злотые		Эскудо	Лей	Рубли		Кроны	Франки	Песеты	Кроны	Кроны
1913	313	0	108				87	437	1700	234	314	1931			
1914	494	11	134				96	578	3000	304	456	1974			
1915	577	5	162				115	762	5700	328	466	2100			
1916	758	16	251				140	1452	9300	418	537	2360			
1917	890	27	326				193	1961	27400	573	702	2799			
1918	1069	69	431				274	2489	60900	814	976	3334			
1919	1033	41	450				371	4215	225100	748	1036	3867		4723	
1920	1072	51	483	30646			611	9486	1168700	760	1024	4326		11289	14308
1921	1013	33	410	174115			737	13722	17539600	628	1009	4244		12130	25175
1922	1012	32	385	4080177			1054	15162	4	584	976	4137		10064	75887
1923	1066	32	396	713			1420	17917	237	576	982	4338		9599	931337
1924	935	23	391	839	551	151	1763	19397	411	537	914	4535		8810	4513990
1925	875	17	363	890	381	440	1821	20126	727	530	876	4440		8408	416
1926'	824	14	328	865	581	427	1879	21051	857	549	824	4398		7510	441

На конец сентября.

Источник: Woytinsky W. Die Welt in Zahlen. Berlin, 1927. Bd. 5. S. 260f.

цессы проявились ощутимее, чем на Западе или на мало затронутых войной Севере и Юге Европы. После войны валюты России, Польши, Австрии, Венгрии, Греции и Германии полностью обесценились и их пришлось санировать большей частью при международной поддержке. Германия установила рекорд по уровню инфляции, Россия, Венгрия и Австрия следовали вплотную за ней. В 1922 г. в России обращалось государственных денежных знаков в 1,26 миллионов раз больше, чем в 1913 г., в Австрии в течение трех лет их количество возросло в 133 раза, в Венгрии в течение 5 лет — в 315 раз. В Испании же, напротив, количество бумажных денежных знаков, находившихся в обращении в 1913—1924 гг., увеличилось только в 2,3 раза, в Швеции и Швейцарии в 1913—1920 гг. только примерно в 3,3 раза, а затем вновь сократилось (*табл. 72*).

В странах с падающими валютами в негативный процесс была втянута вся банковская и кредитная система. В СССР она была огосударствлена. В странах, возникших вследствие распада Австро-Венгрии, ее путем «национализации» отделили от материнской, главным образом венской, и тем самым ослабили. В Польше и Германии вследствие валютных потрясений банки потеряли большую часть основного капитала и были вынуждены с тех пор, как показывают сравнительный исторический и межгосударственный анализ, оперировать меньшим собственным капиталом. Они превратились в уязвимые и во многих отношениях нуждающиеся в поддержке учреждения. Расстроены были югославская, греческая и румынская банковские системы, нарушена их преемственность с довоенной. В отличие от них банки и прочие кредитные институты в большинстве стран Запада, Севера и Юга Европы работали стабильно. Отношения собственности там принципиально не изменились, а экономическая, равно как и валютная, политика правительств определялась стремлением вернуться к довоенным условиям. В Великобритании в конце первой мировой войны усилился процесс концентрации банков, который явился прямым продолжением предвоенных тенденций, он даже усилил эти тенденции, чтобы противостоять ожидавшемуся обострению конкурентной борьбы на мировом рынке капитала. Одиннадцать крупных банков слились в «большую пятерку», влияние которой распространи-

лось сначала на Англию и Уэльс, а с 1919 г. и на Шотландию. Центрами деловой активности, помимо Лондона, в первую очередь стали портовые города. Когда в 1923 г. этот процесс завершился, то свыше 83% британских финансовых сделок, как по вкладам, так и по кредитам, концентрировалось в пяти крупнейших банках — *Barclays, Midland, Westminster, Lloyds, National Provincial*.

Во Франции также происходила концентрация банков, начавшаяся перед войной. Однако она была выгодна, скорее, не крупным парижским, а региональным банкам, удельный вес которых вырос. В 1913 г. во Франции почти 76% всех банковских депозитов концентрировалось в четырех ведущих парижских банках, в 1924—1929 гг. — лишь около 53%, тогда как доля региональных банков поднялась с 14 до 24%. Однако три из четырех парижских банков значительно расширили сеть своих филиалов после войны. Два крупнейших, *Crédit Lyonnais, Société Générale*, в 1932 г. имели около 1500 отделений.

Тем не менее, как представляется, значение банков в экономической жизни Франции снижалось. Вклады и кредиты, т.е. две главные статьи баланса, росли не столь быстро, как инфляция, поэтому соотношение величины банковских балансов и национального дохода снижалось. В 1914—1926 гг., а также в 1936—1939 гг. банки должны были смириться с относительным ухудшением своего положения по сравнению с довоенным периодом, причем из-за увеличения денег в обращении, маскировавшего незаметно приближавшуюся инфляцию, ослабление позиций банков было скрытым от взора тогдашних экспертов. Значение центрального банка в соотношении с частно-банковской системой возрастало. В 1939 г. банкноты Французского банка составляли 54% всей денежной массы, включаемой в агрегат M1 (наличные деньги и небанковские вклады до востребования), против 21% в 1913 г. Выпускаемые частными банками деньги, большей частью кредитные билеты крупных банков, которые в 1913 г. занимали еще 45% денежного обращения (M1), в абсолютном значении едва ли возросли и из-за инфляции утратили значение по сравнению с платежными средствами центрального банка.

Французская промышленность, по-видимому, в межвоенные десятилетия обрела большую независимость от банков. Конто-

коррентный банковский кредит утратил значение инструмента финансового воздействия на индустрию, и большую часть имевшихся в их распоряжении средств банки инвестировали в государственные ценные бумаги, как и перед войной. Поэтому ликвидные резервы французских банков (в отличие от немецких или австрийских) возрастали. Три крупнейших (*Crédit Lyonnais, Société Général, Comptoir d'Escompte*) перед первой мировой войной 7—9% своих текущих счетов и депозитов до востребования держали в качестве банковских резервов. В межвоенный период эта квота ликвидности никогда не опускалась ниже 20%, а в 1932 г., в разгар мирового экономического кризиса, составила 38%. Таким образом, крупные французские банки, в то время как некоторые их конкуренты в Америке и Центральной Европе переживали проблемы с ликвидностью, были готовы к кризису, хотя свои активы они в значительной мере перевели из промышленной сферы на рынок краткосрочных межбанковских кредитов. Важнейшей причиной было то обстоятельство, что крупная французская промышленность только в ограниченном объеме нуждалась в услугах банков. Насколько могли, промышленные компании сами осуществляли инвестиции, подобная практика и в других европейских странах стала традицией с давних пор. В межвоенный период «самофинансирование» стало осуществлять все труднее. Деньги мелких предпринимателей и служащих, без сомнения, едва ли пошли на пользу банкам; те вкладывали их, будь то в Скандинавии или в Центральной Европе, прежде всего в сберегательные кассы, куда в годы кризиса во Франции устремилось в четыре раза больше депозитов, чем в четыре крупных банка.

Французский банк в меньшей степени действовал как «банк банков»; скорее, он играл роль государственного банка, финансовыми средствами способствуя до 1926 г. восстановлению экономики, с 1936 г. — производству вооружений. Между тем, главным образом в 1926—1936 гг., он накопил колоссальные валютные резервы. В 1919 г. его активы на 70% состояли из кредитов государству и только примерно на 30% из золотовалютных резервов. С 1928 по 1935 г. доля кредитов правительству была ниже 4% (и тем самым ниже уровня 1913 г., составлявшего 5,9%). Соответственно, доля валютных резервов возросла

почти до 80%. В то же время на протяжении межвоенного периода кредиты частному сектору не достигали 20%; sporadически, например в 1927 и 1932 гг., они немного превышали 5%, и только их незначительная часть служила целям рефинансирования банковской системы, большая же состояла из прямых кредитов предприятиям: центральный банк вступал в конкуренцию с коммерческими банками — линия, вызывавшая ожесточенную критику со стороны банков. В межвоенный период ссуды Французского банка национальной промышленности достигли довоенного уровня только в 1935—1936 гг., а в 1932 г., когда кредиты промышленности из-за кризиса составили только 5,2% всех его активов, по признанию руководителей банка, он временно потерял контроль над рынком, т.е. не мог определять учетную ставку, так как ведущие частные банки не пользовались ею для рефинансирования, а устанавливали свою, ориентируясь на межбанковские сделки.

Французская банковская система в целом устояла под ударами кризиса, несмотря на крах двух крупных и множества мелких банков. Разумеется, активность ее, как и Французского банка, снизилась. Резервы были достаточно велики, чтобы пережить кризис, но хватило бы их, чтобы предотвратить кризис ликвидности 1931 г., остается предметом дискуссии. Ни кредитные институты Франции, ни правительство страны не были готовы к масштабному использованию резервов для этой цели. Восстановившееся только к 1926 г. доверие к франку сохранялось и во время кризиса, и, когда во времена Народного фронта французы сами пошли на понижение его курса, иностранцы все-таки не в такой степени изымали свои сбережения, как в Германии в 1930—1931 гг. Несмотря на некоторые признаки «бегства капиталов», золотые резервы оставались высокими.

Рынок международных кредитов, переживший период оживления в 20-е гг., после того как мирные договоры, стабилизация валют и урегулирование вопроса о репарациях к весне 1924 г. вновь даровали Европе стабильные политические и экономические условия существования, сжался во время кризиса; американские банки, основной источник кредитов, сами оказались в трудном положении, а французские не видели перспектив для прибыльных инвестиций капитала ни в Центральной, ни в Вос-

точной и Южной Европе. Они действовали как консервативные, осторожные финансисты, а не как заимодавцы, готовые предоставлять *lender of last resort* (англ. кредит из последних средств. — *Прим. пер.*). В сильно политизированной атмосфере той эпохи, когда львиная доля затруднений объяснялась не частнохозяйственными кредитными взаимосвязями, а политическими отношениями по поводу военных долгов и репараций, только центральные банки держав-победителей совместными действиями смогли бы гарантировать необходимый уровень ликвидности. Но из-за национального и личного соперничества, прежде всего вследствие принципиальных различий в анализе ситуации, ее причин и путей выхода из сложившегося положения, они не чувствовали себя готовыми к этой миссии, тем более что и правительства их стран не поддерживали их инициативы. Тем не менее крах международной кредитной системы затронул лишь часть Европы, прежде всего Австрию, государства-наследники Австро-Венгрии и Германию. В Скандинавии, в Юго-Западной и Западной Европе дела шли как обычно (*business as usual*) и объемы кредитных сделок лишь несколько ограничивали из соображений осторожности.

В период экономического оживления конца 30-х гг. международный рынок кредитов, равно как и международный товарообмен, отставали в сравнении с динамикой внутреннего рынка. В некоторых регионах Европы, как и после первой мировой войны, межгосударственное обращение капиталов вновь оказалось в кильватере политики, но теперь вектор финансового развития повернулся на 180°. На этот раз не французские банки делали погоду на континенте, в Центральной и Юго-Восточной Европе окрепли немецкие банки, превзошедшие средние европейские показатели.

Экспансия Германии усилилась с 1938 г. Сначала Австрия, затем Чехословакия и наконец в ходе войны большая часть континентальной Европы была втянута в сферу влияния немецких банков и частично оказалась под их диктатом. Так, Немецкий банк выкупал из бельгийского, французского или британского владения акции румынских нефтедобывающих предприятий, предприятий дунайских пароходных компаний или же акции итальянских, венгерских и чешских банков. Как «домашние

банки» ведущих германских промышленных корпораций крупнейшие банки участвовали в трансакциях, сводившихся к переводу в немецкие руки части промышленной собственности Польши и других стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Расширение сферы влияния германских концернов было связано напрямую с усилением экспансии немецких «гроссбанков». В нейтральных странах Европы это не получалось, на Иберийском полуострове, в частности, сохранилось ощутимое влияние британских банков, и даже оккупированным западным странам удалось в значительно большей мере защитить свою финансовую самостоятельность от Германии, чем восточноевропейским.

Послевоенное время не принесло принципиальных изменений в банковской системе на Западе, Севере и Юге Европы, но в некоторых странах наметились определенные шаги в сторону огосударствления центральных и крупных банков. В странах восточного блока банковская система была полностью перестроена по советскому образцу. В Западной Германии оккупационные власти сначала разделили крупные банки на региональные отделения по американскому примеру, но позже разрешили их объединение. Без формального огосударствления, которое затронуло ведущие банки в Австрии и Франции, общество тем не менее приобрело больше влияния в кредитном секторе Германии, в частности в отношении роста активов сберегательных касс и их расчетных институтов (жиро-центров), а также банков отдельных федеральных земель.

Процесс концентрации продолжался и был замечен в малых странах, например в Норвегии или Швейцарии; главное в том, что теперь он гораздо чаще и в большей степени выходил за пределы национальных границ. Многие банки приобретали доли участия в капитале иностранных банковских учреждений. Число участий такого рода возрастало, например у Немецкого банка в 1962—1972 гг. с 7 до 33. Некоторые крупные банки основывали преимущественно в Люксембурге совместные дочерние общества для ведения дел на европейском или мировом рынках; они образовывали консорциумы или на договорной основе приходили к соглашениям о долговременном сотрудничестве. В итоге в 1970—1971 гг. в Европе возникли четыре крупные международные межбанковские группы.

Деловые связи банков в европейском и мировом масштабе установились, едва только европейские страны в конце 50-х гг. добились полной конвертируемости своих валют, подготовленной достигнутой в конце 40-х гг. стабилизацией пошатнувшихся в период второй мировой войны валют и основанием Европейского платежного союза в конце 50-х гг. Сначала считалось, что доллар на долгое время станет основной валютой и во внутриевропейском обращении, международные кредитные сделки первое время заключались исключительно в долларах.

Возникновение рынка евродолларов с 1953 г. усилило тенденцию к интернационализации кредитного обращения. Центром рынка евродолларов стал Лондон, где еще в 70-х гг. совершалось 75—80% всех сделок с евродолларами. В результате окрепло положение Лондона как ведущего финансового центра мира, противовеса Нью-Йорку. В конце 70-х гг. в Лондоне действовало свыше 360 иностранных банкирских домов. Кроме того, европейским кредитным центром стал Люксембург; здесь, в банковской оффшорной зоне, кредитные учреждения освобождались от многих ограничений, действовавших в их собственных странах, и пользовались налоговыми льготами. Возросло и значение Цюриха как средоточия международной банковской активности.

Рынок евродолларов начался с оборотов в несколько миллионов долларов в начале 50-х гг. и развился в крупнейший международный валютный рынок краткосрочных и среднесрочных сделок, где в конце 70-х гг. наряду с коммерческими банками участвовали также центральные банки и мультинациональные промышленные корпорации. Объем предоставленных кредитов превышал 900 млрд долларов, с начала 70-х гг. операции на рынке велись также и в европейских валютах, таких, как марка ФРГ, швейцарский франк, голландские гульдены или английские фунты, впоследствии в йенах и, наконец, в единой европейской валюте — экю.

Начало рынку евродолларов, вероятно, было положено при активном участии государственных банков стран восточного блока, которые стремились депонировать на Западе свои долларовые резервы под процент на короткий срок, поскольку в США они могли их держать только как бессрочные вклады, т.е.

беспроцентно, или как срочные вклады, но при слишком низком проценте, до 1970 г. устанавливаемого Федеральной резервной системой США. Вероятно, они опасались, что их депозиты из политических соображений могут быть заморожены. Благодаря более выгодным и свободным условиям начисления процентов и западноевропейские банки вскоре начали размещать долларовые активы друг у друга, в прочих неамериканских банках и, наконец, в крупных индустриальных компаниях. Первоначально средства на рынок поступали преимущественно из США, в чем участвовали европейские филиалы американских банков. Но в 1970 г. уже 55% от выданных в кредит 46 млрд долларов по происхождению были европейскими. Доходы нефтедобывающих стран после 1973 г. в результате повышения цен на нефть поднялись в несколько раз; эти государства поэтому стали участвовать в качестве кредиторов на еврорынке, затем к ним добавились международные организации. В конце 1978 г. положительное сальдо активов одиннадцати крупнейших промышленных стран Запада, стран-экспортеров нефти и международных организаций на европейском валютном рынке превысило 100 млрд долларов. Страны восточного блока, как и прежде, участвовали в операциях на европейском денежном рынке, размещая или заимствуя кратко- или среднесрочные денежные ресурсы в западных валютах. Наряду с развивающимися странами они являлись на этом рынке крупнейшими нетто-должниками.

В начале 70-х гг. на европейском валютном рынке действовали сотни коммерческих банков, однако задавали тон несколько ведущих банков, выступавших в качестве регулятора между рынками национальных валют и международным рынком. Последний, подобно рынкам капитала раннего нового времени и XIX в., зиждился по преимуществу на доверии партнеров, а не на государственных нормах. Кредиты на срок до одного года предоставлялись без гарантий, и благодаря стандартизированной процедуре рынок до последнего времени функционировал без осложнений. Процентные ставки на европейском валютном рынке могут значительно отличаться от ставок на рынках отдельных стран, часто они ниже, так как отсутствуют издержки, связанные с операциями через центральные банки, напри-

мер минимальный уровень резервов. Из-за отсутствия контроля со стороны центральных банков отдельных стран на этом рынке могут возникнуть источники потенциальной опасности. Существование европейского валютного рынка поэтому является весомым аргументом в пользу создания центрального банка Европейского экономического сообщества.

Европейский валютный рынок плавно перетекает в рынок кредита и капиталов. Границу между ними большей частью проводят по кредитам сроком более одного года. Однако благодаря *rollover* (англ. технике пролонгации. — Прим. пер.) краткосрочные кредиты легко могут быть преобразованы в среднесрочные. Долгосрочные кредиты начали фигурировать на евторынке после того, как американское правительство в 1963 г. потребовало облагать американцев, имеющих иностранные акции или облигации иностранных займов, налогом, выравнивающим процент, для того чтобы затормозить отток долларов, а двумя годами позднее приняло решение о введении мер к ограничению прямых заграничных инвестиций. С 1963 по 1970 г. на европейском валютном рынке было размещено займов на сумму 12,5 млрд долларов, в 1971—1978 гг. уже 42,8 млрд, из них только в одном 1977 г. — почти 19 млрд. Как в случае с европейским валютным рынком, на рынке кредитов речь шла первоначально только о системе расчетов в евродолларах; в конце 70-х гг. доля выпущенных в долларах облигаций сократилась на 45%. Второй важнейшей валютой на рынке еврокапиталов был вначале голландский гульден, а с 1975 г. в этой роли выступает преимущественно марка ФРГ.

Первоначально займы на европейском рынке капиталов выпускали преимущественно крупные фирмы. С 1974 г., когда у многих стран образовался дефицит платежного баланса из-за повышения цен на нефть, эти страны начали брать евроссуды, чтобы обеспечить себя валютой или финансировать перестройку инфраструктуры. В конце 70-х гг. страны-эмитенты приобрели большее значение на рынке капиталов, чем частные фирмы; займы на евторынке капиталов размещали и международные организации.

Конечно, евторынок осложняет задачу центральных банков по регулированию денежной массы в собственной стране, что в

последние десятилетия наряду со стабилизацией внешнего курса валюты стало важнейшей функцией этих банков. Как и в межвоенный период, европейские страны выбрали различные пути решения этой задачи, достигнув и разных результатов. Пострадавшие от инфляции государства, а также Швейцария и Великобритания традиционно устанавливают узкие пределы увеличению денежной массы; Италия, Греция, а также Франция осуществляли не столь строгий контроль над денежной эмиссией. Так, денежная масса (M1) в Греции с 1960 по 1984 г. возрасла в среднем за год на 16,8%, в Италии — на 16,2%, в ФРГ и в Австрии — примерно на 8%, в Швейцарии — на 6%. Реально, т.е. с учетом роста цен, разница была менее заметной. Лидировала все та же Греция с 5,9%, за ней следовала Италия с 5,2%, завершала список Швейцария с 1,1% прироста реальной денежной массы в год. В 1979—1984 гг. реальная эмиссия в большинстве стран Европы снизилась, в особенности в Испании и Ирландии, так как центральные банки предпринимали попытки затормозить инфляцию (табл. 73).

Таблица 73

Среднегодовые темпы изменения показателей денежно-кредитного рынка в некоторых европейских странах. 1960—1984 гг. (в %)

Страна	Денежный агрегат M1 номинальный	Денежный агрегат M1 реальный	Денежный агрегат M2 номинальный	Денежный агрегат M2 реальный	Кредиты народному хозяйству	Скорость обращения денег
Австрия	7,8	2,5	13,6	8,1	14,1	5,2
Греция	16,8	5,9	21,3	10,0	19,1	5,6
Дания					10,5	
Ирландия	9,9	—0,2	13,3	2,9	16,4	4,9
Испания						3,5
Италия	16,2	5,2	15,7	4,8		2,3
Нидерланды	8,7	2,5	9,5	3,3	16,0	4,6
Норвегия					11,8	
Финляндия	12,4	3,4	13,4	4,3	13,9	12,6
Франция'	10,6	3,0	13,0	5,8	16,6	3,3
ФРГ	7,9	3,4	8,7	4,2	10,4	5,8
Швейцария	6,0	1,1			10,8	2,7
Швеция			9,8	2,4	10,7	

' 1960—1982 гг.

Источник: OECD. Economic Outlook. Historical Statistics. 1960—1982. P. 98ff.; 1960—1984. P. 98ff.

Денежная масса с включением срочных вкладов на срок до четырех лет (M2) и общей суммы кредитов в национальные экономики в целом расширялась интенсивнее, нежели банкноты центральных банков и бессрочные вклады. Скорость денежного обращения и процентные ставки не всегда соответствовали этому увеличению: на процесс ощутимо влияли национальные особенности, т.е. усилия центробанков отдельных стран по торможению инфляции (табл. 74).

Таблица 74

Средние процентные ставки в некоторых европейских странах. 1960—1984 гг. (в %)

Страна	Краткосрочная ставка процента		Долгосрочная ставка процента	
	номинально	реально	номинально	реально
Бельгия	7,4	2,0	8,3	2,9
Дания			12,1	3,9
ФРГ	6,2	1,9	7,5	3,2
Франция			9,4	1,9
Италия	9,1	—1,0	9,6	—0,6
Нидерланды	6,1	0,2	7,4	1,5
Швеция	6,4	—0,7	8,2	1,0
Швейцария	3,4	—1,3	4,5	—0,2
Великобритания	8,1	—0,4	9,6	1,0

Источник: OECD. Economic Outlook. Historical Statistics. 1960—1984. P. 101f.

Заслуживает внимания то, что в целом ряде европейских стран, среди них и в Швейцарии, реальные процентные ставки в среднем за 1960—1984 гг. были отрицательными, т.е. инфляция не только полностью съедала реальный номинальный процент, но и обесценивала также реальную стоимость предоставленного в распоряжение капитала; накопителей денежных знаков она превращала в инвесторов процесса роста национальных экономик.

Общественные службы

Во всех современных обществах происходит абсолютный рост служб управления, увеличивается их относительное значение в общественном хозяйстве и совокупном числе занятых. Срав-

нительный анализ по странам затруднен различиями в определении понятия «общественные службы». Сюда входят полностью или частично занятые в органах управления всех уровней, включая полицию и органы юстиции, учреждения просвещения и образования, почту и железные дороги и исключая здравоохранение, социальное страхование, органы социального обеспечения (типа домов престарелых), а также на государственных предприятиях (кроме почты и железных дорог). Это определение, возможно, производит впечатление произвольного, но оно необходимо для преодоления трудностей отграничения данной сферы от прочих.

Таблица 75А дает представление об абсолютном росте общественных служб, хотя и характерном для всех рассматриваемых стран, но происходящем неравномерно в разных странах. Начальный стимул к развитию этих служб дала первая мировая война. Пример участвовавших в войне стран, а также нейтральных государств, таких, как Нидерланды и Норвегия, показывает это со всей очевидностью. Максимальным был рост в Австрии (учитывая уменьшение территории), которая после первой мировой войны сохранила раздутый аппарат управления, унаследованный от кайзеровской Австро-Венгрии. В Бельгии, Германии и Великобритании доля занятых в общественных службах также выросла как минимум на 2% (*табл. 75В*).

После войны темпы роста этой сферы резко упали, как и удельный вес в общем числе занятых. Так было, например, в Великобритании. В других странах (Франции, Австрии, Швейцарии) отмечалось абсолютное сокращение числа занятых в общественных службах; в фашистской Италии в то же время число государственных служащих увеличилось, но общее число занятых в общественных службах значительно сократилось. Долгосрочная тенденция была нарушена только в Австрии: в период финансового кризиса 30-х гг. аппарат управления был здесь сокращен. С 1921 по 1938 г. численность занятых в центральных ведомствах сократилась с 253 тыс. чел. до менее чем 152 тыс. чел. и их доля в общем числе занятых упала с 8,2 до 4,2%.

В годы мирового экономического кризиса общественные службы в ряде стран были сокращены, в том числе в Нидерландах, Германии и Швейцарии. Напротив, Скандинавские стра-

**Занятые на общественных службах в некоторых европейских странах
в 1910—1970 гг.***

Страна	1910	1920	1930	1950	1960	1970
А. Общая численность** (в 1000)						
Австрия	704''	252	240	321	359	410
Бельгия	167	228	244	254	317	356
Великобритания	751	1184	1184	2663		
Германия***	1475	(2721)		2078	2434	2925
Дания	54	63	66	129	169	248
Италия	715	1002	876	1463	1627	2328
Нидерланды	105	171	186	312	324	
Норвегия	32	54	54	98	119	157
Финляндия	33	47	61		157	196
Франция	562	834	853	1781	2202	2716
Швейцария	102	119	113	163	191	256
Швеция	77	118	137	274	290	381
В. Удельный вес в общей численности занятых (в %)						
Австрия	4,7****	8,1	7,6	9,6	10,7	12,5
Бельгия	4,8	7,1	6,5	7,2	8,6	9,3
Великобритания	4,1	6,1	5,6	11,6		
Германия***	5,5	(8,5)		8,7	9,2	10,9
Дания	4,4	4,7	4,2	6,3	8,1	10,4
Италия	4,4	5,5	5,1	7,1	7,7	12,0
Нидерланды	4,6	6,3	5,8	8,1	7,7	
Норвегия	3,4	5,0	4,7	7,1	8,2	10,1
Финляндия		3,4	3,7		7,3	8,8
Франция	2,7	3,8	4,0	8,7	11,1	12,9
Швейцария	5,7	6,4	5,8	7,6	7,3	8,3
Швеция	3,5	4,5	4,7	8,8	8,1	9,8

С. Удельный вес четырех основных профессиональных групп в общей численности занятых в общественных службах (в %)								
	Общее управление		Образование		Почта		Железные дороги	
	1920	1970	1920	1970	1920	1970	1920	1970
Австрия	28,7	38,0	24,2	25,5	9,0	12,8	38,1	23,6
Бельгия	31,3	49,5	14,9	19,7	10,0	14,8	43,9	15,9
Великобритания	60,5	(51,1)	21,7	(12,4)	17,8	(12,4)		(24,1)
Германия***	(31,8)	52,1	(9,6)	18,7	(13,1)	14,1	(45,5)	14,7
Дания	18,0	28,3	28,7	43,2	21,7	15,3	31,5	12,5
Италия	59,0	52,2	14,5	31,6	7,3	7,6	19,3	8,6
Нидерланды	28,7	(41,0)	34,7	(32,9)	16,5	(15,5)	20,1	(10,6)
Норвегия	21,6	27,6	29,9	41,9	25,7	18,0	22,7	12,6
Финляндия	26,2	37,5	26,9	27,6	15,5	21,2	31,3	13,7
Франция	48,2	51,8	21,4	25,3	18,5	11,6	12,0	11,3
Швейцария	20,9	29,9	24,2	32,1	21,9	20,9	33,0	17,4
Швеция	20,5	30,9	30,8	36,2	22,9	18,1	25,8	14,8

* Цифры, взятые в скобки, относятся по Германии к 1925 г., по Нидерландам — к 1960 г., по Великобритании — к 1950 г.

** Без здравоохранения, социальной службы, социального страхования и общественных предприятий, но включая почту, железные дороги, образование и органы правосудия.

*** С 1950 г. — ФРГ.

**** Австро-Венгрия.

Источник: Flora P. e.a. State, Economy and Society in Western Europe. 1815—1975. Frankfurt, 1983. Vol. 1. P. 195—240.

ны и Великобритания их расширяли. Вторая мировая война способствовала новому витку роста: повсюду, не исключая и нейтральные страны, аппарат хозяйственного управления расширялся. В 1945 г. в Швеции в аппарате управления было занято вдвое больше служащих по сравнению с 1930 г.; в Великобритании численность персонала министерств за годы второй мировой войны выросла в 2,5 раза. Даже в Швейцарии в 1945 г. в высших органах конфедерации было на 60% больше сотрудников, чем в 1939 г.

После второй мировой войны сокращение, по крайней мере центральных администраций, было проведено менее последовательно, чем после 1918 г. В Великобритании, Австрии и Швеции число занятых в министерствах снижалось только в 1945—1948 гг., в Дании, Франции и Италии сжатие госаппарата продолжалось до середины 50-х гг. В Швейцарии же оно постоянно росло, хотя и медленно. В Нидерландах попытки сокраще-

ния штатов предпринимались в начале 50-х гг.; в середине и конце 50-х гг. численность чиновников всяких рангов сократилась и в Швеции. В ФРГ, напротив, в связи с расширением федеральным правительством персонала боннских министерств, штаты госслужащих быстро росли; только в 1950—1952 гг. они увеличились более чем вдвое. В долгосрочной перспективе повсеместно росла численность занятых как в министерствах, так и в других органах управления; почти повсюду увеличивалось и количество почтовых служащих, лишь на железных дорогах численность персонала сократилась.

В целом общественные службы, если следовать принятому нами определению, увеличились почти без исключения не только абсолютно, но и относительно: в отношении к общему числу занятых в большей степени, в отношении к общей численности населения — в меньшей (доля занятых в народном хозяйстве большинства стран в целом сократилась). К 1910 г. удельный вес персонала общественных служб в среднем составлял менее 5% занятых и от 1,5 до 2,5% населения страны, в Скандинавии несколько меньше (около 3,5% занятых и 1,2—1,5% населения); только в Германии и Швейцарии уже в 1907—1910 гг. этот показатель равнялся соответственно 5,5% и 5,7%, что объясняется не столько большим количеством госслужащих, сколько обширным персоналом государственных железных дорог. В обеих странах здесь трудилось 38—39% всех занятых на государственной службе. Доля собственно персонала аппарата управления, составлявшая в Швейцарии около 1% занятых и менее 0,5% численности населения, была значительно ниже среднеевропейской. Аналогичная ситуация сложилась в Германии, где чиновники госаппарата составляли 1,5% всех занятых: хотя и выше, чем в Великобритании или Скандинавии, где на общем государственном и коммунальном управлении было задействовано менее 1% занятых, но примерно на том уровне, и только на 0,2% больше, чем в Нидерландах, и значительно ниже, чем в Австро-Венгрии или Италии.

К началу 20-х гг. в Европе в целом доля занятых в общественных службах превысила 5%, в Нидерландах, Швейцарии и Великобритании — 6%, в Бельгии — 7%, в Германии и Австрии — 8%. Только в Скандинавских странах (кроме Норвегии),

а также во Франции, имевшей сравнительно небольшое количество причисленных к государственным служащим учителей, работников почтовых и железнодорожных учреждений, она осталась ниже 5%. Реальная численность аппарата управления во Франции в то же время несколько превышала средний западноевропейский уровень.

Непосредственно перед второй мировой войной картина мало изменилась. В 50-е гг. в странах Скандинавского полуострова, ранее державшихся линии на сдерживание роста общественных служб, а также во Франции, Италии, в особенности в Великобритании, произошел «скачок уровня», наметившийся уже в конце 30-х—40-е гг. В Швеции в 1945 г. насчитывалось вдвое больше госслужащих, чем в 1930 г., прирост происходил как в структуре общего управления, так и на железных дорогах, но не за счет системы образования и почтовых работников. В Великобритании чиновники служб управления составляли среди всех занятых в 1950 г. 11,6%, почти в два раза выше уровня 1938 г. В стране тем самым насчитывалось больше чем где-либо в Западной Европе государственных служащих. В Германии или Австрии, например, эта доля составляла от 9 до 10%, в Швеции — около 9% (динамика здесь была более значительной, чем в Великобритании).

К 1970 г. доля государственных служащих в общем числе занятых в большинстве стран перевалила за 10%. Во Франции и Австрии она поднялась до 12—13%, и с той поры почти повсюду, хотя и довольно медленно, продолжала расти. В начале 80-х гг. в некомунистических государствах Европы, в отношении которых имеются сопоставимые данные для длительного периода, на общественной службе насчитывалось в три с лишним раза больше лиц из общего числа занятых, чем перед первой мировой войной. В странах, бывших уже в начале XX в. значительно бюрократизованными, темпы и масштабы роста оставались ниже средних, в вышедших на первые места Скандинавских странах — несколько выше.

Структура общественных служб при этом изменялась очень неодинаково (*табл. 75С*). Сначала возросло число занятых на железных дорогах и в почтовых учреждениях, после второй мировой войны — количество учителей и университетских профессоров. Но в долгосрочной перспективе более всего возросла

численность той категории, которую П.Флора и его сотрудники определили понятием «общее управление», т.е. работники местных органов власти, юстиции и полиции. Их доля в общем числе занятых в 1970 г. превосходила уровень 1910 г. в Финляндии, Франции, Нидерландах и Норвегии в четыре с лишним раза, в Швеции, ФРГ, Бельгии и Дании — более чем в три раза, в Швейцарии и Италии — по меньшей мере вдвое. Во Франции и Италии удельный вес данной категории в общем числе занятых превысил 6%, в ФРГ и Нидерландах почти достиг этой отметки, в Бельгии и Австрии равнялся 5%, в Скандинавских странах — примерно 3%. Значительно отставали по уровню бюрократизации местных органов власти Швейцария, где этот показатель составлял 2,5%, и Великобритания — 2,7%. В Бельгии, ФРГ, Франции и Италии в органах общего управления и правопорядка к 1970 г. числилась добрая половина всех государственных служащих.

Опираясь на результаты европейских исследований, нельзя сказать определенно, росла ли доля общественных служб в совокупном общественном продукте пропорционально его росту, обгоняла его или от него отставала. В отдельные периоды доходы общественных служб росли медленнее, в другие — быстрее, чем доходы в целом. Долгосрочное сравнение тем не менее обнаруживает разные тенденции: в Скандинавии и Великобритании они увеличивались опережающим темпом по отношению к числу занятых, во Франции, Германии и Швейцарии росли медленнее.

4. ГОСУДАРСТВО И ЭКОНОМИКА

Изменение экономической роли государства вследствие первой мировой войны

Уже в XIX в. государство и экономика тесно переплелись друг с другом. Государство оказывало растущее воздействие на экономику при посредстве законодательства, управления, юрисдикции во все возрастающей степени: участвуя в формировании общеэкономической среды и выступая в роли самостоятельного хозяйственного субъекта. Влияние осуществлялось на различных ступенях государственной иерархии: на уровне как центрального, так и регионального управления, территориальных округов, городских и сельских сообществ.

В период первой мировой войны государственное вмешательство в экономическую жизнь достигло нового качественного уровня. Во всех участвовавших в войне государствах, а также в большинстве нейтральных стран правительственная власть брала на себя обеспечение сырьем и продуктами питания, а чаще всего и контроль за военным производством. К нему относились производство собственно вооружения и комплектующих, зачастую транспорт, иногда и сельское хозяйство. Трудовые отношения в ходе войны в некоторых странах, по крайней мере в решающих военных отраслях, регулировались государством; свобода союзов и выбор рабочих мест по своему желанию для определенных групп, например для рабочих военных отраслей, отменялись. Но более всего государство влияло на экономику и общество самим фактом ведения войны, мобилизуя в армию миллионы мужчин и тем самым освобождая их рабочие места, предоставляя государственные заказы промышленности, интенсивно используя средства сообщения для военных нужд, реквизируя продук-

ты питания, лошадей, моторизованные транспортные средства и малые суда, а также посредством физических разрушений на театре боевых действий, прежде всего в Бельгии, Франции, Италии, Польше, России и Сербии. Повсюду война взвинчивала государственные расходы до такой степени, что долгосрочных займов не хватало и правительствам все чаще приходилось прибегать к краткосрочным кредитам центральных банков, что вело к значительному разбуханию денежного обращения. Поскольку одновременно возник дефицит на многие товары, то росли рыночные цены, которые государству необходимо было поставить под контроль посредством директивного нормирования цен основных продуктов и заработной платы.

Проблемы военного времени и методы их преодоления были сходными по меньшей мере в крупных странах. Ни одна из них по своим материальным ресурсам не была готова к длительному военному противоборству. Быстро обнаружились узкие места, прежде всего в области сырьевых ресурсов и снабжении продуктами питания. В Германии сразу же после начала войны Вальтер Ратенау, глава АЭГ (Всеобщая Компания Электричества), обратил внимание прусского военного министерства на напряженную ситуацию в промышленности, и уже 13 августа 1914 г. в этом ведомстве был создан военно-сырьевой отдел, руководство которым принял на себя Ратенау. После согласования с военными союзниками Германии отдел осуществлял контроль над сырьевой промышленностью империи. С помощью организованных формально на частной основе компаний (*Rohstoffgesellschaften*) производились учет, закупка, складирование и продажа сырья в соответствии с военно-хозяйственными приоритетами, составлялись планы закупки военно-стратегических материалов за границей и производства искусственных заменителей природного сырья. Симбиоз государства и экономики проявлялся в этих компаниях особенно отчетливо: они именовались акционерными обществами или обществами с ограниченной ответственностью; в их капитале участвовали крупнейшие потребители сырья, прежде всего крупные фирмы оборонной промышленности, которым отдавалось пред-

почтение при распределении сырья. С другой стороны, их считали нужными для общества и они не имели права на получение прибыли. В качестве придатков военно-сырьевого отдела они решали важные для общества задачи. Военное производство было привязано к совместной работе прусского военного министерства, высшего армейского командования и германского военно-промышленного комитета формально не столь жестко. Тем не менее некоторые промышленники поддерживали тесные контакты с властями.

Аналогично развивалось сотрудничество государства и экономики в Англии. Власти сначала попытались обойтись без контроля над частной промышленностью. С нарастанием дефицита оружия, боеприпасов и тоннажа боевых судов государство все же пошло на расширение собственной военной промышленности, к концу войны насчитывалось более двухсот государственных военных предприятий. Созданное в 1915 г. при Д.Ллойд Джордже военное министерство в беспрецедентном масштабе осуществляло интервенцию в частную промышленность, чтобы обеспечить приоритет производства вооружений. Как и в военно-сырьевом отделе прусского военного ведомства, руководящие чиновники военно-промышленного комплекса рекрутировались главным образом из частной промышленности, что также вело к тесному переплетению государства и экономики.

Во Франции, где уже в начале XX в. военное производство было сконцентрировано преимущественно на государственных предприятиях, представители государства и промышленности осенью 1914 г. собрались на совещание о возможностях расширения производства важной в военном отношении продукции. Ответственный за производство оружия и боеприпасов отдел военного министерства приобретал все большее влияние, в конце 1916 г. Франция создала особое министерство вооружений, которым с сентября 1917 г. руководил промышленник Лушёр. Приоритеты устанавливались в неформальных обсуждениях между чинами министерства и деятелями военной промышленности, объединенной в группы и консорциумы. Ввоз сырья, такого, как уголь и железо, нехватку которого Франция остро ощущала из-за потери важнейших металлургических районов,

осуществлял по государственному заказу синдикат горнодобывающей и металлургической промышленности (*Comité de Forge*), объединение угле- и сталепромышленников.

Россия и Австро-Венгрия столкнулись с еще более тяжкими проблемами. Распределение сырья Австрия организовала по образцу Германии, производство вооружений находилось в большей степени под военным контролем. В ходе войны Австрия также создала обширную военно-экономическую организацию, которая одной ногой опиралась на министерскую бюрократию, а другой — на созданные «союзы самоуправления хозяйством» (*Selbstverwaltungsverbände der Wirtschaft*). В России правительство и промышленность поначалу ограничивались ролями заказчика и поставщика оружия. Но летом 1915 г. было создано Особое совещание по обороне, принявшее от военного министерства ответственность за производство вооружения. В состав Особого совещания помимо чиновников и генералитета входили также некоторые депутаты от общественности и промышленники. Уже весной 1915 г. помимо действующих военных предприятий предприниматели создали сеть военно-промышленных комитетов как самоуправляющихся органов, имевших центральную организацию в Петрограде, а также региональные и местные отделения. Комитеты призваны были содействовать перестройке частной промышленности на производство военной продукции, а также служили для связи с Особым совещанием по обороне, которое в конечном итоге распределяло около половины военных заказов через военно-промышленные комитеты.

Так как военные мобилизации истощили трудовые ресурсы, особенно не хватало квалифицированных рабочих, то власть и военные пытались прийти к соглашению с рабочими, прежде всего в странах, где до войны имелись самостоятельные профсоюзы. В Великобритании профсоюзы квалифицированных рабочих сначала энергично препятствовали тому, чтобы места призванных в армию занимали неквалифицированные рабочие или женщины. В некоторых случаях дело дошло даже до забастовок. После того как к решению проблемы подключилось правительство, профсоюзы в 1915 г. согласились с предложен-

ным «разбавлением кадров» (*англ. dilution* — букв. «разжижение»). — *Прим. пер.*), временным использованием на рабочих местах, требующих высокой квалификации, неквалифицированных рабочих, а также не принудительное регулирование трудовых конфликтов. Тем самым профсоюзы отказались от забастовок и заключили вынужденное условиями военного времени соглашение, которое, правда, повисло в воздухе, когда правительство позднее законодательно ввело на важных в военном отношении предприятиях контроль над заработной платой и производительностью труда и принудительное прикрепление рабочих к рабочим местам.

Аналогичная ситуация сложилась в Германии, где профсоюзы также заключили вынужденное военными обстоятельствами соглашение с властью (так называемый «бургфриден»). В ходе полемики по поводу программы Гинденбурга 1916 г. они заявили о согласии на введение трудовой повинности по отношению ко всем мужчинам в возрасте от 17 до 60 лет и выдачу «увольнительного свидетельства» при смене места работы, взамен потребовав законодательно ввести рабочие комитеты и комитеты урегулирования трудовых конфликтов. С этого момента представитель профсоюзов вошел в состав военного ведомства: символ того, что правительство и промышленники признали профсоюзы в качестве партнеров по переговорам.

Профсоюзы настаивали на совместной работе правительства, военного руководства, союзов промышленников и рабочих представителей и в иных сферах, например при распределении становившихся все более дефицитными продуктов питания и других важных потребительских товаров. В ответ на обострение ситуации на продовольственном рынке государство пыталось влиять на механизм ценообразования, установление максимальных цен. Следующим шагом в Германии с 1915 г. стало rationирование некоторых продуктов питания, например хлеба и муки, а затем и более широкого ассортимента товаров. В этих целях в империи создавалась обширная бюрократическая машина, которая, как и в области снабжения сырьем, не только направляла и контролировала, но имела свои коммерческие службы, которые покупали, складировали и вновь про-

давали товары. Большой частью эти отделы были организованы как общества с ограниченной ответственностью, в капитале которых могли участвовать наряду с торговцами и производителями государственные органы. В период войны государственные функции перепоручались имевшимся картелям, например по переработке спирта.

Австро-Венгрия аналогичным образом организовала распределение продуктов питания. Британское правительство сначала взяло на себя нормирование сахара с помощью Королевской комиссии. С 1916 г. учреждены были подобные комиссии и по другим видам продовольствия. Сначала ими контролировался только импорт, но не распределение отечественной продукции. Однако с ожесточением «подводной» войны зимой 1916—1917 гг. англичане были вынуждены расширить государственное вмешательство на продовольственном рынке. В конечном итоге был в рамках держав Антанты установлен контроль над импортом под руководством англичан, весной 1918 г. к этому союзу присоединились нейтральные страны Европы. Отныне государство закупало зерно в странах-производителях, организовывало перевозку и распределяло товары среди потребителей через сеть оптовой и розничной торговли, которая была поставлена под государственное управление и работала с фиксированными торговыми наценками. Едва ли можно представить себе большее нарушение британской традиции свободной торговли.

Еще радикальнее в целом оказалось отступление от валютной системы довоенного времени. Золотой стандарт с его законодательно установленными паритетами обеспечивал частному экономическому сектору стабильные базовые условия. Но в годы войны свободный обмен бумажных денежных знаков был отменен, а с ним исчезла и финансовая стабильность стран-участниц войны. Экономика воюющих стран вынуждена была привыкать к растущим темпам инфляции, а внешняя торговля — считаться с государственным контролем и распределением валюты, а также с запретами на импорт и экспорт. С началом войны большинство стран приостановили обязательный размен на золото в центральных банках, причем только Великобритания формально сохранила

его, хотя и обставив максимальными затруднениями, и запретили вывоз золота за пределы страны, опять-таки за исключением Великобритании, но и оттуда он тем не менее практически прекратился. Франция допускала вывоз золота по усложненной процедуре до июля 1915 г. Законодательно был запрещен и обмен платежами с фирмами неприятельских стран, что прежде при военных столкновениях вовсе не было правилом. Сделки через нейтральные страны также были сопряжены с большими трудностями. Внешняя торговля, до войны целиком находившаяся в руках частных фирм, все более и более становилась делом межгосударственных соглашений, особенно в области кредитов и займов, где в качестве кредиторов стали выступать не только частные банкиры, но и центральные банки и государственные казначейства, сначала британское, а позднее главным образом США. Тем самым международный денежный рынок из частных рук перешел в государственную юрисдикцию и был кардинально политизирован. В послевоенный период последствия этого переворота весьма ощутимо сказались на экономическом развитии Европы.

Возвращение к нормальной жизни?

Государство и экономика в Европе 1919—1929 гг.

Широко распространено представление, что после окончания войны в Европе возобладала тенденция возврата к нормальным условиям довоенного времени, в том числе и в отношениях между государством и экономикой. Вызванный военной необходимостью контроль будто бы должен был максимально быстро исчезнуть, государству предстояло вернуться к своим исконным задачам, торговля и производство, равно как отношения между работодателями и рабочими стремились освободиться от государственной опеки, следовало восстановить довоенный паритет между валютами и механизм золотого обращения. Все перечисленные задачи относятся прежде всего к европейскому Западу и Северу, Великобритании, Нидерландам, Швейцарии и Скандинавским

странам, в меньшей степени к Франции и Бельгии (разрушения на территориях этих государств требовали срочных восстановительных работ, и поэтому естественным представлялось активное участие государства в этой области). В Центральной Европе австрийцы осознавали, что не может быть возврата к довоенным временам, а чехи и словаки, обретшие свою государственность, были устремлены в будущее, только в Германии многие полагали, что несмотря на проигранную войну и изменившуюся общую ситуацию можно будет вернуться к тому исходному состоянию, в котором находилась страна в 1914 г. В восточной части Центральной и в Юго-Восточной Европе, как и в ЧСР, во вновь созданных национальных государствах стремились создать сильные режимы. Итальянцы, испанцы и португальцы не оглядывались на «добрые старые времена», ожидая модернизации хозяйства и общества от нового сильного авторитарного государства. И, наконец, СССР полностью порвал с прошлым. Поэтому для послевоенной Европы в целом тенденция реставрации «нормальных» отношений между экономикой и государством представляется достаточно абстрактной.

Даже прекращение военно-мобилизационной системы, к которому повсюду стремились, не было тотчас осуществимо во всех странах Европы, так как еще продолжалась союзническая блокада Германии, а в начале 20-х гг. вновь вспыхнули военные конфликты между Россией и Польшей, а также между Грецией и Турцией.

Сразу после Версальского мира нормализация не состоялась в том числе и потому, что правительства европейских стран не смогли обуздать инфляцию. В результате для субъектов хозяйственной деятельности не было обеспечено нормальных базовых условий. Возвращение солдат с фронтов и включение их вновь в трудовой процесс также требовало более решительного государственного вмешательства, чем перед войной. Профсоюзы ни в коей мере не стремились к возврату к старым трудовым отношениям, а требовали восьмичасового рабочего дня, большего участия в принятии решений на предприятиях и более активной социальной политики, сокращения безработицы в особенности. Государствен-

ные бюро по трудоустройству, до войны представлявшие скорее исключение, во многих странах стали законодательно утвержденным явлением. Страхование по безработице, действовавшее до войны только в Великобритании, в 20-е гг. вошло в комплекс социального страхования в целом ряде стран, в том числе и в Германии.

В разрушенных войной областях Западной и Восточной Европы от государства требовалось организовать и профинансировать восстановительный процесс. В большинстве других стран за время войны накопились свои проблемы, прежде всего обострилась ситуация с жильем, так как жилищное строительство из-за нехватки рабочих рук и материалов почти везде было существенно сокращено. Большинство населения считало, что частный сектор не сможет достаточно быстро ликвидировать узкие места и поэтому государство и общественные организации по меньшей мере обязаны содействовать этому. В большинстве стран во время войны было введено государственное регулирование жилого фонда, повсеместно в крупных городах устанавливалась фиксированная квартирная плата. Именно такие рычаги государственного вмешательства отмирали крайне медленно, в некоторых странах, как в Германии, они исчезли лишь много лет спустя, после второй мировой войны. Почти повсюду государственные и общественные организации в межвоенный период в большей степени занимались жилищным строительством, чем до войны. Роль государства в этом важном секторе экономики, на который до войны в Германии приходилось более одной трети, в Норвегии даже 40%, а в Великобритании еще примерно 15% чистого накопления капитала, в межвоенное 20-летие значительно возросла.

Значимую роль государство стало играть и в иных отраслях экономической и социальной инфраструктуры. Продолжилось расширение транспортной сети, которая получила два новых дополнения: развилась городская или поддерживаемая государством сеть поездов ближнего следования, до войны действовавшая только в ряде крупных городов, и появился авиатранспорт, которому из общественного котла выделялись не только регулирующие нормы, но и крупные инвестиции, прежде всего на строительство аэропортов и раз-

витие системы страхования. Обрела продолжение и тенденция к национализации железных дорог. Там, где до сих пор действовала смешанная система, например во Франции, утвердилась единая государственная система. В Германии железные дороги из сферы компетенции отдельных земель перешли под общегосударственную юрисдикцию.

Большинство восточноевропейских государств глубоко и принципиально переиначивали сложившийся экономический порядок при проведении аграрных реформ. Хотя землю объявил общенародной собственностью, т.е. передал в ведение государства, только СССР, но к Западу от его границ, на пространстве от балтийских государств до Болгарии, располагалась зона, где на основе государственного законодательства отношения собственности значительно изменились: старое, дворянское землевладение было урезано, а мелкое крестьянство поддерживалось государством.

Вопрос о возможности и стремлении вернуться к «нормальному» порядку вещей относится не только к экономической ситуации в отдельных странах, но и к области международных экономических отношений. Сложившееся за годы войны положение особенно трудно оказалось изменить Великобритании. Ее заокеанские рынки перешли в другие руки, технический прогресс интенсивнее развивался в других странах, так что у Англии после войны возникли новые структурные проблемы, например в угледобывающей отрасли, в судостроении и в текстильной промышленности. И все же в первую очередь война полностью изменила международные кредитные и валютные отношения. В системе международных расчетов стали превалировать политические долги.

Государственная задолженность издавна была распространена среди европейских стран, но прежде они совершали заимствования на частном денежном рынке. В период первой мировой войны, впервые с эпохи наполеоновских войн, на помощь союзникам в качестве кредиторов пришли правительства, сначала британское, в ограниченной степени также французское, а затем и американское. До вступления США в войну внутрикоалиционные кредиты блока Антанты составляли 4,3 млрд долларов, 88% из них предоставило британское правительство,

12% — французское. К концу войны Великобритания выделила членам коалиции кредитов на сумму 7 млрд долларов, но 4 млрд долларов в свою очередь задолжала союзникам, главным образом американскому казначейству. США с момента вступления в войну в апреле 1917 г. также выдали в качестве государственных кредитов 7 млрд долларов, Франция в целом 2,2 млрд. Но одновременно Великобритания и Франция вместе с Россией были крупнейшими заемщиками. В целом правительственная задолженность стран-членов Антанты к концу войны составляла 16,4 млрд долларов (табл. 76). Кредитные поставки продовольствия и иных товаров после окончания военных действий и набравшие проценты повысили общую сумму долгов к началу 20-х гг. до 26,5 млрд долларов.

Урегулирование этих международных публичных долгов само по себе привело бы после войны к увеличению роли государств в лице правительств и центральных банков в международных финансовых отношениях. Проблема осложнилась к тому же политически, потому что один из крупнейших должников — Россия с легкой руки большевистского правительства аннулировала свои долги, составлявшие 3,5 млрд долларов, что

Таблица 76

Задолженность на межправительственном уровне стран Антанты к моменту перемирия в 1918 г.* (в млн долларов)

Должники	Кредиторы			Сумма
	США	Великобритания	Франция	
Великобритания	3696			3789
Франция	1970	1683		3653
Россия	188	2472	955	3614
Италия	1031	1855	75	2961
Бельгия	172	434	535	1141
Прочие	21	570	672	1264
Всего	7077	7014	2238	16423

* Наряду с США, Великобританией и Францией кредиторами в небольшом объеме выступали также другие члены коалиции; к прочим должникам относятся Сербия, Румыния, некоторые британские доминионы, Греция, Португалия и Куба.

Источник: Hardach G. Der Erste Weltkrieg. 1914—1918. München, 1973. S. 161.

особенно затронуло Великобританию и Францию как основных займодавцев. С другой стороны, вопрос о репарациях породил новую острую проблему межгосударственной задолженности. По мнению европейцев, вопрос о репарациях был тесно связан с проблемой долгов; Франция и Бельгия прежде всего, а также Италия и Югославия имели определенное моральное право ожидать, что их собственные долги членам коалиции в значительной степени будут погашены из причитающихся репараций. США стремились провести строгое разграничение этих двух вопросов. Они требовали возврата долгов от членов коалиции, но при этом отказывались от каких-либо репараций. На практике разграничения достичь не удалось, и возврат межсоюзнических долгов в действительности напрямую зависел от поступления репараций. Только Финляндия и Великобритания расплачивались из собственных средств.

Основным должником по репарациям являлась Германия. Так как правительство страны не смогло договориться с членами коалиции о размерах репараций, те установили их объемом в 132 млрд марок золотом (31,4 млрд долларов), в одностороннем порядке обнародовав свои претензии в Лондонском ультиматуме в мае 1921 г. Эта сумма превосходила всю внутрикоалиционную военную задолженность, исчисленную в пределах 15% от военных издержек союзников, определенных в 17,6 млрд долларов. Германия же должна была одна покрыть почти 18% общих военных расходов членов коалиции. Это было нереально, и потому Дж.М.Кейнс требовал сократить сумму немецких репараций до 40 млрд марок (10 млрд долларов), чтобы не превратить репарации в совершенно невозможное для Германии дело.

Репарационные выплаты других участников германского блока — Австрии, Венгрии, Болгарии и Турции, напротив, не принимались в расчет, хотя, учитывая высокую внешнюю задолженность воевавших стран, их нельзя считать незначимыми. Так, довоенная задолженность Венгрии в размере 2,3 млрд крон с учетом репараций увеличивалась на 200 млрд крон золотом, а на маленькую Болгарию приходилось 550 млн франков золотом. Правда, намного выше была задолженность членов коалиции в Юго-Восточной Европе.

Югославия осуществила военных займов на 6,5 млрд, Румыния — на 6 млрд франков.

В целом в той или иной степени проблемой военных долгов и репараций были связаны 28 стран, большинство из них — европейские. В США такие политические займы совершили 16 стран, в Великобритании — 17 и во Франции — 10. Вследствие колоссальных размеров межгосударственных платежей, а также количества и значимости втянутых в эти расчеты стран, политические долги, а вслед за ними и государственное влияние неминуемо отражались на международном рынке капиталов.

Субсидии Лиги наций небольшим центральноевропейским странам, входившим в германский военный блок, равно как и план Дауэса по Германии, представляли собой в 1922—1924 гг. первые попытки коммерциализировать, по меньшей мере с точки зрения техники реализации, вопрос о репарациях и связанную с ним проблему международной задолженности. Политическую проблему репараций они не устраняли, облегчив, однако, ее преодоление.

План Дауэса фактически исходил, хотя в нем и не назывался конечный размер платежей по репарациям, из суммы порядка 11—12 млрд долларов (46—50 млрд марок), а план Юнга 1929—1930 гг., определенно преследовавший цель коммерциализации германских репараций, оценивал номинальную цифру платежей в 37 млрд марок или примерно в 9 млрд долларов. Выплаты должны были продолжаться до 1988 г. и составить к этому времени, включая проценты, 121 млрд марок, или свыше 29 млрд долларов. По подсчетам репарационной комиссии, Германия заплатила 21,8 млрд марок (или более 5 млрд долларов), по немецким данным — 67,7 млрд марок (или свыше 16 млрд долларов), по оценке независимых экспертов — примерно 36 млрд марок, или 8,5 млрд долларов. Разница объясняется главным образом различными оценками стоимости поставок товаров непосредственно в послевоенные годы. Независимо от того, чьи расчеты взять за основу, Германия в любом случае заплатила больше, чем союзники возместили США. Собственно, США получили в расчет от союзников по Антанте только 2,7 млрд долларов, или чуть больше четверти от величины военных долгов

и товарных поставок. С другой стороны, Германия в 1924—1930 гг. получила почти вдвое больше иностранных кредитов, главным образом из США, чем ей предстояло выплатить по репарациям. В принципе, репарационные платежи стали возможны именно благодаря возобновлению коммерческих отношений с заграницей, но в то же время нельзя сказать, что репарации и внутрикоалиционные военные долги доминировали на международном рынке капиталов межвоенного периода. Они при этом весьма его обременяли, что отчетливо проявилось во время мирового экономического кризиса.

Государство и мировой экономический кризис

Прежде чем весной 1930 г. вступило в силу продиктованное планом Юнга «окончательное» решение проблемы репараций, биржевой крах в октябре 1929 г. ознаменовал начало мирового экономического кризиса. В результате кризиса государство было втянуто в экономическую сферу в беспрецедентном для мирного времени масштабе. В зависимости от внутривнутриполитической и экономической обстановки это вовлечение в отдельных странах инспирировалось различными общественными группами, происходило неодновременно и сопровождалось различными попытками найти выход из тупика. Первая волна кризиса задела страны восточной части Центральной Европы и Юго-Восточной Европы. Большинство стран-преемниц Габсбургской империи, как и сама Австрийская республика, в межвоенный период едва ли были консолидированы экономически. Не будет большим преувеличением сказать, что послевоенный кризис перешел здесь в мировой экономический. Это более всего относится к ориентированным на экспорт сельскохозяйственной продукции странам Юго-Восточной Европы, где аграрный кризис начался уже в середине 20-х гг. А так как они вдобавок форсировали достижение национальной экономической независимости и проведение индустриализации, то государственное вмешательство нарастало здесь ускоренными темпами. Кроме того, в системе международных кредитных расчетов Юго-Восточной Европы непрерывно расширялись государственные и ча-

стные институты; когда в 1931 г. заграничные кредиты резко оборвались, то правительства этих стран пострадали в не меньшей степени, чем частные фирмы.

Немногим отличалась ситуация и в Центральной Европе, которая весной и летом 1931 г., когда потерпел крах ряд крупнейших немецких и австрийских банков, стала эпицентром кризиса. Только такие меры, как временное закрытие банков по указу государства, выкуп в государственную собственность большей части акций находившихся в опасном состоянии кредитных институтов и государственный же контроль над валютой, смогли предотвратить крах всей кредитной системы. В других странах, например в Германии и Венгрии, следствием кризиса стала регламентация внешней торговли, например контингентирование импорта, дифференцированный обменный курс валют, соответственно, введение клиринговых расчетов и даже бартера. Некоторые государства устанавливали монополию на экспорт или учреждали государственные экспортные конторы.

В столь драматичных формах государственное вмешательство не проявилось на Севере, Западе или Юге Европы. Но тем не менее в большинстве стран сочли необходимым поставить банки, биржи, а также отчасти систему страхования под жесткий государственный надзор. Та же история произошла и в Центральной Европе. С той поры кредитный сектор почти во всех странах стал одной из основных сфер государственного регулирования: законы 30-х гг. даже после второй мировой войны были в основном сохранены и тенденция огосударствления усилилась.

Наиболее распространенной формой государственного вмешательства явились таможенные тарифы и субсидии. Даже такой оплот либерализма, как Великобритания, попыталась отныне защитить или поддержать свое внутреннее производство и при помощи государственных дотаций создавать совершенно новые отрасли, например выращивание сахарной свеклы и производство свекловичного сахара, явление, до войны совершенно на Британских островах неизвестное. В странах, которые традиционно использовали таможенные барьеры или субсидии, а к ним помимо Великобритании, Швейцарии и Скандинавии от-

носились, пожалуй, практически все, усилилась тенденция оказывать содействие отдельным отраслям, оказавшимся под угрозой (будь то возделывание пшеницы, виноградарство или текстильная промышленность), или внутреннему производству в целом, используя форму прямых или косвенных субсидий, льготного процента налогообложения и учетного процента, но в первую очередь опираясь на таможенные барьеры для защиты от иностранной конкуренции.

Наиболее отчетливо это происходило опять-таки в странах-преемницах габсбургской монархии. Уже в середине 20-х гг. средний таможенный тариф в Чехословакии, составлявший 36,4% от стоимости ввозимого товара, в два раза превышал довоенный тариф, а венгерский, равный 31,1%, также значительно превышал средний довоенный, который был порядка 19%. У Германии до вступления в действие плана Дауэса в этом отношении были связаны руки, но затем она, как и прежде, усиленно прибегала к инструментам таможенной политики. И Великобритания не только отменила свои введенные во время войны тарифы (акт МакКена), но, наоборот, значительно расширила их в 1921 г. Еще более высоким таможенным забором отгородились заокеанские страны. Канада, наравне с Австралией, превратила защитные импортные пошлины в обычай, а США, страна традиционно высоких покровительственных тарифов, в 1922 г. и еще раз в 1930 г. увеличили размер взимаемых пошлин. Усилия Лиги наций добиться соглашения о снижении пошлин не приносили успеха. В 1927 г. Лига наций провела Всемирную экономическую конференцию в Генуе, на которой планировалось принять резолюцию об отмене всех запретов на импорт и синхронном замораживании тарифов с целью последующего их снижения. Первое предложение не набрало необходимого большинства голосов, второе хотя и было принято, но не успели еще разработать нормы снижения пошлин, как Смут и Хоули внесли в конгресс США предложение о введении тарифа, названного позднее их именем. Когда в 1930 г. состоялась новая конференция, решение о введении нового тарифа уже было принято конгрессом и дебатировалось в сенате. Ни США, ни британские доминионы вообще не приняли участия в конференции, а из 27 согласившихся первоначально стран только 11 подписали за-

ключительную резолюцию, обязывавшую их не повышать тарифы до апреля 1931 г. В конце концов соглашение ратифицировали только семь государств — традиционный оплот свободной торговли в Европе: Великобритания, четыре Скандинавских государства, Бельгия и Швейцария. Тем временем в июне 1930 г. вступил в действие тариф Смута-Хоули. Он вызвал громкий протест в Европе: малые страны усмотрели в нем угрозу экспорту товаров, на которых они специализировались (например, Испания на пробковом дереве и южных фруктах, Италия на шляпах и оливковом масле, Швейцария на часах, вышивках и обуви). В разгар депрессии дело дошло до бойкота американских товаров и ответного повышения таможенных пошлин, например, во Франции, Италии, Швейцарии и Испании. Незадолго до этого Великобритания и ее заморские доминионы согласовывали льготные тарифы для стран британского содружества. Тем самым издавна провозглашенный принцип наибольшего благоприятствования для всех партнеров по торговым договорам был нарушен даже на родине свободной торговли, а британские предприниматели, равно как и их коллеги на континенте, воспользовались протекционистской политикой своего правительства.

Она проявилась в 1931 г. в решении лишить фунт жесткого золотого содержания и в течение определенного периода стабилизировать плавающий курс на более низком уровне, таким образом обеспечив британским экспортерам преимущество по сравнению с остальными. Так как множество стран, в том числе Скандинавские, присоединилось к британской девальвации, та частично утратила свой эффект. В апреле 1933 г. США также отказались от золотого стандарта. Когда Ф.Рузвельт во время Всемирной экономической конференции отказался поддерживать стабильность доллара, 3 июля 1933 г. под руководством Франции образовался «золотой блок», в который вошли некоторые западноевропейские страны, решившие сохранить золотой стандарт. В «золотой блок» вошли Франция, Бельгия и Люксембург, Нидерланды, Швейцария и, наконец, Италия.

В последующие годы вмешательство государства в экономику во многих странах продвинулось далеко. Начатое как вынуж-

денная мера с целью обуздать депрессию, огосударствление экономики со временем оформилось в идеологию, особенно в Германии и в Италии. В Италии истоки корпоративного государства с принудительной регламентацией соглашений между работодателями и рабочими восходят еще к закону 1926 г. Во время кризиса здесь широко употреблялись давно известные интервенционистские методы типа введения тарифов, контингентирования внешней торговли, запретов на импорт и экспортных субсидий. В январе 1933 г. в Италии было создано Государственное учреждение текущего кредитования промышленности (*Instituto Mobiliare Italiano — IMI*) и Банк финансирования реконструкции индустрии (*Instituto per la Ricostruzione Industriale — IRI*), который должен был оказывать ликвидную помощь крупным банкам. Так как крупные банки владели акциями крупных предприятий, *IRI* вскоре превратился в государственный промышленный холдинг, к сфере деятельности которого относились металлургия, судостроение, машиностроение и производство вооружений. Таким образом, в экономике усилился дуализм многочисленных частных мелких предприятий и государственно-регулируемого сектора крупной промышленности.

В Германии национал-социалистическое правительство вскоре после прихода к власти начало осуществление мер по государственному контролю над экономикой без отчуждения собственности. Весной 1933 г. был обнародован первый четырехлетний план, в основу которого однако не был положен план управления хозяйством страны в собственном смысле слова. Ключевым словом политики стал лозунг «дать всем работу». Закон «О подготовке органического расширения народного хозяйства Германии» от 27.11.1934 г. создал наблюдательные учреждения, которые первоначально контролировали импорт. Затем весной 1934 г. возникло «отраслевое» деление народного хозяйства. Все отрасли, за исключением сельского хозяйства, которое уже в сентябре 1933 г. было организовано в Имперское земледелие, были разделены на семь имперских групп: промышленность, торговля, ремесло, банки, страхование, энергообеспечение и транспорт дальнего следования. Те в свою очередь делились на многочисленные экономические группы, отраслевые подраз-

деления и тому подобные подразделения второго уровня. Одновременно возникли региональные экономические палаты, в которых были представлены территориальные группы отраслевых организаций, торгово-промышленных и ремесленных палат. Возглавляла региональную, а также отраслевую структуру Имперская экономическая палата, которая непосредственно подчинялась Министерству экономики. О разделении задач между государством и экономикой Гитлер высказался в своей памятной записке ко второму четырехлетнему плану: «Министерство экономики должно только определять задачи национальной экономики, а частное хозяйство должно их решать; если же последнее не считает себя способным к этому, то национал-социалистическое государство само сможет решать эти задачи. Социализация по советскому образцу представлялась ненужной для того, чтобы обеспечить государственный контроль над экономикой. Отчуждение собственности имелось ввиду только как *ultima ratio*» (лат. последний, решительный довод. — Прим. пер.).

В первые годы нацистского режима наиболее сильное влияние государство оказывало на внешнеэкономическую сферу, где правители «третьего рейха» опирались на опыт вынужденных мер предшественников. При помощи нового плана в сентябре 1934 г. Шахт создал инструмент тотального контроля за внешней торговлей и валютным обращением, что, помимо прочего, позволило расширять экономические отношения с Юго-Восточной и Северной Европой, а также со странами Латинской Америки за счет Западной Европы и Северной Америки. В 1937 г. Германия заключила со всеми европейскими странами, за исключением Великобритании и Албании, клиринговые соглашения, благодаря которым смогла вести часть своей внешней торговли без дефицитной свободноконвертируемой валюты.

Другие страны также искали выход из кризиса самостоятельно, на путях автаркии, порывая с мировой экономической системой. Дж.М.Кейнс настоятельно рекомендовал британскому лейбористскому правительству ввести субсидирование экспорта и контингентирование импорта. Проекты наподобие международной программы трудоустройства разбивались о то

препятствие, что никто не хотел помочь финансировать инициативы других государств, на что прежде всего надеялись такие страны, как Польша. Летом 1933 г. состоялась очередная Всемирная экономическая конференция в Лондоне. Но на ней не смогли договориться ни о новых твердых обменных курсах, ни о снижении тарифов, ни о моратории или о других формах сотрудничества. Конференция закончилась безрезультатно, после чего президент Ф.Рузвельт заявил по телеграфу, что здоровая хозяйственная система в большей мере является фактором благосостояния государства, чем курс национальной валюты.

Франция пыталась поддержать прежде всего свое сельское хозяйство посредством ограничения и запрета импорта, субсидий, минимизации цен и других средств давления на рыночный механизм. В то время она запрещала иностранные инвестиции, чтобы поддержать отечественных производителей, например, в 1935 г. было не разрешено строительство обувной фабрики чешской фирмы «Бата». Бельгия ввела валютный контроль и заключила клиринговое соглашение с Германией, а в 1935 г. провела девальвацию и тем самым взорвала «золотой блок». Италия, как и Франция, из чувства национальной гордости долго не хотела девальвировать свою валюту, прибегнув к обширному валютному контролю. Австрия после банковского кризиса и оттока иностранных инвестиций также посчитала себя вынужденной ввести валютный контроль, вновь прибегнуть к международным займам и ввести контроль за своими финансами со стороны уполномоченных Лиги Наций. Однако она не присоединилась к массовым девальвациям 1936 г., к которым кроме Нидерландов и Швейцарии прибегла также Франция.

Страны Восточной и Юго-Восточной Европы уже в 1932—1933 гг. приступили к валютному контролю и синхронно перешли к контингентированию импорта. Румыния с 1932 по 1936 г. прервала выплату иностранных долгов, Болгария выполнила менее половины своих платежных обязательств, а Югославия заключила соглашение о моратории с иностранными кредиторами. Также Греция в 1932 г. приостановила не только текущие выплаты по кредитам, но и выплату процентов по иностранным займам и наложила мораторий на коммерческую

инострannую задолженность. Испания уже в 1930 г. ввела департамент по управлению валютой, а в Португалии Салазар разработал основы государственного хозяйственного планирования для санирования финансов, которое включало также внешнюю торговлю, но не касалось частной собственности.

Таким образом, без усиления государственного нормирования обошлись только Швейцария, Нидерланды и Скандинавские страны. Зато в Швеции имело место особенно активное вмешательство государства в преодоление кризиса с помощью государственных программ занятости и дефицитного платежного баланса. Она стала первой страной в Европе и в мире, которая начала осуществлять экономическую политику, опираясь на рекомендации ведущих национальных экономистов, что впоследствии назвали кейнсианством. То, что кризис носил там сравнительно мягкий характер, следует все же приписать не этой, в ту пору еще очень осторожной политике бюджетного дефицита, а тому факту, что в стране улучшились условия торговли и вскоре вновь оживился экспорт в Великобританию и Данию.

Государство и национальная экономика накануне и в годы второй мировой войны

Гонка вооружений накануне и в годы второй мировой войны в очередной раз значительно усилила роль государства в экономической сфере, в большинстве стран масштабы огосударствления намного превосходили уровень первой мировой войны. Сначала государство выступило в качестве заказчика, затем начало контролировать ресурсы. Распределение сырья дополнилось регламентацией внешней торговли и валютного обращения, которое первоначально применяли в целях преодоления кризиса. В Германии, а также в некоторых других странах, например в Италии, государство начало воздействовать или непосредственно управлять инвестициями и использованием рабочей силы, чему способствовал, в частности, крах профсоюзов, произошедший главным образом по идеологическим причинам. Стремление к автаркии, появившееся сначала как вынужден-

ное средство преодоления кризиса и мыслимое как временный компромисс, в этот период получило дополнительное обоснование, наиболее отчетливо сформулированное в памятной записке Гитлера по поводу четырехлетнего плана, где он наряду с мобилизацией военно-политической призывал и к экономической, проводимой в том же темпе, с такой же решимостью и при необходимости с такой же бескомпромиссностью.

В 1937 г. Великобритания тоже начала вооружаться. Затраты на производство вооружений возросли с 46 млн ф. ст. во втором квартале 1937 г. до 124 млн двумя годами позднее, и вскоре в британском хозяйстве обнаружились перебои со снабжением; началось давление инфляции, и, хотя ресурсов было пока достаточно, государство приступило к контролю за ними с помощью фиксированных цен, рациионирования потребления и производственного контингентирования. В производстве вооружений, судостроении и других относящихся к военной сфере промышленных отраслях возникли узкие места. Государство само создало стратегические запасы продуктов, таких, как хлопок, семена, сельскохозяйственные машины, удобрения и продовольствие.

Франция начала форсированную гонку вооружений примерно годом позже. До этого правительство социалистов уже огосударстило ряд военных заводов, а также железные дороги и предприятия авиатранспорта. В марте 1939 г. Министерство национальной обороны учредило промышленное бюро; в апреле правительство начало регламентировать движение рабочей силы и ограничивать прибыли военной промышленности. В мае военным разрешили реквизировать транспортные средства.

С началом войны государственное вмешательство в экономику быстро нарастало в обоих враждующих лагерях и даже в немногих оставшихся нейтральными странах. В оккупированных областях немецкая администрация брала на себя командное управление производством, распределение ресурсов и потребительских товаров среди населения. На Западе и Севере континента так происходило только непосредственно после оккупации, а затем контроль осуществлялся косвенным путем с помощью национальных коллаборационистских правительств.

Во Франции же первенствующую роль постоянно играла немецкая военная администрация. На Востоке директивное распоряжение и эксплуатация всех ресурсов в ходе войны усилились. Однако здесь следует проводить разграничение между аннексированными и оккупированными областями, такими, как чешские области прекратившей существование ЧСР, Польша и Россия, а также Югославия, с одной стороны, и вассальными, соответственно союзными государствами, такими как Словакия, Финляндия, Венгрия, Румыния и Болгария, где германское вмешательство в экономику регулировалось договорами, — с другой. Не полностью или позднее в германскую сферу были втянуты Италия с ранее оккупированной ею Албанией, а также Греция, в апреле 1941 г. капитулировавшая перед Германией и Италией. В целом на большей части континента, за исключением Швеции, Швейцарии, Испании, Португалии и Турции, возникла крупномасштабная экономическая система под управлением Германии. Однако вопреки долгосрочным планам разделения труда между индустриальными государствами Западной и Центральной Европы и поставщиками аграрной продукции на ее Востоке в ней доминировали потребности текущего момента, и поэтому не могло быть и речи о действительно интегрированном хозяйстве. Отличительным признаком немецкой экономической политики при Гитлере не только в самой Германии, но и на оккупированных и находящихся под ее влиянием территориях была импровизация. Пока оставалась в силе стратегия блицкрига, ей соответствовала тактика краткосрочной эксплуатации ресурсов. Запасы изымались, производство стратегически важных товаров и фабрики в целом ставились под немецкое управление, иногда, особенно часто в Австрии и в «протекторате Богемии и Моравии», они включались как составные части в немецкие концерны, часто, особенно на Западе, учитывались только в немецких производственных планах.

С переменой военной стратегии в начале 1942 г. изменились и методы эксплуатации завоеванных территорий, которые должны были стать частью так называемого «европейского военного хозяйства». Имперское министерство вооружений под руководством Шпеера пыталось препятствовать быстрому разграблению их ресурсов и сделать экономику оккупированных

территорий в целом более эффективной. Правда, это произошло в то время, когда Германия уже перешла к стратегической обороне и поэтому не могла больше претворять в жизнь долгосрочные планы, особенно в Восточной Европе. Таким образом, оккупационная политика «третьего рейха» экономически также осталась противоречивой. С одной стороны, стремились к кооперации, но в то же время беззастенчиво эксплуатировали материальные и людские ресурсы, принудив 7 млн чел. из оккупированных областей работать в рейхе.

Там, где принуждение было менее грубым и осуществлялось косвенным путем, а национальная экономика сама по себе была эффективна, Германия получила наибольший выигрыш от своей политики. Жемчужиной находящейся под ее господством континентальной Европы являлась Франция. Ежедневно она платила 20 млн франков оккупационных издержек Германии, что намного превышало реальные расходы по содержанию немецкой армии во Франции. Другие страны также были вынуждены платить оккупантам громадную дань, которая в целом составляла около 40% приходной части бюджета рейха. Включая дефицит по клиринговому соглашению, которое Германия навязала силой, Франция уже в 1940 г. давала 3% валового национального продукта Германии, а в 1943 г. даже 9,1% (рассчитано по обменному курсу 1938 г.). В 1940 г. Франция перевела 9,3% своего собственного валового национального продукта в Германию, в 1943 г. — уже 31,3%. Только в 1944 г. вклад Франции в военную экономику Германии начал уменьшаться. За весь период войны почти половина французских общенациональных расходов пришлась на Германию. Но, с другой стороны, за счет поставок своих промышленных товаров в Германию Франция добилась крупного превышения экспорта над импортом. В 1943 г. стоимость французского экспорта даже по заниженному курсу франка в 20 раз превосходила уровень 1938 г.

Вклад Бельгии, Нидерландов, Норвегии и Дании в военную экономику держав «оси» (союзников гитлеровской Германии) был ниже по абсолютным показателям, но в отношении к их национальному валовому продукту колебался в тех

же пределах. Особенно важна была Бельгия с ее запасами сырья и тяжелой промышленностью. С начала оккупации до 1943 г. примерно половину промышленной продукции Бельгия отправляла в Германию. Затем гайки закрутили еще туже. Уже в 1943 г. бельгийская металлургическая промышленность на основании договора три четверти своей продукции поставляла в Германию. Формально она продолжала оставаться в частной, большей частью бельгийской собственности, что впоследствии дало повод упрекнуть бельгийских промышленников в коллаборационизме, так как большинство из них использовало предложенный шанс заработать без каких-либо морально-политических сомнений. Как в Бельгии, так и Нидерландах в результате поставок в Германию образовалось превышение экспорта над импортом, которое в 1942 г. составляло порядка 400 млн рейхсмарок.

В Норвегии правительство Квислинга тесно сотрудничало с германскими оккупационными властями. Аппарат управления, который должен был реализовать потребности рейха в местных ресурсах, был по составу норвежским, отдельные немецкие министры, равно как и командование вермахта, напрямую общались с норвежскими деловыми кругами. В стране не было ни центрального органа планирования этой деятельности, ни переданных в государственную собственность предприятий. Однако предполагалось создать крупную алюминиевую промышленность с участием немецкого и норвежского капитала и теснее связать Норвегию и Германию при помощи железнодорожных и автомобильных путей сообщения.

Дания, которая с самого начала рассматривалась как поставщик продуктов питания, смогла в наибольшей степени сохранить собственную экономическую структуру. Датские крестьяне бойкотировали все попытки германских властей сократить поголовье скота, чтобы расширить посевы зерна, масличных культур и овощей. Посевные площади возросли только по масличным культурам и овощам, но не по зерновым. Правда, из-за недостатка кормов птицеводство сократилось наполовину, а поголовье свиней — примерно на треть, но численность молочного стада после первоначального принудительного сокращения

вскоре вновь достигла прежних размеров, и даже оккупационные власти в конце концов начали придерживаться правила не забивать молочных коров, которые должны давать молоко. Поэтому Дания, равно как и Голландия, в отличие от почти всех остальных стран континентальной Европы, во время войны смогла даже увеличить объем сельскохозяйственной продукции.

В Восточной Европе на оккупированных территориях с интересами национального сельского хозяйства едва ли считались, хотя именно на Востоке, прежде всего на Украине, хотели создать европейскую житницу. По планам имперского Министерства занятых восточных территорий, СССР обязан был ежегодно экспортировать 7 млн тонн зерна. Чтобы достичь этой цели, Германия поставила на Украину 250 тыс. плугов, 200 тыс. электрогенераторов, 70 тыс. тракторов, несколько тысяч единиц тягового скота и 14 тыс. консультантов по сельскому хозяйству. Вывозимое в Германию зерно составляло две трети от валового сбора, но тем не менее с оккупированных территорий СССР за вычетом снабжения немецких войск удалось изъять только 1,2 млн тонн зерна. По стоимости этот экспорт существенно уступал вывозу Германией аграрной продукции из Франции, Дании или Италии.

Немецкие оккупационные власти сначала широко опирались на имевшиеся организационные формы, прежде всего на колхозы. Кроме того, было учреждено украинское Общество обработки земли смешанного типа (частной и государственной), которое, правда, не имело большого значения, так как в его распоряжении находилось лишь немного земли. Центральное торговое общество «Восток» покупало и перерабатывало продукцию колхозов. Совхозы и машинно-тракторные станции были переданы в собственность оккупационных властей. С 1942 г. коллективные сельскохозяйственные предприятия, выполнившие свои обязательные поставки, могли подать заявления о разделе на частные хозяйства. В этом случае они получали участки пашни, тогда как луга и пастбища должны были по-прежнему находиться в коллективном пользовании. Тем не менее более 2000 колхозов, объединявших примерно 38 тыс. семей, поддались такого рода приватизации. К повышению производитель-

ности это вряд ли привело, к тому же период немецкой оккупации оказался слишком коротким, а возможные излишки частных хозяйств реквизировались войсками. Польша, напротив, поставляла в Германию значительные объемы ржи и картофеля. В 1943 г. стоимость немецкого импорта из генерал-губернаторства (т.е. из оккупированной Польши. — *Прим. пер.*) достигала более двух третей импорта из намного большей территориально оккупированной части СССР. Наиболее весомый вклад в эту германскую экономическую систему внесла все же Юго-Восточная Европа. Ее экспорт снизился только в 1941 г., в 1943 г. он на 40% превышал уровень 1939 г. и почти в 4 раза — 1936 г.

Крупное хозяйство под немецким управлением должно было возникнуть и в промышленности, включая добывающую. Немецкая индустрия была кровно заинтересована в том, чтобы получить доступ к месторождениям сырья и приобрести действующие предприятия. Имперское правительство поддерживало стремление выкупать предприятия у западноевропейских, особенно французских и бельгийских, владельцев, в первую очередь в восточноевропейских странах, а на Западе главным образом в том случае, когда затрагивались военно-стратегические интересы. Вначале выкуп собственности производился в соответствии с частным правом, позднее, в первую очередь в Польше, только за счет увеличения немецкой задолженности в клиринговом соглашении. Дело дошло и до картельных соглашений между западными, особенно французскими, и немецкими предпринимателями, в которых тон задавали немецкие посредники. Представления Геринга о том, что немецкое хозяйство должно быть теснее связано с бельгийским, голландским, датским и норвежским, тем не менее наталкивались на иные установки имперского правительства и нацистской партии. Нельзя же было формировать взаимные интересы, если одновременно в стране-партнере массы населения подвергались депортации, геноциду и заключению в концлагеря, а представителей других европейских наций в целом считали «недочеловеками».

Нейтральные страны избегали такого экономического вторжения. Сначала они пытались поддерживать баланс между уча-

стниками войны экономическими мерами, например заключили соглашение о торговле с Великобританией, согласно которому обязывались, несмотря на блокаду, не реэкспортировать в Германию поставляемые те или другие аналогичные товары. Но после того, как страны, входившие в военный блок Германии, географически окружили Швейцарию и взяли под контроль шведские морские пути, эти страны стали ориентироваться на потребности Германии сильнее и вели с ней клиринговую внешнюю торговлю. Швеция поставляла в Германию не только высококачественную железную руду, но и необходимые для производства вооружений шарикоподшипники, так что стоимость шведского экспорта в Германию за период 1938—1941 гг. удвоилась. Только одна шведская фирма С.К.Ф. (*S.K.F.*), чье дочернее предприятие в Германии подверглось союзнической бомбардировке, смогла увеличить свою прибыль за 1939—1943 гг. в три раза. Испания и Португалия были важны для воюющих сторон прежде всего благодаря месторождениям вольфрама. Испании удалось во время войны за счет увеличения поставок и роста цен на вольфрам сделать положительным свой торговый баланс, бывший заведомо отрицательным после экономической разрухи, вызванной гражданской войной. Португалия также выиграла от возросших цен на руду и продукты питания. Турция, которая вначале взяла на себя перед союзниками по антигитлеровской коалиции обязательство не поставлять Германии стратегически важных товаров, по истечении срока действия этого соглашения в 1943 г. возобновила экспорт хромовой руды в Германию. И все же экономика нейтральных стран не полностью контролировалась Германией и ее союзниками, а Швейцарии даже удалось в 1942 г. заключить с Германией компенсационное соглашение о расчетах за продукты, которые отправлялись в «третий рейх», что позволило Швейцарии поставлять в страны антигитлеровской коалиции некоторые военные материалы и производимые только в этой стране продукты, чтобы взамен ввозить продукты питания и сырье, которое отчасти использовалось для производства экспортируемых в Германию изделий. «Нормальные» экономические отношения в Европе не прерывались полностью даже на этапе «тотальной войны».

Великобритания, естественно, располагала большими, чем страны гитлеровского блока, возможностями для поддержания своих внешнеэкономических отношений. Но и здесь государство взяло на себя контроль за расстановкой приоритетов не только в производстве, но и во внешней торговле. После утверждения в США в марте 1941 г. закона о лэнд-лизе, который позволял поставлять союзникам военное сырье и продукты питания, почти весь импорт из США осуществлялся правительственными учреждениями. В Великобритании важнейшие хозяйственные решения принимались на высоком политическом уровне, в первую очередь столь характерными для Англии «комитетами». Но отдельные экономические области, как и в Германии, находились в руках промышленных союзов и предпринимателей, которые с этой целью временно поступали на государственную службу. Распределением сырья ведал в каждом конкретном случае союз или организация предпринимателей, обладавшие правом его преимущественного использования. Так создавалась почва для конфликтов между отдельными отраслями или фирмами и национальными интересами. Подобные столкновения, правда, были типичны для всех воевавших стран, они возникали не только между государством и экономикой, но также между отдельными структурами вооруженных сил и министерствами. В случае нехватки ресурсов неизбежно возникал спор об их распределении, и при этом всегда находились победители и проигравшие.

Разрастание государственного регулирования во всех участвовавших в войне странах вело к подавлению рынка и раздуванию управленческого аппарата. Созданное в Англии во время войны Министерство продовольствия уже в апреле 1940 г. имело в штате 3500 чел, а в 1943 г. — 39 тыс. Расширялось статистическое ведомство и хозяйственный учет в национальном масштабе. Специалисты в экономической области отдельных отраслей охотно использовались в Великобритании для планирования и анализа развития военной экономики. Именно здесь находится один из истоков веры в могущество науки и планирования, получивший позднее распространение во многих европейских странах.

Изменение государственного устройства и международной ситуации после второй мировой войны

Подготовка к преобразованию мирового экономического порядка начала вестись союзниками по антигитлеровской коалиции, в первую очередь США и Великобританией, уже во время войны. В те годы, когда идеологи национал-социалистической Германии разрабатывали планы разделения мира на несколько замкнутых крупных хозяйственных территорий (а немецкие либералы закладывали идейные основы социального рыночного хозяйства), возникли планы будущего либерального мирового экономического порядка. Европе в нем отводилась важная роль. Ошибки межвоенного времени, национальная разобщенность должны были быть преодолены. В июле 1944 г. в Бреттон Вуде в Нью-Гемпшире (США) были подписаны соглашения о важнейших основах этого мирового экономического устройства: о Международном валютном фонде, призванном подготовить и обеспечить конвертируемость валют на базе твердых обменных курсов, и о связанном с ним Международном банке реконструкции и развития (Мировой банк), в задачу которого входило помочь восстановлению Европы и финансировать развитие «третьего мира». Третий основополагающий элемент — соглашение о восстановлении общих правил внешней торговли и снижении тарифов натолкнулся на серьезные трудности. После нескольких неудачных попыток Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ) было подписано лишь в 1947 г., но в том же году план «Хартии мировой торговли» как базиса организации всемирной торговли потерпел полную неудачу, прежде всего потому, что сопротивление европейцев отмене льготных и протекционистских пошлин настолько размыло первоначальные предложения, что американский конгресс не ратифицировал соглашение.

В то же время США старались по политическим и военно-стратегическим соображениям помочь послевоенному восстановлению Европы. Несмотря на мировые войны, которые сократили ее экономический отрыв от остального мира, Европа, как и прежде, оставалась важнейшим торговым партнером и воен-

но-политическим союзником США. Здесь в наибольшей мере должны были проявиться принципы либерального экономического порядка.

Однако подобный взгляд в Европе разделяли не все. Помимо СССР и его сателлитов, множество политиков на Западе из числа социалистов и кейнсианцев настаивали на усилении национальной независимости в принятии политико-экономических решений. В ряде стран, в том числе во Франции и Великобритании, ставка на предпринимательскую экономику и рыночные рычаги управления не была безусловной, а опыт мирового экономического кризиса и мировой войны укрепил веру в то, что экономический прогресс в большей мере достижим с помощью политики огосударствления и планирования. Западная Европа в целом становилась, скорее, регионом со смешанным экономическим порядком, где ключевые звенья аппарата производства принадлежали государству или управлялись им напрямую, в экономической системе сосуществовали элементы рыночного и планового хозяйства. Отношения между экономикой и государством во многих странах складывались иначе, чем в только что созданной ФРГ, они строились, скорее, исходя из прагматических, нежели принципиальных соображений.

Независимо от имевшихся в каждом конкретном случае предпочтений западноевропейцы все же воспользовались предложенной американцами помощью в восстановлении хозяйства и переселении миллионов перемещенных лиц; в отличие от времен после первой мировой войны они оказались также в принципе готовы сменить конфронтацию на кооперацию. Тем не менее обнародованный государственным секретарем США Маршаллом 5 июня 1947 г. план щедрой американской финансовой помощи, предоставляемой при условии, что европейцы будут вместе работать над восстановлением национальных экономик и конвертируемостью своих валют, встретил не только одобрение. Великобритания усмотрела в нем угрозу своей особой роли в случае, если долларские кредиты будут поступать во все европейские страны из одного источника на равных условиях. Как дал понять министр иностранных дел Бевин американскому особому уполномоченному Клейтону, это могло бы относиться к любой другой европейской стране. Сопревание ми-

нистров, созданное для рассмотрения предложения, сочло, что речь идет об искусственном виде помощи для Великобритании, так как экономически она не является частью Европы (на Европу приходилось менее 25% ее торговли); восстановление континентальной Европы, взятое само по себе, не решит проблемы, — получив доллары, Великобритания станет зависимой от остального мира.

Тем не менее Великобритания взяла в свои руки инициативу, чтобы вместе с Францией определить формы кооперации, тогда как мелкие страны во главе с Бельгией терзались сомнениями. Норвегия и Швеция охотно восприняли бы американскую помощь в рамках уже существовавшей Европейской экономической комиссии ООН (*ЕСЕ*), чтобы избежать намечавшегося разрыва с СССР. Как и другие восточноевропейские страны, он был приглашен к участию в плане Маршалла, но три крупнейшие западные державы не рассчитывали на согласие с его стороны. Греция и Турция охотнее бы воспользовались уже оказываемой прямой экономической помощью США. Только проигравшие во второй мировой войне видели в плане Маршалла большой шанс воспользоваться американской помощью наравне с остальными европейскими странами.

СССР, как и ожидалось, отклонил участие в программе и вынудил отказаться также Чехословакию и Венгрию, которые ранее дали согласие, а также Польшу, которая пошла на пересмотр принятого решения. Из прокоммунистических стран только Югославия, уже тогда дистанцировавшаяся от Москвы, объявила о своем участии. Испанию не пригласили из-за нежелания сотрудничать с режимом Франко; Португалии предложение сделали, и она согласилась. Таким образом, 16 европейских государств (Бельгия, Дания, Франция, Греция, Ирландия, Исландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Австрия, Португалия, Швеция, Швейцария, Турция и Великобритания) выразили готовность принять американскую инициативу. Занятая в тот момент войсками союзников Западная Германия, в отличие от также пока оккупированной, но уже имевшей дееспособное правительство и признаваемой самостоятельным государством Австрии, присоединилась к этому сообществу по-

зже, но определенную роль играла уже при подготовке союза. Если США, Италия и малые страны стремились к скорейшему восстановлению Центральной Европы, причем Германия для большинства из них была важнейшим экспортным рынком, то Франция и Англия как державы-победительницы имели в виду ограничение Германии и контроль над немецкой экономической мощью.

Несмотря на противоречия, страны, принявшие участие в плане Маршалла, уже в июне 1947 г. основали Комитет европейского экономического сотрудничества (СЕЕС), который подготовил конвенцию, подписанную 16 апреля 1948 г. Так возникла Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), которая давала рекомендации о распределении экономической помощи отдельным странам в рамках плана Маршалла и основала Европейский платежный союз (ЕЗУ). Все это вело к либерализации европейского денежного обращения и конвертируемости европейских валют.

Правительства и частный сектор были призваны объединиться в решении крупных задач восстановления европейского хозяйства, а стартовая финансовая помощь для этого должна была поступать, в отличие от периода первой мировой войны, не от американских банков, а от правительства США. План Маршалла, официально именовавшийся Программой восстановления Европы (*European Recovery Program — ERP*), предоставлял в распоряжение правительств европейских государств долларовые субсидии, на которые можно было приобрести как продукты питания, так и средства производства в Северной Америке или странах «третьего мира». Национальные правительства конвертировали доллары в отечественную валюту и использовали полученные средства в соответствии со своими представлениями: для развития инфраструктуры, роста базовых отраслей (особенно добывающей индустрии, электроэнергетики и выплавки стали), ликвидации узких мест в народном хозяйстве, повышения производительности сельского хозяйства или же в целом для удешевления и тем самым для облегчения инвестиций. В некоторых странах, например в Великобритании, эти средства вносились в государственный бюджет, в других, как в ФРГ, учреждался особый фонд, имевший то преимущество, что

при возврате кредитов их можно было вновь использовать (они используются и до сих пор).

Первые средства по плану Маршалла конгресс США выделил в апреле 1948 г. До официального завершения программы 30 июня 1951 г. было предоставлено около 12,5 млрд долларов (включая программу особых займов для Испании). Ранее временная помощь оказывалась Франции, Италии и Австрии, а неизрасходованные остатки были включены в счет плана Маршалла: в литературе можно поэтому встретить различные суммы финансовой помощи в зависимости от того, что принимается за начальную и конечную даты плана и какие родственные виды помощи учитываются. Основная доля средств по программе европейского восстановления была выдана в первые два года, с 1950 г. их объем сократился. В целом до 1953 г. было предоставлено более 15 млрд долларов. Если сюда добавить помощь, поступившую непосредственно после войны, общая сумма субсидий США, предоставленных Европе, превысит 25 млрд долларов. В абсолютном отношении больше остальных получили Франция и Великобритания. При пересчете же на душу населения лидерами окажутся страны второго порядка (Нидерланды, Норвегия, Австрия и Греция). Югославия, Португалия и Швеция по различным причинам были отодвинуты на задний план (табл. 77). Большая часть оказанных по программе европейского восстановления кредитов, примерно 90%, была безвозвратной.

Учитывая опасения, которые у большинства европейских правительств вызывал план Маршалла, это был большой успех. Позднее много спорили о том, какое — решающее или второстепенное — значение он имел для восстановления Европы. На этот вопрос нельзя ответить, прибегая только к сравнению сумм предоставленной помощи с валовым продуктом, объемом внешней торговли или другими показателями. План Маршалла имел три решающих следствия: во-первых, благодаря ему европейцы получили в распоряжение доллары в то время, когда они еще вряд ли могли заработать их за счет экспорта. Покупали ли они при этом на них необходимые продукты питания для обеспечения населения, как это преимущественно произошло в Австрии и Западной Германии, или в большей степени средства произ-

**Помощь, оказанная европейским странам по плану Маршалла
с 3.04.1948 по 30.6.1952 гг.***

Страна	Общий объем, млн долларов	В расчете на душу населения, долларов
Австрия	677	97
Бельгия/Люксембург	556	62
Великобритания	3176	63
Греция	694	89
Дания	271	64
Ирландия	146	49
Италия	1474	32
Нидерланды	1079	107
Норвегия	254	78
Португалия	50	6
ФРГ	1389	28
Франция	2706	65
Швеция	107	15
Югославия	109	7

* Произведенные платежи.

Источники: Price H.B. The Marshall Plan and its Meaning. Ithaca, N.Y. 1955. P. 90; United Nations. Statistical Yearbook. 1951. 1952. 1954; Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. 1953. S. 30.

водства, как во Франции, не было главным. Важнее то, что для другого использования высвобождались собственные ресурсы. Второе следствие имело в большей мере психологический характер: Америка продемонстрировала жест доброй воли, оказав помощь в восстановлении стран Европы, включая ее бывших противников. Это в свою очередь имело мультипликативный эффект. Третье следствие заключается в стимулировании процесса европейской интеграции. Надежды американцев на то, что Европу в целом или большую ее часть удастся объединить сначала экономически, а затем и политически в единую орга-

низацию — Комитет европейского экономического сотрудничества (КЕЭС), позднее — Организацию европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), не оправдались. Тем не менее европейский платежный союз возник в 1950 г. именно вследствие помощи, поступавшей по плану Маршалла, а созданию остальных европейских институтов, таких как Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), Европейское сообщество атомной энергии (Евроатом) и, наконец, Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), возникших по инициативе самих европейцев, способствовала оказанная США после войны поддержка. Конечно, Европа возродилась бы и без плана Маршалла; Европейское сообщество в конце концов также возникло бы самостоятельно, но финансовое содействие США не было только символом, оно материально и институционально ускоряло восстановление и способствовало единству, по крайней мере частичному, Европы.

В Европе к 1950 г. образ мыслей многих политиков все еще определяла боязнь дефицита ресурсов (особенно сырья и исходных материалов, необходимых для восстановления индустрии, а именно угля и стали) и германского экономического превосходства. И та и другая опасность, по убеждению «европейцев», могла быть преодолена только путем создания международных институтов. Поэтому за создание таких институтов совместно выступали весьма различные политические силы. В 1952 г. по плану Жана Моне, который воспринял и с начала 50-х гг. стремился осуществить министр иностранных дел Франции Роберт Шуман, возникло Европейское объединение угля и стали, представлявшее собой наднациональный контрольный и распределительный орган ФРГ, Франции, Италии и стран Бенилюкса. Отношения государства и экономики приняли здесь форму регламентации, поскольку в обозримом будущем, как тогда полагали, приходилось считаться с нехваткой энергии и сырья для тяжелой промышленности. Высшие органы получили поэтому широкие полномочия по управлению инвестициями, регулированию цен, установлению производственных квот и распределению дефицитных товаров. Фактически они воспользовались лишь частью своих прав, главным образом в том, что

касается угля; цены же на сталь были тотчас отпущены. Меры, дискриминирующие партнеров (тарифы, контингентирование, дифференцированные ставки фрахта), были отменены. В результате в рамках «общего рынка» постепенно расширилось пространство для предпринимательского выбора, а на контролируемых «шестеркой» рынках возникла большая конкуренция.

В 1958 г. эти же шесть стран образовали Европейское сообщество атомной энергии и Европейское экономическое сообщество. Оба союза вместе с ЕОУС в 1967 г. составили Европейское сообщество (ЕС), к которому в 1973 г. присоединились Великобритания, Ирландия и Дания, в 1981 г. — Греция, в 1986 г. — Испания и Португалия: сегодня в него входят 12 стран-членов. В Европе, таким образом, утвердилась, скорее, континентальная, в первую очередь французская, модель отношений между государством и экономикой, нежели либеральная англосаксонская. Этот путь к европейскому строительству через создание наднациональных органов, выбиравшийся всегда по политическим причинам и мотивам, с экономико-политической точки зрения привел к усилению дирижизма и росту государственных субсидий, особенно в сельском хозяйстве.

Иную модель, в большей степени ориентированную на принцип свободной торговли, пытались воплотить те страны-члены ОЕЭС, которые не присоединились к основателям ЕЭС. После того, как в 1958 г. из-за политических устремлений ЕЭС и сопротивления Франции переговоры между членами ЕЭС и остальными западноевропейскими государствами о создании «крупной зоны свободной торговли» закончились неудачей, Дания, Норвегия, Австрия, Португалия, Швеция, Швейцария и Великобритания пошли на создание малой зоны — Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ). С 1960 г. она вступила в действие. В 1961 г. Финляндия стала ассоциированным членом ассоциации, ее полное членство, принимая во внимание ее связи с СССР, не было возможным. Внутри ЕАСТ пошлины на промышленные товары снижались в том же темпе, как и в ЕЭС, но кроме того, члены ассоциации отказались от общих таможенных границ по отношению к внешнему миру и от наднациональ-

ных институтов с широкими полномочиями. Ассоциация обеспечивала каждому члену полный суверенитет по всем вопросам экономической, а также аграрной политики, т.е. она не вмешивалась в отношения между государством и экономикой в отдельных странах. В отличие от ЕЭС, она пыталась укрепить положение входящих в нее стран посредством коллективных переговоров и сгладить противоречия в Западной Европе.

Хотя успехи ЕАСТ были неоспоримы, с течением времени более сплоченное ЕЭС возобладало. Несмотря на серьезные сомнения, особенно по поводу аграрной политики ЕЭС, в конце 1972 г. Великобритания, Ирландия и Дания сменили членство в ЕАСТ на вступление в Европейское сообщество. Исландия, напротив, осталась в ЕАСТ, куда она вошла в 1970 г., а решение норвежского правительства о вхождении в ЕЭС было вынесено на общенародный референдум.

Оба европейских сообщества постепенно расширили сотрудничество с целью создать единое европейское экономическое пространство. В 1984 г. они отменили последние количественные ограничения и таможенные барьеры на промышленные товары, остался пограничный контроль и многочисленные национальные инструкции и нормы, косвенно ограничивающие торговлю. Хотя ныне 17 стран Западной Европы образуют крупнейшую зону свободной торговли в мире, само Европейское сообщество не является реально единым экономическим пространством вследствие остающихся в силе различий правовых норм, доступа к профессиональному обучению, налогов и субсидий, а национальная экономическая политика отношения между государством и экономикой определяет до сих пор в большей степени, чем политика сообщества.

Государства восточного блока в противовес плану Маршалла и наметившейся западноевропейской интеграции в январе 1949 г. основали Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), который на Западе часто называли английской аббревиатурой *COMECON* (*Council for Mutual Economic Assistance*). Его основателями были Болгария, Польша, Румыния, СССР, Чехословакия и Венгрия. Албания и ГДР вступили в него в 1949—1950 гг. (позднее присоединились внеевропейские Монголия, Куба и Вьетнам). С 1961 г. Албания участвовала только в засе-

даниях СЭВ. Зато Югославия с 1964 г. согласовывала с СЭВ вопросы более тесного сотрудничества в области взаимных интересов и была с тех пор представлена в различных комиссиях Совета. В 1973 г. соглашение о сотрудничестве, правда, не раскрывая сферы и формы сотрудничества, заключила с СЭВ Финляндия.

В сравнении с Европейским сообществом интеграционный потенциал СЭВ проявился слабее. Ни задачи, ни компетенция не были четко определены. Только в 1959 г. был подготовлен устав. Вначале обмен проходил в области научно-технической информации. С 1950 по 1954 г. вообще не было сессий СЭВ. Позже речь шла главным образом о взаимной торговле и установлении цен, что представляет собой серьезную проблему для системы, где рыночных цен нет и действуют различающиеся по странам административно установленные цены. Данную проблему невозможно решить средствами, имманентно присущими системе, поэтому по необходимости за отправной пункт были взяты цены капиталистического мирового рынка, которые очистили от «конъюнктурных и спекулятивных колебаний» путем определения средних по пятилетним рядам (до 1974 г.).

С возникновением ЕЭС СЭВ углубил сотрудничество и институционализировал его формы. Попытки СССР ввести в 1962 г. общее наднациональное планирование тем не менее не удалось из-за сопротивления Румынии и ограничились принятием «принципов международного социалистического разделения труда» и координации национальных планов экономического развития. В 1963 г. был основан Международный банк экономического сотрудничества, который производил расчеты между странами-членами в едином платежном средстве — «переводных рублях», в 1970 г. возник Международный инвестиционный банк, предоставлявший членам СЭВ долгосрочные кредиты. В 1967 г. с изменением устава принцип единогласия, действовавший при принятии любых решений, был отменен, что дало членам СЭВ право не участвовать в некоторых сферах его деятельности. С начала 70-х гг. «Комплексная программа» была призвана усилить интеграцию в рамках СЭВ. Кроме того, по образцу ЕЭС создавались совместные внешние представитель-

ства, например в Европейском сообществе, других международных организациях и (на уровне наблюдателей) в ООН. В СЭВ работали многочисленные комиссии и комитеты, которые охватывали различные секторы экономики (например, транспорт) или товары (например, цветные металлы). Степень разделения труда и интеграции оставалась тем не менее низкой. Страны-члены СЭВ, производившие 30% мировой продукции, обменивались между собой только 6% всех экспортируемых ими товаров. План продолжал доминировать, несмотря на усилия большинства стран восточного блока дать больше свободы предприятиям. Принципиальной проблемой всех централизованно управляемых экономик оставалось то, что «экономика», в отличие от «государства» (и тем самым партии), не была реально самостоятельной.

Экономическая и социальная политика Европейского сообщества

Члены Европейского сообщества согласно Римским договорам не обладают полным суверенитетом в проведении экономической и социальной политики. Отдельные вопросы переданы странами-членами в органы сообщества (комиссия, совет, парламент, суд) практически полностью, другие — лишь частично. В этом отношении решения сообщества конкурируют с политикой его членов. Соответственно, последствия интеграции в различных сферах экономической и социальной политики существенно различаются. Быстрее всего утвердился общий рынок промышленных товаров. Внутренние пошлины устранялись по большей части планомерно, общая внешняя таможенная граница была возведена раньше. Устранение внутренних пошлин планировалось провести в несколько этапов за период с 1 января 1959 г. по 31 декабря 1969 г. Фактически это произошло уже к 1 июля 1968 г. Пошлины на промышленные товары в торговле между новыми (вступившими в 1973 г.) и старыми членами ЕЭС должны были снижаться в течение 5 лет до 1977 г. по 20% в год соответственно. На значительную часть продукции, торговля которой регулируется договорами ЕОУС и Ев-

роатома, пошлины были отменены единовременно с 1 января 1974 г. Общий таможенный тариф, исчисленный как среднее арифметическое тарифов стран-основателей, был введен поэтапно в 1961, 1963 и 1968 гг. Он оказался ниже тарифов Франции и Италии, но выше, чем ФРГ и стран Бенилюкса. Так как в рамках Кеннеди-раунда ГАТТ тарифы были одномоментно понижены на 35%, на прежнюю высоту они никогда более не поднялись, в начале 80-х гг. оставаясь примерно на том же уровне, что в ФРГ и странах Бенилюкса в 1957 г. В среднем импорт промышленной продукции (за исключением продуктов сельского хозяйства) облагается пошлиной в 6,9%, более половины поступает в ЕЭС беспошлинно, это самый низкий тариф среди всех промышленно развитых государств. Количественные ограничения между членами были устранены еще в 1961 г. Неторговые и технические барьеры все еще мешают: не полностью унифицированы технические и ветеринарные нормы безопасности, производственные нормативы и административная практика.

Сельское хозяйство с самого начала являлось особым сектором для ЕЭС. Либерализовать его было нельзя: считается, что оно нуждается в защите со стороны государства. Тем не менее создать общий рынок на сельскохозяйственную продукцию было необходимо. Сообщество в лице комиссии и совета получило поэтому в области аграрной политики самые большие полномочия. Аграрная политика в определенной степени стала главной для ЕС в целом. Целью было провозглашено сохранение крестьянских хозяйств стран-членов оказанием содействия в рационализации, защите от конкуренции со стороны заокеанских производителей сельскохозяйственной продукции в первую очередь, а также от более низких цен мирового рынка. Чтобы гарантировать доход европейским крестьянам, примерно равный доходам работников других секторов, были установлены единые цены на общем рынке сообщества, а цены на импортные продукты подняты за счет специальных надбавок. Эти надбавки не устанавливаются в процентах тарифами, а являются переменной величиной, зависящей от разницы между административно установленной внутренней ценой ЕЭС и ценой импорта. Европейским сельским товаропроизводителям, экспортиру-

ющим свою продукцию, возмещается разница между внутренней ценой ЕЭС и более низкими ценами мирового рынка. Средства на эти цели предоставляются общим Аграрным фондом. Отдел «Гарантии» этого фонда финансирует расходы, связанные с созданием совместных организаций на аграрных рынках, отдел «Организации» участвует в финансировании мероприятий по улучшению структуры сельского хозяйства, на которые большей частью выделяются национальные средства. В начале 80-х гг. через Аграрный фонд было передано свыше двух третей всех средств, находящихся в распоряжении Европейского сообщества (в 1983 г. — 16,5 млрд ЭКЮ). Большинство организаций возникло в 1966—1968 гг. К началу 80-х гг. свыше 90% сельскохозяйственной продукции проходит через 24 общие организации, контролирующие соответствующие рынки. Таких организаций нет только по алкоголю и картофелю.

Механизм совместных аграрных рынков после определенного переходного периода будет распространен также на новых членов сообщества. Организации работают на различных принципах. 72% из них, ведающие большей частью основных продуктов питания и важнейшими видами овощей и фруктов, основаны на принципе поддержания цен. Сложная система расчетных, пороговых и интервенционных цен гарантирует сельским товаропроизводителям скупку продукции государственными складами, как только цена опускается ниже предела интервенционной цены. Расчетная цена есть некая заданная величина, которая не всегда достигается в действительности. Пороговая цена — та, по которой сельскохозяйственная продукция может ввозиться в страны «общего рынка». Она ниже расчетной цены: в ней не учитываются транспортные расходы и страхование товара, которые добавляются к цене ввозимого товара. В зависимости от продукта предел интервенционной цены лежит на 5% (для сахара) — 50% (для овощей и фруктов) ниже нормативной цены. Для большинства видов зерновых он на 12—30% ниже, для говядины и свинины — примерно на 10%. Таким образом, по каждому продукту реальные цены оптовой торговли могут отклоняться на различную величину, прежде чем начнут действовать государственные гарантии.

Примерно на 25% сельскохозяйственной продукции, к которой относятся цветы, живые растения, рис, некоторые сорта вин, овощей и фруктов, яйца и птица, интервенции не распространяются, а защита ограничивается наценками и компенсациями, т.е. регулированием внешней торговли. Примерно еще на 25% продукции сельскохозяйственные производители получают дотации (аналогично старой британской системе частичных платежей), а потребители покупают их по ценам мирового рынка. Эта система применяется к пшенице твердых сортов, оливковому маслу, к некоторым другим масличным культурам, к табаку. Для 0,6% продукции, главным образом для хлопка, льна, конопли, хмеля, гусениц шелкопряда и сухих кормов, предусмотрены общие субсидии, размер которых определяется в зависимости от посевных площадей или объема производства.

Общий рынок сельскохозяйственной продукции столкнулся с трудностями в условиях, когда твердые курсы валют сменились плавающими, а члены Европейского сообщества начали различным образом де- и ревальвировать свои валюты. Чтобы сохранить общую систему цен, в 1969 г. после немецкой ревальвации и французской девальвации впервые было проведено выравнивание валют стран-членов сообщества. В итоге страны, где прошла ревальвация, получают компенсацию в размере процента ревальвации (положительное выравнивание валюты), тогда как страны, где произведена девальвация, делают отчисление в размере процента девальвации (отрицательное выравнивание валюты). Первоначально эти меры вводились только в качестве временной, на период адаптации, помощи. Но «временное» выравнивание валют стало постоянным явлением: процессы ревальвации и девальвации продолжают идти. В конце 1983 г. положительное выравнивание валюты для ФРГ составляло 9,8%, для Великобритании — 7,6%, для Нидерландов — 5,8%, для Дании — 1%. Для Греции отрицательное выравнивание валюты составляло 3%, для Франции — 4,4%. В отношении Ирландии, Бельгии, Люксембурга и Италии выравнивание не применялось. Финансировалось оно из средств Европейского аграрного фонда. В 1982 г. расходы на эти цели составили 1,4 млрд марок ФРГ, сумму превышения компенсаций на вы-

равнивание полученных в результате него отчислений. Вопреки всем расчетам вследствие изменений валютных курсов цены внутри сообщества изменились неравномерно, особенно в 70-е гг. Временами разница между ценами в ФРГ и Великобритании составляла до 50%, в начале 80-х гг. разница между ценами в Германии и Франции — 15%.

В отличие от расходов на поддержание цен на структурные мероприятия в сельском хозяйстве ЕЭС выделяет лишь незначительные средства. В 1968 г., согласно плану Мансхольта, было намечено вывести из оборота как минимум 5 млн гектар сельскохозяйственных земель, содействовать развитию крупных производственных единиц и сократить число занятых в сельском хозяйстве путем их переквалификации с целью не расширять в дальнейшем объем производства и облегчить государству бремя поддержки этой отрасли. Реализована была лишь небольшая часть этих планов (прежде всего в области переквалификации рабочей силы). Программа модернизации осуществляется в ограниченных масштабах, и ЕЭС участвует только в пределах 25% ее расходов, кроме некоторых отраслей, где перемены стимулируются и общество поэтому финансирует 65%. В 1983 г. на реструктуризацию сельского хозяйства ЕЭС было выделено 1,4 млрд марок (2,5% всех расходов).

Является ли перепроизводство в западноевропейском сельском хозяйстве результатом аграрной политики ЕЭС — вопрос спорный. Другие высокоразвитые страны Европы (Швеция, Швейцария), США, Япония субсидируют свое сельское хозяйство различными способами и поддерживают производство на таком уровне, который превышает потребности данной страны. В 1981—1982 гг. страны ЕЭС производили сахара на 159%, пшеницы — на 125%, масла — на 120%, говядины и телятины — на 105%, свинины — на 102% выше собственной потребности. Они экспортировали сельскохозяйственной продукции на 17 млрд ЭКЮ, а импортировали на 40 млрд и, таким образом, несмотря на собственное перепроизводство, имели пассивный баланс по торговле сельскохозяйственной продукцией. ЕЭС является крупнейшим импортером продовольствия в мире, доля которого составляет 30%.

С 1970 г. Европейское сообщество проводит определенную политику в области рыболовства с целью регулировать доступ рыбаков из континентальной Европы к отдаленным местам рыбного промысла в зоне влияния новых потенциальных членов (тогда помимо Дании, Великобритании и Ирландии вне ЕЭС оставались еще Норвегия и Исландия) и согласовывать претензии отдельных стран-членов с точки зрения изменившегося правового статуса территориальных вод (расширение 6- и 12-мильных прибрежных зон до 200 морских миль), а также пресекать чрезмерный лов рыбы. После длительных переговоров был достигнут компромисс, который сохранил за рыбаками стран Европейского сообщества 12-мильные зоны, установил обязательные для всех ежегодные квоты улова на остальных участках моря. В 1983 г. эти квоты составляли от 36% для Великобритании до 2% для Бельгии.

Аграрная политика и политика в области рыболовства всегда является отчасти политикой в отношении регионов. Проведение такой политики не было явно включено в задачи сообщества Римскими договорами: выравнивание уровней жизни в регионах рассматривалось, скорее, как побочный продукт «общего рынка». В 1975 г. сообщество основало, однако, Европейский региональный фонд. Уже вторая группа стран-участниц при вступлении в сообщество настаивала на том, чтобы особо отсталым регионам была выделена помощь для перестройки их экономической структуры. В 1982 г. в распоряжении Регионального фонда находилось свыше 2 млрд ЭКЮ (4,5 млрд марок ФРГ), из которых 35,5% приходилось на Италию, 23,8% — на Великобританию, примерно по 13% — на Францию и Грецию, около 6% — на Ирландию и менее 5% — на ФРГ. Остальные страны получали каждая примерно по 1%. Только 5% средств не были связаны твердыми квотами по отдельным странам.

Региональная политика в широком масштабе служит целям социальной политики или усилиям по созданию новых рабочих мест. Сообщество должно в первую очередь дать социальную гарантию права свободного передвижения и выбора места жительства (это относится к числу важнейших достижений ЕЭС) и содействовать мобильности населения. Для занятых в сталелитейной промышленности это право в отношении ряда специально-

стей стало реальным уже в период между 1954—1961 гг., для рабочих остальных отраслей — в 1968 г. Согласно договору ЕЭС граждане одной страны сообщества, работающие в другой стране, с точки зрения социальных и профессиональных прав приравниваются к гражданам последней; гарантии социального страхования также сохраняются. Директорат ЕОУС выделил в 1954—1982 гг. 750 млн ЭКЮ, чтобы обеспечить занятость безработных в добывающей и сталелитейной промышленности. Таким образом, под названием социальной осуществлялась на деле политика региональная. Кроме того, ЕОУС выделил под низкий процент ссуды на строительство 18 тыс. квартир по льготным ценам. С 1960 г. существует Европейский социальный фонд, который в первую очередь является политическим инструментом регулирования рынка труда. До 1971 г. на его средства прошли переподготовку около 2 млн безработных и временно не работающих. С конца 70-х гг. фондом финансируются меры по преодолению безработицы среди молодежи. С 1972 по 1983 г. в его распоряжении находилось 8,7 млрд ЭКЮ.

Все эти меры, конечно, лишь небольшая часть усилий, которые предпринимают страны-члены ЕЭС. Это в равной мере относится к политике сообщества в области развития путей сообщения или охраны окружающей среды. Более значима внешнеторговая и валютная политика. Различаются они одним важным моментом: в области внешней торговли сообщество обладает полным суверенитетом. С 1968 г. оно определяет тарифные ставки, с 1973 г. участвует в ГАТТ и заключает торговые договоры и соглашения о сотрудничестве с третьими странами. В сфере же валютной политики участники ЕЭС имеют право принятия самостоятельных решений и сотрудничают только по собственному желанию. Соглашения о кооперации заключаются с европейскими странами, которые выражают намерение вступить в сообщество (первое соглашение такого рода состоялось в 1961 г. с Грецией), а также с бывшими колониями, сначала французскими, затем и британскими. В 1975 г. согласно первому договору, подписанному в Ломэ, сообщество обеспечило 45 развивающимся странам Африки, Карибского бассейна и Тихого океана право беспошлинного ввоза своих товаров в ответ на предоставление ЕС режима наибольшего благоприятст-

вования. Кроме того, был основан фонд стабилизации экспортной выручки этих стран, которые, помимо помощи непосредственно от стран-членов, получили субсидии на развитие из средств Европейского фонда развития и Европейского инвестиционного банка. В 1979 г. это соглашение было продлено и расширено. Число ассоциированных развивающихся стран возросло до 66. Их товары, включая сельскохозяйственную продукцию, почти на 100% пользуются свободным доступом на рынок Европейского сообщества, крупнейший внутренний рынок мира. В 1983 г. финансовая помощь на развитие этих стран составила 4% расходов ЕЭС.

Большое значение для Европы имели соглашения о свободе торговли, которые сообщество после приема Великобритании заключило с остальными членами ЕАСТ (Финляндией, Исландией, Норвегией, Австрией, Португалией, Швецией и Швейцарией). Они предусматривали планомерное снижение тарифов между ЕС и ЕАСТ до 1977 г. Тем самым создана еще одна крупная зона европейской свободной торговли, проект которой 15 годами ранее натолкнулся на сопротивление де Голля.

Менее успешной оказалась валютная политика. До сих пор не удалось создать единую европейскую валюту и центральный европейский банк. Валютная политика и темпы инфляции европейских стран, как и прежде, существенно различаются. Девальвации и ревальвации проводились поначалу без согласования с партнерами. В 1969 г. ФРГ временно отпустила курс марки, несмотря на настоятельные рекомендации Комиссии ЕС. Даже во время острейшего кризиса твердых валют в 1971—1973 гг. не удалось, несмотря на интенсивные консультации, скоординировать валютную политику. Только создание Европейского валютного союза (ЕВС) в конце 1978 г. создало предпосылки институциональной координации, в которой, однако, не все страны-члены ЕЭС принимали участие. Великобритания и Греция не вошли в валютный союз. ЕЭС поддерживал твердые обменные курсы, изменяемые только по взаимной договоренности. Все курсы устанавливаются в единой расчетной единице — ЭКЮ, колебания ограничены в пределах коридора $\pm 2,25\%$ (для Ита-

лии — 6%). Если колебание курса достигает намеченного лимита, то Центральные банки, предоставляющие друг другу взаимные кредиты, получают право неограниченного вмешательства. Такое вмешательство они проводят, как правило, не дожидаясь критического момента. Гарантией возврата долгов являются валютные резервы: 20% всех резервов Центральных банков в золоте и долларах передаются в Европейский фонд сотрудничества в области валютной политики и переводятся в ЭКЮ. Если же требуется среднесрочный кредит, то решение об этом принимает Совет министров Европейского сообщества.

До тех пор, пока общеэкономическая политика (в отношении конъюнктуры и темпов роста) находится в компетенции стран-членов и свободно согласуется ими, валютная политика вряд ли может быть полностью интегрирована. В Европе «двух скоростей», т.е «ступенчатой интеграции», возникшей после приема новых членов в ЕС и его дальнейшего расширения на Юг, полной интеграции в области экономической и социальной политики поставлены четкие ориентиры.

Государственные предприятия

Многократно обсуждалась, но едва ли исследована исторически и в сравнительном аспекте проблема государственной предпринимательской деятельности. Сущность государственного предпринимательства определить нелегко: оно осуществляется на различных уровнях (федеральном, республиканском или региональном, на уровне отдельных общин или их союзов, корпоративных объединений) и в самых разных правовых и организационных формах, которые в отношении всех европейских стран едва ли поддаются полному описанию. Кроме того, трудно определить, где кончается тот вид деятельности, что именуется общественными службами, и начинается другой, который можно отнести к государственному предпринимательству. Иногда в государственном управлении оказываются такие участки, например в области здравоохранения, воспитания, уборки мусора, газо- и элект-

роснабжения или научных исследований, которые в других странах, а зачастую и в тех же самых, предоставляются также частным фирмам, церквям, общественным объединениям или кооперативам. Кроме того, существует множество смешанных предприятий, которые частично принадлежат местным территориальным органам, а частично — частному капиталу. Широко распространено представление, что государственными являются такие предприятия, где в частных руках находится менее 50% собственности. Конечно, здесь есть и свои исключения. Например, итальянская официальная статистика относит коммунальные предприятия к частным, а в Швеции некоторые полностью или частично принадлежащие государству предприятия включают в частный сектор, так как они действуют в нем наряду с другими фирмами.

Таким образом, хотя и можно выделить типичные области деятельности предприятий государственной и смешанной форм собственности, например, энергетика или коммунальные услуги, особенно — почта, а по крайней мере с окончания первой мировой войны также и железные дороги, но во многих других по преимуществу частных секторах экономики есть и государственные предприятия. Некоторые принадлежат государству по давней традиции — оружейные заводы или лесные хозяйства, в некоторых странах также рудники. Другие попали в его руки более или менее принудительным путем, например во время войны, в период общего экономического или отраслевого кризиса или кризиса, провоцирующего банкротство частных фирм. Если такая фирма достигла значительных размеров, почти повсюду государство выступает в роли чудесного спасителя, действующего большей частью для того, чтобы сохранить рабочие места, производственные мощности и технический потенциал. Данную ситуацию следует отличать от известных форм огосударствления или муниципализации в годы правления ряда социалистических и всех коммунистических правительств, когда в общественную собственность переводились все средства производства или по меньшей мере те, которые рассматривались как относящиеся к ключевым отраслям, либо банки (иногда также страховые компании), а впоследствии парламентское боль-

шинство, вовсе не сплошь консервативное или либеральное по составу, полностью или частично отменяло подобные решения. Такого рода явления в послевоенный период имели место прежде всего в Великобритании и Франции.

Даже в коммунистических странах не вся экономика была огосударствлена, особенно если не считать коллективизацию сельского хозяйства огосударствлением. Кроме того, в некоторых странах с коммунистическим режимом, например в Югославии, Польше или Венгрии, сельское хозяйство частично осталось в руках крестьянских семей или было реприватизировано. Кроме того, в ряде стран восточного блока все еще существует небольшой частный сектор в ремесле, в садоводстве или сфере услуг.

Немногие имеющиеся сравнительные данные об общественном секторе в различных странах Западной и Восточной Европы, в основном относящиеся к 60-м гг., свидетельствуют, что в государственной предпринимательской деятельности существует меньше различий, чем можно было бы ожидать. Часто это происходит потому, что критерий собственности берется формально и не учитывается дирижистское вмешательство в остающиеся номинально частными предприятия. Кроме того, в некоторых странах, например в Югославии, сельское хозяйство занимает еще столь важное место, что огосударствленные или переведенные на самоуправление рабочих предприятия не определяют всю народнохозяйственную картину. Поэтому данные *таблицы 78*, отражающие долю занятых на государственных предприятиях в общем числе занятых по отдельным странам, следует интерпретировать с большой осторожностью, речь к тому же идет только о базисных годах, отстоящих друг от друга на 15 лет. Учтем и то, что таблица, скорее, фиксирует заниженный объем государственного вмешательства в западных странах, так как не учитываются фирмы, в которых государство обладает не менее 50% капитала, банки и страховые компании также не берутся в расчет или учитываются частично. В противном случае в колонке «Торговля и финансы» у ФРГ не было бы нулевого показателя: согласно немецким исследованиям, в этой сфере более половины кредитов предоставляется государственными банками и сберегательными кассами. В принципе

Удельный вес занятых на государственных предприятиях* в общем числе занятых в странах Восточной и Западной Европы в период 1950—1960 гг. (в %)

Страна	Год	Всего	Во всех секторах производства, включая сельское хозяйство	Всего (без сельского хозяйства)	Производственный сектор** без сельского хозяйства	Предприятия обслуживания сектора***	Транспорт и связь	Услуги (общественное управление, армия, свободные профессии)	Строительство	Добывающая промышленность и ремесло	Торговля и финансы	Сельское хозяйство, рыболовство, лесоводство
Болгария	1956	37	27	92	88	100	100	97	96	85	96	6
ГДР	1964	71	69	80	84	100	96	84	67	84	55	17
Польша	1960	48	40	84	86	100	96	90	90	83	53	8
СССР	1959	59	49	96	95	100	100	98	100	93	92	14
Югославия	1953	30	18	75	80	100	100	86	100	72	79	3
ФРГ	1950	9	7	12	10	43	74	33	0	1	0	2
Финляндия	1965	34	25	36	26	53	59	77	31	14	3	17
Франция	1954	17	10	22	15	83	69	41	1	8	5	
Австрия	1966	31	27	33	30	100	78	59	4	25	18	6
Швеция	1960	20	6	22	7	71	53	56	12	4	5	5
Швейцария	1960	11	8	12	9	60	63	31	6	1	2	3
Великобритания	1962	25	17	26	19	70	70	87	8	9	9	9

* Без кооперативных и коллективных предприятий, но включая самоуправляющиеся предприятия в Югославии и предприятия с долей государственного участия не менее 50%.

** Включая снабжение, транспорт, связь, строительство, горнодобывающую промышленность, промышленность и ремесло, сельское хозяйство, лесоводство, рыболовство.

*** Газо-, водо- и электроснабжение, канализация; по Болгарии, ГДР, Польше, СССР и Югославии — только электроснабжение.

Источник: Pryor F.L. Property and Industrial Organization in Communist and Capitalist Nations. Bloomington, Ind., 1973. P. 14f. a. 46f.

бросается в глаза, что для ФРГ и Швейцарии отмечена особенно низкая степень огосударствления экономики, тогда как в экономической истории именно в случае с Германией традиционно подчеркивалась роль государства. Отчетливо видно характерное распределение государственных предприятий по отдельным секторам. Почти повсюду эти предприятия доминируют в сфере транспорта и коммунального обслуживания. Высока их доля и в сфере услуг, поскольку здесь учитывается аппарат управления обществом и армия. Невелик, напротив, их удельный вес в сельском хозяйстве даже в странах восточного блока, потому что кооперативные и коллективные хозяйства не считаются государственными. Как следствие, снижена и средняя величина по всему народному хозяйству, которая как раз по странам восточного блока выглядит нереально низкой. Велики расхождения между Востоком и Западом в промышленности и в финансовом секторе, а на Западе — в добывающей промышленности. В некоторых странах (Финляндия и Швеция) в государственной собственности находится значительная доля строительства.

Установить долгосрочную тенденцию при таком состоянии статистики возможно только для отдельных стран, краткосрочную — только для членов Европейского сообщества. Пожалуй, наиболее исследованной страной является Германия. В годы Веймарской республики значение государственных предприятий по сравнению с кайзеровским периодом здесь явно возросло. В 1925 г. на государственных предприятиях работало около 1,2 млн чел., в том числе 756 тыс. на железных дорогах и 355 тыс. на почте. На предприятиях, принадлежавших отдельным землям, работало 186 тыс. человек, на муниципальных — 467 тыс., почти в два раза больше, чем в начале XX в., если судить по переписи 1907 г. Таким образом, в целом на принадлежащих государству предприятиях было занято свыше 1,9 млн чел., не считая органов управления, воспитательных и образовательных учреждений, органов юстиции, здравоохранения и армии, т.е. более 10% всех занятых в промышленности (кроме сельского хозяйства, общественных и домашних служб). Вследствие концентрации государственных предприятий в капиталоемком секторе транспорта, средств связи и коммунальных ус-

луг, а также в добывающей и солеваренной промышленности инвестиции государственных предприятий составляли около трети валовых инвестиций в народное хозяйство Германии. Если же сюда добавить органы управления, общественное здравоохранение, государственное жилищное строительство и капиталовложения в социальное страхование, то доля государственного сектора в валовых инвестициях в немецкое народное хозяйство в 20—30-е гг. составляла от 55 до 65%. Приняв во внимание и косвенное участие в капиталах частных фирм, можно полагать, что территориальные государственные органы располагали по меньшей мере 20% основного капитала всех акционерных обществ Германии. Доля государственных предприятий в национальном доходе страны колебалась от 8 до 10%.

Доля предприятий с государственным или смешанным капиталом в объеме производства была наивысшей в сфере коммунальных услуг: в 1930 г. по водо- и газоснабжению свыше 90%, по электроснабжению, которое лишь постепенно организовывалось в смешанной форме, около 80%. На транспорте она составляла как минимум две трети, в солеварении — 40%, в добыче железной руды — 20%, каменного угля и калийной руды — 12%, в жилищном строительстве — почти 10%. Особенно энергично государство внедрялось в те отрасли, где его присутствие оказывалось полной неожиданностью. Так, на государственные предприятия в производстве алюминия приходилось 80%, свинца 40%, а чугуна и стали лишь от 0, % до 2,8%. По экспертным оценкам в банковском секторе государственные предприятия, включая сберегательные кассы, в конце 20-х гг. управляли примерно половиной пассивов (вкладов и текущих счетов) и участвовали в размере как минимум одной трети от общего объема финансирования народного хозяйства через кредитно-банковскую систему.

Во время мирового экономического кризиса германское правительство по необходимости было вовлечено в санацию предприятий, испытывавших трудности, в том числе и в санацию некоторых ведущих банков. Таким образом оно получило большинство акций, например, в «Дрезднер Банке». Правительство национал-социалистов брало под контроль уже существующие и основывало новые государственные предприятия (напри-

мер, фабрику имени Германа Геринга в Зальцгиттере и многочисленные, часто действовавшие под прикрытием головных обществ, военные заводы). В итоге в период второй мировой войны половина основного капитала всех немецких акционерных обществ прямо или косвенно находилась в общественном секторе. Можно также обозначить это понятием «холодная социализация» (*«kalte Sozialisierung»*), употреблявшимся в начальный период Веймарской республики, правда, направленным против социал-демократических дирижистских планов, поскольку государство, не отчуждая собственность, обеспечивало себе все большее влияние на экономику.

В ФРГ, несмотря на неоднократно проводившиеся приватизации, и в дальнейшем наблюдалось значительное участие федеральных властей, правительств отдельных земель и территориальных общин в производственном секторе экономики. В 1982 г. федерация прямо или опосредованно участвовала в 958 предприятиях, имея там долю в 25% минимум. Почти две трети участия концентрировалось в шести крупных федеральных промышленных объектах. Численность занятых на федеральных предприятиях, составлявшая в начале 80-х гг. свыше 1,3 млн, была еще весомей. Ведущим федеральным предприятием являются теперь не железные дороги, как это было в 1950 г., а почта, число занятых и оборот здесь, в отличие от железных дорог, продолжали расти в 70—80-х гг. (в 1980 г. на железных дорогах работало 346 тыс. служащих, а на почте — 518 тыс.). Отдельные федеральные земли непосредственно участвовали в более чем 400 предприятиях с 200 тыс. занятых. Наибольшим разнообразием отличалась, как и прежде, хозяйственная деятельность территориальных общин, которые имели в 1953 г. 4409 собственных предприятий и участвовали в 121 предприятии, организованном в частнохозяйственной форме, а в конце 60-х гг. — свыше 800 собственных предприятий и более 400 крупных обществ с частным капиталом. После волны слияний 70-х гг. число предприятий обеих категорий сократилось, в конце десятилетия на муниципальных предприятиях было занято 110 тыс. чел.

В целом в 1980 г. почти 2 млн человек, или 12% всех занятых в промышленности, ремесле, торговле и транспорте, рабо-

тали в государственном секторе. Их доля в общем числе занятых составляла 7,8%, среди занятых наемным трудом — 10,5%. Это цифры того же порядка, что и периода Веймарской республики. Доля государственных предприятий в инвестициях не достигала, однако, в дальнейшем такой величины: инвестиционный потенциал частного капитала сегодня несравнимо выше, чем в 20-х—начале 30-х гг. В 1980 г. только 10,6% всех инвестиций (соответственно 12,7% инвестиций предприятий) приходилось на государственный сектор. Как обычно, основной объем инвестиций приходился на транспорт и коммунальное обеспечение. В 1979 г. валовой продукт государственных предприятий составил 148 млрд марок ФРГ, что соответствовало 10,4% вновь созданной стоимости всех отраслей экономики или 12% всех предприятий. Таким образом, их доля здесь была такой же, как и среди занятого населения. Как и прежде, доля государственного сектора, измеряемая по вновь созданной стоимости, весьма высока в первую очередь в коммунальном обеспечении, транспорте и связи (69%), а также в сфере кредита (52,4% в 1980 г.). Напротив, в страховании она составляет только около 9,5%, в производственных промыслах — 4,4% и в торговле 2%.

Сравнение с другими западноевропейскими странами стало возможно только после создания Европейского сообщества и Европейского центра общественного хозяйства (английская аббревиатура: *CEEP*), который раз в несколько лет издает справочник о государственном секторе в ЕС. Но даже в этой публикации не решаются помещать всеобъемлющую статистику, потому что понятия и критерии учета до сих пор не достигли достаточного единообразия. Тем не менее становятся очевидны некоторые интересные параллели и различия между странами-членами сообщества. Почти во всех из них (за малым исключением в лице Ирландии и Люксембурга) доля государственного сектора в инвестициях в национальную экономику значительно выше, порой в два раза, чем в числе занятых, во вновь созданной стоимости, соответственно и в обороте капитала. Причины кроются в концентрации государственного сектора в капиталоемких и нередко технологически инновационных секторах (транспорт, сред-

ства связи и коммунальное обеспечение), а в ряде стран также в добывающей и тяжелой индустрии. Удельный вес по показателю вновь созданной стоимости в целом немного превышает долю в числе занятых, опять-таки вследствие особенно высокой капиталоемкости множества предприятий государственного сектора, а также вследствие концентрации производства на немногочисленных крупных предприятиях. Единственным исключением здесь является Италия, где доля в числе занятых, составлявшая в 1980 г. 25,9%, была несколько выше, чем в обороте (24,5%), — признак того, что в стране есть немало относительно неэффективных предприятий. В той же Италии резко возросло значение государственного сектора; на него к 1970 г. приходилось свыше трети национальных инвестиций (без сельского хозяйства), а в 1980 г. — почти половина. Вероятно, в последние годы еще быстрее возросло влияние государства на экономику в Греции, где к 1980 г. уже 86% вновь созданной стоимости в финансовом секторе приходилось на государственные предприятия. Однако, как и прежде, доля его в греческой промышленности, составлявшая в 1980 г. 3,6%, невелика даже по европейским масштабам.

Среди западноевропейских стран наибольший удельный вес в промышленности, а также наиболее прочные права собственности имеет французское правительство, — результат различных мероприятий по огосударствлению, в первую очередь при президентах де Голле и Миттеране. В 1980 г. на долю предприятий государственного сектора во Франции пришлось более четверти всей вновь созданной стоимости в промышленности и почти треть всех промышленных инвестиций, но некоторые из крупнейших предприятий, такие, как металлургические концерны «Usinor» и «Salicor», а также автомобильный концерн «Рено», понесли громадные убытки. В Италии доля государства в промышленности, беря за основу количество занятых, составляла 13%, т.е. половину от уровня Франции, хотя по сравнению с 1970 г. удвоилась. Конечно, обе страны, так же как ФРГ и Великобритания, прилагают усилия к сокращению государственного участия в промышленности. Особенно низко оно в странах Бенилюкса

и в Ирландии. ФРГ, где в 1980 г. 4,3% вновь созданной стоимости в промышленности приходилось на предприятия, классифицируемые как государственные, занимает промежуточное положение.

В экономике в целом (большей частью без сельского и лесного хозяйства, а подчас, как в Дании, Франции и Италии, и без финансового сектора) доля государственных предприятий по числу занятых в 1980 г. колебалась от 4% в Испании до 26% в Италии. В большинстве стран, к которым относятся Бельгия, ФРГ, Нидерланды, Португалия и Великобритания, она составляла от 5,6% (Нидерланды) до 7,6% (ФРГ). Выше среднего уровня этот показатель был во Франции и Австрии (14,6%) и в Ирландии (11%). По Швейцарии данных нет, а Люксембург вместе с Испанией имел самую низкую долю — 4,5%.

К сожалению, нельзя с уверенностью наметить среднесрочную тенденцию, к тому же по некоторым странам имеются данные только с конца 60-х гг. В Бельгии и Франции явно наметился рост государственного сектора в экономике в целом. В Бельгии доля занятых за 20 лет возросла с 4,8 до 7,3%, во Франции с 10,4 до 14,6%, в Италии за десять лет даже удвоилась. Но в то же время в Великобритании она снизилась с максимума в 9% (1961 г.) сначала до 7,8% (1966—1967 гг.), затем возросла до 8,4% (1968 г.) и с тех пор колеблется в пределах 7,2—8,2% (1982 г.). В Нидерландах она сократилась в 70-е гг. на 1%, а в Люксембурге — на 2%.

Насколько позволяют судить имеющиеся данные, выявленная тенденция по отдельным странам подтверждается также показателем удельного веса предприятий государственного сектора во вновь созданной стоимости. Однако бросается в глаза, что во Франции и Италии прирост вновь созданной стоимости значительно отстает от числа занятых, хотя в обеих странах наблюдается устойчиво высокая доля инвестиций в предприятия государственного сектора. Причины, вероятно, заключаются в том, что крупные государственные предприятия в большей степени, чем частные, должны воздерживаться от сокращения персонала по политическим соображениям (имея в виду голоса избирателей) или из-за влияния профсоюзов, как, например, в Австрии. Напротив,

в Великобритании доля предприятий государственного сектора по показателю вновь созданной стоимости росла опережающим темпом по сравнению с числом занятых, хотя его доля в инвестициях в 70-х гг. несколько отставала от Франции и Италии. В 1982 г. в Великобритании она равнялась одной пятой всех инвестиций и тем самым была выше, чем в Австрии в 1980 г. Кроме того, выше средневропейского уровня государственные предприятия инвестировали в 1980 г. в Италии (48%), во Франции (34%), в Греции и Португалии (30—34%); ниже — в Бельгии (15%), Испании (13,5%), ФРГ (12,7%), Ирландии (12%) и особенно в Люксембурге (4,3%).

В обеих пороговых странах (т.е. наиболее развитых из стран, приближающихся по уровню своего развития к индустриальным державам. — *Прим. пер.*) Греции и Португалии доля государственных предприятий в совокупных инвестициях в конце 70-х—начале 80-х гг. росла особенно быстро; в Португалии в 1979—1982 гг. с 29 до 38%. Доля же во вновь созданной стоимости за эти годы поднялась только с 21 до 24%, а по числу занятых рост был минимальный — с 7,6 до 7,8%. Таким образом государственный сектор в этих странах дал существенный толчок экономическому развитию. В Греции за 1979—1982 гг. государственные предприятия удвоили свою долю в инвестициях с 15 до 30% (без сельского хозяйства), в то время как их вклад в валовой национальный продукт возрос только с 10,8 до 14%. В 1974—1977 гг. в собственность государства здесь перешли транспортные предприятия, государственный контроль был распространен на банки, правительство основало общества по развитию, нефтяную фирму и оружейную фабрику. К началу 80-х гг. в старых индустриальных странах наметилась тенденция к сокращению государственного вмешательства в экономику или по меньшей мере к его стагнации. В молодых же промышленно развитых или пороговых странах на Юге континента обнаруживается, скорее, обратная тенденция, т.е., вероятно, подтверждается тезис Гершенкрона о том, что чем позже страна вступает в стадию индустриализации, тем сильнее в этот процесс непосредственным образом вовлекается государство.

Государственные финансы

Статьи доходов и расходов государственных бюджетов в течение XIX и XX вв. в большинстве стран увеличились многократно не только в абсолютном исчислении, но и прежде всего в отношении к внутреннему (социальному) продукту. Уже в 1870-е гг. Адольф Вагнер сформулировал «закон роста государственных потребностей», служивший для него финансовым выражением общего закона расширения государственной деятельности. В этом расширении он видел причину увеличения финансовых потребностей государства и роста государственных расходов. В 1960-е гг. Пикок и Вайсман на основе данных по Великобритании сформулировали теорию «уровневого скачка» как следствия обеих мировых войн. Согласно этой теории скачкообразно выросшие за годы войны государственные расходы после войны сокращаются не полностью, но после кратковременного снижения застывают на более высоком по сравнению с довоенным периодом уровне, с которого и начинается дальнейший рост. Кроме того, в межвоенное время прусский министр финансов Попитц считал, что ему удалось открыть «закон силы притяжения центрального бюджета».

Все три упомянутых «закона» эмпирически проверялись Й. Кодем на материале дюжины западно-, северо- и центральноевропейских стран. При этом в наибольшей степени подтвердился закон А. Вагнера, в то время как два других, хотя и соответствовали каждому своему времени и сфере действия, с глобальной точки зрения оказались несостоятельны. Государственные доходы и расходы во всех исследованных странах в долгосрочной тенденции возрастали в отношении к валовому внутреннему продукту (ВВП) (табл. 79—81). Общая доля налоговых поступлений, т.е. налогов, взимаемых государством и, где это имело место, федеративными государствами или провинциями, но без учета отчислений на социальное страхование, в 1914 г. только в Великобритании слегка превышала 10%, во всех других странах, по которым имеются данные, была ниже, в Германии около 5%. В 1920 г. в Великобритании она почти удвоилась, в нейтральных странах лишь слегка превысила довоенный уровень, но теперь уже почти повсюду была явно вы-

ше 10%. В межвоенный период в Великобритании налоговая квота несколько снизилась и затем до начала предвоенной гонки вооружений оставалась стабильной. Почти во всех других странах, в отношении которых имеются данные, она продолжала увеличиваться, но нигде это не проявилось столь ощутимо, как в Германии, где в 1935 г. налоги перешагнули 20%-ный рубеж ВВП. Таким образом, правительство национал-социалистов, как никакое другое европейское правительство, облагало своих граждан высокими налогами (см. табл. 79).

После второй мировой войны Великобритания стартовала с более высокого уровня, составлявшего около трети ее ВВП. В Дании и Швеции с формированием государства благосостояния «уровневый скачок» был еще заметнее, но в других странах, таких, как Бельгия, ФРГ и Италия, в 1950 г. отмечалась более низкая доля налогов по сравнению с 30-ми гг. С тех пор во всех странах налоговая квота постепенно возрастала и в 1983 г. в Дании достигла 44%, а в Швеции, Норвегии, Ирландии, Великобритании и Бельгии превысила 30%. Только в Италии, Швейцарии и Португалии она оставалась на уровне ниже 25% ВВП.

Однако развитие ни в коей мере не было повсюду однолинейным. Некоторые страны, в первую очередь Дания и Великобритания, в меньшей степени также Бельгия, Ирландия, Швеция и Финляндия, во второй половине 60-х гг. совершили «уровневый скачок», в то время как во Франции и Италии в те же годы доля поступлений от налогов сократилась после того, как вследствие рецессии она возрастала в течение одного-двух лет (в 1967—1969 гг.), а в ФРГ, Австрии и Норвегии стабилизировалась. Эти тенденции являлись прежде всего следствием расширения мероприятий, направленных на рост благосостояния, и необходимости их финансового обеспечения. Во второй половине 70-х гг. наблюдаются аналогичные, хотя и менее выраженные расхождения. На этот раз налоговая квота сильнее сократилась в Швеции, менее заметно — в Бельгии, Швейцарии и Великобритании, в то время как в Дании и Италии существенно возросла. Здесь, очевидно, речь идет о различной стратегии адаптации к нефтяному кризису и способности обуздать инфляцию.

Доля государственных налогов в ВВП европейских стран, 1914—1983 гг.*
(в % без учета социального страхования)

Страна	1914	1920	1925	1930	1935	1950	1955	1960	1965	1970	1975	1980	1983
Бельгия					18,0	16,3	17,4	19,1	22,7	26,3	30,2	29,9	30,8
Австрия		14,9	14,8	15,6			20,1	20,1	23,2	23,9	24,5	29,3	29,6
Германия**	4,3		14,8	17,5	20,8	19,1	23,9	22,6	23,1	23,1	23,5	25,7	24,9
Дания	7,3	10,8	10,8	11,9	(13,5)	19,7	21,2	24,5	29,1	40,1	39,4	44,4	44,1
Ирландия		17,1	17,1	16,6	20,3	21,7	20,8	20,9	22,9	27,7	27,9	28,9	31,1
Италия	18,2	12,4	12,4	17,4	17,7	16,4	17,5	19,1	18,7	18,2	16,8	21,2	26,9
Нидерланды	7,7	(14,8)	13,5	13,4	13,5	26,9	23,7	23,6	23,7	25,7	27,2	27,0	24,7
Норвегия	7,1	7,5	12,6	15,0	16,4	27,0	28,0	26,8	27,6	27,9	30,4	38,7	36,1
Финляндия				15,7	(14,9)	25,8	22,4	23,6	24,1	27,4	28,1	28,6	29,1
Франция		13,7	16,6	17,8	17,7	19,6	19,8	21,9	24,1	22,5	22,5	23,3	23,8
Швеция	8,2	11,7	12,2	10,5	13,0	20,9	25,2	28,5	30,9	34,3	41,0	35,3	37,4
Швейцария	7,3			13,0	(12,0)	15,9	14,0	15,4	16,3	18,5	21,0	20,7	21,2
Великобритания	10,6	20,1	18,4	18,3	18,7	33,2	27,7	26,0	25,9	35,1	30,7	29,4	31,3

* Цифры, взятые в скобки, отклоняются от указанного на три года.

** С 1950 г. — ФРГ.

Источники: Flora I. State, Economy, and Society. Vol. 1. P.262ff.; OECD. National Accounts 1971—1983. Vol 2: Detailed Tables. Paris, 1985.

Если же к налогам добавить отчисления на социальное страхование, как это часто делается при международных сравнениях, поскольку во многих странах такие отчисления рассматриваются как налоги, то налоговая, или государственная, квота возрастает еще значительно. В этом случае в ФРГ, Австрии, а также в Италии и Великобритании уже в 1955 г. она составила около 30%, и только в Португалии и Швейцарии ниже 20%. В 1980 г. в Швеции она достигла половины ВВП, а в Норвегии, Нидерландах, Бельгии и Австрии превысила 40%. Даже в Португалии и Швейцарии в этом случае она поднялась до 30%, т.е. до того уровня, на котором находились наиболее развитые в социальном отношении государства четверть века назад. Тем самым в Швеции за 25 лет уровень социальных отчислений и налогов поднялся вдвое — настоящая революция мирного времени. В Дании этот показатель также почти удвоился (табл. 80).

Одни только отчисления на социальное страхование в 1980 г. в Нидерландах достигли 17,4% ВВП, в Швеции — 14,2%, в Бельгии — чуть больше этого уровня, а в Австрии — около 13%. Самыми низкими они были в Дании (0,8%), так как там пенсионное страхование финансируется из общих налоговых средств. Именно этот контраст явно показывает настоятельную необходимость расчета государственной квоты вместе с отчислениями на социальное страхование, которые в конечном счете являются принудительным налоговым сбором, хотя и целевым. Беря их в расчет, обнаруживаем, что в Швеции доля налоговых поступлений в 1980 г. была почти на 5% выше, чем в Дании, а если эти отчисления исключить, то Дания будет на 9% впереди. Разная динамика обоих типов налоговых квот в отдельных странах, таким образом, сводится по большей части к различному росту отчислений на социальное страхование. В то время как в Нидерландах и Швеции их доля в ВВП с 1955 по 1980 г. выросла почти на 14%, в Финляндии и Италии рост составил около 1%, а в Дании наметилось сокращение на 0,3%, признак того, что значительная часть социального страхования, в первую очередь пенсии, финансируются из налоговых средств. В 1984 г. доля отчислений на социальное страхование во всех налоговых сборах в трех странах была выше 40% (Испания — 41,1%, Франция — 43,6%, Нидерланды —

**Доля налогов и отчислений на социальное страхование в ВВП,
1955—1980 гг. (в %)**

Страна	1955	1960	1965	1970	1975	1980	Динамика в 1980 г. по сравнению с 1955 г., в %
Австрия	30,0	30,5	34,6	35,7	38,5	41,5	11,5
Бельгия	24,0	26,5	31,2	36,0	41,1	42,5	18,5
Великобритания	29,8	28,5	30,8	37,5	36,9	35,9	6,1
Дания	23,4	25,4	30,1	40,2	41,1	54,1	21,7
Ирландия	22,5	22,0	26,0	31,2	32,5	37,5	15,0
Италия	30,5	34,4	27,3	27,9	29,0	33,2	2,7
Нидерланды	26,3	30,1	35,5	39,9	45,8	46,2	19,9
Норвегия	28,3	31,2	33,2	39,2	44,8	47,4	19,1
Португалия	15,4	16,3	18,6	23,2	24,8	29,8	14,4
Швейцария	19,2	21,3	20,7	23,8	29,6	30,7	11,5
Швеция	25,5	27,2	35,6	40,9	44,2	49,9	24,4
Финляндия	26,8	27,7	30,1	32,2	36,2	34,5	7,7
ФРГ	30,8	31,3	31,6	32,8	35,7	37,2	6,4

Источник: OECD. Long-Term Trends in Tax Revenues of OECD Member Countries. 1955—1980. Paris, 1981. P. II; OECD. Revenue Statistics of OECD Member Countries. 1965—1985. Paris, 1986. P. 83.

44,3%), в шести — выше 30% (ФРГ — 36%, Греция — 35%, Австрия — 32%, Швейцария — 32%, Бельгия — 32%, Италия — 34%), в трех последующих ниже (Люксембург, Португалия, Швеция — 26%), в Норвегии — около 21%. Только в четырех странах эта доля была ниже одной пятой ВВП: в Великобритании — 18%, в Ирландии — 14,6%, в Финляндии — 8,7% и в Дании в целом 3,9%.

Другие виды доходов государственного бюджета в европейских странах развивались также по разному, вследствие традиций, политических предпочтений или техники сбора налогов. Повсюду уменьшалась доля доходов от таможенных сборов и

пошлин, особенно в Дании, Ирландии и Италии, где только в период с середины 60-х до середины 70-х гг. она упала на 16, 15 и 10% соответственно. Напротив, почти повсюду возрастал удельный вес налогов с прибыли и заработной платы. За 1955—1980 гг. он поднялся в Бельгии, Ирландии и Норвегии почти на 16%, в ФРГ и Дании более чем на 10%. В Дании в середине 70-х гг. он был еще на 5% выше, но с тех пор уменьшился. В 1975 г. 56% налоговых сборов в этой стране приходилось на подоходный налог. В тот же период доля подоходного налога в Швеции снизилась на 12% (с 53 до 41%), в Нидерландах она также слегка сократилась. В среднем к 1955 г. примерно четверть налоговых поступлений в западноевропейских индустриально развитых странах приносил подоходный налог, в 1985 г. его удельный вес превысил одну треть. Значительно ниже этот показатель был в южноевропейских «пороговых» странах. В середине 70-х гг. он равнялся чуть более 10%. Из промышленно развитых стран только Франция имела такую низкую долю подоходного налога. Основную часть налоговых поступлений «пороговые» страны получали преимущественно из трех других источников: отчислений на социальное страхование, особенно со стороны работодателей, налога с оборота или акциза, а до вступления в ЕС и от таможенных сборов. Доля таможенных сборов и акцизов на отдельные товары в Португалии в 1980 г. составляла почти 25%, в Греции — около 23%, в Испании — около 17%; доля общего налога с оборота в Португалии около 11%, в двух других средиземноморских странах — около 10%. С индустриальным прогрессом этих стран и вступлением их в ЕС налоговая структура здесь постепенно выравнивается по западноевропейскому образцу. Если в 1974 г. доля налогов в ВВП трех средиземноморских стран, составлявшая в Португалии 22%, в Греции 24% и в Испании 18%, была еще значительно ниже этого уровня в Швейцарии, то в 1984 г. они догнали старые индустриальные страны Запада с наиболее низким налогообложением: в Греции и Португалии соответственно 35 и 32% ВВП составляли налоги и отчисления на социальное страхование, в Испании — 28%, т.е. около половины от уровня занимающей первое место Швеции.

Вопреки предположениям Попитца, «сила притяжения центрального бюджета» проявилась только в немногих странах. К ним относятся Италия и три «государства благоденствия» — Швеция, Норвегия и Нидерланды. В Норвегии и Швеции центральные правительства в начале 20-х гг. взимали примерно половину всех налогов, а в 60—70-х гг. от двух третей до трех четвертей. С середины 60-х гг. в Швеции доля, приходящаяся на центральное правительство, сократилась до 70%. В Италии степень налоговой централизации была весьма высокой уже в 20-е гг. и составляла тогда 85%, а к настоящему времени выросла до 98%. В Нидерландах данный показатель в межвоенное время равнялся от двух третей до трех четвертей и сразу после войны вырос до 98% и стабилизировался на этом уровне. Вторая Австрийская республика также оказалась более централизованной, чем первая, с 1955 г. доля федерального правительства в налоговых сборах возросла с 84 до 89%. Для Германии межвоенного периода закон Попитца, очевидно, отражает реальное положение вещей, степень централизации выросла в годы Веймарской республики и нацистского режима с двух третей до трех четвертей, но для послевоенного времени он перестал действовать: в это время изменения были незначительны, а с 70-х гг. уровень налоговой централизации даже ненамного снизился. То же самое относится к Великобритании, где на центральное правительство сразу после войны приходилось более 93% налогов, а сейчас только 89%. Франция как прежде, так и теперь была высокоцентрализованной державой, но и здесь этот показатель, в послевоенный период достигший 99%, с 1970 г. понемногу сокращается. На противоположном полюсе — Швейцария, самая федералистская страна в Европе, в межвоенный период в пользу Швейцарской конфедерации собиралось от 39 до 45% налогов. В первые тринадцать послевоенных лет эта доля превысила 50%, но с конца 50-х гг. возобладала противоположная тенденция, и в середине 70-х гг. правительство конфедерации располагало 37—38% налоговых поступлений, т.е. меньшей долей, чем в межвоенный период. Швейцария, возможно, воплощает особенно ярко общий тип, хотя она и оставалась нейтральной в обеих войнах: в годы войны центральное правительство берет на себя новые функции и тем самым повы-

шает свою долю расходов. После войны оно медленно возвращается к исходному положению. В «государстве благоденствия» возникает множество новых подразделений центрального аппарата, но вместе с тем постепенно вновь усиливается местный и провинциальный уровни управления, так как на них возлагаются многие задачи, такие, как жилищное строительство, благоустройство городов, расширение инфраструктуры и социальное обеспечение. Разумеется, в ряде стран решающую роль играет конституция: если школьное образование относится к компетенции федерального уровня, то на него выделяются средства из центрального бюджета и управляется оно также централизованно. Если ответственность возложена на местные органы самоуправления или правительства отдельных земель (кантонов), то средства на эти цели поступают по налоговому каналу в первую очередь в эти органы.

Если выделить отчисления на социальное страхование, которые часто учитываются в доходной части центрального бюджета, то в целом ряде стран в послевоенное время наметится очевидная тенденция к децентрализации, и притом не только в государствах, устроенных по федеративному принципу, как ФРГ или Швейцария, где доля поступлений в бюджет центрального правительства в 1955—1979 гг. сократилась соответственно с 47 до 32 и с 41 до 21% (в меньшем объеме также в Австрии — с 57 до 51%), но также и в унитарных государствах. Особенно наглядно это проявилось в Нидерландах, где данный показатель снизился с 82 до 58%. В этой стране, как и в Норвегии и Португалии, не были усилены местные бюджеты, т.е. бюджеты отдельных земель или кантонов по образцу ФРГ или Швейцарии, но прирост местного уровня произошел исключительно за счет социального страхования. И даже в централизованных государствах, таких, как Швеция, Великобритания, Бельгия, Дания и Финляндия, региональные органы имели чуть более высокую долю от собираемых налогов. Только в Ирландии и Италии органы местного уровня стали получать меньше средств как в сравнении с центральным правительством, так и с точки зрения социального страхования. В 1979 г. итальянские территориальные общины получали только 1% от общих налоговых сборов, тогда как в 1955 г. — 11%.

Расходная часть государственного бюджета не только отражает доходную часть, но и существенно ее детерминирует. Ведь именно государственные потребности обуславливают объем и большей частью форму сборов. Поэтому не удивительно, что в расходной части также можно выявить долгосрочную тенденцию роста и что расходы на социальные нужды были особенно велики в послевоенное время. Перед первой мировой войной западноевропейские государства, относительно которых мы располагаем сопоставимыми данными, расходовали от 9 до почти 15% валового социального продукта (ВСП). Сравнительные данные с ВВП, к сожалению, имеются только с 1950 г. Они в целом выше на 0,5—1,5%, так как ВВП ниже ВСП (на сумму продукции предприятий, принадлежащих фирмам данной страны, но расположенных за пределами ее границ. — *Прим. пер.*) и поэтому знаменатель дроби несколько меньше. Относительно более крупные государственные расходы в сравнении с ВСП наблюдаются на примере Франции. Причиной были ее чрезвычайно высокие военные расходы. Во Франции в 1913 г. было призвано 8,6% всех мужчин в возрасте от 20 до 44 лет, на обслуживании военных потребностей были задействованы громадные человеческие ресурсы. В Германии и Австрии эта доля была лишь немногим выше 7%, в Великобритании — 6,4%, в Италии около 5,3%, во всех других западно- и североевропейских странах ниже 5%.

В 1920 г. в странах, которым пришлось преодолевать тяжелые последствия войны, мы обнаруживаем ожидаемый «уровневый скачок». Особенно он выражен во Франции, где доля государственных расходов превысила 34%. Но в Великобритании и даже в нейтральных Нидерландах доля государственных расходов также более чем удвоилась. Значительно скромнее она возросла в Дании и Норвегии. Часть вызванных войной расходов сократилась в межвоенный период, хотя, конечно, следовало ожидать, что эта доля опять поднимется, по крайней мере в период мирового экономического кризиса из-за падения ВСП и предпринимаемых государством усилий по оживлению экономики путем раздачи заказов и кредитов. До кризиса подобная ситуация имела место только в Германии, где доля государственных расходов в 1930 г. оказалась на 7% выше уровня

1925 г. В Великобритании рост составил только 1%, в других странах — доли процента, а в Ирландии и Швеции в 1930 г. доля государственных расходов даже слегка сократилась по сравнению с 1925 г. Во Франции, которую кризис затронул позже других, и в большинстве более мелких стран, таких, как Дания, Ирландия, Нидерланды, Норвегия, Швеция и Швейцария, ожидаемое повышение проявилось только после 1930 г. Напротив, в Великобритании доля государственных расходов явно поднялась только в связи с подготовкой ко второй мировой войне и затем в годы войны.

После ее окончания лишь в некоторых странах непосредственно наблюдался «уровневый скачок». Интересно, что достаточно отчетливым он оказался только в оставшихся нейтральными Ирландии и Швеции. В большинстве других стран доля государственных расходов поначалу сократилась, в бывшей нейтральной Швеции, например, с 1945 по 1950 г. почти на 10%. Эта страна резко сократила расходы на оборону и пока не несла высоких расходов на рост благосостояния населения. Заметнее эта доля снизилась в Великобритании, которая резко свернула расходы на армию. Долговременный рост государственных расходов наметился только в 50-е, отчетливо проявился в 60-е гг. В 1960 г. из европейских стран только во Франции доля государственных расходов составила около 40%, а в 1970 г. она превысила 40% ВСП у семи западноевропейских держав. В 1980 г. эта доля, беря теперь в сравнении с ВВП, в пяти странах превысила 50%, а в Швеции выросла даже до 62%. В этих государствах и в Бельгии доля расходов за 1950—1980 гг. по меньшей мере удвоилась, в Швеции возросла в целых три раза. Из исследуемых здесь стран только в Швейцарии в 1980 г. она держалась на уровне ниже 30% (см. табл. 81).

Также в результате федеративного устройства доля федерального правительства в расходах, составляющая 10% ВСП, значительно отстает от среднего уровня (обычно она минимум 20%, а во многих случаях превышает 30% ВСП). Большая часть расходов центральных правительств, особенно крупных империй, в XIX в. носила военный характер, однако уже к концу столетия расходы на социальную сферу в целом и образование в Германии значительно возросли, а накануне первой мировой вой-

Удельный вес государственных расходов в ВВП европейских стран,
в 1910—1980 гг. (в %)

Страна	1910	1915	1920	1925	1930	1935	1940	1945	1950	1955	1960	1965	1970	1975	1980**
Австрия									19,1	25,2	31,5	33,9	36,4	40,8	48,7
Бельгия									22,6	28,2	34,7	36,5	40,7	44,5**	51,6
Великобритания	12,7	12,7	27,4	23,6	24,7	23,7	33,4	45,5	35,1	32,1	35,3	37,7	41,1	49,9	45,6
Германия*		17,0		22,4	29,4	29,8	36,9		32,0	30,6	32,5	36,7	38,0	47,9	48,3
Дания	12,3	11,5	15,3	13,4	13,5	17,5	19,2	20,0	19,0	22,9	24,3	30,8	43,8	52,7	56,3
Ирландия				21,5	20,8	27,8	26,8	22,6	34,1	33,2	32,6	36,1	41,8	50,2	54,5
Италия									34,1	25,7	28,8	30,9	35,0	43,6	46,0
Нидерланды	10,7	11,1	26,1	17,5	17,4	33,9	31,4		28,7	31,8	33,3	38,6	43,7	54,8	59,7
Норвегия	9,3		12,8		17,4	18,1	19,1	29,3	27,6	29,1	32,3	36,2	43,2	49,3	49,1
Финляндия									28,6	28,8	29,1	34,9	35,8	37,1**	38,4
Франция	14,4		34,2	21,9	22,1	35,4	29,2	37,2		39,1	39,2	38,3	38,7	43,5**	46,4
Швейцария		14,0		17,0	17,4	23,7	23,9	29,3	19,8	17,4	17,3	20,3	22,4	27,2	29,3
Швеция		11,2	10,9	14,1	14,0	17,1	17,7	19,3	23,0	26,3	30,0	34,4	44,3	51,4	62,0

* С 1950 г. — ФРГ; включая социальное страхование.

** ВВП в рыночных ценах.

Источник: Kohl J. Staatsausgaben in Westeuropa. Analysen zur langfristigen Entwicklung der öffentlichen Finanzen. Frankfurt/M., New York 1984. S. 220 u. 315.

ны в Великобритании, как и в Германии, расходы на экономические, социальные и просветительные цели превалировали над остальными. В межвоенный период так произошло и в Скандинавии; в Бельгии, Нидерландах, Франции и в Италии такая структура расходов сложилась после второй мировой войны. К 1980 г. все северо-, западно- и центральноевропейские некоммунистические страны по меньшей мере половину своих расходов государственных бюджетов направили на социальные и образовательные нужды. Доля военных расходов, составлявшая перед первой мировой войной от 20 до 40% государственных бюджетов, напротив, повсюду сократилась до менее чем 10%. И все же расходы на оборону в сравнении с валовым социальным продуктом большей частью превышают уровень XIX в. (и ему соответствуют от 2 до 5% ВВП). Тем временем доля социальных расходов возросла более чем в 10 раз. Если столетие назад социальные расходы составляли максимум 10% бюджета, который в свою очередь не превышает 10% от ВСП (таким образом социальные расходы составляли максимум 1% от ВСП), то сегодня они в большинстве случаев превышают половину бюджета, который в свою очередь достиг более половины ВСП, т.е. социальные расходы, хотя и не повсеместно, находятся на уровне порядка 25% ВСП. Необходимо поэтому еще детальнее обрисовать эволюцию стран Северной, Западной и Центральной Европы к «государству благоденствия».

В последние десятилетия государственные расходы все более опережают доходы, государственная задолженность поэтому растет. В ряде стран она была велика уже в XIX в., несколько десятилетий было потрачено на то, чтобы погасить долги, возникшие в результате наполеоновских войн. После первой мировой войны одни европейские страны освободились от военной задолженности с помощью инфляции, тогда как другие (Бельгия, Франция и Великобритания) несли это бремя на протяжении всего межвоенного периода. В Бельгии во время мирового экономического кризиса обслуживание долга и амортизация составляли более трети бюджета, во Франции эта планка была пересечена уже в 1923 г., а в 1936 г. страна должна была почти 44% бюджета расходовать на обслуживание долга. Затем эту цифру удалось резко сократить, и в конце 30-х гг. она составля-

ла порядка 18%. Великобритания с 1920 по 1933 г. постоянно использовала на обслуживание долга более пятой части бюджета, в некоторые годы свыше 30%. Только в 1938 г. эта доля упала до 13%. Но даже и в нейтральных странах, таких, как Нидерланды или Норвегия, она была непомерно высока. В Нидерландах во время мирового экономического кризиса на долговые обязательства уходило более трети бюджета. Напротив, в Германии в 1925 г. эта цифра держалась на уровне лишь 1,8%, постоянно возрастая, и к 1933 г. она составляла 9%, а к началу гонки вооружений в 1935 г. — 11,5%.

После второй мировой войны ряд стран смог вначале поддерживать доходы на уровне, превышающем расходы (речь прежде всего идет о текущих государственных расходах, т.е. без инвестиций). Только Ирландия с 1950 г. и Бельгия до 1957 г. испытывали постоянный бюджетный дефицит. Великобритании и Нидерландам уже в 50-е гг. периодически удавалось сводить бюджет с помощью новых долгов, а в 60-е гг. эта практика приобрела регулярный характер. В 70-е гг., особенно с 1975 г. она стала общим правилом. Только Швеция до 1977 г. сводила бюджет с положительным сальдо, но затем ее также затянуло в омут растущей государственной задолженности. Помимо Ирландии, где расходы превышали доходы на 30%, особенно интенсивно государственный долг рос в Италии. В 1980 г. расходы бюджета в этой стране превосходили доходы более чем на 23%, и, напротив, в Финляндии и Франции только на 1—2%. Результатом для большинства стран, за исключением Бельгии, Финляндии, Франции, Нидерландов и Великобритании, стал драматический рост удельного веса госдолга в ВВП. В Италии в отношении к ВВП только за 1970—1976 гг. он возрос с 29 до почти 60%, а в 1985 г. превысил 100%. В Австрии государственный долг с 1970 по 1977 г. вырос с 19,4 до 30,3%, а в ФРГ с 18,2 до 27,1% ВВП. Аналогичная картина наблюдалась в Дании и Норвегии. С другой стороны, в Нидерландах государственный долг уменьшился с 68,3 до 39,5%, а в Великобритании с почти 86 до менее 62%. Ряд других стран прилагает усилия к тому, чтобы по меньшей мере сдерживать рост новой задолженности, оставляя нетронутым собственно сам капитальный долг, сре-

ди них с 1983 г. и ФРГ. Только некоторые малые страны, такие, как Финляндия, Норвегия, Люксембург и Исландия, смогли добиться положительного сальдо госбюджета за длительный период. В Швеции, которая относилась к этой категории до 1977 г., в первой половине 80-х гг. все-таки возник долг и притом немалый — около 4,5% ВВП в среднем, и в итоге ее опережали только Италия, где ежегодный прирост новой задолженности выражался цифрой 11,4%, Дания с 6,2% ежегодного прироста и, предположительно, Ирландия, данными по которой мы пока еще не располагаем (табл. 82).

Таблица 82

Изменения нетто-задолженности* европейских стран-членов ОЭСР за 1960—1984 гг. (ежегодный средний % к ВВП)

Страна	1960—1967	1968—1973	1974—1979	1980—1984	1960—1984
Австрия	+0,6	+0,8	-2,1	-2,6	-0,6
Великобритания	-1,1	-0,4	-4,1	-3,6	-2,2
Дания	+1,5	+2,9	-0,2	-6,2	-0,1
Ирландия	-3,4	-3,6	-8,4		-6,1
Исландия	+2,9	+0,4	-0,5	+1,2	+1,2
Испания		+0,4	-0,7		-0,6
Италия	-1,8	-4,8	-9,2	-11,4	-6,2
Люксембург	+2,4	+1,6	+2,5		+1,3
Нидерланды	-0,7	-0,3	-2,2		-1,8
Норвегия	+4,0	+4,3	+1,6	+4,5	+3,6
Португалия	-0,2	+1,5	-5,3		-1,3
Финляндия	+2,3	+4,1	+2,9	0	+2,4
Франция	+0,5	+0,6	-0,9	-2,0	-0,3
ФРГ	+0,8	+0,2	-3,0	-2,9	-1,0
Швеция	+3,3	+4,4	+1,3	-4,5	+1,5
Европейские страны-члены ОЭСР	+0,1	-0,1	-2,8	-4,1	-1,5

* Знак «минус» означает увеличение задолженности, «плюс» — уменьшение.

Источник: OECD. Economic Outlook. Historical Statistics. 1960—1984. P.65.

Уплата необходимых процентов по государственным долгам в большинстве стран до середины 70-х гг. держалась на относительно постоянном и обозримом уровне. Только в Ирландии она ежегодно превышала 10% всех бюджетных расходов, в Великобритании была чуть меньше, в большинстве других стран — около 4—6%, в Швейцарии — около 3%. При этом, правда, следует принимать во внимание быстро распухающие общие размеры бюджетов. В абсолютных цифрах долги росли почти повсюду уже до 1975 г., а после этой даты — драматически быстро.

Европа на пути к «государству благоденствия»

В то время как экономическая политика европейских государств испытывала существенные перепады, социальная политика отличалась устойчивой последовательностью. Своими корнями она уходит в XIX в., во время первой мировой войны были обеспечены существенные завоевания для достижения гражданского мира, особенно в области трудового законодательства, затем в межвоенный период, после законодательного утверждения восьмичасового рабочего дня, значительно продвинулась правовая база в области социальной защиты, а после второй мировой войны развернулось широкое движение на пути к государству благосостояния. Различия между странами уменьшились, но не исчезли полностью. Например, Швеция и Швейцария все еще существенно отличаются друг от друга.

Напротив, большие расхождения в развитии системы социального обеспечения наметились между Восточной и Западной Европой. В коммунистических государствах отсутствует страхование от безработицы, потому что официально ее там нет. В пенсионном страховании они, с одной стороны, склоняются к принципу единообразия, который на Западе более всего свойствен Скандинавии, правда на более высоком уровне, с другой стороны, начинают подразделять выплаты в зависимости от положения в производственном процессе и от принадлежности к профсоюзу. Так, в Румынии ввели специальные правила для членов ремесленных профсоюзов, военных и служащих культуры; члены сельскохозяйственных производственных кооперати-

вов в 1966 г. получили свою организацию страхования. Здесь нет «народной пенсии» по шведскому образцу. Медицинское обслуживание осуществляется напрямую на предприятиях и в колхозах или органами государственного здравоохранения. Большая часть социальных услуг для работающих и их семей предоставляется работодателем (столовые, детские сады, дома отдыха), так же как и на многих крупных предприятиях на Западе. Однако в странах восточного блока это организованное по производственному принципу медицинское обеспечение и организация отдыха играет большую роль, так как частная альтернатива доступна немногим. Образцом служит СССР, где социальное обеспечение в межвоенный период было еще на очень низком уровне и предоставлялось лишь избранным профессиональным группам (сначала — текстильным рабочим), но после второй мировой войны значительно расширилось.

К началу первой мировой войны различались три типа социального страхования. Старую кооперативную традицию продолжала система дотационного добровольного страхования, принятая в первую очередь в Швейцарии, в романских странах и в Скандинавии. Муниципалитеты и государство помогают здесь организациям взаимопомощи за счет средств, поступающих от налогов, особенно развито страхование от безработицы членов таких обществ взаимопомощи. Второй путь — регулируемое законом обязательное страхование, распространяющееся на значительные социальные группы, особенно промышленных рабочих, причем финансовое обеспечение страхования принимает на себя работодатель, а иногда и частично также государство. Это был путь, который Бисмарк избрал для Германской империи, его примеру последовали Австрия, Люксембург, а затем с некоторыми модификациями и большинство западноевропейских стран. Третий путь, так называемое «народное страхование» (всеобщее), был впервые опробован в 1913 г. в шведском пенсионном страховании. В межвоенный период по этому образцу развили систему пенсионного обеспечения другие Скандинавские страны, после второй мировой войны к ним присоединились Великобритания, Нидерланды и Швейцария. Медицинское страхование в форме национальной службы здравоохранения утвердилось в Великобритании, Ирландии, Скандина-

Основные типы социального страхования в Западной Европе

Характеристика системы	Типы социального страхования		
	Дотируемое добровольное страхование	Обязательное страхование	«Народное страхование»
Законодательный базис или принцип легитимности	Свободно согласуемый контракт на принципах взаимопомощи; тесная связь между взносами и пособиями (выплатами)	Обеспечение статуса государственной помощью; меритократическая компенсация за труд и произведенные взносы	Эгалитарное обеспечение принципиального равенства граждан государства посредством государственного дополнения к рыночному механизму
Степень участия государства	Невелика, только общие государственные указания	Высокая в отношении нормирования, средняя в отношении управления, низкая в отношении финансирования	В целом велика. (установлена законом, управляется государством и финансируется за счет налогов)
Степень распространения	Низкая, члены — только люди с более высокими доходами	Ограничена наемными работниками, при дальнейшем распространении распределяется по категориям занятых	Высока, охватывает всех граждан государства
Размер социальных пособий и услуг	Определяется свободно согласовываемым уставом	Сравнительно высокая частичная гарантия дохода за счет выплат, связанных с взносами и доходом	Относительно низкие единые ставки для обеспечения минимума существования вне зависимости от высоты дохода
Перераспределение	Только горизонтальное	Горизонтальное между потерпевшими и не потерпевшими ущерба. Вертикальное перераспределение невелико	Горизонтальное и вертикальное
Контроль	В целом одинаков		
	Право дается после выплаты пая; контроль варьирует в зависимости от свободно определяемого устава	Право дается после выплаты пая; контроль определяется законом	Право дается после истечения определенного срока проживания; контроль определяется законом

Характеристика системы	Типы социального страхования		
	Дотируемое добровольное страхование	Обязательное страхование	«Народное страхование»
Фактическое распространение в Западной Европе	Первоначально в романских и Скандинавских странах, а также в Швейцарии. В настоящее время только в медицинском страховании в Швейцарии, а также в страховании от безработицы в Дании, Финляндии и Швеции	Первоначально в Германии, Австрии, Люксембурге, позднее во всех странах, но преимущественно в Бельгии, Франции, Ирландии, Италии	В Скандинавии, позднее в Великобритании, Нидерландах, а также частично в Швейцарии

Источник: Alber J. Vom Armenhaus zum Wohlfahrtsstaat. Analysen zur Entwicklung der Sozialversicherung in Westeuropa. Frankfurt, New York, 1982. S. 47.

вии и Италии. Оно отличается от двух других типов прежде всего тем, что финансируется преимущественно за счет налоговых поступлений, все граждане государства или жители страны имеют право на получение пособий, размер которых поэтому по необходимости держится на сравнительно низком уровне. Но степень охвата населения этой системой высока, а перераспределяемых доходов в целом хватает на большее, чем при других типах страхования (табл. 83). В основе скандинавской системы лежит представление о том, что каждый имеет право на минимальное социальное обеспечение в случае нужды. Эта идея берет свое начало в социальной философии эгалитаризма. Она нашла себе подробнейшее обоснование в принятом в 1942 г. британским правительством плане Бивериджа и после второй мировой войны считалась образцом, к которому стремились другие типы социального страхования. Однако трудности финансирования всеобщего социального обеспечения, возрождение индивидуалистической и дотационной социальной философии в среде либералов и католиков остановили его победное шествие. До 1975 г. «народное страхование» было тем не менее введено в восьми западно- и североевропейских странах, шесть имели национальную службу здравоохранения, а в 80-х гг. к ним

присоединилась Италия. Дания, Норвегия, Великобритания и Ирландия продвинулись на шаг дальше. Они создали единое страхование, ориентирующееся на необходимое страхование при любых жизненных обстоятельствах. Система единого страхования охватывает не только рабочих и служащих низшего звена, как это было прежде, но каждого гражданина государства. Другие члены ЕС, которые не пошли этим путем (Бельгия, ФРГ и Франция), распространяют обязательное страхование на широкие слои населения: крестьян, мелких ремесленников, студентов, домохозяек, инвалидов, даже заключенных.

После второй мировой войны количество охваченных системой социального страхования, таким образом, быстро выросло. Но еще в межвоенный период произошло несколько этапов ее расширения. В некоторых странах это имело место сразу после первой мировой войны, например, в Австрии, Италии и Дании, в других — во второй половине 20-х гг. (Германия, Нидерланды, Великобритания и та же Австрия). Некоторые из отставших догнали лидеров во второй половине 30-х гг., чему способствовал кризис: к ним относятся Ирландия, Финляндия и особенно Норвегия, где в 1935 г. законодательно установленным страхованием на случай болезни была охвачена крупная профессиональная группа рыбаков, а в 1936 г. введены «народные пенсии». Уровень распространения пенсионного страхования поднялся с 0 до 100%, а всех типов страхования в целом за пятилетие — на 40%. В эти годы Норвегия сделала большой шаг по пути к «государству благоденствия».

В 1940 г., за исключением страхования от безработицы, в большинстве северо- и западноевропейских стран свыше половины всех занятых было охвачено системой социального страхования, однако страхованием от несчастных случаев в Бельгии, Финляндии, Норвегии и Швейцарии только около трети и в Нидерландах — около половины. С большим отрывом лидировала в Европе Германия, где им было охвачено 88%. В области медицинского страхования в большинстве стран степень охвата составляла пока менее половины, однако в Дании она равнялась уже 100%, в Великобритании — 90%, в Норвегии и Швейцарии — 86%; в среднем в Западной Европе более половины работающих было охвачено медицинским страхованием,

Степень охвата населения социальным страхованием в европейских странах*. 1920—1975 гг. (в % к числу занятых)

Страна	а) Страхование от несчастных случаев							б) Страхование на случай болезни						
	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1975	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1975
Австрия	32	49		53	93	94	94	39	59		56	71	85	88
Бельгия	32	32	37	55	(60)	80	85	21	33	31	57	57	92	96
Великобритания	80	68	(71)	90	92	94	94	73	82	90	100	100	100	100
Германия**	72	75	88	92	95	95	95	53	57	56	57	67	67	72
Дания	57	57	60	(65)	(80)	81	83	97	100	100	100	100	100	100
Ирландия	—	65	65	65	65	70	74	—	34	44	53	58	67	71
Италия	53	53	53	56	63	57	48	(6)	7	47	44	76	92	91
Нидерланды	36	51	44	57	66	73	88	—	42	42	54	60	74	74
Норвегия	33	29	35	40	73	77	84	49	56	86	100	100	100	100
Финляндия	15	31	33	43	53	71	(80)	—	—	—	—	—	100	100
Франция	20	52	53	(61)	63	85	90	17	32	48	60	69	96	94
Швейцария	32	39	34	42	52	56	56	43	69	86	89	100	100	100
Швеция	56	55	62	71	76	79	80	28	35	49	97	100	100	100
В среднем	43,2	50,5	52,9	60,8	71,6	77,1	80,8	35,5	46,6	56,6	66,7	73,7	90,2	91,2
Стандартное отклонение	19,4	13,9	16,4	15,7	14,1	11,4	13,7	28,5	26,9	27,7	28,3	27,2	12,3	11,0
Разброс	65	46	55	49	43	35	35	97	100	100	100	100	33	29

Страна	с) Пенсионное страхование										d) Страхование от безработицы									
	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1975	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1975						
Австрия	(5)	43		51	75	78	81	(34)	34		40	55	60	65						
Бельгия	29	51	(44)	57	89	100	100	18	17	25	58	57	65	67						
Великобритания	—	82	90	94	86	83	80	20	58	65	85	79	76	73						
Германия**	57	69	72	70	82	81	84	—	44	43	39	59	71	76						
Дания	—	95	100	100	100	100	100	22	19	26	31	35	34	41						
Ирландия	—	—	44	55	64	71	85	—	22	32	39	58	67	71						
Италия	38	38	39	39	89	99	94	12	26	37	15	39	49	52						
Нидерланды	52	58	65	64	100	100	100	13	14	15	15	54	78	78						
Норвегия	—	—	100	100	100	100	100	11	4	(38)	51	57	57	82						
Финляндия	—	—	100	100	100	100	100	(1)	(1)	(3)	7	13	36	53						
Франция	14	(36)	48	69	92	93	98	0*	1	1	—	48	61	65						
Швейцария	—	—	—	100	100	100	100	—	17	27	27	24	17	29						
Швеция	100	100	100	100	100	100	100	—	—	7	34	37	55	67						
В среднем	24,6	44,0	66,8	76,8	90,5	92,7	94,0	10,9	19,8	26,6	33,9	47,3	55,8	63,0						
Стандартное отклонение	30,6	35,0	31,1	21,9	11,0	10,1	7,9	10,7	16,8	17,7	21,9	16,6	17,1	14,7						
Разброс	100	100	100	61	36	29	20	34	58	64	85	66	61	53						

* Приведенные данные могут на два года отклоняться от года, указанного в заглавии колонки; некоторые из них даны по приблизительным оценкам; в отношении страхования от несчастных случаев до 1950 г., по медицинскому страхованию в Нидерландах до 1940 г., по пенсионному страхованию в Италии до 1950 г. и по страхованию от безработицы в Нидерландах до 1950 г., неполные оценки взяты в скобки.

** С 1950 г. — ФРГ.

Источник: Alber J. Vom Armenhaus zum Wohlfahrtsstaat. S. 236—239.

законодательно установленным либо добровольным, но дотируемым со стороны государства. В Финляндии до 1928 г. и в Нидерландах страхования на случай болезни все еще не было. Еще большие различия между странами наблюдались в области пенсионного страхования: в Скандинавии действовало «народное страхование» для всех граждан, во Франции и Италии им были охвачены только 40% работающих, в Швейцарии вообще не было государственного пенсионного законодательства, а в Ирландии оно существовало в неразвитой форме для групп наемных работников с самыми низкими доходами. По случаю безработицы даже в Швеции только 7% работников могли претендовать на пособие, а во Франции — только 1%. Лидировала здесь Великобритания, страховавшая от безработицы почти две трети всех занятых.

В послевоенное время степень распространения всех видов страхования значительно возросла. В середине 70-х гг. страхованием от несчастных случаев пользовалось от 56 до 94% работающего населения, медицинским страхованием от 71 до 100%, пенсионным страхованием от 80 до 100%. Заметный разброс сохранился в страховании на случай безработицы: от 29 до 82% (табл. 84).

Поворот от страхования работающих к заботе обо всем населении отразился и на размере расходов на социальное страхование. Наиболее точным критерием служит их доля в ВВП соответствующих стран. Перед первой мировой войной в Германии затраты на социальное страхование предположительно составляли чуть более 1%. В 1930 г. в исследуемых странах этот показатель был около 2,8%, в Германии уже около 8%. В 1950 г. европейские страны на социальное страхование тратили в среднем 5% своего ВВП, в 1960 г. — 7%. Действительно бурный рост начался в 50-е гг., вследствие как распространения системы на широкие слои населения, имеющего на это право, так и ослабления контроля, увеличения выплат и введения новых норм в уже действующие виды страхования. В середине 70-х гг. доля социального страхования в ВВП в среднем составляла 13%. Первенствовали теперь Швеция (около 18%) и Нидерланды (более 17%), которые особенно расширили социальные функции в 60—70-е гг. Еще в 60-е гг. они лишь слегка пре-

вышали средний уровень. Согласно исследованиям ОЭСР, как правило, около трети прироста социальных выплат в 1962—1972 гг. объяснялось сдвигами в возрастной структуре населения, около двух третей за счет расширения права доступа к системе социального страхования и лишь небольшой остаток приходится на повышение самих сумм выплат.

Во второй половине 70-х гг. в большинстве стран начался бурный подъем, а в Швейцарии, Великобритании и Италии обнаружился спад. В 1980 г. Швеция выделяла почти 22% своего ВВП на социальное страхование, Нидерланды — более 20%. Дания, тратившая почти 18%, обогнала Германию, которая до се-

Таблица 85

**Динамика расходов на социальное страхование в европейских странах.
1900—1980 гг. (в % к ВВП)**

Страна	1900	1930	1950	1955	1960	1965	1970	1975	1980
Австрия		4,4	6,5	7,6	8,6	10,8	11,7	12,3	13,6
Бельгия			6,1	7,4	8,7	9,9	11,2	15,0	17,3
Германия***	1,0	7,8	7,3	7,9	10,0	11,0	12,0	16,2	17,4
Великобритания		4,6	6,7	6,0	5,3	7,9	8,7	10,4*	10,0**
Дания		2,6	5,2	6,4	7,5	7,6	10,2	14,7*	17,9
Ирландия		2,8	4,9	6,3	6,4	6,9	7,6	14,6	15,9
Италия			3,3	4,5	6,1	9,3	10,6	16,3	13,1
Нидерланды		1,5	3,7	4,7	7,3	10,3	13,9	17,6	20,2
Норвегия		1,0	3,9	4,8	6,5	8,3	11,7	14,3	15,9
Финляндия		0,7	1,9	2,7	4,6	6,3	8,5	10,4	11,6
Франция			4,8	5,5	6,0	8,0		13,8	15,9
Швейцария		1,4	3,9	4,6	5,4	6,7	8,2	12,4	10,4
Швеция		1,1	5,4	6,9	7,8	9,4	13,9	17,9	21,7

* 1975—1976 гг.

** 1979—1980 гг.

*** С 1950 г. — ФРГ.

Источники: Alber J. Vom Armenhaus zum Wohlfahrtsstaat. S. 60; ILO. The Cost of Social Security. Nr. 10 u. II. 1981 u. 1985; OECD. National Accounts. 1971—1983. Vol. 2: Detailed Tables.

редины 60-х гг. постоянно выделяла относительно более высокие субсидии на социальное страхование. На последнее место перешла Великобритания, которая поначалу подтянулась (реализация плана Бивериджа сразу после второй мировой войны), но со второй половины 50-х гг. стала явно отставать от континента не только экономически, но и в области социального обеспечения, несмотря на имеющуюся национальную систему здравоохранения и всеобщее пенсионное страхование. Вновь подтвердилось положение, что широкая степень охвата населения системой страхования не всегда означает высокие достижения (табл. 85).

Несмотря на общую тенденцию к росту расходов на социальное страхование и их доли в ВВП между отдельными странами остаются значительные различия, с начала 70-х гг. они заметно увеличились. Хотя в абсолютном выражении расхождения между наивысшей долей расходов на социальное страхование в ВВП (в Германии 7,8%) и самой низкой (в Финляндии 0,7%) были более всего в 1930 г., но пропорциональные различия между всеми исследованными странами в 1970 г. были того же порядка, что и в 1930 г. В 1976 г. они возросли до 2,6%. В 1980 г. Швеция тратила на социальное страхование вдвое большую долю своего ВВП, чем Великобритания и Швейцария.

Так как социальное страхование занимает только около двух третей всех государственных расходов на социальное обеспечение, то еще выше доля средств, выделяемых на социальные пособия, к которым, по определению Международной организации труда (МОТ), относятся также пособия на детей и семью, социальная помощь, обеспечение служащих и жертв войны и государственное здравоохранение. В 1977 г. в 13 странах она в среднем составила 22,4%. Если придерживаться принятой классификации, то первенство в сфере социальных пособий удерживает Швеция (30,5%), за ней следуют Нидерланды (почти 28%). В Бельгии и Франции доля расходов на социальные пособия превышает четверть ВВП. Только в трех странах уровень значительно ниже среднего: в Швейцарии (16,1%), в Великобритании (17,3%) и в Ирландии (18,3%). Все остальные на социальное обеспечение выделяют примерно одну пятую часть ВВП (Норвегия и Финляндия). В 1949—1951 гг. средняя цифра составляла

в Европе только около 9%, у тогдашнего лидера Германии — почти 15%, в Швейцарии — ровно 6%. Скандинавия в то время была в самом хвосте, доля в ВВП 5—6% (Норвегия), 6—7% (Финляндия) и 8% (Дания и Швеция). Поэтому вместе с Нидерландами и Италией эти страны, за исключением Финляндии, отличались наибольшими темпами роста. В Швеции доля социальных пособий в ВВП в одном только 1977 г. возросла более чем на 3%. В среднем по Европе темпы роста были, конечно, намного ниже, потому что за каждым процентом стоит существенное перераспределение национального продукта, которое требует политической воли. Причина лежит не в повышении размера социальных пособий, а в падении совокупного производства вследствие спада конъюнктуры при остающихся неизменными пособиях. Впервые это произошло в 1966—1967 гг., когда средние темпы процесса впервые достигли около 0,8%.

Развитие «государства благоденствия» на протяжении послевоенных десятилетий впечатляюще проявилось в ускорении роста доли средств, выделяемых на социальные пособия. В 60-х гг. этот рост более чем в два раза превышал уровень 50-х гг., а в 70-х гг. еще в полтора раза превысил уровень 60-х гг. (1950—1960: +2,1%, 1960—1970: +4,4%, 1970—1977: +6,6%).

В ЕС возникла еще более широкая концепция социального обеспечения, которая исходит из перечня возможных рисков и включает, например, все связанные со здоровьем субсидии вне зависимости от того, представляют они собой возмещение расходов или натуральные выплаты. Определяемые таким образом социальные расходы составляли в шести первоначальных членах сообщества в 1962 г. около 15% чистого внутреннего продукта, лидером была ФРГ (17,5%), аутсайдером были Нидерланды (13,7%). С тех пор эта статья расходов выросла особенно ощутимо в Нидерландах, которые, имея долю в 30,7%, превратились в европейского лидера, далее следовали ФРГ, Дания и Бельгия, где эта доля составляла около 28%, в расчет не принимается Швеция, не входящая в сообщество. Согласно этому исчислению сравнительно меньше других тратили Великобритания (21,4%), Ирландия (22%) и Италия (23%).

Если классифицировать социальные расходы по функциональному признаку, то выяснится, что во всех странах расходы

в связи с достижением человеком пенсионного возраста занимают ведущее место. В Люксембурге на них приходится от трети до половины социальных расходов; до конца 70-х гг. здесь не было безработицы и связанных с ней социальных расходов, а доля средств на обеспечение по возрасту в это время даже пересекала 50% -ную отметку. В 1977 г. нечто подобное происходило и в Швейцарии. На втором месте шли расходы на здравоохранение, составлявшие от 25 до 30% всех социальных расходов. Только в Люксембурге этот показатель был ниже, в Ирландии, а в последнее время и в Швеции — выше. До середины 70-х гг. в большинстве стран удельный вес расходов на здравоохранение имел тенденцию к росту. В 1977 г. в Швеции он составлял около 42%, в Ирландии около 41%. Доля социальных расходов на семью колеблется сильнее. В католических странах в целом такого рода пособия выше, чем в протестантских, включая и ФРГ, но обнаруживают тенденцию к снижению. В 1962 г. лидировала Франция, опережая Италию, завершали список ФРГ и Великобритания. К 1980 г. доля относящихся к семье расходов во Франции и Италии значительно сократилась, и теперь аутсайдером стала Италия, что связано с существенным увеличением выплат по возрасту и в связи с нетрудоспособностью. Франция, поднявшая долю выплат по возрасту, оставалась тем не менее страной, наиболее ориентированной на социальную поддержку семьи.

Доля выплат инвалидам изменилась более других. В Италии она удвоилась, в Нидерландах более чем утроилась. В ФРГ и Великобритании, напротив, увеличилась лишь незначительно. В одном случае сыграли роль законодательные изменения, в другом то, что почти не осталось в живых инвалидов первой мировой войны. На пособия по безработице к началу 60-х гг. требовалась лишь небольшая сумма, и потому доля данных выплат была соответственно небольшой. Выше всего она была в Ирландии — 5,7%, во Франции и Люксембурге, напротив, — менее 0,5%, в ФРГ — около 1%. В 1980 г. в Дании удельный вес этого вида социальных пособий достиг почти 12%, в Бельгии — более 10%, в большинстве других стран — 6—8%. Только в Италии по вышеназванным причинам, т.е. в связи с увеличением долей других расходов, она не поднялась и до 2% (табл. 86).

Функциональная структура социальных расходов в некоторых европейских странах. 1962—1980 гг. (в % к общей сумме социальных расходов)

Страна	Год	Пенсии по возрасту	Здравоохранение	Пенсии по инвалидности	Пособия по безработице	Поддержка семьи	Прочие
Бельгия	1962	40,1	13,3	10,7	4,8	19,8	11,3
	1970	37,8	22,3	10,5	4,3	19,1	6,0
	1980	38,2	22,5	11,4	10,4	12,3	5,2
Великобритания	1970	47,0	26,4	9,3	4,3	10,8	2,2
	1980	42,6	21,6	10,0	8,6	13,0	4,2
Дания	1970	36,3	28,6	14,3	3,0	16,4	1,4
	1980	35,7	26,8	9,3	11,9	11,1	5,2
Ирландия	1970	36,9	28,7	10,2	5,7	17,1	1,4
	1980	32,5	36,2	6,9	8,3	10,9	5,2
Италия	1962	32,5	19,1	11,0	2,7	24,1	10,6
	1970	34,8	26,4	17,7	1,1	12,9	7,1
	1980	44,0	23,2	22,5	1,9	8,2	0,2
Люксембург	1962	57,8	15,6	8,6	0,0	13,6	4,4
	1970	60,9	17,2	7,8	0,0	11,6	2,5
	1980	47,8	23,6	16,5	2,1	9,1	0,9
Нидерланды	1962	45,4	25,5	6,3	4,1	14,4	4,3
	1970	40,7	29,8	11,9	3,3	14,0	0,3
	1980	32,2	29,3	20,1	6,3	9,5	2,6
Франция	1962	32,3	20,5	8,0	0,4	29,1	9,7
	1970	40,4	24,7	7,2	1,0	19,5	7,2
	1980	40,4	26,2	8,9	6,5	14,5	2,0
ФРГ	1962	43,3	26,8	11,1	1,1	7,4	10,3
	1970	45,6	27,6	12,6	0,5	9,8	3,8
	1980	40,4	29,8	9,6	3,7	8,9	7,6

Источник: Kohl J. Staatsausgaben in Westeuropa. S. 327f.

Понятие социального трансферта (перераспределения средств) определяется иначе, чем расходы на социальные нужды. Оно включает в себя производимые за счет перераспределения выплаты, заменяющие доходы, в первую очередь пенсии и пособия по безработице, а также стипендии, семейные надбавки, сохранение содержания на время учебы и др., но не включает расходы, которые обуславливает социальная система, т.е. заработную плату занятых в ней. Поэтому социальный трансферт по объему меньше, чем расходы на социальные нужды. Но развивается он в основном в том же направлении, страны, лидирующие или отстающие в социальном обеспечении, лидируют или отстают и в этой области. Очевидно, что с 1950 г. рост трансфертов происходил в особенности там, где имел место отложенный спрос, в первую очередь в Скандинавии. В Нидерландах в 1980 г. через общественные каналы перераспределялось около четверти ВВП, во Франции и Бельгии — более одной пятой. Если соотнести социальный трансферт только с внутренним потреблением, то сегодня в большинстве северо- и западноевропейских стран налогоплательщиками через трансфертные платежи финансируется от одной пятой до одной четверти расходов на потребление (табл. 87).

Напротив, расходы по социальному страхованию в большинстве стран, как и прежде, в основном оплачиваются работодателями и занятыми в производственной сфере. В Нидерландах в середине 70-х гг. застрахованные работники возмещали более половины расходов по социальному страхованию, в Швейцарии — около половины, в Италии около 15%, а в Дании едва 2%. Там, в отличие от большинства других стран, государство берет на себя 88% расходов. В Ирландии сами страхователи платят также более половины необходимых взносов, в ФРГ — только 13,4%, в Финляндии, Франции и Нидерландах — около 10%. Взносы работодателей значительнее других в Финляндии и во Франции (более 60%), тогда как в Дании — только 6%. Западная Европа в целом по сравнению с 1950 г. обнаруживает лишь незначительные изменения в распределении участия в финансировании. Доля участия работодателей выросла с 37% до немногим более 40%, они остались крупнейшими плательщи-

**Динамика расходов по линии социального трансферта в европейских странах,
1950—1980 гг.**

Страна	Расходы, в % от ВВП				Прирост, в %		
	1950	1960	1970	1980	1950— 1960	1960— 1970	1970— 1980
Австрия	7,8	10,5	15,4	19,2	2,7	4,9	3,8
Бельгия	9,6*	11,2	14,1	21,2	1,6	2,9	7,1
Великобритания	5,7	6,2	9,3	12,5	0,5	3,1	3,2
Дания	5,8	7,3	11,6	16,7	1,5	4,3	5,1
Ирландия			10,8	15,8			5,0
Италия	9,3**	10,7	12,7	16,0	1,4	2,0	3,3
Нидерланды	6,6	10,2	18,4	27,4	3,6	8,2	9,0
Норвегия	4,9	8,4	12,3	14,7	3,5	3,9	2,4
Финляндия		5,8	8,3	9,9		2,5	1,6
Франция	11,3	12,9	17,2	23,3	1,6	4,3	6,1
ФРГ	12,4	12,5	13,4	17,3	0,1	0,9	3,9
Швейцария		3,9	6,2	10,3		2,3	4,1
Швеция	6,3	7,7	11,6	18,9	1,4	3,9	7,3
В среднем	8,0	8,9	12,4	17,2	1,8	3,6	4,8

* 1953 г.

** 1955 г.

Источник: Kohl J. Staatsausgaben in Westeuropa. S. 266.

ками в системе социального страхования. Сами застрахованные в 1950 г. вносили около 30% средств, а в 1974 г. — почти те же 28,6%, доля государства снизилась с 29 до 27%, остальные источники финансирования остались почти неизменными, в среднем 4,6% по всем 13 странам. Поскольку работодатели возложенное на них бремя финансирования переносят через цены на потребителей, а государство вносит свою долю за счет налогоплательщиков, то в конечном итоге все граждане участвуют в финансировании социальных расходов, хотя невозможно точно вычислить их долю.

Это относится и к социальным выплатам в странах европейского восточного блока, которые, насколько можно судить по данным статистики, в соответствии с общей тенденцией до середины 60-х гг. развивались аналогично Западу. Объем социального обеспечения здесь, конечно, несравним с западным, так как расходы на социальные выплаты в странах с централизованной экономикой соотносятся не с ВВП, а с так называемым чистым материальным продуктом, в который не включается стоимость услуг. Таким образом, знаменатель в этой дроби ниже, поэтому результат выше, чем в случае, если бы учитывались услуги. К сожалению, нет надежного способа устранить этот недостаток. По данным МОТ, исчисляемая таким образом доля расходов на социальные выплаты в 1952 г. в ЧССР составляла 10,8%, в Югославии — около 11,5%. Для других стран восточного блока данных для этого периода нет. К 1977 г. в ЧССР она возросла до 19%, в Югославии, как представляется, — только до 13% к началу 70-х гг. Таким образом, здесь так же, как и на Западе, отмечается дифференциация темпов развития социальных выплат. Отстающей в восточном блоке является Польша, где этот показатель равнялся 7% в середине 50-х гг. и почти 12% — в 1977 г. Венгрия и СССР занимают место ниже среднего уровня по социалистическим странам, составлявшего 15,3% в 1977 г.; лидируют здесь Болгария и ГДР (более 16%) (табл. 88).

При сравнении с Западом прежде всего бросается в глаза, что ни одну из стран восточного блока по темпам роста нельзя соотнести с западноевропейскими, в большинстве которых в 60—70-е гг. произошел бурный прогресс социальных выплат. Наибольший прирост за 1961—1977 гг. отмечался в Венгрии, где их доля возросла на 6,3%, заметный рост — в Болгарии (5,5%). В СССР, напротив, динамика была невысокой (2,7%). За тот же период доля социальных пособий в среднем во всех западноевропейских странах (без Испании и Португалии) выросла на 10,8%, т.е. почти удвоилась. Даже в двух западноевропейских странах, где доля социальных выплат росла медленнее (Австрия и Великобритания), она увеличивалась на 6,4%, т.е. почти в том же темпе, как в Венгрии, лидере восточного блока, более всего увеличившей социальные выплаты по соотношению с со-

**Доля пособий и услуг социального характера в социалистических странах,
1952—1977 гг.***

Страна	1952	1955	1958	1961	1964	1967	1970	1973	1975	1977
Венгрия				8,8	9,8	10,8	11,1	12,2	14,8	15,1
Болгария				10,7	10,1	11,4	13,7	14,6	16,0	16,2
ГДР						12,8	13,2	16,1	15,3	16,2
Польша		7,1	8,5	9,1	9,3	9,4	10,7	10,6	11,0	11,8
СССР		8,2	10,2	10,4	10,9	11,6	11,9	12,4	13,8	13,4
ЧССР	10,8	12,7	15,5	15,9	18,2	16,1	18,0	17,9	17,2	19,0
Югославия	11,5	9,2	10,8	12,1	10,7	12,1	13,2			
В среднем**		(9,3)	(11,4)	(11,0)	(11,5)	12,0	13,1	14,0	14,7	15,3

* Социальные расходы в % от чистого вещественного продукта.

** Рассчитано без Югославии.

Источник: Alber J. Einige Grunddaten und Begleiterscheinungen der Entwicklung der Sozialausgaben in Westeuropa, 1949—1977 / Zeitschrift für Soziologie 12 (1983), S. 114.

вокупным продуктом. Не только экономическая, но и социальная динамика на Западе была явно выше, чем на Востоке. Наряду с фактором различий экономического потенциала, по-видимому, значительную роль сыграла борьба политических партий за голоса избирателей. Спустя два десятилетия после второй мировой войны как социал-демократические, так и консервативные партии в центр своих программ поставили лозунг развития «государства благоденствия» или социального государства. Это программное положение осуществлялось как левыми, так и правыми коалиционными правительствами.

Список литературы

Alber J. Vom Armenhaus zum Wohlfahrtsstaat. Analysen zur Entwicklung der Sozialversicherung in Westeuropa. Frankfurt, New York, 1982.

Он же. Einige Grunddaten und Begleierscheinungen der Entwicklung der Sozialausgaben in Westeuropa. 1949—1977 // *Zeitschrift für Soziologie*. 1983. № 12. S. 93—118.

Aldcroft D.H. The British Economy. Vol. 1: The Years of Turmoil. 1920—1951. Brighton, 1986.

Он же. The European Economy. 1914—1970. London, 1978.

Он же. The European Economy. 1914—1980. London, 1982.

Ambrosius G. Der Staat als Unternehmer. Öffentliche Wirtschaft und Kapitalismus seit dem 19. Jahrhundert. Göttingen, 1984.

Andersen U. Das internationale Währungssystem zwischen nationaler Souveränität und supranationaler Integration. Entwicklungstendenzen seit Bretton Woods im Spannungsfeld der Interessen. Berlin, 1977.

Annuaire Statistique de la France.

Arbeiter and Arbeiterbewegung im Vergleich. Berichte zur internationalen historischen Forschung // Hrsg. von K. Tenfelde. München, 1986.

Armstrong Ph., Glyn A., Harrison J. Capitalism since World War II. The Making and Break-up of the Great Boom. London, 1984.

Artaud D. La question des dettes interalliées et la reconstruction de l'Europe. 1917—1929. Lille, 1978. Vol. 1—2.

Aschinger F.E. Das Währungssystem des Westens. Frankfurt/M., 1973.

Atkinson A.B. The Economics of Inequality. Oxford, 1983.

Bairoch P. Europe's Gross National Product 1800—1975 // *Journal of European Economic History*. 1976. 5. P. 273—340.

Он же. International Industrialisation Levels from 1750 to 1980 // Journal of European Economic History. 1982. 11. P. 269—310.

Он же. De Jéricho à Mexico. Villes et économie dans l'histoire. Paris, 1985.

Он же. La population active et sa structure. Statistiques Internationales Rétrospectives. Brüssel, 1968. V. 1.

Он же. Geographical Structure and Trade Balance of European Foreign Trade from 1800 to 1970 // Journal of European Economic History. 1974. 13. P. 557—608.

Ballerstedt E., Glatzer W. Soziologischer Almanach. Frankfurt, New York, 1979.

Banking in Western Europe // Ed. by R.S.Sayers. Oxford, 1962.

Banks and Industry in the Interwar Period // Journal of European Economic History. 1984. 13. № 2.

Baum W.C. The French Economy and the State. Princeton, 1958.

Bean R. Comparative Industrial Relations. An Introduction to Cross-National Perspectives. London, Sydney. 1985.

Berend I.T., Rànkı G. The Hungarian Economy in the Twentieth Century. London, 1985.

Beschäftigungssystem im gesellschaftlichen Wandel. Historische Entwicklungen und internationale Strukturdifferenzen // Hrsg. von M.Haller, W.Müller. Frankfurt/M., 1983.

Bildung und Erziehung in Osteuropa im 20. Jahrhundert // Hrsg. von O.Anweiler. Berlin, 1982.

Bildungssysteme in Europa // Hrsg. von O.Anweiler. Weinheim, 1976.

Biehl D., Hußmann E., Schnyder S. Zur regionalen Einkommensverteilung in der Europäischen Wirtschaftsgemeinschaft // Die Weltwirtschaft. 1972. H. 2. S. 64—78.

Biraben J.-N. Vues générales sur la population soviétique et sur les concepts soviétiques, en matière de population // Population. 1958. 13. Cahier 2.2.

Bischof G. Foreign Aid and Post-World War II Economic Recovery: The Case of Austria. 1945—1952. Cambridge, Mass., 1983.

Böhning W.R. The Migration of Workers in the United Kingdom and the European Community. London, 1972.

Böhning W.R., Maillat D. The Effects of the Employment of Foreign Workers. Paris, 1974.

Bourdon R. Education. Opportunity and Social Inequality. Changing Prospects in Western Society. New York, 1974.

Brabant J.M. van. East European Co-operation. The Role of Money and Finance. New York, 1977.

Bräker H. Währungsprobleme und Integration in Osteuropa. Köln, 1972.

Brown W.A. jr. The International Gold Standard Reinterpreted. 1914—1934. 2 Vols. New York, 1940.

Cairncross A. Years of Recovery. British Economic Policy. 1945—1951. London, 1985.

Cairncross A., Eichengreen B. Sterling in Decline. The Devaluations of 1931, 1949 and 1967. London, 1983.

Capie F. Depression and Protectionism. Britain between the Wars. London, 1983.

Castles St., Kosack G. Immigrant Workers and Class Structure in Western Europe. London, 1985.

Clark C. Population Growth and Land Use. London, 1967.

Clarke St.V.O. Central Bank Cooperation: 1924—1931. New York, 1967.

Он же. Exchange-Rate Stabilisation in the Mid-1930s. Negotiating the Tripartite Agreement / Princeton Studies in International Finance. 41. Princeton, N.J. 1977.

Он же. The Reconstruction of the International Monetary System: The Attempts of 1922 and 1933 / Princeton Studies in International Finance. 33. Princeton, N.J. 1973.

Coleman D.C. What has happened to Economic History? Cambridge, 1972.

Commission Internationale d'Histoire de Mouvements Sociaux et des Structures Sociales: Petite Enterprise et Croissance Industrielle dans le Monde aux XIXe et XXe Siècles. Paris, 1981.

Cornwall J. Modern Capitalism. London, 1977.

Он же. *Grows and Stability in a Mature Economy.* London, 1972.

Cross G.S. *Immigrant Workers in Industrial France. The Making of a New Labouring Class.* Philadelphia, 1983.

Crouzet F. *De la Supériorité de l'Angleterre sur la France. L'Economie et l'Imaginaire. XVIIe—XXe Siècles.* Paris, 1985.

Daniel U. *Dollardiplomatie in Europa. Marshallplan, kalter Krieg und US-Außenwirtschaftspolitik. 1945—1952.* Düsseldorf, 1982.

Davis K. *World Urbanisation. 1950—1970. Vol. 1.* Berkeley, 1969.

Delle Donne O. *European Tariff Policies since the World War.* New York, 1923.

Deutsche Bundesbank: Internationale Organisationen und Abkommen im Bereich von Währung und Wirtschaft. Sonderdruck Nr. 3. Frankfurt/M., 1978.

Dovring F. *Land and Labour in Europe in the Twentieth Century. A Comparative Survey of Recent Agrarian History.* Den Haag, 1965.

Drummond I.M. *The Floating Pound and the Sterling Area. 1931—1939.* London, 1981.

Durée du travail et diminution du temps de travail // Publ par E.Scholliers, P.Scholliers. Brüssel, 1983.

The Economic and Social Effects of the Spread of Motor Vehicles. London // Ed. by T.Barker. 1986.

The Economic History of Eastern Europe 1919—1975 // Ed. by M.Kaser, E.A.Radice. Vol. 1 Economic Structure and Performance between the Two Wars. Oxford, 1985; Vol. 2 Interwar Policy, the War and Reconstruction. Oxford, 1985; Vol. 3 Institutional Change Within a Planned Economy. Oxford, 1986.

El-Agraa A.M. *The Economics of the European Community.* Oxford, New York, 1985.

Die Entwicklung der öffentlichen Wirtschaft in der Europäischen Gemeinschaft in den sechziger Jahren // Hrsg. von Europäische Zentrale der Öffentlichen Wirtschaft (CEEP). Brüssel, 1971.

European Conference of Ministers of Transports: 1982 Transport Statistical Series. Trends in Investment, Infrastructure, Rolling Stock and Traffic. Paris, 1985.

The European Economy. Growth and Crisis // Ed. by A.Boltho. Oxford, 1982.

Eurostat (Statistisches Amt der Europäischen Gemeinschaften).

Evans A.A. Hours of Work in Industrialised Countries. Genf, 1975.

The Family and its Culture. An Investigation in Seven East and West European Countries // Ed. by M.Biskup. Budapest, 1984.

FAO: Yearbook of Fishery Statistics. 1950/51—1983.

FAO: Yearbook of Food and Agricultural Statistics: Production. Производство как: Production Yearbook. 1950—1983.

Flora P. State, Economy, and Society in Western Europe 1815—1975. 2 Vols. Frankfurt/M., 1983, 1987.

Franko L.G. The European Multinationals. A Renewed Challenge to American and British Big Business. London, 1976.

Freris A.F. The Greek Economy in the Twenties Century. London, 1986.

Gayer A.D. Monetary Policy and Economic Stabilisation. A Study of the Gold Standard. New York, 1935.

Gemeinwirtschaft in Westeuropa. Großbritannien, Frankreich, Italien, Bundesrepublik Deutschland // Hrsg. von W.Weber. Göttingen, 1962.

General Survey of Main Present-Day International Migration for Employment // Ed. by International Labour Office (ILO). Genf, 1975.

Giddens A. The Class Structure of Advanced Societies. London, 1981.

The Gold Standard in Theory and History // Ed. by B.Eichengreen. London, 1985.

Government, Politics and the Economy in Europe 1914—1945. // Ed. by P.L.Cotrell. London, 1986.

Haass J.M., Peschel K. Räumliche Strukturen im internationalen Handel. Eine Analyse der Außenhandelserflechtung westeuropäischer und nordamerikanischer Länder. 1900—1977. München, 1982.

Harbrecht W. Die Europäische Gemeinschaft. Stuttgart, 1984.

Harrison J. The Spanish Economy in the Twenties Century. London, 1985.

Hartmann J. Verbände in der westlichen Industriegesellschaft. Ein international vergleichendes Handbuch. Frankfurt/M., 1985.

Hiemenz U., Schatz K.W. Trade in Place of Migration. An Employment-Oriented Study with Special Reference to the Federal Republic of Germany, Spain and Turkey. Genf, 1979.

Hill B.E. The Common Agricultural Policy. Past, Present and Future. London, 1984.

Hine R.C. The Political Economy of European Trade. London, 1985.

Hodne F. The Norwegian Economy in the Twentieth Century. London, 1983.

Howson S. Domestic Monetary Management in Britain 1919—1938. Cambridge, 1975.

Howson S., Winch D. The Economic Advisory Council. 1930—1939: A Study in Economic Advice during Depression and Recovery. Cambridge, 1977.

Hughes T.P. Networks of Power. Electrification in Western Society. 1880—1930. Baltimore, 1983.

Industria e banca nella grande crisi. 1929—1934 // Ed. G.Toniolo. Milano, 1978.

Ingham G.K. Strikes and Industrial Conflict. Britain and Scandinavia. London, 1974.

International Yearbook of Agricultural Statistics // Ed. by International Institute of Agriculture. Rom.

Internationale Kapitalbewegungen. Verschuldung und Währungssystem // Hrsg. von W.Engels, A.Gutowski, H.C.Wallich. Mainz, 1984.

Jànossy F. Das Ende der Wirtschaftswunders. Erscheinung und Wesen der Wirtschaftlichen Entwicklung. Frankfurt/Main, 1966.

Jeanneney J.-M., Barbier-Jeanneney E. Les Economies Occidentales du XIXe Siècle à nos Jours. 2 vols. Paris, 1985.

Jonson P. Saving and Spending. The Working-Class Economy in Britain, 1870—1939. Oxford, 1985.

Kaeble H. Historical Research on Social Mobility. Western Europe and the USA in the Nineteenth and Twentieth Centuries. London, 1981.

Он же. Soziale Mobilität und Chancengleichheit im 19. und 20. Jahrhundert. Deutschland im internationalen Vergleich. Göttingen, 1983.

Он же. Sozialgeschichte Europas 1880—1980. Frankfurt/M., 1986.

Kenwood A.G., Loughheed A.L. The Growth of the International Economy, 1820—1960. An Introductory Text. London-Sydney, 1971.

Kindleberger Ch.P. Europe's Post-war Growth. The Role of Labour Supply.; Cambridge/Mass., 1967.

Он же. A Financial History of Western Europe. London, 1984.

Он же. Manias, Panics, and Crashes. A History of Financial Crises. New York, 1978.

Он же. Die Weltwirtschaftskrise 1929—1939. München, 1984.

Kirk D. Europe's Population in the Interwar Years. Genf, 1946; New York, 1978.

Kirk M. Demographic and Social Change in Europe, 1975—2000. Liverpool, 1981.

Klopstock F.N. The Euro-Dollar Market: Some Unresolved Issues / Princeton Essays in International Finance. 65. Princeton, N.J., 1968.

Kohl J. Staatsausgaben in Westeuropa. Analysen zur langfristigen Entwicklung der öffentlichen Finanzen. Frankfurt/M, New York, 1985.

Kosta J. Wirtschaftssysteme des realen Sozialismus. Probleme und Alternativen. Köln, 1984.

Kraemer H.R. Europäische Institutionen. Ein Überblick / Kieler Arbeitspapiere. 55 // Hrgs. vom Institut für Weltwirtschaft an der Universität Kiel. Kiel, 1977.

Küsters H.J. Die Gründung der Europäischen Wirtschaftsgemeinschaft. Baden-Baden, 1982.

Kuisel R.F. Capitalism and the State in Modern France. Renovation and the Economic Management in the Twentieth Century. Cambridge, 1981.

Kulischer E.M. The Displacement of Population in Europe. Montreal, 1943.

Он же. Europe on the Move. War and Population changes, 1917—1947. New York, 1948.

Labour Market and Second Economy in Hungary // Ed. by P.Galasi, G.Sziráczki. Frankfurt/M — New York, 1985.

Lampfalussy A. Les Marchés financiers in Europe. Essai d'interprétation économique. Paris, 1968.

Lampe J.R. The Bulgarian Economy in the Twentieth Century. London, 1986.

Lampe J.R., Jackson M.R. Balkan Economic History, 1550—1950. From Imperial Borderlands to Developing Nations. Bloomington, 1982.

Landau Z., Tomaszewski J. The Polish Economy in the Twentieth Century. London, 1985.

League of Nations: Agricultural Production in Continental Europe during the 1914—1918 War and the Reconstruction Period. Genf, 1943.

League of Nations (R.Nurkse): The Course and Control of Inflation: A Review of Monetary Experience in Europe and after World War I. Genf, 1946.

League of Nations (F.Hilgerdt): Europe's Trade: A Study of the Trade of European Countries with Each Other and with the Rest of the World. Genf, 1941.

League of Nations (R.Nurkse): International Currency Experience. Lessons of the Interwar Period. Princeton, N.J., 1944.

League of Nations (F.Hilgerdt): The Network of the World Trade: A Companion Volume to Europe's Trade. Genf, 1942.

League of Nations (J.E.Meade): World Economic Survey, 1938/39. Genf, 1939.

League of Nations: Yearbook of Labour Statistics 1935. Genf, 1939 (ежегодное издание).

Leith-Ross F. Money Talks. Fifty Years of International Finance. London, 1968.

Lewinson R. (Morus). Die Umschichtung der europäischen Vermögen. Berlin, 1925.

Liepmann H. Tariff Levels and the Economic Unity of Europe. London, 1938; repr. ed. Philadelphia, 1980.

Loveday A. Tariff Level Indices // Journal of the Royal Statistical Society. 1928. 112.

Maddison A. Economic Policy and Performance in Europe, 1913—1970 / The Twentieth Century Fontana Economic History of Europe. Vol. 5/2 // Ed. by C.M.Cipolla. Glasgow, 1976.

Он же. Pheses of Capitalist Development. Oxford, 1982.

Matthews M. Privilege in the Soviet Union. A Study of Elite Life-Styles under Communism. London, 1978.

Matthews R.C.O., Feinstein C.H., Olding-Smee I.C. British Economic Growth 1856—1973. Stanford, 1982.

Meyer R.H. Banker's Diplomacy. Monetary Stabilisation in the Twenties. New York, 1970.

Milward A.S. The Reconstruction of Western Europe, 1945—1951. London, 1984.

Он же. The Reichsmark Bloc and the International Economy / Der ‚Führerstaat‘: Mythos and Realitat // Hrsg. von G.Hirschfeld, L.Kettenacker. Stuttgart, 1981. S. 377—411.

Mitchell B.R. European Historical Statistics, 1750—1975. London, 1981.

Он же. European Historical Statistics: Africa and Asia. London, 1982.

Он же. European Historical Statistics: The Americas and Australasia. London, 1983.

Он же. Statistischer Anhang 1920—1970 / Europäische Wirtschaftsgeschichte. Bd. 5 // Hrsg von C.M.Cipolla, K.Borchardt. Stuttgart, 1980.

Mitchell W.C. Business Cycles. The Problem and Its Setting. New York, 1930.

Noore L. The Growth and Structure of International Trade since the Second World War. Brighton/Sussex, 1985.

Morgenstern O. International Financial Transactions and Business Cycles. Princeton, N.J., 1959.

Noulton H.G., Pasvolsky L. World War Debt Settlement. New York, 1926; repr. ed. 1972.

Müller W. Strukturwandel der Frauenarbeit. 1880—1980. Frankfurt/M., 1983.

Notestein F.W. The Future Population of Europe and the Soviet Union. Population Projections, 1940—1970. Genf, 1944.

- OECD: Balances of Payments and OECD Countries. Paris, 1985.
- OECD: Child and Family. Demographic developments in the OECD Countries. Paris, 1979.
- OECD: Continuing Reporting System (SOPEMI). (Ежегодное издание.)
- OECD: Economic Outlook. Historical Statistics. Paris, 1960—1984.
- OECD: Education, Inequality and Life Chances. Paris, 1975.
- OECD: Energy Statistics and Main Historical Series. 1981—1982. (Ежегодное издание.)
- OECD: Industrial Production. Historical Statistics. Paris, 1976.
- OECD: Industrial Statistics 1900—1962. Paris, 1964.
- OECD: Labour Force Statistics. Paris. (Ежегодное издание.)
- OECD: Main Economic Indicators. Historical Statistics 1960—1979. Paris, 1980.
- OECD: Manpower Statistics. Paris. (Ежегодное издание.)
- OECD: Migration, Growth and Development. Paris, 1979.
- OECD: The Migratory Chain. Paris, 1978.
- OECD: National Accounts. Vol. 1. Main Aggregates. Vol. II. Detailed Tables. Paris.
- OECD: New Patterns for Working Time. Paris, 1973.
- OECD: Revenue Statistics of OECD Member Countries 1965—1983. Paris, 1984.
- OECD: Long-Term Trends in Tax Revenues of OECD Member Countries 1955—1980. Paris, 1981.
- Die öffentliche Wirtschaft in der Europäischen Gemeinschaft. Jahrbuch der CEEP. Berlin, 1973—1984.
- Order and Conflict in Contemporary Capitalism // Ed. by J.H.Goldthorpe. London, 1984.
- Origins and Development of Publicly Owned Enterprises. (Ninth International Economic History Congress // Ed. by V.Zamagni. Bern, 1986.
- Paretti V., Bloch G.* Industrial Production in Western Europe and the United States, 1901 to 1955 / Banca Nazionale del Lavoro Quarterly Review. 1956. 9. P. 186—234.

Passow A.H. The National Case Study: An Empirical Comparative Study of Twenty-one Educational Systems. Stockholm, 1976.

Peacock A.T., Wieseman J. The Growth of Public Expenditure in the United Kingdom. London, 1967.

Perrey H.J. Der Rußlandauschuß der deutschen Wirtschaft. Die deutsch-sowjetischen Wirtschaftsbeziehungen der Zwischenkriegszeit. Ein Beitrag zur Geschichte des Ost-West-Handels. München, 1985.

Pope R., Heyle B. British Economic Performance, 1880—1980. London, 1985.

Popitz J. Der Finanzausgleich / Handbuch der Finanzwissenschaft. Bd. 11. Tübingen, 1927. S. 338—375.

La Position internationale de la France: Aspects économiques et financiers, XIXe—XXe siècles Publ. par M.Lévy-Lebayer. Paris, 1977.

Price H.B. The Marshall Plan and Its Meaning. Ithaca, N.Y., 1955.

Pryor F.L. Property and Industrial Organisation in Communist and Capitalist Nations. Bloomington, Ind., 1973.

Public Enterprise in the EEC. // Ed. by W.Keyser, R.Windle. 7 Vols. Amsterdam, 1978.

A Retrospective on the Classical Gold-Standard, 1921—1931. Publ. par M.D.Bordo, A.I.Schwartz. Chicago, 1984.

Rose A.M. Migrants in Europe. Problems of Acceptance and Adjustment. Minneapolis, 1969.

Sachzwänge und Handlungsspielräume in der Wirtschafts- und sozialpolitik der Zwischenkriegszeit // Hrsg. von G.Fischer. Katharinen, 1985.

Sandberg L.G. Banking and Economic Growth in Sweden before World War II / Journal of Economic History. 1978. 38. P. 650—680.

Scammell W.M. The International Economy since 1945. London, 1983.

Schneider R. Die Bildungsentwicklung in den westeuropäischen Staaten 1870—1975 / Zeitschrift für Soziologie. 1982. 11. S. 207—226.

Secular Trends of the Public Sector // Ed. by H.C.Recktenwald. Paris, 1978.

Shepherd W.G. Public Enterprise: Economic Analysis of Theory and Practice. Lexington, Mass., 1976.

- Shorter E., Tilly Ch.* Strikes in France 1830—1968. Cambridge, 1974.
- Shoup P.S.* The East European and Soviet Data Handbook: Political, Social, and Developmental Indicators, 1945—1975. New York, 1981.
- Soziale Indicatoren im internationalen Vergleich // Hrsg. von H.J.Hoffmann-Nowotny. Frankfurt/M—N.Y., 1980.
- Spengler J.J.* France Faces Depopulation. Durham, N.C., 1938.
- Он же. Facing Zero Population Growth: Reactions and Interpretations, Past and Present. Durham, N.C., 1978.
- The State and Economic Growth // Ed. by H.G.J.Aitken. New York, 1959.
- Statistisches Amt der Europäischen Gemeinschaften. Sozialstatistik 4/1970: Bevölkerung und Erwerbsbevölkerung 1970—1981. Luxemburg.
- Statistisches Jahrbuch für die bundesrepublik Deutschland. (Ежегодное издание.)
- Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. (Ежегодное издание.)
- Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. (Ежегодное издание.)
- Статистический ежегодник СССР. (Ежегодное издание.)
- Stiefel D.* Arbeitslosigkeit. Soziale, politische und wirtschaftliche Auswirkungen — am Beispiel Österreichs 1918—1938. Berlin, 1979.
- Svennilson I.* Growth and Stagnation in the European Economy. Genf, 1954.
- Tomlinson J.* British Macroeconomic Policy since 1940. London, 1985.
- UNESCO: World Survey of Education. Paris, 1955—1966. 4 vs.
- United Nations: The Aging of Populations and its Economic and Social Implications. New York, 1956.
- United Nations: Demographic Yearbook. (Ежегодное издание.)
- United Nations: Economic Bulletin for Europe. 31. № 2.
- United Nations: Economic Characteristics of International Migrants. Statistics for Selected Countries 1918—1954. New York.
- United Nations: Economic Commission for Europe: Economic Survey for Europe. New York.
- United Nations: Economic Survey of Europe in 1980. New York, 1981.

United Nations: Economic Survey of Europe in 1974. T. 2: Post-War Demographic Trends in Europe and the Outlook until the Year 2000. New York, 1975.

United Nations: Energy Statistics Yearbook. (Ежегодное издание.)

United Nations: Growth of the world's urban and rural population, 1920—2000. New York, 1969.

United Nations: Sex and Age of International Migrants: Statistics for 1918—1947. New York, 1953.

United Nations: Statistical Yearbook. (Ежегодное издание.)

United Nations: Structure and Exchange in European Industry. New York, 1977.

United Nations: World Population. Trends and Policies. 1981 M Report. New York, 1982.

United Nations: Yearbook of International Trade Statistics. New York, 1965.

***Van der Wee H.* Der gebremste Wohlstand. Wiederaufbau. Wachstum und Strukturwandel der Weltwirtschaft seit 1945. München, 1984.**

***Van der Wee H., Tavernier K.* La Banque National de Belgique et l'histoire monétaire entre les deux guerres mondiales. Brüssel, 1975.**

***Wagner A.* Grundlegung der politischen Ökonomie. Bd. 1. Grundlagen der Volkswirtschaft. Leipzig, 1893.**

***Walsh K.* Strides in Europe and the United States. Measurement and Incidence. London, 1893.**

Die Währungspolitik in den Ländern der Europäischen Wirtschaftsgemeinschaft. Institutionen und Instrumente // Hrsg. von EWG. 1972.

Die Welt in Zahlen // Hrsg. von Wl. Woytinsky. 7 Bde. Berlin, 1925—1928.

***Werner H., König I.* Ausländerbeschäftigung und Ausländerpolitik in einigen westeuropäischen Industriestaaten / Beiträge zur Arbeitsmarkt- und Berufsforschung. 89. Nürnberg, 1984.**

***Wexler I.* The Marshall-Plan Revisited. The European Recovery Program in Economic Perspective. Westport/Conn., 1983.**

White-Collar Trade-Unions. Contemporary Developments in Industrialised Societies // Ed by A.Sturmthal. Urbana, 1967.

Die Wirtschaft der Europäischen RGW-Länder in den siebzigen Jahren // Hrsg. von Hochschule für Ökonomie. Prag. Prag, 1984.

Wirtschaftspolitik im britischen Besatzungsgebiet, 1945—1949 // Hrsg. von D.Petzina, W.Euchner. Düsseldorf, 1984.

Wirtschaftspolitik im Systemvergleich/ Konzeption und Praxis der Wirtschaftspolitik in kapitalistischen und sozialistischen Wirtschaftssystemen // Hrsg. von D.Cassel. München, 1984.

Woodruff W. Impact of Western Man. A Study of Europe's Role in the World Economy, 1750—1960. Updated to 1980. Washington, 1982.

World Tables. The Third Edition. Vol. 2: Social Data from the Data Files of the World Bank. Baltimore, London, 1984.

Woytinsky W.S., Woytinsky E.S. World Population and Production. Trends and Outlook. New York, 1953.

Он же. World Commerce and Governments. Trends and Outlook. New York, 1955.

Yates P.L. Forty Years of Foreign Trade. A Statistical Handbook with Special Reference to Primary Products and under-developed Countries. London, 1959.

Yearbook of Labour Statistics. (ILO)

Yearbook Finance Statistics // Ed. by International Monetary Fond.

Yeager B.Y. International Monetary Relations: Theory, History, and Policy. New York, 1976.

Содержание

<i>Ю.А.Петров. О Вольфраме Фишере и его книге</i>	3
<i>Введение</i>	9
1. Население	12
Численность и плотность населения	12
Демографическая структура	34
Миграционные потоки	48
Урбанизация	70
2. Общество	77
Социальная структура	77
Социальная мобильность	90
Социальный конфликт	98
Образование и воспитание	108
3. Экономика	124
Динамика и конъюнктура	124
Структурные изменения	138
Сельское хозяйство	154
Горнодобыча и промышленность	173
Транспорт и связь	210
Торговля	229
Деньги и кредит	243
Общественные службы	256
4. Государство и экономика	263
Изменение экономической роли государства вследствие первой мировой войны	263
Возвращение к нормальной жизни? Государство и экономика в Европе 1919—1929 гг.	269
Государство и мировой экономический кризис	276

Государство и национальная экономика накануне и в годы второй мировой войны	283
Изменение государственного устройства и международной ситуации после второй мировой войны	292
Экономическая и социальная политика Европейского сообщества	302
Государственные предприятия	310
Государственные финансы	321
Европа на пути к «государству благоденствия»	335
Список литературы	352

Учебное издание

Фишер Вольфрам

**ЕВРОПА: ЭКОНОМИКА, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО
1914—1980**

Зав. редакцией А.И. Уткин

Зав. художественной редакцией И.А. Пшеничников

Художник обложки О.А. Яковлева

Компьютерная верстка А.И. Попов

Корректор Л.А. Ермолина

Лицензия ЛР № 064380 от 04.01.96.

Гигиенический сертификат

№ 77.ЦС.01.952.П.01652.С.98 от 28.08.98.

Сдано в набор 05.10.98. Подписано в печать 12.05.99.

Формат 60х90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,00.

Тираж 5 000 экз.

Заказ № 1689.

«Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС».

117571, Москва, просп. Вернадского, 88,

Московский педагогический государственный университет.

Тел./факс 932-56-19, тел. 437-99-98, 437-11-11, 437-25-52.

E-mail: vlados@dol.ru

<http://www.vlados.ru>

Государственное унитарное предприятие

ордена Трудового Красного Знамени

полиграфический комбинат

Государственного комитета Российской Федерации по печати.

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.